ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник статей

ВЫПУСК СОРОК СЕДЬМОЙ

Москва
2013

Научное издание

Ближний Восток и современность
Сборник статей (выпуск сорок седьмой)
М., 2013, 340 стр.

Сборник посвящен широкому кругу проблем, связанных с ситуацией на Ближнем и Среднем Востоке. Предлагаемые статьи являются исследованием конкретных вопросов странового и общего порядка, имеющих актуальное научное и практическое значение и раскрывающих суть некоторых явлений и процессов локального и регионального масштабов.

Книга предназначена для специалистов-востоковедов, а также для всех тех, кто следит за динамикой событий в ближневосточном регионе.

Мнение авторов статей может не совпадать с точкой зрения Института.

ISBN 978-5-89394-244-6

ISBN 978-5-89394-244-6

© Институт Ближнего Востока

СОДЕРЖАНИЕ

В.А.Аватков, А.Д.Филиппова
КУРДСКИЙ ФАКТОР И ПОЗИЦИЯ ТУРЦИИ В СИРИЙСКОМ КРИЗИСЕ..... 5

А.Б.Борисов
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КАТАРА 17

А.А.Железнов
СИТУАЦИЯ С СУННИТСКИМИ МЕНЬШИНСТВАМИ В САУДОВСКОЙ АРАВИИ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ 28

Э.О.Касаев
О СИТУАЦИИ ВОКРУГ ЛИВИЙСКОЙ НЕФТИ В 2011–2012 гг. 50

Г.Г.Косач
ЛИГА ПООЩРЕНИЯ ДОБРОДЕТЕЛИ И ОСУЖДЕНИЯ ГРЕХА: САУДОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО, УЛЕМЫ, ОППОЗИЦИЯ И «ЛИБЕРАЛЫ» 63

Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян
СОВЕТ СОТРУДНИЧЕСТВА АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ ЗАЛИВА: ПРИНЦИПЫ И ПРАКТИКА СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 110

Е.П.Литвина
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СЕКТОРА СОВРЕМЕННЫХ УСЛУГ В АРАБСКИХ СТРАНАХ 143

Н.П.Подгорнова
ПРОБЛЕМЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АФРИКИ 153

М.А.Сапронова
ПОСТРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КОНСТИТУЦИИ И ИНСТИТУТЫ ВЛАСТИ АРАБСКИХ СТРАН (на примере Египта, Марокко и Туниса) 177

И.А.Свистунова
ПОЛИТИКА ТУРЦИИ В ОТНОШЕНИИ СИРИЙСКОГО КРИЗИСА 195

С.Ю.Серёгичев
ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ ФАКТОРЫ СУДАНО-СУДАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ 207

Е.П.Синчурина
ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ БАНКОВСКИХ СИСТЕМ АРАВИЙСКИХ МОНАРХИЙ К СОВРЕМЕННЫМ МЕТОДАМ ОБСЛУЖИВАНИЯ ЭКОНОМИКИ 219

Д.Г.Сулейменов
ФЕНОМЕН «НЕФТЯНОГО ПРОКЛЯТИЯ» В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ГОСУДАРСТВ АРАБСКОГО МИРА 227

Владимир (Зеэв) Ханин
ОБЩЕСТВЕННЫЙ АСПЕКТ РОССИЙСКО-ИЗРАИЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ВЗГЛЯД ИЗ ИЕРУСАЛИМА 243

Владимир (Зеэв) Ханин
«ЭФИОПСКИЙ СКАНДАЛ» В ИЗРАИЛЕ: ОПЫТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА 258

Владимир (Зеэв) Ханин
ТУРЕЦКО-ИЗРАИЛЬСКАЯ "РАЗРЯДКА" 272

И.А.Церегородцева
ВНУТРИСУФИЙСКИЙ РАСКОЛ И СОЗДАНИЕ ПЕРВОЙ ПАРТИИ СУФИЕВ В ЕГИПТЕ 294

ПРИЛОЖЕНИЕ

Е.П.Литвина
НЕФТЕГАЗОВЫЙ КОМПЛЕКС АЛЖИРА 301

В.А.Аватков, А.Д.Филиппова

КУРДСКИЙ ФАКТОР И ПОЗИЦИЯ ТУРЦИИ В СИРИЙСКОМ КРИЗИСЕ

Политическая модернизация, начавшаяся в Турции с приходом к власти Партии справедливости и развития, ставит одной из своих целей превращение Турции в государство – лидер на Ближнем Востоке. В этой ситуации центральным условием является внутриполитическая стабильность. Однако внутри турецкого государства существует мощный фактор противодействия заданному правительством курсу: активность курдского меньшинства, противостоящего официальным властям, которая резко усилилась с начала сирийского кризиса. Курдский фактор играет огромную роль как во внутренней политике Турции, так и в ее отношениях с соседями, и дальнейшая судьба страны в немалой степени будет зависеть от того, насколько успешно ее правительство справится с трудностями, подразумеваемыми под понятием «курдский вопрос».

Курдский вопрос в Турции

Курды – представители одного из национальных меньшинств Турции, проживают в восьми юго-восточных провинциях страны. По усредненным оценкам, их численность на данный момент превышает 10 млн. человек [1]. Два курдских диалекта – заза и курманджи – родственны скорее персидскому, нежели турецкому языку. Однако это не единственная причина для непонимания, возникающего между официальной властью и курдскими активистами.

Курдистан – исторический ареал проживания курдов, оказался разделенным между владениями Ирана и Османской империи. Но курдский конфликт, или «курдский вопрос», возник в Турции даже не с крахом последней, а раньше. Принципи-

ально же то, что с провозглашением политики кемализма он приобрел особенно острый характер. Одной из «шести стрел» политики Кемаля, был национализм (Milliyetçilik), который понимался Ататюрком на французский манер – как идеология политической нации в границах Турецкой Республики (а не тюркской нации, как это было у пантюркистов). Кстати, это различие легко прослеживается даже на семантическом уровне: Milliyetçilik, в отличие от Türkçülük. Уже в первой республиканской конституции 1924 г. все граждане, проживающие на момент провозглашения Турецкой Республики на ее территории, объявлялись турками. Это положение до сих пор закреплено в статье 66 ныне действующей конституции образца 1982 года. Курды же с самого начала отказались признать этот тезис турецкого правительства. Более того, когда Лозаннский мирный договор перечеркнул «севрские» надежды курдов на самоопределение, в Турции произошло первое в новейшей истории курдское восстание под руководством шейха Саида, жестко подавленное республиканским правительством.

В дальнейшем власти долгое время предпочитали отрицать наличие в Турции курдского вопроса как такового, а до 80-х годов XX века вообще существовал условный этноним «горные турки». Постепенно курды стали действовать все активнее, и переломным моментом стало создание в 1978 г. Рабочей партии Курдистана (РПК). Официально она провозглашалась марксистской и, как следствие, получала немалую финансовую помощь от прокоммунистических организаций по всему миру, в т.ч. от Советского Союза. После того как РПК в 1984 г. объявила о начале вооруженной борьбы за независимость курдов, конфликт перерос в полномасштабную гражданскую войну, в которой до настоящего времени погибли уже более 40 тыс. человек.

Сирийский кризис, разворачивающийся в данный момент, – принципиально важный для Турции процесс на Ближнем Востоке, из которого она постарается извлечь максимальные политические и экономические дивиденды. Потенциальные задачи Анкары следующие: подтверждение своих амбиций как регионального лидера активными действиями, вплоть до военного вмешательства по рецепту «маленькой победоносной войны», экспорт турецкой модели после свержения режима Асада, а также утверждение своего статуса в качестве основного союзника США на Ближнем Востоке.

Неопределенность ситуации придают властные перестановки – как совершившиеся, так и предстоящие, причем не только в Турции, но и в ключевом для нее партнере – США.

В 2014 г. в Турции пройдут президентские выборы, и в настоящее время основными кандидатами на этот пост являются премьер-министр Р.Т. Эрдоган и действующий президент А. Гюль. Можно отметить, что члены возглавляемой Эрдоганом Партии справедливости и развития по уставу не имеют права баллотироваться в парламент более трех раз. Эрдоган уже трижды становился депутатом от ПСР. Некоторые эксперты полагают, что он намерен путём конституционных изменений превратить Турцию в президентскую республику и стать первым президентом, избранным народом напрямую. Таким образом, именно внешняя политика и то, кто именно из кандидатов сможет наиболее «изящно» воспользоваться существующей ситуацией, станет одним из решающих факторов победы на выборах.

В дихотомии Эрдоган-Гюль первый олицетворяет торжество исламистских воззрений и нацеленность на дальнейшее укрепление гегемонии в регионе, тогда как второй исповедует западнический подход, по крайней мере, на внешнем, имиджевом уровне, выступая, в частности, за членство в Евросоюзе и более глубокое взаимодействие с США. Тем не менее нельзя игнорировать, например, тот факт, что после того, как в 2007 г. Р.Т. Эрдоган объявил А. Гюля основным кандидатом от правящей партии на президентских выборах, усилиями секуляристов, небеспочвенно обвинивших его в скрытом исламизме, кандидатура Гюля в скором времени была снята. О многом говорит и такая деталь: его жена носит головной платок.

Тем временем после периода всенародного единения в порыве вступить в Евросоюз наступила пора охлаждения по отношению к Европе. По данным опросов, общественное мнение в Турции по поводу целесообразности вступления в Евросоюз разделилось примерно пополам. Это отражает ту половинчатость, которая существует в турецком обществе на настоящий момент и заключается в противостоянии светских и исламистских тенденций. Еще З. Баран в своей статье «Turkey divided» отметила, что за период правления ПСР доверие общества к секуляризму упало. В октябре 2007 г. PEW провел опрос, показавший, что из 42 рассмотренных стран Турция стала второй по падению поддержки секуляризма

за пять лет. В 2002 г. 73% респондентов в Турции согласились, что «религия – это вопрос персональной веры, и она должна оставаться отделенной от государственной политики». К 2007 г. этот показатель упал до 55%. «Более ранний опрос, проведенный турецкой НГО TESEV, показал, что количество тех, кто считают себя мусульманами в большей степени, чем турками или турецкими гражданами, выросло с момента прихода ПСР к власти в 2002 г. на 10%. Тем самым, количество людей, считающих себя исламистами, теперь составляет почти половину всех, считающих себя мусульманами», – пишет З. Баран [2].

На первый взгляд, между Гюлем и Эрдоганом фактически не существует резких противоречий. Осознавая все негативные последствия открытого противостояния, президент и премьер всячески стремятся создать иллюзию взаимопонимания и согласия. Они часто появляются на публике вместе, подчеркивая, что мыслят и действуют в общем фарватере. Стала знаменитой фраза Гюля о том, что «Эрдоган ему больше, чем брат». Однако очевидно, что в данном случае сработает не менее известная истина, что победитель остается один.

Различие подходов характеризует не только турецкую политику. Как известно, сегодняшнее руководство США проводит курс, направленный на снижение активности США на Ближнем Востоке. Это запланированная и долгосрочная мера. Сразу после начала резких сдвигов в регионе американцы стали координировать свои действия в духе т.н. «концепции большого взрыва», следуя за событиями. Такой подход получил название «leading from behind» – лидерство из-за спины. При этом используется испытанный прием, который на языке политтехнологов звучит как «контролируемая цепная реакция». Подобно бусинам, заранее выбранные страны одна за другой оказываются составной частью образовывающейся цепи. Это и описывается понятием «управляемый хаос». При этом запускается механизм обратной связи, то есть сначала сценарий обкатывается в одной стране, а потом, уже с коррективами, реализуется в следующей по списку.

Последний тренд американской политики явно указывает на ее переключение на Азиатско-Тихоокеанский регион. Однако говорить о завершении глобальной операции по дестабилизации Ближнего Востока явно рано. В американском руководстве в настоящее время наблюдается приток новых кадров, зачастую исповедующих более радикальный подход, нежели

существующая политическая элита. Так, например, С. Райс активно выступает за немедленную военную интервенцию в Сирию. И несмотря на то, что министр обороны США Л. Панетта заявил, что интервенция стала бы серьезной ошибкой, Вашингтон выразил свою готовность участвовать в ней в том случае, «если мировое сообщество признает целесообразность такой меры», то есть на риторическом уровне уже реализуется накатанный сценарий. Ключевой вопрос заключается в том, что если США все-таки решатся на очередной гамбит, разменной фигурой в нем может стать Турция. Едва ли можно однозначно охарактеризовать возможные последствия такого развития событий для статуса Турции в регионе.

При всем обилии риторики о самостоятельности внешнеполитического курса очевидно, что именно с США Турция в первую очередь будет координировать свои действия.

На ставших регулярными встречах с представителями США Турция обсуждала вопрос развертывания ракет систем «Patriot» на границе с Сирией с целью предотвращения возможной угрозы с ее стороны и создания буферной зоны между турецким районом Килис и сирийским Алеппо. 21 ноября 2012 г. Турция в очередной раз обратилась с этой просьбой к США, на этот раз уже официально. В качестве потенциальных «поставщиков» ракет были названы Германия и Нидерланды [5]. Эту информацию частично подтверждают немецкие СМИ. Ранее генсек НАТО сделал заявление, что альянс готов оказать помощь Турции в случае такой необходимости.

Турецко-американский план основан на частичном контроле извне сирийского воздушного пространства и не требует одобрения со стороны ООН. Кроме систем ПВО, зона будет контролироваться истребителями F-16. 14 ноября газета «Zaman» писала: «Президент А. Гюль предупредил США о вероятности применения Сирией химического оружия и еще раз обратился с просьбой о размещении ракет «Patriot». 21 ноября 2012 г. представители США и Турции также провели встречу для обсуждения действий по отстранению сирийского президента Башара Асада и его сторонников от власти. Последнее условие, по словам З. Ониш (Ziya Öniş), профессора кафедры международных отношений стамбульского Университета Коч, является для Турции обязательным для выхода из мёртвой точки и возможности реализации дальнейшей политики после фактического краха знаменитой концепции «ноль проблем с соседями» [3].

Однако, несмотря на сохраняющееся внешнее единогласие, и этому тандему не удается полностью избегать разногласий. Прагматичная стратегия США по «сомализации», по выражению Чрезвычайного и Полномочного посла РФ П. Стегния [22], Ближнего Востока, продиктованная логикой облегчения доступа к национальным богатствам стран региона за счет создания нежизнеспособных карликовых государств, явно противоречит чувству мусульманского единства и солидарности. США часто подвергаются критике в самой Турции. 16 ноября в Анкаре состоялся масштабный антиамериканский митинг, участники которого, неся плакаты с лозунгами «Аллах больше, чем Америка» и «Америка должна уйти из Анатолии, а Асад – из Сирии», осудили режим Асада и США за убийства в мусульманском мире.

После ряда вышедших в Турции статей о том, что после выборов в США ничего не изменится в политике Вашингтона на Ближнем Востоке, значительно снизился объем упоминаний о важной роли США в кризисе. Во время визита в Индонезию Р.Т. Эрдоган еще раз выразил надежду на активизацию американской политики.

В то же время очевидно, что примат целесообразности не позволит Турции привести к серьезному накалу отношений с США, а те, в свою очередь, будут действовать, исходя из лояльности Турции. В свете последних событий Турция укрепила свой имидж как основного союзника США на Ближнем Востоке, тем более что дружба США и Израиля, начавшая постепенно сходить на нет, подрывается антииранской риторикой Нетаньяху и поддержкой Израилем во время выборов в США кандидата от республиканцев Митта Ромни.

В русле отношений США и Израиля интересным представляется следующий факт. Многие эксперты полагают, что в планы Израиля и США входит «балканизация» Сирии в рамках плана «Большой Ближний Восток» и превращение ее во вторую Югославию с похожим сценарием гражданской войны. В ответ на подобные упреки уполномоченный представитель госсекретаря США по европейским и евроазиатским делам Ф. Гордон заметил: «Мы достаточно ясно выразили нашу позицию как сирийским курдам, так и нашим турецким коллегам по поводу того, что мы не поддерживаем сепаратизм и стремления к автономизации в любых формах и считаем, что это очень скользкая тропа, на которую не надо ступать. Мы уверены насчет этого. Мы хотим видеть Сирию единой» [6].

Сирийский Курдистан и возможные вызовы для Турции

В Сирии проживают до 3 млн. курдов, примерно 10% населения. В настоящее время курдскими активистами уже захвачен ряд населенных пунктов на северо-востоке страны, существуют относительно самоуправляющиеся районы. Очевидно, что любое событие по ту сторону турецкой границы будет способствовать, в свою очередь, росту ожиданий турецких курдов в отношении их собственных приобретений. В Турции уже имеется опыт, на основе которого она может экстраполировать возможный ход событий на своих восточных границах. Как известно, в 1991 г. в связи с событиями в Персидском заливе и утратой Ираком контроля над северными областями страны курды получили свободу перемещения по территории Северного Ирака и наладили каналы поставки оружия. После того, как в 1991 г. произошли серьезные столкновения курдов с силами безопасности, приведшие к жертвам с обеих сторон, турецкие власти, отказав РПК в легализации в обмен на прекращение боевых действий, инициировали переговоры с лидерами иракских курдов. В обмен на предложенную Турцией помощь те пообещали перестать оказывать поддержку РПК, однако ее связи с иракскими курдами активны по сей день.

В последующие десятилетия Турция проводила крупные акции против РПК как на своей территории, так и на территории Ирака и Сирии. Масштабы военных действий расширялись, но Турции не удавалось достичь перелома в военной кампании против РПК. Тогда она активизировала свою дипломатию, прежде всего на сирийском направлении, «выдавливая» курдов из руководства этой страны. Турция заставила Хафеза Асада официально отказаться от поддержки РПК.

Напряженность конфликта несколько ослабла после ареста 15 февраля 1999 г. лидера РПК Абдуллы Оджалана, до сих пор отбывающего пожизненный срок в одиночной тюрьме на о. Имралы. Однако последние 15 месяцев стали самыми кровопролитными с 1999 г., РПК активизирует свою деятельность, за 15 месяцев убиты свыше 700 человек. Среди них как турецкие военные и боевики РПК, так и гражданское население.

8 ноября 2012 г. турецкая армия начала войсковую операцию против баз боевиков РПК в провинции Хаккяри и Ширнак. Как отметил корреспондент «Milliyet» М. Ашык, «РПК сейчас как никогда опасна и сильна». Беспрецедентная голодовка, продлившаяся 70 дней, в которой приняли участие 500 чел., также вызвала у правительства серьезные опасения насчет стабильности ситуации. В таких условиях Турция обратилась к лидерам иракских и сирийских курдов. У ПСР за последнее десятилетие был налажен тесный диалог с лидером иракских курдов М. Барзани. В интервью «Hürriyet» он сказал, что «мы должны сохранить союз курдов и защитить курдский народ», и это стало для турецкого правительства буквально красной тряпкой. Однако после встречи главы внешнеполитического ведомства Турции с Барзани сторонами было заявлено о «готовности вместе работать по Сирии» [5]. Гнев Эрдогана смягчает и то, что на сегодня Ирак является вторым по величине торговым партнером Турции, причем большая часть торговли приходится именно на Иракский Курдистан. К тому же стоит учитывать тот факт, что в Сирии имеются две соперничающие курдские группировки: одна подконтрольна Курдскому национальному совету, другая является ответвлением РПК, и там у Барзани нет особых рычагов воздействия.

Примечательно, что сама РПК поспешила дистанцироваться от сирийских и иракских курдов в ответ на обвинение властей Турции в получении от них помощи. Симптоматично, что один из лидеров РПК М. Карайылан в интервью БиБиСи заявил, что РПК не получает никакой помощи от Б. Асада, и всякие обвинения по данному поводу беспочвенны. Сам Асад, в свою очередь, не преминул вступить в дискуссию с турецкими лидерами. Он тоже обвинил их в поддержке террористов на территории Сирии. «Эрдоган возомнил себя османским султаном и хочет, как некогда султаны, управлять целым регионом. Он хочет стать халифом», – парировал сирийский президент [7]. В то же время он признает малую вероятность военного столкновения с Турцией. Асад предпринимает умелые шаги для дестабилизации положения в Турции. Одной из конкретных его мер является предоставление гражданства части сирийских курдов, которые до этого вообще не имели гражданства. Эрдоган, в свою очередь, не бездействует: по данным «Deutsch Türkische Nachrichten», он назвал эмиграцию в Сирию и Ирак в качестве альтерна-

тивы для членов РПК, сложивших оружие, пообещав не препятствовать им [21].

Сирийские курды отрицают факт вмешательства в турецкую политику, и тем не менее офисы PYD (ПДС), движения сирийских курдов, украшены портретами лидера РПК Абдуллы Оджалана, а боевики носят значки с его изображением. По словам известного российского курдоведа и ираниста О.И. Жигалиной, ПДС фактически аффилирована с РПК [8].

Президент Региона Курдистан Ирака Масуд Барзани в интервью БиБиСи отметил, что «сирийские курды готовы управлять самостоятельно». В действительности маловероятно, что курды сумеют создать отдельное государство на фоне происходящих в Сирии событий: кланы сирийских курдов слишком разобщены. Но сам факт наличия такой риторики, подкрепленный политической нестабильностью, представляет серьезную угрозу для Турции. Эрдоган прокомментировал это так: «Мы не воспримем образования ни курдского, ни какого-либо другого государства на территории Сирии». Однако, как отмечает О.И. Жигалина, «несмотря на идеологические и прочие расхождения, руководитель РПК Карайилан прислушивается к советам Барзани» [8].

Курдская активность дала новый импульс очередному витку переговоров внутри Турции о предоставлении курдам прав в политической сфере и образовании. В городе Yüksekova курдские подростки выразили свой протест властям Турции, бросая «коктейли Молотова» в начальную школу Гази, где обучение ведется на турецком языке, а не на их родном курдском. Стали системными похищения школьных учителей курдскими боевиками. По данным газеты «Cumhuriyet», лидер прокурдской Партии мира и демократии С. Демирташ призвал правительство Турции к началу переговоров для решения курдского вопроса, к объединению усилий ПМД, ПСР и НРП. Р.Т. Эрдоган дал положительный ответ на призывы С. Демирташа. Кроме того, в июле 2012 г. он встретился с Л. Зана, известной курдской правозащитницей [8]. По итогам встречи она выразила надежду на то, что «Эрдогану удастся решить курдский вопрос», за что, в свою очередь, была обвинена многими изданиями в политической наивности.

Происходящие на Ближнем Востоке события подняли цену политического чутья у конкретных политических лидеров. Люди, стоящие у руля в Турции, все активнее выражают свою

индивидуальную позицию по важнейшим аспектам политики, главным из которых в настоящий момент является именно курдский вопрос, стремясь таким образом завоевать наибольшую популярность у электората в свете предстоящего обострения борьбы за власть в стране. Безусловным трендом является нацеленность на «реальный диалог», в отличие от предыдущей тактики фактического ухода от каких-либо кардинальных мер и ультраконсерваторской политики «сдерживания» курдского лобби, вытеснения его из государственного аппарата и иных структур.

Так, 18 октября 2012 г. А. Гюль выступил в поддержку переговоров с ПМД для решения курдской проблемы. Депутаты ПМД положительно отреагировали на заявление президента, отметив, что готовы начать диалог с РПК. Гюль в очередной раз подчеркнул экстренность ситуации: «Я хочу напомнить, что эти вопросы являются важнейшими для Турции. Если не заниматься ими и оставить их на произвол судьбы, могут возникать непредвиденные последствия, и ситуация зайдет в тупик» [5].

Неспособность разрешить курдский вопрос отрицательно влияет на имидж ПСР и привлекательность турецкой модели в целом, модели, на пространстве Ближнего Востока уникальной, весьма успешно совмещающей ислам и демократию. ПСР обвиняют в оказании давления на оппозиционные партии, в частности, ПМД. В совокупности с тенденцией на захват партией власти политической монополии в стране это наносит весьма болезненный удар по молодой турецкой демократии, подлинность и эффективность которой начинает вызывает у многих скептицизм.

Учитывая, что в случае ухода Асада будут предприниматься активные попытки апробирования модели на пространстве Сирии, курдский вопрос выступает не просто важным фактором внутреннеполитической стабильности Турции и залогом ее успешных отношений с ближайшими соседями, но и, в случае успешного разрешения, гарантом успеха ее внешней политики в целом.

12 ноября 2012 г. в Дохе представители сирийской оппозиции подписали соглашение о создании объединенной коалиции, включающей Сирийский национальный совет. Коалицию возглавил шейх Ахмад Моаз аль-Хатиб. Присутствовавший на конференции министр иностранных дел Турции Ахмет Давутоглу отметил, что вес и роль Турции в сирийском кризисе

не уменьшится. Глава МИД Турции также подчеркнул, что в Стамбуле останутся основные представители сирийской оппозиции. Таким образом, Турция сознательно возлагает на себя немалую ответственность за исход сирийского кризиса. В числе его последствий будет и кардинальное изменение обстановки на пространстве Курдистана, а это означает то, что Турции нужно в кратчайший срок выработать эффективную долгосрочную стратегию ведения диалога с курдами как внутри, так и за пределами своих границ. Необходимые меры не могут носить поверхностного характера, так как если туркам не удастся найти реальных точек соприкосновения с курдами, а решение вопроса не будет комплексным, может последовать еще более мощный всплеск курдского движения.

1. Дружиловский С.Б. Курдская проблема в Турции / А.Б. Алаев, В.Я. Белокриницкий, А.Д. Воскресенский и др.; под ред. А.Д. Воскресенского // Конфликты на востоке: Этнические и конфессиональные. – М.: Аспект Пресс, 2008 – С. 257–274.
2. Zeino Baran. Turkey divided [Electronic resource]. Mode of access: http://muse.jhu.edu/journals/journal_of_democracy/toc/jod.19.3.html
3. Ziya Öniş. Turkey and the Arab sprıng: Between Ethıcs aand Self-Interest [Electronic resourse] / Insight Turkey. 2012. Vol. 14. № 3. – С. 45–63. – Mode of access: http://www.insightturkey.com/turkey-and-the-arab-spring-between-ethics-and-self-interest/articles/194
4. Джонс Д. Сирия-Турция: Между сирийскими курдами и наковальней [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1344367260
5. Русориент. Информационно-аналитический портал [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rusorient.ru/
6. Aydoğan Vatandaş. Today's Zaman [Electronic resource]. Mode of access: http://www.todayszaman.com/newsDetail_getNewsById.action?newsId=288447
7. ПСМедиа. Эрдоган возомнил себя халифом и новым султаном османов [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pukmedia.co/russi/index.php
8. Жигалина О.И. Курдский вопрос в Сирии и турецко-курдские отношения / Институт Ближнего Востока [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.iimes.ru/rus/stat/2012/09-08-12b.htm
9. Kerim Yıldız. Turkey's Kurdish Conflict: Pathways to progress [Electronic resourse] / Insight Turkey. 2012. Vol. 14. № 4. – С. 151–174. – Mode of access: http://www.insightturkey.com/turkeys-kurdish-conflict-pathways-to-progress/articles/235

10. Стародубцев И.И. Российско-турецкое сотрудничество: современное состояние и перспективы // Вестник МГИМО (У). – 2012. № 2(23). – С. 190–195.
11. Фадиме Озкан. Для России Турция важнее Сирии [Электронный ресурс]. Код доступа: http://inosmi.ru/world/20121009/200620257.html
12. Турецкий неоосманизм. Русско-армянское содружество [Электронный ресурс]. http://arunion.info/news/davutoglu_da_my_novye_osmany_my_vynuzhdeny_zanimatsja_sosednimi_stranami_my_idem_dazhe_v_afriku/2012-03-22-1290
13. Вертяев К.В. «Курдизм» как феномен политической культуры современной Турции // Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, Н.Ю. Ульченко // Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2012. – С. 304–314.
14. Россия и исламский мир: Историческая ретроспектива и современные тенденции / Под ред. В.Я. Белокреницкого, И.В. Зайцева. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2010. – 480 с.
15. Васильев А.М. Цунами революций // Россия перед Близким востоком и недалеким западом :научно-литературный альманах. Вып. 1. – М.: Грифон, 2012. – С. 94–129.
16. США, Сирия и Иран: Ливийский сценарий повторяется / Д.Ю. Базаркина, Е.А. Виноградова, Е.Н. Пашенцов, Г. Саймонс и др.; Под ред. А.В. Манойло. – М.: Горячая линия-Телеком, 2012. – 156 с.: ил.
17. Аватков В.А., Чулковская Е.: Сирийский Курдистан против Турции. http://xn--c1adwdmv.xn--p1ai/news/fd-abroad/turkey/analitics/1561874.html
18. Аватков В.А.: Турция – НАТО: 60 лет. http://www.iarex.ru/articles/29185.html
19. Аватков В.А.: Новая армия нового турецкого режима. http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1347509460
20. Аватков В.А. Курдская проблема на турецком поле // Вестник МГИМО(У). – 2012. – № 2(23). – С. 128–133.
21. Deutsch Türkische Nachrichten [Electronic resource]. Mode of access: http://www.deutsch-tuerkische-nachrichten.de/
22. Стегний П. Будущее Большого Ближнего Востока [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=442

А.Б.Борисов

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КАТАРА

Катар – небольшое государство зоны Персидского залива с населением 1,7 млн. человек (1,4 млн. из которых составляют иммигранты) и с армией численностью 11,8 тыс. военнослужащих, стал за последние полтора года одним из главных акторов межарабских отношений. Возможность играть активную роль в региональных делах создают этой стране наличие свободных финансовых средств в размере 100 млрд. долл. и телевизионный канал «Аль-Джазира», являющийся активным орудием пропаганды и психологической войны. Активизации внешней политики Катара благоприятствуют и занятость Египта своими внутренними делами, и порожденный насильственной «демократизацией» хаос в Ираке и Ливии, и изоляция Сирии.

Нельзя, впрочем, сказать, что в прошлом политика Катара носила пассивный характер, но ее направленность была иной. Эмират выступал тогда в качестве миротворца, стремящегося внести вклад в урегулирование региональных споров. В 2007 г. он содействовал улучшению сирийско-французских отношений. В 2008 г. катарцы сумели убедить противоборствующие ливанские стороны пойти на проведение президентских выборов. Они посредничали между президентом Али Салехом и хуситами в Йемене, между Хартумом и дарфурскими мятежниками, Джибути и Эритреей.

Вместе с тем уже тогда одной из характерных черт внешней политики Дохи стала поддержка исламистов. Во время обеих чеченских кампаний катарские благотворительные фонды и Общество Красного полумесяца открыто собирали деньги для «борцов за веру», и Катар игнорировал предпринимавшиеся Россией в этой связи демарши. Чеченские боевики имели возможность восстанавливать в эмирате свои силы, а позже катарцы предоставили убежище «президенту Ичкерии» З. Ян-

дарбиеву и 700 сопровождающим его лицам. В 1996 г. после разгрома Силами вооруженного народа ВСНЛАД Ливийской исламской боевой группы (ЛИБГ), пытавшейся развернуть партизанскую войну в Киренаике, ее уцелевшие бойцы нашли прибежище в Катаре, где сразу же начали готовиться к реваншу. Расследование Соединенными Штатами событий 11 сентября 2001 г. выявило, что некоторые родственники эмира Хамада предоставляли убежище и оказывали финансовую помощь активистам «Аль-Каиды»[1]. Частыми гостями в Дохе были члены руководства египетской Ассоциации «Братья-мусульмане» (АБМ) и сирийских «Ихванов», председатель Политического бюро палестинского Исламского движения сопротивления (ХАМАС) Халед Машаль, председатель тунисского Движения «Ан-Нахда» (ДН) Рашид Ганнуши, а также премьер-министр Ливии Зидон Мухаммед. В Катар перебрался изгнанный из Египта председатель Всемирного совета улемов Юсеф аль-Кардави, получивший возможность выступать с проповедями по телевизионному каналу «Аль-Джазира».

«Звездный час» наступил для Дохи в 2011 г. с началом арабской смуты. Абсолютная монархия со средневековыми нормами общественной жизни вдруг оказалась на стороне «борцов за свободу», правда, с одним немаловажным нюансом: основными получателями ее помощи стали исламистские группировки.

В событиях в Тунисе роль Катара была, впрочем, поначалу не слишком заметна. Зато поддержка, оказанная им ДН, стала одним из важных факторов, обеспечивших победу этой партии на выборах в Национальную учредительную ассамблею. В дальнейшем Доха, продолжая поддерживать «Ан-Нахду», стала оказывать помощь и салафитским группировкам (обвиняющим Движение в отходе от подлинного ислама).

В последовавшем за событиями в Тунисе восстанием в Египте впервые проявилась вся эффективность пропагандистского аппарата «Аль-Джазиры». Телестанция прекратила трансляцию своих обычных программ, сосредоточившись на поддержке оппозиции. Как констатируют сейчас египтяне, если президента Гамаля Абдель Насера убрали при помощи яда, президента Анвара Садата – пули, то президента Хосни Мубарака – «Аль-Джазиры». Сразу же после отставки Х. Мубарака в Каир вылетел Ю. аль-Кардави, который провел встречи с руководством АБМ, убеждая его взять курс на приход к власти,

и с правящими военными, которых он призывал пойти на уступки исламистам[2]. При этом Катар наряду с Саудовской Аравией является на данный момент одним из двух государств, готовых спасти Египет от банкротства, что является еще одним фактором, побуждающим Каир считаться с позицией Дохи. Часть предоставленной эмиратом помощи в размере 500 млн. долл. была еще в 2012 г. зачислена в бюджет страны. 9 января 2013 г. по итогам переговоров премьер-министра Катара Хамада бен Джасема и президента Мухаммеда Мурси было объявлено, что Доха готова выделить 2,5 млрд. долл. (0,5 млрд. из которых поступает в качестве дара и 2 млрд. – в виде кредитов). Кроме того, 18 млрд. долл. еще будут вложены в экономику АРЕ, в частности 10 млрд. пойдут на грандиозный туристический проект на Средиземноморье, 8 млн. – на строительство электростанций, заводов по сжижению газа и выплавке чугуна и стали в Порт Саиде. Кроме того, изучается возможность скупки эмиратом недвижимости в Шарм аш-Шейхе, Хургаде и пригородах Каира. Кроме того, катарцы оказывают в АРЕ – как и в Тунисе – помощь одновременно и «Братьям-мусульмам» и салафитам.

Катар сыграл весьма важную роль в свержении режима лидера ливийской революции Муаммара Каддафи, активно действуя в военной, дипломатической и пропагандистской сферах. В военной области дело не ограничилось участием катарских «Миражей-2000» в операции «Объединенный защитник». В Киренаику были переброшены из Катара боевики ЛИБГ, ставшие одной из наиболее боеспособных группировок мятежников. На катарских самолетах в Ливию направлялись бойцы «Аль-Каиды» и «Аль-Каиды на Аравийском полуострове». С находящейся под Дохой американской военно-воздушной базы Аль-Удейд авиацией эмирата повстанцам – в нарушение резолюции 1970 Совета Безопасности ООН – переправлялись противотанковые ракетные комплексы, ручные противотанковые гранатометы, пулеметы, стрелковое оружие. Направленные в ВСНЛАД военнослужащие катарских сил специального назначения инструктировали мятежников, а также выполняли роль офицеров связи между оппозицией и Организацией Североатлантического договора. На деньги Катара осуществлялся подкуп верхушки племен и ливийских высших офицеров. Всего этого оказалось, однако, недостаточно, и тогда в Джамахирию был – в нарушение резолюции 1973 СБ ООН – направлен ка-

тарский спецназ, принявший участие в боях в Триполи, в т. ч. в штурме казарм Аль-Азизийя.

В дипломатической сфере Доха добилась сначала выдвижения Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива требования отставки М.Каддафи, а затем, опираясь на поддержку ССАГПЗ, инициировала одобрение Лигой арабских государств резолюции о вмешательстве в события в Ливии. Такая позиция ЛАГ дала возможность западным державам «продавить» в Совете Безопасности ООН резолюций 1970 и 1973, что им, возможно, и не удалось бы сделать без обращения к СБ Арабской лиги.

Что касается пропаганды, то «Аль-Джазира» круглосуточно вещала о кровавой бойне в Ливии. При этом катарская телестанция широко прибегала к дезинформации. В качестве примера можно привести не соответствовавшие действительности сообщения о бомбардировках с воздуха мирных демонстраций ливийцев, неудержимо стремящихся к установлению в стране демократии западного образца. В свою очередь Ю.аль-Кардави издал фетву, предписывающую «каждому, кто может застрелить Каддафи, сделать это»[3]. Затем произошло нечто необычное: СБ, основываясь на сообщениях «Аль-Джазиры» (и не удосужившись, судя по всему, проверить достоверность распространяемой ею информации), принял резолюции 1970 и 1973.

После свержения М.Каддафи катарцы продолжили оказание помощи ливийским исламистам.

Не менее значимую роль Доха играет в связи с гражданской войной в Сирии, действуя там по той же схеме, что и в Ливии. Катарские военно-транспортные самолеты, взлетающие с Аль-Удейда, доставляют в Турцию и Иорданию предназначенное мятежникам оружие, откуда оно переправляется в САР[4]. Премьер-министр и министр внутренних дел Катара Хамад бен Джасем возглавляет Группу друзей Сирии, которая координирует всю кампанию, нацеленную на свержение президента Башара Асада. Во время председательствования эмирата в Арабской лиге эта организация обратилась к Б.Асаду с призывом отказаться от власти, и по инициативе Дохи ЛАГ приняла решение о введении санкций в отношении САР. 31 января 2012 г. Хамад бен Джасем потребовал от СБ принять арабский план решения сирийской проблемы. В середине февраля эмир Хамад призвал направить в Сирию межарабские

силы, и Лига выдвинула предложение о вводе в эту страну смешанного контингента из «голубых касок» Организации Объединенных Наций и арабских подразделений[5]. Наконец, выступая в сентябре 2012 г. на 67-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Хамад потребовал от арабских стран осуществить интервенцию в Сирии даже без получения соответствующей санкции Совета[6]. Одновременно он обрушился на СБ с критикой за «аморальную позицию по отношению к творимым в Сирии зверствам против народа»[7]. В ноябре 2012 г. в Дохе была созвана конференция сирийских антиправительственных группировок, на которой была создана Национальная конференция оппозиционных и революционных сил, незамедлительно признанная ССАГПЗ и ЛАГ. Интенсивную пропагандистскую кампанию развернула, как обычно, «Аль-Джазира», в то время как Ю. аль-Кардави выступил с проповедями, направленными не только против Б. Асада, но и против России.

С другой стороны, Доха никак не прореагировала на выступления шиитов на Бахрейне и в Эль-Хасе весной 2011 г., а «Аль-Джазира» если и сообщала о них, то вскользь.

Трудно сказать, насколько продуманной является нынешняя линия Катара. Складывается впечатление, что решающую роль здесь играют не прагматические, а идеологические соображения. Эмир Хамад, будучи прямым потомком неджийского проповедника XVIII в. Мухаммеда Абд аль-Ваххаба, считает себя продолжателем его дела и стремится распространять ваххабитскую трактовку ислама. Следует также иметь в виду, что Хамад как абсолютный монарх ничем не ограничен в своих действиях: он не должен отчитываться перед парламентом (которого в эмирате нет) или считаться с мнением своих подданных. К тому же курс Катара в международных делах вырабатывается лично Хамадом и парой его приближенных (включая также настроенного происламски Хамада бен Джасема), и это придает внешней политике эмирата ярко выраженный персонифицированный характер. Не исключено, что немалую роль в поддержке Дохой антиправительственных выступлений в Египте и Ливии сыграла личная неприязнь эмира к Х.Мубараку и М.Каддафи, допускавших в прошлом издевательские выпады в его адрес[8]. Сказывается, видимо, и то, что положение самого Хамада не является достаточно прочным: многие члены правящей семьи Аль Тани рассматривают его как самозван-

ца, незаконно отстранившего в 1995 г. от власти своего отца эмира Халифу[9]. В этой ситуации внешнеполитические успехи Хамада могут способствовать укреплению его позиций внутри собственного клана, и в частности, позиций назначенного главой государства наследного принца перед лицом возможных соперников.

Проводимая Дохой линия на поддержку исламистов не отвечает, как представляется, ничьим интересам. Она представляет опасность не только для светских арабских режимов, но и для пришедших либо рвущихся к власти умеренных исламистских партий, которых поддерживаемые Катаром салафиты обвиняют в отходе от «истинного ислама». Эта политика представляет опасность для Запада, поскольку катарцы финансируют экстремистские фундаменталистские группировки, рассматривающие США, европейские государства и Израиль как объекты джихада. Она представляет опасность и для самого Катара, ибо – как показывает опыт соседней с ним Саудовской Аравии – приверженность ваххабизму не гарантирует от обвинений салафитами правителей страны в ереси и от организации террористических актов против них. Кроме того, поддержка Дохой сирийской оппозиции может привести к осложнению ее отношений с Тегераном, что было бы небезопасно для эмирата, 15% населения которого составляют шииты.

В 1979 г. после революции в Иране и попыток иранцев начать экспорт революции в Катаре срочно приняли меры: организовали высылку сторонников аятоллы Р. Хомейни, установили контроль над работой телецентра и функционировавших радиостанций, газеты и журналы были подчинены строгой цензуре и т.д. Постепенно все нормализовалось. Отношения эмирата с иранцами определяются подписанными в мае 1992 г. шестью соглашениями, предполагавшими партнерство в экономической, таможенной, транспортной и информационной сферах. Кроме того, заслуга Катара и Ирана заключается в достижении договоренности в отношении принадлежащих обеим странам месторождений, добычу нефти в которых ведут катарская и иранская компании (Стражи иранской революции разрушили одну из катарских платформ в 2004 г.).

Катар пытается играть активную роль в палестинских делах. Первоначально Доха пыталась проводить сбалансированную политику, поддерживая контакты одновременно с Национальным движением за освобождение Палестины (ФАТХ), с ХАМАС

и Израилем. В 1995 г. было открыто Израильское торговое представительство в Дохе. Израильтяне в тот период рассматривались катарцами как основной потребитель газа, который в это время начали добывать в эмирате, и в последующем было подписано катарско-израильское соглашение о намерениях в области газа. В апреле 1996 г. премьер-министр Израиля Ш.Перес официально посетил Доху. Однако после вторжения израильтян в Газу в 2008 г. отношения с ними были разорваны. Впрочем, в то время эмират нашел иных потребителей газа, и нужда в Израиле сошла на нет.

Катар проводит активную внешнюю политику в заливных делах. В 1971 г. он решил с Саудовской Аравией и Бахрейном пограничные проблемы, а в феврале 1982 г. с КСА было заключено Соглашение по обеспечению внутренней безопасности[10]. Вместе с тем эмират не одобряет позицию Саудии на дозированный прессинг на нефтяном рынке. В феврале 1968 – октябре 1969 гг. Катар отказался принять приглашение присоединиться к Объединенным Арабским Эмиратам. Катар с ОАЭ договорился создать совместную компанию в Бундуке (она была сформирована в 1970 г.). Катар и Оман выступают за прием Йемена в состав Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, но дело тормозится саудовцами, эмиратцами, кувейтцами и бахрейнцами, решившими не допускать в клуб «благородных монархов» страну с республиканской формой правления, враждующими партиями и политическими проблемами.

При посредничестве Катара ФАТХ и Движение исламского сопротивления вели переговоры о примирении и даже договорились о сформировании правительства национального единства. В ноябре 2012 г. Доха, подключившись к посредническим усилиям Каира, содействовала достижению перемирия между Израилем и ХАМАС. В январе 2012 г. Хамад осуществил визит в Газу, став, таким образом, первым руководителем, посетившим «хамасленд». Вместе с тем финансовая помощь направляется в первую очередь исламистам. В феврале 2011 г. после того, как ХАМАС покинул Дамаск, она достигла 250 млн. долл., а после визита эмира в Газу она должна возрасти до 400 млн. долл. Кроме того, помощь поступает через основанный в 2000 г. и возглавляемый Ю.аль-Кардави Союз добра. Только в 2009 г. этим фондом хамасовцам был передан 21 млн. долл. на покупку вилл и домов и оплату деятельности благотворительных уч-

реждений в Иерусалиме[11]. Но при этом оружие в Газу Катар не направляет, не желая, судя по всему, вызывать раздражение Вашингтона.

Катар проводит активную политику в ЛАГ, используя то, что Египет занят революцией, Саудовская Аравия занята битвами за наследство, а страны Магриба обращают на происходящее на Ближнем Востоке слишком мало внимания[12].

Из стран Среднего Востока наиболее активный характер носят отношения Катара с Турцией, что объясняется заинтересованностью и Дохи, и Анкары в развитии взаимовыгодного экономического сотрудничества. Импульс его наращиванию был дан во время визита в Турцию в августе 2009 г. Хамада, когда между двумя государствами было заключено восемь соглашений. В течение прошлого десятилетия существенно вырос товарооборот между Катаром и Турцией – с 21 млн. долл. в 2000 г. до 1 млрд. долл. в 2008 г., в то время как взаимные капиталовложения увеличились до 8 млрд. долл. Достигнута договоренность о подключении Катара, занимающего по запасам газа третье место в мире, к проекту Набукко и о прокладке между двумя странами газопровода, который пройдет через территорию Ирака[13].

В Дохе рассматривают США прежде всего как державу, способную обеспечить безопасность Катара в случае обострения ситуации в зоне Персидского залива. Кристаллизация подобного рода настроений была во многом обусловлена итогами второй войны в Заливе 1990–1991 гг., когда вмешательство прежде всего американцев позволило разгромить Ирак и добиться освобождения Кувейта, в то время как другие страны антииракской коалиции, включая западноевропейские державы, играли в происходивших событиях второстепенную – с военной точки зрения – роль. В июне 1992 г. катарцы заключили оборонное соглашение с Соединенными Штатами, согласно которому американцы получили доступ к военной инфраструктуре. В марте 1995 г. было оформлено новое катарско-американское соглашение, предусматривающее складирование бронетанковой техники для обеспечения Сил быстрого развертывания США[14]. В конце 90-х годов здесь были дислоцированы 600 человек и расположилась батарея противовоздушной обороны. В декабре 2002 г. американцы развернули на катарских базах треть соединений Сил центрального командования[15]. Присутствие американских сил на базах в эмирате было необходимо для проведения Соединенными Штатами

операций в ходе войны в Ираке, но, с другой стороны, обеспечило катарцам оправдание присутствия США на своей территории. Соединенными Штатами создана на территории Катара крупная ВВБ Аль-Удейд, на которой базируется подразделение американских военно-воздушных сил. США поставляют эмирату вооружение для сухопутных войск (90% катарской бронетанковой техники – американского производства)[16].

Одновременно Катар стремится посредничать между правительствами Афганистана, Соединенных Штатов и Движением «Талибан». Хамад бен Джасем объявил в январе 2012 г., что в Дохе ожидается в ближайшем будущем открытие представительства ДТ, и дал понять, что планируется начать переговоры, чтобы процесс мирного урегулирования был запущен до вывода сил НАТО из Афганистана. Президент Б. Обама объявил, что он поддерживает открытие представительства «Талибана», и намекнул, что Америка будет участвовать во всех миротворческих процессах, призванных положить конец войне на афганской земле.

Европа рассматривается Катаром как противовес влиянию США в области вооружений. В 1993 г. катарцы подписали с Великобританией Меморандум о взаимопонимании в области обороны, а в 1994 г. заключили аналогичное соглашение с Францией[17]. В 1996 г. был подписан контракт с Великобританией на поставку учебно-тренировочных самолетов «Хок», ракет типа «земля-воздух», боевых машин пехоты, патрульного катера «Торникроут», а позже был заключен контракт с Францией на поставку 12 самолетов «Мираж-2000/5», ракет класса «воздух-воздух» и другого вооружения (сумма сделки составляет 2 млрд. долл.).

Катару, однако, требуется присутствие военных советников из стран – поставщиков вооружения, на что эмират выделяет суммы, составляющие 20% стоимости контрактов[18].

Что касается США и Европы, то они нужны Катару для инвестирования капиталов[19]. Капитальные вложения в эти страны эмиратом рассматриваются, с одной стороны, как средство оказания влияния, а, с другой стороны, как серьезный вклад в переговоры о всемирной торговой инициативе.

Что касается отношений с Японией, то инициатива их наращивания исходит от японской стороны, что объясняется необходимостью обеспечения доступа к жизненно важным для японской экономики энергоносителям (она импортирует из зоны Залива 90% потребляемой ею нефти). Особенно рельефно

интерес Токио к отношениям со странами этого региона проявился во время визита в 2000 г. в Доху, а также в Эр-Рияд, Эль-Кувейт и Абу Даби министра иностранных дел Японии Коно, который предложил наращивать взаимодействие в трех сферах – во внешнеполитической области, в деле разработки водных ресурсов и в рамках диалога цивилизаций. Эта инициатива была позитивно встречена в Дохе.

С Советским Союзом в августе 1988 г. Катар установил дипотношения, и в 1990 г. было подписано соглашение о торгово-экономическом и техническом сотрудничестве. Российско-катарские отношения развиваются неравномерно. С одной стороны, Россия заинтересована в сотрудничестве с Катаром в нефтяной сфере и даже приложила усилия к тому, чтобы форум для эксплуатации ресурсов газа был расположен в Дохе. С другой, в убийстве З. Яндарбиева катарцы обвинили двух сотрудников Главного разведывательного управления ГШ России и посадили их в тюрьму. Позже российским службам удалось вытащить их из тюрьмы и отправить на Родину. Арабская смута, особенно в ее сирийском аспекте, породила трения между руководителями РФ и Катара. В довершение проблем посол РФ в Катаре В. Титоренко был избит полицейскими за то, что отказался предоставить для досмотра дипломатическую почту (это было третье нападение на посла России после убийства генерального консула К. Тонуса в Египте в XVIII в.[20] и министра-резидента А.С. Грибоедова в Тегеране в XIX в.).

* * *

Таким образом, приоритетность заливного, арабского и исламского направления внешней политики Катара не означает игнорирования западных партнеров, ни поддержания нормальных отношений со странами-импортерами газа и нефти. Вместе с тем заливный, арабский и исламский компоненты образуют основной блок внешней политики эмирата.

---

[1] См.: *Львов П.П.* Катар – карлик с амбициями гиганта или мираж в пустыне? // Война и мир, 21.01.2012 –
на: http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/65956

[2] Там же.

[3] *Егорин А.З.* Свержение Муаммара Каддафи. М., 2012, с. 67–68.

[4] См.: *Львов П.П.* Катар – карлик с амбициями гиганта или мираж в пустыне?...
[5] *Lagarde D*. Comment le Qatar est devenu la nouvelle voix arabe. // L'Express, 20.02.2012 – á: http://www.l'express.fr/actualite/monde/proche-orient/comment-le-qatar-est-devenu-la-nouvelle-voix-arabe_1083054.html
[6] *Юсин М.* Эмир Катара собирает армию свержения // Коммерсантъ, 27.09.2012.
[7] *Radimova J*. «Арабская весна»! Что дальше? // Iron Times, 03.06.2012 – на: http://www.irontimes.com/archives/22897
[8] См.: *Львов П.П.* Катар – карлик с амбициями гиганта или мираж в пустыне?...
[9] Там же.
[10] *Lazar M*. Qatar: une politique d'influence entre conjoncture favorable et fondamentaux géographiques // La revue géopolitique, 27.05.2012 – á: http://www.diploweb.com/Qatar-une-politique-d'influence.html
[11] *Sheik Yusuf al-Qaradawi*: Theologian of Terror. // The Anti-Defamation League – at: http://www.adl.org/NR/exeres/788C5421-70E3-4E4D-BFF4-9BE14E4A2E58.DB7611A2-02CD-43AF-8147-649E26813571.frameless.htm
[12] *Batide P*. La diplomatie geometrie variable du Qatar. – Slate.fr – stat.fr/story/51093/qatar-diplomatie
[13] *Иванова И.И.* Турция и арабский мир // Профессор Григорий Бондаревский и его научная школа востоковедов-международников. М., 2011, с. 152.
[14] *Александров И.А*. Монархии Персидского залива: этап модернизации. М., 2000, с. 313.
[15] *Lazar M*. Qatar …
[16] *Багдасаров С.Б.* Расширение сферы влияния стран НАТО на Ближнем и Среднем Востоке // Ближний Восток и современность. Вып. 5. М., 1998, с. 6.
[17] *Александров И.А*. Монархии Персидского залива…, с. 317.
[18] Там же, с. 309.
[19] *Rustici C., Duztincti T.* Diplomatie du Qatar: improvisation ou strategie a long terme? // France24.com, 24.03.2012 – a: france24.com/fr/20120324-2012-03-24-1016-wb-fr-intelligene-ect
[20] *Перминов П.* Три эпизода из истории русско-арабских связей в XVIII веке. Эпизод третий. Первый русский консул в Александрии. // Азия и Африка сегодня, 1987, № 9, с. 54.

А.А.Железнов

СИТУАЦИЯ С СУННИТСКИМИ МЕНЬШИНСТВАМИ В САУДОВСКОЙ АРАВИИ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Саудовская Аравия обычно рассматривается исключительно как унитарное государство с гомогенным в религиозном отношении населением, принадлежащим к самому бескомпромиссному исламскому вероисповеданию – ваххабизму. Согласно статистике, большинство коренного населения Королевства (около 80%) принадлежит суннитскому вероисповеданию ханбалитского мазхаба.[1] В целом это соответствует действительности. Однако, с другой стороны, представить точную и беспристрастную статистику конфессиональной принадлежности населения КСА – задача не из легких, особенно учитывая целый ряд объективных причин. Тем не менее вполне возможно констатировать, что саудовское общество нельзя однозначно назвать религиозно гомогенным, т.к. в стране проживает достаточно большой процент граждан, которые традиционно относят себя к другим течениям ислама.[2] Такая религиозная структура саудовского общества отражает сложную историю формирования Королевства как единого государства, когда в состав монархии династии Аль Сауд вошли различные регионы Аравийского полуострова, каждый из которых имел свое уникальное историческое прошлое, а также этноконфессиональные особенности населения. В настоящее время мусульман Саудовской Аравии можно разделить на две основные группы – шииты и сунниты. Шииты в Саудовской Аравии являются неоднородной группой. Большинство саудовских шиитов – исна-ашариты (шииты-имамиты), проживающие в основном в Восточной провинции КСА, также их небольшие общины издавна существуют в Медине – провинции Хиджаз, Нахавила (Nakhawila). Кроме того, имеются шииты – зейдиты, проживающие главным образом в городах провинций Джизан и Наджран вдоль йеменской границы, и шииты-исмаилиты, состав-

ляющие большинство населения провинции Наджран.[3] Интересно отметить, что некоторые шиитские авторы саудовского происхождения указывают на проживание в г. Янбу в Хиджазе небольших архаических групп шиитов-кайсанитов, о которых мало что известно.[4]

Отметим, что большинство исследований относительно положения религиозных меньшинств в КСА касалось в основном шиитов, гораздо меньше уделялось внимания ситуации с суннитами, не придерживающимися ханбалитского мазхаба, которые также являются неотъемлемой частью саудовского общества. Количество последователей других мазхабов среди коренного населения Саудовской Аравии точно неизвестно. Можно предположить, что их число составляет, возможно, 10–15% от 80% суннитского населения Королевства. Однако в любом случае такая статистика достаточно условна, т.к. многие последователи других мазхабов (ханафитского, шафиитского, маликитского) стараются лишний раз не афишировать, что они не являются сторонниками официальной религиозно-правовой ханбалитской школы. Стоит указать, что принадлежность к другим мазхабам некоторых саудовских подданных обусловлена тем, что их последователи, как правило, принадлежат к влиятельным провинциальным семьям и кланам, т.е. к старой духовной и светской региональной элите, которая не отказалась от своих многовековых религиозных традиций. Ниже мы постараемся дать характеристику положения каждого суннитского меньшинства в Саудовской Аравии по отдельности.

Ханафитский мазхаб

Ханафитский мазхаб, бывший прежде вторым по числу последователей в Хиджазе до образования единого саудовского государства[5], в настоящее время является, по всей видимости, самым малочисленным суннитским мазхабом в Королевстве. По сравнению с шафиитами и маликитами судьба ханафитов в Саудовской Аравии была менее счастливой по целому ряду причин. Как известно, ханафитский мазхаб считается наиболее умеренным и мягким по сравнению с другими, и не только по его отношению к «людям Писания» (христианам и иудеям), но также потому, что в своей правовой системе принимает систему адатов, т.е. местных благочестивых обычаев, а также

юридических отношений (канун), основанных на системе местного доисламского права.[6] Однако не только такая специфика явилась основной причиной исчезновения ханафитов в Саудовской Аравии, а прежде всего то, что именно этот мазхаб был признан в качестве официального в Османской империи. Поэтому после завоевания независимости от своей бывшей метрополии, а также в связи с ростом арабского национализма в начале XX в. ханафитский мазхаб, получивший наибольшее распространение у неарабских, прежде всего тюркских народов, не мог рассчитывать на благожелательное отношение со стороны победивших ваххабитов из Неджда. В связи с этим после присоединения Хиджаза количество ханафитских общин под давлением саудовских властей резко сократилось. По данным некоторых исследователей, до недавнего времени в Хиджазе у ханафитов не было даже собственных улемов и факихов, а также мечетей, а для решения своих судебных и юридических вопросов оставшиеся немногочисленные последователи этого мазхаба были вынуждены обращаться к маликитам и шафиитам.[7] Однако согласно последним сведениям, в Мекке продолжает свою деятельность одно из самых старых и известных ханафитских медресе, основанное еще в XIX в., – ас-Савлатия,[8] которое возглавляет улем Маджид бин Саид Рахматулла, причем среди общего числа студентов около 10% составляют саудовские подданные, но основной массой обучающихся являются иностранцы – выходцы из 22 стран.[9]

Более приемлемая ситуация сложилась у ханафитов в Восточной провинции, в мухафазе Аль-Ахса, но и там они являются суннитским меньшинством, значительно уступая по численности как шиитам-иснаашаритам, так и суннитам-ханбалитам. В Аль-Ахсе наиболее влиятельным улемом этого мазхаба является шейх Яхья аль-Мулла из семьи Аль-Мулла, всегда относившейся к этому мазхабу. В Аль-Ахсе также существует собственное ханафитское медресе аш-Шахлубия, принадлежащее этой семье, в котором шейхи Яхья аль-Мулла и Абдер Рахим аль-Мулла проводят занятия со своими учениками на регулярной основе.[10] Кроме того, в связи с изменившимся отношением со стороны властей улемы всех суннитских мазхабов, в том числе и ханафиты, получили возможность открыто выражать свою точку зрения по вопросам фикха и даже вести дискуссию в прямом эфире на саудовских спутниковых каналах.[11]

Шафиитский мазхаб

Шафиитский мазхаб также имел широкое распространение в Хиджазе, где, по свидетельству исследователей конца XIX в., являлся «наиболее распространенным суннитским толком»[12] и по количеству последователей доминировал среди суннитского населения Хиджзаза.[13] Кроме того, за шафиитами традиционно был закреплен ряд административных должностей, в том числе и пост Великого шерифа Мекки. В настоящее время шафииты (вместе с маликитами) составляют главную неханбалитскую суннитскую группу в Хиджазе. Причем некоторые авторы предполагают, что шафиитский мазхаб до сих пор имеет значительное количество своих последователей среди населения Хиджаза.[14] Стоит отметить, что шафиитом является один из самых влиятельных суфийских шейхов Саудовской Аравии – шейх Абдалла Фадаак, который происходит из уважаемой сеидской семьи Хиджаза, давшей немало шафиитских факихов и улемов (например, его дед был одним из ведущих шафиитских улемов и факихов Хиджаза во времена Османской империи и Хашимитского королевства, а также служил имамом в Большой мечети в Мекке). Помимо Хиджаза, шафииты имеются также в Аль-Ахсе, где этого мазхаба придерживается значительное количество местного суннитского населения. Именно в Аль-Ахсе проживает один из самых уважаемых саудовских шафиитских улемов – шейх Ахмад ад-Давган, который приложил немало усилий для восстановления позиций шафиитского мазхаба в этом регионе. Вокруг шейха, достигшего уже 100-летнего возраста (1911 г.р.), существует группа последователей и студентов, которые продолжают под его руководством изучать положения этой религиозно-правовой исламской школы.

Кроме семьи Ад-Давган, к шафиитскому мазхабу в Аль-Ахсе традиционно принадлежат следующие семьи: Абдель-Кадыр, Аль-Джафари, Аль-Умайр, Аль-Арафай, Аль-Кади, Аль-Осман, Аль-Нуян.[15] Помимо представителей этих семей в местный «шафиитский интеллектуальный кружок» входят также выходцы из Кувейта, Сирии, Судана и др., проживающие в Восточной провинции.[16] Небольшое количество шафиитов проживает также и в южных провинциях КСА – Асире, Джизане и Наджране, но их влияние там весьма незначительно.[17] Несмотря на то, что по-

следователи этого мазхаба после присоединения Хиджаза к Неджду утратили свои прежние позиции в шариатских судах, администрации, а также в образовательных учреждениях, отношение к шафиитам со стороны саудовских властей было более мягким, чем к приверженцам других мазхабов. Возможно, династией Аль Сауд учитывалось их историческое влияние в Хиджазе (прежняя Хашимитская династия – шафииты), а также принадлежность к этому мазхабу многих влиятельных местных кланов, с которыми новая династия, укрепляя свои позиции, не хотела конфликтовать лишний раз. Примечательно, что в состав Верховного совета улемов Саудовской Аравии даже до его реорганизации в 2009 г. в качестве исключения среди абсолютного ханбалитского большинства входил один шафиит.

Маликитский мазхаб

Несмотря на то, что основатель маликитского мазхаба Малик ибн Анас аль-Асбахи жил в Медине (713–795 гг.), в самом Хиджазе его школа не приобрела столь многочисленных сторонников, как ханафиты и шафииты.[18] Однако маликиты всегда присутствовали в Хиджазе и были достаточно заметной группой среди других суннитских мазхабов. После присоединения Хиджаза к Неджду в 1925 г. судьба маликитов как и ханафитов, была во многом сходной. Однако многие влиятельные маликитские семьи Хиджаза остались верными своей религиозно-правовой школе, а некоторые представители таких кланов даже занимали руководящие посты в Королевстве. Например, некоторые члены семьи Ямани побывали даже в должности министров: Ахмад Заки Ямани, министр нефти и минеральных ресурсов (1962–1986 гг.), сделавший успешную политическую карьеру при короле Фейсале бин Абдель Азизе, а также Мухаммед Абду Ямани, министр культуры и информации (1975–1982 гг.). Однако такие примеры, как уже говорилось выше, следует рассматривать скорее как исключение, чем правило.[19] В Восточной провинции также имеются маликитские общины со своими мечетями, при некоторых из них действуют и медресе. Среди суннитских кланов Аль-Ахсы, традиционно следующих этому мазхабу, следует назвать семью Аш-Шейх Мубарак. Наиболее влиятельными улемами из этой семьи в настоящее время являются шейхи Абдель Хамид аш-Шейх Мубарак и шейх Кайс аш-Шейх Мубарак.[20]

Немногочисленные маликитские общины проживают также в южных провинциях – Асире, Джизане и Наджране, в основном среди потомков йеменских племен, земли которых были включены в саудовское государство (йеменские корни имеет и семья Ямани, как это видно из фамилии: ямани (ар.) – йеменский).[21] Стоит отметить, что в Хиджазе маликиты имеют свою специфику, т.к. главным улемом этого мазхаба вплоть до своей смерти в 2004 г. являлся шейх Мухаммед аль-Хасан Алави аль-Малики, который являлся еще суфийским шейхом тариката Баалавия, поэтому многие нынешние маликиты Хиджаза являются еще членами суфийских общин.

Суфии

Другой отличной от ханбалитов суннитской группой в Саудовской Аравии, которая несколько отстоит от других, но включает в себя представителей всех мазхабов, за исключением, пожалуй, только ханбалитского, являются суфии. В настоящее время большинство местных суфиев принадлежит к йеменской ветви тариката Шазилия – тарикату Баалавия (с центром в провинции Хадрамаут), получившему распространение в странах Аравийского полуострова и Персидского залива, включая и Саудовскую Аравию.[22] В основном саудовские суфии являются последователями маликитского мазхаба и проживают помимо Мекки и Медины также в Джидде и Таифе.[23] В течение долгого времени признанным суфийским лидером Саудовской Аравии был шейх Мухаммед бин Алави Аль-Малики (1944–2004 гг.)., который являлся уроженцем Мекки и принадлежал к одной из самых уважаемых семей, ведущей свое происхождение от внука пророка Мухаммеда Хасана и давшей несколько поколений маликитских улемов на протяжении веков. После его смерти остались многочисленные его последователи в тарикате Баалавия, среди которых стоит выделить его сына шейха Ахмада бин Мухаммеда бин Алави аль-Малики, уроженца Йемена шейха Хабиба Аднана, а также популярного среди молодежи и интеллигенции шейха Абдаллу Фадаака и др.[24]

В настоящее время, по оценкам аналитиков, именно шейх Абдалла Фадаак является самым влиятельным шейхом в этом тарикате, а его шафиитская родословная не помешала ему войти в число самых ближайших мюридов шейха аль-Малики и

даже проживать в его доме в течение трех лет. Как представитель нового суфийского поколения шейхов КСА он достаточно активен в своей проповеднической деятельности, являясь автором многих книг по богословию, праву и суфийской апологетике. Он регулярно выступает по спутниковым исламским каналам, а также на страницах саудовской прессы. Кроме того, шейх Фадаак старается активно участвовать и в общественной жизни, являясь колумнистом в наиболее либеральной саудовской газете «Аль-Ватан», на страницах которой постоянно публикует свои статьи, где излагает, конечно, в цензурированной форме, свое мнение по политическим и социальным вопросам.[25] Кроме того, он активен в социальных сетях Facebook и Twitter, в которых ведет микроблоги.

Долгое время проблема религиозных меньшинств, в том числе и суннитских, не была предметом специального внимания властей Саудовской Аравии по вполне понятным причинам. Можно сказать, что открыто это стало обсуждаться только при короле Фейсале Аль-Сауде (1965–1975 гг.), который первым из саудовских монархов начал проводить ряд социально-политических и экономических реформ. Отметим, что король Фейсал придерживался умеренных позиций в религиозных вопросах, при его правлении некоторые сунниты-неханбалиты даже смогли достичь высоких постов в государстве. Однако такая первая саудовская «оттепель» продолжалась недолго. После трагической гибели короля Фейсала в 1975 г. во внутренней политике КСА наступили «заморозки», особенно в связи с политическими событиями как за рубежом, так и внутри страны (исламская революция в Иране в 1979 г. и последовавшие за ней шиитские волнения в Восточной провинции, а также захват Большой мечети в Мекке террористической салафитской группировкой «Аль-Масджид аль-Харам»).

Неудивительно, что в таких условиях возобладала стратегия дальнейшего «завинчивания гаек» в отношении религиозных меньшинств, а все либеральные начинания были свернуты. Ситуация стала меняться только после событий 11 сентября 2001 г. и начала войны в Ираке в 2003 г., когда саудовские власти должны были отреагировать на новые вызовы, преступив к осуществлению процесса поэтапного реформирования внутренней политической жизни, инициированного Абдаллой бин Абдель Азизом сначала в качестве наследного принца (но фактического правителя Королевства), а затем уже в качестве

легитимного монарха. Возможно, что одной из причин таких перемен явились возросшие опасения Эр-Рияда, что религиозные меньшинства могут быть потенциально использованы в качестве «пятой колонны», о чем неоднократно заявляли некоторые американские неоконсерваторы (Ричард Перл, Дэвид Фрам из окружения президента Дж. Буша, объявившие Саудовскую Аравию одной из составляющих «оси зла»).[26] Такие опасные тенденции, исходившие из американских «республиканских мозговых центров», заставили власти КСА частично пересмотреть свою прежнюю политику по отношению не только к шиитам, положение которых особо «беспокоило» «ястребов-неоконсерваторов», но также суннитам-неханбалитам. Кроме того, вероятно, власти желали таким образом избавиться от излишней, по их мнению, «опеки» собственных радикалов. Таким образом, власти в Эр-Рияде решили дать понять своим американским союзникам, что «сделали для себя выводы» и хотят самостоятельно проводить демократизацию и либерализацию социальной и политической жизни в стране, пусть даже не совсем привычным для западных демократий способом. В рамках этого процесса был создан Центр по «национальному диалогу», целью деятельности которого было заявлено достижение консолидации различных слоев саудовского общества, включая и религиозные меньшинства, не имевшие ранее возможности активного участия в подобных легальных форумах. Первая сессия была проведена в Эр-Рияде 15–18 июня 2003 г. На ней впервые в истории Королевства, что особо подчеркивалось аналитиками, присутствовали представители практически всех исламских течений Саудовской Аравии: шииты – имамиты, исмаилиты; сунниты всех четырех мазхабов, а также суфии. Таким образом, старт этого политического проекта подтвердил, что наличие религиозных «диссидентов» в стране не только официально признано, но, как оказалось, эти группы населения должны быть включены в процесс социальных реформ, задуманных королем Абдаллой и его окружением, что явилось, несомненно, большим прорывом во внутренней политической жизни Саудовской Аравии.

Правда, не обошлось без инцидентов, когда присутствие шиитов и суфиев на этой сессии было встречено «в штыки» несколькими радикальными ханбалитскими улемами. Так, Сафар аль-Хавали отказался присутствовать на этом заседании и сидеть рядом с «еретиками», его примеру последовали и другие

его единомышленники.[27] Однако, с другой стороны, некоторые ханбалитские улемы позитивно отнеслись к таким переменам. Например, популярный проповедник и улем Сальман Аль-Ауда приветствовал инициативу властей по созыву этого форума.[28] Хотя у большинства ханбалитских улемов «Национальный диалог» так и не получил легитимного статуса, поэтому некоторыми политологами этот форум рассматривался в качестве одного из фрагментов «потемкинской демократии (Potemkin democracy), который не играет существенной роли в реальной политической жизни Королевства.[29] Тем не менее даже при такой весьма острожной либерализации к инаковерующим имел место дифференцированный подход, когда религиозные меньшинства негласно подразделялись на «признанные» и «терпимые». В первую категорию попали сунниты – последователи трех мазхабов: ханафитского, шафиитского и маликитского, вторую категорию составили все шииты Королевства – иснаашариты, зейдиты, исмаилиты, а также суфии, которые хотя и считаются суннитами, но их религиозная традиция вызывает не менее ожесточенную критику со стороны ханбалитов, как и шиитская практика всех направлений.

Как уже говорилось, несмотря на «терпимое» отношение властей к другим суннитским мазхабам, шафииты, маликиты и особенно ханафиты по сравнению с шиитами были явно маргиналами в политической и социальной жизни страны, в которой основные позиции были отданы ханбалитам, это касалось также и судебных органов, образовательной системы и др. Однако в рамках крупных кадровых перестановок, предпринятых королем Абдаллой в начале 2009 г., было принято решение о включении по одному представителю маликитского и ханафитского мазхабов в состав Верховного Совета улемов Саудовской Аравии. Следует уточнить, что одно место в Совете уже было закреплено за представителем шафиитского мазхаба ранее. Как полагают, в данном случае король Абдалла использовал свой обычный прием «острожного» реформирования, не меняя сути деятельности этой структуры, но заложив основы для последующих преобразований.[30] Как было заявлено саудовским аналитиком Мишари аз-Зайди, если «в прошлом улемы придерживались одинаковых взглядов и принадлежали к одному мазхабу», то теперь же, при религиозном разнообразии, новые улемы, которые, по его словам, являются «относительно молодыми и вследствие этого имеют различный опыт…будут ближайшими

помощниками короля и сторонниками реформ».[31] Таким образом, на 2009 г. среди 21 члена Верховного Совета улемов 18 были ханбалитами и 3 представителями других суннитских мазхабов: от ханафитов – шейх Якуб Абдель Ваххаб аль Бахусейн, от маликитов – шейх Каис бин Мухаммед бин Абдель Латыф аш-Шейх Мубарак, от шафиитов – Абдель Ваххаб бин Ибрахим Абу Сулейман, как уже говорилось выше, сохранивший за собой этот пост.[32] Однако заметим, что такие изменения коснулись только суннитов и совсем не затронули шиитские общины, прежде всего иснаашаритов, которые через своих лидеров (таких, как Хасан ас-Саффар) давно добиваются признания в качестве официального пятого – джафаритского мазхаба в Королевстве. В январе 2013 г. полномочия всех неханбалитских улемов были продлены королевским указом[33], сохранившим этот судебный орган исключительно как суннитский.[34]

Судьба суфийских тарикатов в Саудовской Аравии была весьма непростой. В отличие от других суннитских течений отношение к суфизму (тасаввуф) со стороны ханбалитов было более жестким, а временами просто нетерпимым, почти аналогичным отношению к шиитским общинам Саудовской Аравии. Традиционно наибольшее количество последователей различных суфийских тарикатов проживало в Хиджазе, что связано с особым положением этого региона в исламской истории.[35] Во времена Османской империи суфийские ордена были широко представлены не только в Мекке и Медине, но и в портовом городе Джидда, где они пользовались значительным влиянием как у населения, так и властей. Такое привилегированное положение орденов и почетный статус суфийских шейхов сохранялись и при правлении Хашимитской династии в независимом королевстве Хиджаз до середины 20-х годов XX века. Практически все суфийские ордена имели в Мекке и Медине свои рибаты, которые не только служили приютами для суфиев-паломников, но и являлись постоянно действующими суфийскими духовными центрами.

Однако после присоединения Хиджаза к Нежду и объявления доктрины ваххабизма в качестве господствующего вероисповедания в новом объединенном саудовском государстве в положение суфиев произошли кардинальные изменения по причине крайне отрицательного отношения ваххабитов к их традициям и обрядам, а также к аскетической и мистической практике.[36] Кроме того, под запрет попали не только почитание мазаров, зикр и др., но также празднование событий, связан-

ных с жизнью пророка Мухаммеда, таких как день рождения (маулид), ночное перенесение в Иерусалим (исра и мирадж), что, впрочем, являлось не столько суфийской, сколько особой исторической исламской традицией в Хиджазе.[37] Положение суфиев еще более усложнялось тем, что они, с точки зрения набиравшего силу арабского национализма, считались «неблагонадежным» элементом, т.к. именно на них делала ставку Османская империя, как, впрочем, и на ханафитов в качестве противодействия распространению идей ваххабизма, что естественно не могло добавить к ним симпатий.[38]

После крушения Османской империи суфийские ордена в Хиджазе или ушли в подполье, или постепенно исчезли, как Накшабандия, Дандаравия.[39] Однако некоторым орденам удалось просуществовать на протяжении всего XX века в полулегальном положении, а их шейхи смогли сохранять даже практику мюридизма, несмотря на репрессивную политику со стороны властей.

Стоит отметить, что суфии в Саудовской Аравии не пытались выделить себя в какую-либо отдельную деноминацию, отличную от других мазхабов (в основном саудовские суфии – шафииты и маликиты), а всегда утверждали, что они такие же сунниты, как и остальные, но только «приверженцы образа жизни, основанного на мусульманской концепции ихсан (улучшения своей натуры). Существуя десятилетиями в таких условиях, саудовские суфии старались «не афишировать» явным образом свою принадлежность к тарикатам, поэтому крайне затруднительно проследить объективно их историю до новейшего времени. Тем не менее интересно отметить, что суфийские шейхи в Саудовской Аравии, несмотря на гонения, старались оставаться верными своей традиции даже в одежде, предпочитая носить не традиционную неджийскую куфию (шемагу) без укаля, а суффийскую чалму (тюрбан), а также традиционный шерстяной суфийский плащ.

За время существования КСА власти относились к наличию в стране последователей суфийских орденов по-разному в зависимости от текущего политического момента – от неофициального признания, когда их просто старались не замечать, вплоть до введения прямых запретов и репрессивных мер. Особенно суфии столкнулись с этим после захвата Большой Мечети в Мекке в 1979 г. вооруженной террористической группой, когда впервые открыто был сделан вызов легитимности правящей семьи Аль Сауд. Напомним, что в своем заявлении,

где помимо традиционных анти-американских и антизападных выпадов, а также обвинений правящей династии в коррупции и неспособности управлять государством, содержался призыв к властям прекратить «предоставление убежища многобожникам, шиитам и рафидитам».[40] Кроме того, среди требований этой группировки было введение еще более пуританской формы ислама в стране, построенного на Коране и Сунне, а не на «двусмысленных» толкованиях факихов, которые исключали бы любые формы даже суннизма.[41] Власти были откровенно напуганы таким развитием событий, и под давлением влиятельных ваххабитских улемов, помогших им подавить мятеж, пошли на уступки, дав согласие на дальнейшее ужесточение отношения ко всем религиозным меньшинствам.[42]

Последствия такой политики напрямую коснулись суфийского лидера Мухаммеда Аль-Малики. Верховный муфтий КСА Абдель Азиз бин Абдалла бин Баз издал фетву, где обвинил его в неверии (куфре), как, впрочем, и других суфиев, а также в недопустимых нововведениях – прежде всего в праздновании дня рождения пророка Мухаммеда и пр. После этого шейх аль-Малики был отстранен от преподавания в мекканском университете Умм аль-Кура, также ему запретили занятия со своими мюридами и студентами в Большой Мечети, где его предки на протяжении нескольких поколений беспрепятственно делали это. Кроме того, он подвергся допросу в одном из местных отделений религиозной полиции (муттава) и в Министерстве внутренних дел. В довершение всего шейх был атакован разъяренной группой радикалов-ваххабитов, после чего мог публично посещать мечеть для совершения молитвы только в сопровождении вооруженной охраны.[43] Тем не менее шейх аль-Малики не прекратил своей религиозной деятельности и даже выпустил книгу с апологетикой суфийских традиций – «О праздновании дня рождения пророка Мухаммеда» (Хауля ихтиваль маулид набауи аш-шариф), в которой открыто полемизировал с ваххабитами относительно их собственной религиозной практики. Несмотря на враждебное отношение и продолжавшиеся нападки со стороны непримиримых ханбалитских улемов, положение шейха аль-Малики было неоднозначным, т.к. он пользовался уважением и, возможно, даже негласным покровительством в самых высоких кругах саудовского истеблишмента. Например, долгое время одним из его защитников от нападок ваххабитов являлся бывший министр культуры

(1975–1982 гг.) Мухаммед Абдо Ямани (1938–2010 гг.)[44], происходивший из влиятельной мекканской семьи, члены которой, как уже говорилось выше, традиционно принадлежали к маликитскому мазхабу. Считается, что именно он, будучи суфием[45], оказывал наибольшую поддержку суфийскому движению в Саудовской Аравии, как никто другой.[46]

Изменения в статусе суфиев произошли после событий 11 сентября 2001 г., что признается и суфийскими шейхами. По словам шейха Хабиба Аднана, «это одно из благословений 11 сентября, что затормозило [ваххабитскую] практику такфира [обвинения в неверии (куфре)], отлучающую каждого, кто не следует в точности их вероисповедованию… [Правительство] осознало, возможно, что навязывание одного вероисповедания над всеми остальными не было уж такой хорошей идеей».[47] Кроме того, он с удивлением отмечал, что суфизм был в какой-то мере реабилитирован, перейдя из категории «гонимых» в категорию «терпимых». По его словам, такие перемены несколько лет назад были просто немыслимы, когда даже заявлять о своей принадлежности к суфийскому тарикату было «все равно, что говорить открыто о наркотиках».[48]

Однако настороженное отношение к суфиям со стороны саудовского религиозного и политического истеблишмента оставалось. Особенно учитывая тот факт, что в администрации Дж. Буша, как уже говорилось, с подачи влиятельных тогда неконсерваторов рассматривался проект изменения политического устройства Саудовской Аравии не только путем «внедрения демократии», но также и смены религиозной доктрины, где наряду с шиитами определенная роль отводилась и суфиям. Интересно отметить, что 24 октября 2003 г. в Вашингтоне в рамках программы по международной безопасности американской неправительственной политологической организации «Никсоновский центр (Nixon Center)» состоялась конференция «Понимание суфизма и его потенциальной роли во внешней политике Соединенных Штатов» (Understanding Sufism and its Potential Role in US Policy). Особенно интересно, что на этой конференции помимо политологов присутствовали и суфийские шейхи. Мухxамед Хишам Каббани – глава суфийского ордена Накшбанди-Хаккани в США (Naqshbandi-Haqqani Sufi Order of America – NQSOA) выступил с критикой ваххабитского экстремизма, как исламской религиозной доктрины, заявив, что в отличие от ваххабитов у суфиев отсутствуют политические

интересы. Кроме того, он подчеркнул, что «суфии могут играть большую роль в установлении мостов между различными культурами, различными общинами и различными государствами».[49]

Тем не менее между саудовскими властями и суфиями постепенно начал выстраиваться диалог. Отмечалось даже особое благожелательное отношение к шейху аль-Малики со стороны короля Фахда.[50] Как уже говорилось, частичную легитимизацию деятельности суфиев в Королевстве связывают с именем короля Абдаллы, особенно с влиянием небольшой прослойки «прогрессивного меньшинства» из его окружения.[51] Наличие симпатий к саудовским суфиям у саудовского монарха некоторые увидели даже в том, что он в сопровождении некоторых других представителей династии посетил дом шейха аль-Малики сразу после его смерти, выразив соболезнование его семье.[52] Кроме него похороны шейха аль-Малики к удивлению многих почтили своим присутствием также наследник престола и министр обороны принц Султан и министр внутренних дел принц Найеф.[53] Брат шейха Мухаммед аль-Малики, профессор шариатского права и хадисоведения в Шариатском колледже Мекки, отметил: «Визит принца Абдаллы был как зеленый свет для умеренного направления религиозной деятельности в Саудовской Аравии.[54]

Однако, несмотря на ряд положительных перемен, в целом отношение к суфиям со стороны большинства официального религиозного истеблишмента не изменилось. По горькому замечанию одного из членов суфийского сообщества, «произошел только апгрейд», когда их статус был повышен от неверных (кафирун) до заблудших, которые неверно практикуют свою религию.[55] Тем не менее начавшееся весьма неровное улучшение отношения к суфиям со стороны властей поддержали некоторые влиятельные ханбалитские улемы, занимающие умеренные позиции. Особенно это стало очевидным, когда в мае 2006 г. Салман аль-Ауда принял приглашение шейха Абдаллы Фадаака посетить его в Джидде, в его завии, и принять участие в церемонии празднования дня рождения пророка Мухаммеда (маулид). Как сообщают источники из американской дипломатической переписки, этот шаг был расценен неоднозначно другими улемами, вызвав явное недовольство некоторых из них. В результате этого руководство Министерства по делам ислама запретило Салману аль-Ауда участвовать в традиционной церемонии чтецов Корана среди студентов.[56]

Тем не менее это был не единственный случай, когда умеренные улемы ханбалитского мазхаба, поддерживающие политику модернизации, постарались наладить контакты с суфиями. Очевидно, что именно шейха Фадаака уже тогда рассматривали как одного из неформальных лидеров суфиев в КСА, когда в ноябре 2006 г. состоялась его встреча с другим влиятельным клириком – Аидом ибн Абдаллой аль-Карни, целью которой было заявлено «формирование культуры толерантности и сближения между мазхабами».[57] Он особо подчеркнул, что такие контакты стали возможны благодаря инициативам короля Абдаллы по проведению первой сессии «Национального диалога», что явилось «первой искрой, которая собрала улемов из различных религиозных течений и мазхабов в Королевстве».[58] Сам шейх Фадаак также позитивно отреагировал на начавшийся диалог, особо отметив, что «действительно имеются хорошие связи между видными деятелями различных мазхабов, и особенно между салафитской и суфийской школами».[59] Тем не менее он признал, что основные проблемы в отношениях остаются, т.к. «в каждой школе есть последователи, которые хотят следовать слепо традиции», и что проблему «не решить за день, но мы хотим, чтобы молодежь и студенты поняли важность таких контактов и диалога».[60]

В этом он был прав, т.к. впоследствии «непримиримые» не оставили своих нападок в отношении суфиев. Даже уже после включения суфиев в качестве официальных участников в «Национальный диалог», «непримиримые» ваххабитские улемы не упускали возможности продемонстрировать свое негативное отношение к суфийским орденам. Например, в феврале 2010 г. нынешний Верховный муфтий Абдель Азиз аш-Шейх обрушился с резкой критикой на суфийскую религиозную практику, когда в одной из своих пятничных проповедей (хутбе) назвал суфийские ордена «заблудшими сектами», а также обвинил их последователей, что они злы и порочны в своей вере, этике, а также дискредитируют ислам.[61] Кроме того, он традиционно коснулся в своей хутбе темы, которая всегда использовалась ваххабитами в антисуфийской полемике – связи суфийских орденов с шиитами, что категорически отрицается местными суфиями, которые всегда подчеркивают, что суфизм в Саудовской Аравии – это прежде всего суннизм. Обычно власти не реагируют на такие выпады в официальном порядке и не предпринимают каких-либо серьезных репрессивных мер. Тем не

менее иногда они идут навстречу «непримиримым». Например, после очередной антисуфийской пятничной проповеди Верховного муфтия в июне 2011 г., в которой он снова заявил, что суфии призывают к «заблуждениям и мифам»,[62] было принято решение о закрытии двух исторических мечетей – Омара бин Хаттаба и Салмана аль-Фариси (особо почитаемого у суфиев), расположенных у западного подножия горы Саля в Медине, якобы на реставрацию из-за их неудовлетворительного состояния.[63] Хотя предполагается, что главная причина закрытия заключалась в том, что эти мечети были особенно почитаемы у местных суфиев, проводивших в них свои собрания и ритуалы, которые в представлении ваххабитов связываются с языческими обрядами поклонения могилам (аль-кубурия).[64]

В этой связи стоит отметить еще одну сторону суфизма в Хиджазе, когда для некоторых представителей интеллигенции из влиятельных хиджазских кланов он становится способом выражения так называемой «хиджазской идентичности». Под этим термином обычно подразумеваются сохранение и возрождение культурно-исторического наследия, а также хиджазских традиций религиозного плюрализма и терпимости в противовес пуританским доктринам неджийских ваххабитов, что иногда граничит почти с сепаратистскими настроениями. Одним из ярких представителей такого неформального движения является доктор Сами аль-Ангави – дипломированный архитектор со степенью доктора философии по исламской архитектуре, полученной им в Институте восточных и африканских исследований Лондонского университета (the School of Oriental and African Studies, University of London). Кроме того, он является основателем Научно-исследовательского центра хаджа, существующего уже 25 лет, одной из задач которого является сохранение культурного и архитектурного исторического наследия Мекки и Медины. Помимо своей общественной деятельности и просветительской работы, д-р Сами аль-Ангави является еще и суфием, даже претендовавшим в свое время на ведущие позиции в местной суфийской общине.[65] Одной из главных причин крайне неудовлетворительного, по его мнению, положения в области сохранности исторического наследия в Хиджазе (и в Саудовской Аравии в целом) он видит в постулатах доктрины ваххабитов, которые считают паломничество к местам, связанным с историей ислама, противоречащим доктрине таухида (единобожия). «Корень проблем лежит в ваххабизме, у них большой комплекс относи-

тельно идолопоклонства и всего, что связано с Пророком», – заметил он.[66] Сами аль-Ангави периодически выступает в прессе, а также на международных форумах против широкомасштабных строительных проектов, которые начались в Мекке с 2006 г. Особенно он протестовал против сооружения Башни Абрадж Аль-Байт (Abraj Al-Bait Towers) – комплекса высотных зданий около Большой мечети, заявив, что подобное строительство недопустимо в священных городах и искажает их исторический облик. По его мнению, такие грандиозные строительные проекты – «не что иное, как коммерциализация дома Божьего».[67] Однако в ответ на его критику министр по делам туризма и древностям принц Султан бин Салман (сын наследного принца Салмана и первый саудовский космонавт) не без остроумия заметил, что когда он находится «в Мекке и совершает ритуальный обход Каабы, то не смотрит вверх».[68]

Как видим, суфийское движение в Саудовской Аравии разнообразно по своему составу, происхождению, а также по тем целям, которые его приверженцы ставят перед собой. Однако саудовский аналитик Зайед аль-Фейсал, заявленный как «специалист по суффийскому вопросу в Саудовской Аравии», в своем интервью каналу «Аль-Джазира» подтвердил, что положение суфиев в КСА сейчас достаточно стабильно, особенно после событий 11 сентября. Тем не менее, он не считает, что это привело к качественному изменению их статуса. По его мнению, саудовские суфии не являются серьезной силой во внутриполитической жизни КСА, т.к. у властей нет ясности относительно дальнейших их перспектив. Более того, в настоящее время идет снижение суфийского влияния, т.к. многие выходцы из Хиджаза заинтересованы в «сохранении культурной хиджазской идентичности более, чем в сохранении суфийской».[69] Он считает, что самым важным фактором такого спада стало «отсутствие влиятельного религиозного деятеля из-за большого вакуума, который образовался после смерти шейха аль-Малики в 2004 г. в Мекке».[70] Однако ему оппонирует шейх Абдалла Фадаак, который не разделяет такого пессимистичного взгляда, подчеркнув, что по-прежнему проводит занятия с учениками, совершает зикр, иншад в Мекке, Джидде, в которых принимают активное участие мюриды и студенты.[71]

Несомненно, что одной из причин, сдерживающих рост суфизма в Саудовской Аравии, является реакция радикальных ваххабитских кругов, которым власти время от времени идут на-

встречу.[72] Кроме того, сами суфии считают, что диалог между ними и ваххабитами бесперспективен, т.к. «вероучительные расхождения гораздо глубже, чем все это считают».[73] Несмотря на очевидные послабления и почти легальный статус, который суфии приобрели в течение правления короля Абдаллы, власти все же официально продолжают дистанцироваться от них. Как полагают некоторые саудовские аналитики, такая «молчаливая», а временами жесткая позиция властей Саудовской Аравии связана с нежеланием потерять поддержку официального религиозного истеблишмента, который по-прежнему остается очень серьезной силой в Королевстве. Тем не менее те же источники сообщают, что власти пытаются лишний раз не конфликтовать со своими религиозными «диссидентами», т.к. некоторые влиятельные выходцы из Хиджаза часто принадлежат к семьям, связанным с суфизмом; поэтому для сохранения лояльности с их стороны «предоставляют им портфели и должности в министерствах информации, хаджа, а также должности послов, консулов, представляющих страну за рубежом».[74]Относительно будущего суфиев в политической жизни Саудовской Аравии мнения расходятся. Некоторые считают, что какого-то особого «суфийского проекта» у властей нет, другие же полагают, что определенные круги саудовского истеблишмента не исключают возможности использовать суфиев для своих внутриполитических целей, прежде всего в качестве своеобразного канала для контактов между шиитами и либеральными суннитами.[75]

Таким образом, реальная роль суфизма в КСА в настоящее время еще недостаточно изучена по ряду вышеизложенных причин. Тем не менее, несомненно, можно констатировать рост интереса к традициям суфизма в определенных слоях саудовского общества, когда за последние годы суфизм приобрел статус своеобразной «интеллектуальной моды» в рамках субкультуры образованной молодежи, которая активно интересуется духовными поисками, пытаясь найти замену официальному ваххабизму. Тем более, как отмечают отдельные исследования, такие тенденции имели место и ранее, особенно среди молодежи Хиджаза, которая «тосковала по старому порядку, когда Мекка и Медина находились под управлением всех религиозно-правовых исламских школ (мазхабов), а не только ваххабитов».[76]

Становится очевидным, что по сравнению с прошлыми временами власти КСА после восшествия на престол в 2005 г. короля Абдаллы предприняли определенные попытки избавиться час-

тично от гегемонии радикальной ваххабитской идеологии, а также заложить базу для формирования умеренного течения в религиозном истеблишменте путем привлечения к сотрудничеству не только умеренных ваххабитов, но также и представителей традиционных суннитских меньшинств (включая, возможно, и суфиев). Однако на укрепление идей религиозной толерантности в саудовском обществе все же потребуется гораздо больше усилий и компромиссов, а также времени, чем это планировалось ранее. Тем более, что во многом это будет зависеть от целого ряда внешнеполитических факторов, а также от монарха, который будет занимать трон династии Аль Сауд в будущем.

---

[1] U.S. Department of State, 2011 International Religious Freedom Report: Saudi Arabia. – http://www.state.gov/documents/organization/193117.pdf, с. 2.

[2] Хамза аль-Хасан. Аль-Харита аль-мазхабия фи аль-Саудия. – http://www.aljazeera.net/specialfiles/pages/c5d7b415-e43a-4426-9c86-a87fd291603f

[3] U.S. Department of State, 2011 International Religious Freedom Report: Saudi Arabia.

[4] Fuad Ibrahim. The Shi'is of Saudi Arabia. Saqi, 2006, с. 56; Хамза аль-Хасан. Аль-Харита аль-мазхабия фи аль-Саудия. – http://www.aljazeera.net/specialfiles/pages/c5d7b415-e43a-4426-9c86-a87fd291603f

[5] Fouad Farsy. Saudi Arabia: A Case Study in Development. – London: Routledge & Kegan Paul (KPI), 1986, с. 75. См. также: Отчет штабс-капитана Давлетшина о командировке в Хиджаз. С.-Пб. Военная типография, 1899. С. 15.

[6] Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII-XV веках. С.-Пб. 2006. С. 148–149.

[7] Stephen Schwartz. Shari’a in Saudi Arabia, Today and Tomorrow. Radical Islam's Rules: The Worldwide Spread of Extreme Shari'a Law. – Lanham: Rowman & Littlefield, 2005. С. 28.

[8] Okaz, 26 November 2006. – http://www.okaz.com.sa/okaz/osf/20061128/Con2006112866680.htm

[9] http://forum.makkawi.com/showthread.php?t=87416

[10] http://www.sunniforum.com/forum/archive/index.php/t-66963.html

[11] Shaykh Yahya al-Mulla. Interview Online (Audio) http://daralhadith.wordpress.com/page/2/

[12] Отчет штабс-капитана Давлетшина о командировке в Хиджаз, с. 15.

[13] Venkateswarier Subramaniam. Public Administration in the Third World: An International Handbook. Greenwood, 1990. С. 196.
[14] Stephen Schwartz. Shari'a in Saudi Arabia: Today and tomorrow, in P. Marshall (ed.), Radical Islam's rules: The worldwide spread of extreme Shari'a law. – Lanham: Roman & Littlefield, 2005. С. 28.
[15] http://www.sunniforum.com/forum/archive/index.php/t-66963.html; см. также: Хамза аль-Хасан. Аль-Харита аль-мазхабия фи аль-Саудия.
[16] http://www.daralhadith.org.uk/?p=2748
[17] Хамза аль-Хасан. Аль-Харита аль-мазхабия фи аль-Саудия.
[18] Ислам. Энциклопедический словарь. – М., 1991. С. 315.
[19] Stephen Schwartz. Shari’a in Saudi Arabia, Today and Tomorrow. С. 28.
[20] http://www.sunniforum.com/forum/archive/index.php/t-66963.html
[21] Хамза аль-Хасан. Аль-Харита аль-мазхабия фи аль-Саудия.
[22] Anne K. Bang. Sufis and Scholars of the Sea: Family Networks in East Africa, 1860–1925. – Routledge Curzon, 2003. С. 12.
[23] http://www.okhdood.com/?act=artc&id=5607
[24] Faiza Saleh Ambah. In Saudi Arabia, a Resurgence of Sufism // The Washington Post Tuesday, 02.05.2006. – http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/05/01/AR2006050101380.html
[25] http://www.alwatan.com.sa/Writers/Detail.aspx?WriterID=40&issueno=4468
[26] Ashraf Fahim. «Liberating» Saudi's Shi'ites (and their oil) // Asia Times, 18.03.2004. – http://www.atimes.com/atimes/Middle_East/FC18Ak03.html
[27] Can Saudi Arabia Reform Itself? // International Crisis Group Middle East Report, №°28, 14 July 2004. С. 16. – http://www.crisisgroup.org/~/media/Files/Middle%20East%20North%20Africa/Iran%20Gulf/Saudi%20Arabia/Can%20Saudi%20Arabia%20Reform%20Itself.ashx
[28] Anthony H. Cordesman, Nawaf E. Obaid. National Security in Saudi Arabia: Threats, Responses, And Challenges. – Greenwood, 2005. С. 383.
[29] Mai Yamani. The Two Faces of Saudi Arabia. С. 147. – http://www.maiyamani.com/pdf/The%20Two%20Faces%20of%20Saudi%20Arabia.pdf
[30] Al-Sharq al-Awsat, 17.03.2009. – http://www.aawsat.com/details.asp?issueno=10992&article=511267
[31] Saudi king overhauls leadership, the National (UAE), 15.02.2009. – http://www.thenational.ae/news/world/middle-east/saudi-king-overhauls-leadership#full

[32] http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=507131&issueno=11037
[33] http://www.alarabiya.net/articles/2013/01/15/260567.html
[34] Saudi king appoints new Supreme Court chief, 16.01.2013. – http://english.alarabiya.net/articles/2013/01/16/260670.html
[35] http://www.alsoufia.com/main/articles.aspx?article_no=3447
[36] Sherifa Zuhur. Saudi Arabia // ABC-CLIO, 31.01.2011. С. 189.
[37] Stephen Schwartz. The Widening War Against Sufism, 09.04.2011. – http://www.islamicpluralism.org/1769/the-widening-war-against-sufism
[38] David Commins, The Wahhabi Mission and Saudi Arabia. – I. B. Tauris, 2009. С.154.
[39] Mark J. R. Sedgwick. Saudi Sufis: Compromise in the Hijaz // Die Welt des Islams. New Series, Vol. 37, Issue 3, Shiites and Sufis in Saudi Arabia (Nov., 1997). С. 349.
[40] Fuad Ibrahim. The Shi'is of Saudi Arabia. С. 27
[41] William B. Quandt. Saudi Arabia in the 1980s: Foreign Policy, Security, and Oil. – Brookings Institution, 1981. С. 94.
[42] Faiza Saleh Ambah. In Saudi Arabia, a Resurgence of Sufism.
[43] Faiza Saleh Ambah. In Saudi Arabia, a Resurgence of Sufism.
[44] Ex-minister Abdu Yamani passes away // Arab News. 08.11.2010. – http://www.arabnews.com/node/359990
[45] http://www.okhdood.com/?act=artc&id=5607
[46] Irfan Al-Alawi. Center for Islamic pluralism. November 10, 2010. Makkah Bids Farewell to One of Its Sons His Excellency Dr. Muhammad Abdu Yamani. – http://www.islamicpluralism.org/1668/makkah-bids-farewell-to-one-of-its-sons
[47] Faiza Saleh Ambah. In Saudi Arabia, a Resurgence of Sufism.
[48] Ibid.
[49] Understanding Sufism and its Potential Role in US Policy // Nixon Center Conference, Report March 2004. – http://www.hudson.org/files/publications/Understanding_Suffism.pdf. С. 22.
[50] Obituary to al-Sayyid Muhammad bin Alawi al-Maliki. – http://spa.qibla.com/issue_view.asp?HD=7&ID=4342&CATE=22
[51] Stephen Schwartz. The Widening War Against Sufism. 09.04.2011. – http://www.islamicpluralism.org/1769/the-widening-war-against-sufism
[52] Stepen Swartz. The King Who Would Be Reformer. Is there a silver lining behind the new Saud? // The Weekly standarts. 29.08.2005, Vol. 10, № 46. – http://m.weeklystandard.com/Content/Protected/Articles/000/000/005/978fugoa.asp
[53] Faiza Saleh Ambah. In Saudi Arabia, a Resurgence of Sufism.

[54] Adnan R. Khan. The path ahead. The push for religious reform is allowing Sufis to step into the open. 03.03.2005. – http://www.macleans.ca/world/global/article.jsp?content=20050307_101334_101334
[55] Faiza Saleh Ambah. In Saudi Arabia, a Resurgence of Sufism.
[56] http://www.cablegatesearch.net/cable.php?id=06JEDDAH401
[57] http://aawsat.com/details.asp?section=43&article=392019&issueno=10214
[58] Ibid.
[59] Ibid.
[60] http://aawsat.com/details.asp?section=43&article=392019&issueno=10214
[61] http://www.aljazeera.net/news/pages/601721de-51c0-4015-9f52-9c71b57d6611
[62] Ibid.
[63] http://www.alwatan.com.sa/Local/News_Detail.aspx?ArticleID=59150&CategoryID=5
[64] http://www.alsoufia.com/main/articles.aspx?article_no=3447
[65] John R. Bradley. Wahhabism splits Saudis Tuesday. // The Washington Times, 03.02.2004. – http://www.washingtontimes.com/news/2004/feb/3/20040203-092724-7617r/?page=all
[66] Rachel Hoff. Dissident Watch: Sami Angawi // Middle East Quarterly. Vol. XIII, № 1. Winter 2006. C. 96.
[67] Orlando Crowcroft. Arabian Nightmare. 04.08.2010. – http://www.constructionweekonline.com/article-9119-arabian-nightmare
[68] Nicolai Ouroussoff. New Look for Mecca: Gargantuan and Gaudy // New York Times, 29.12.2010. – http://www.nytimes.com/2010/12/30/arts/design/30mecca.html?pagewanted=1&ref=general&src=me&_r=1&
[69] http://www.aljazeera.net/news/pages/601721de-51c0-4015-9f52-9c71b57d6611
[70] Ibid.
[71] Ibid.
[72] http://www.aljazeera.net/news/pages/ff080629-e2ac-4736-a74f-4e6b4f13db10
[73] Ibid.
[74] http://www.aljazeera.net/news/pages/601721de-51c0-4015-9f52-9c71b57d6611
[75] http://www.aljazeera.net/news/pages/ff080629-e2ac-4736-a74f-4e6b4f13db10
[76] Stephen Schwartz. Shari'a in Saudi Arabia, Today and Tomorrow. C. 28.

Э.О.Касаев

О СИТУАЦИИ ВОКРУГ ЛИВИЙСКОЙ НЕФТИ В 2011–2012 гг.

По статистике, Ливия, доказанные нефтяные запасы которой составляют 47,1 млрд. баррелей, является лидером по этому показателю среди африканских стран[1]. До начала 2011 г. добыча сырья в среднем достигала 1,65 млн. баррелей в сутки (в разные годы от 1,4 до 1,8 млн.)[2], но затем была значительно сокращена, что негативно отразилось и на объемах нефтяных поставок. По данным достоверных источников, в феврале 2011 г. государство сократило нефтедобычу более чем на четверть[3], а затем и вовсе практически полностью прекратило производство.

Дело в том, что ведущие зарубежные энергетические компании, работавшие на ливийской территории, приняли решение сначала о снижении объемов производства топлива, а затем о полной приостановке нефтегазовых операций и об эвакуации своих сотрудников из страны. Среди них были австрийская «ОМВ», британская «БиПи», французская «Тоталь», испанская «Репсол», немецкая «Басф», итальянская «Эни»[4]. Кроме того, все ливийские порты в Бенгази, Триполи и Мисрате, на которых осуществлялась перевалка «черного золота», были закрыты[5], и таким образом государство приостановило экспорт наливной нефти[6].

На тот момент некоторые эксперты опасались не только прекращения сбыта наливных ливийских углеводородов, но и подрыва трубопроводов на дне Средиземного моря, а также объектов нефтегазовой инфраструктуры на суше, но, как известно, этого не произошло.

Весьма серьезно пострадала Европа, так как, по официальным данным, в 2010 г. более 60% экспорта ливийской нефти направлялось в Италию, Францию, Германию и Испанию[7]. Кроме того, поставки из Джамахирии составляли до 15% нефтяного импорта Швейцарии, Ирландии и Австрии[8]. Кроме того, события

в Ливии оказали серьезное негативное влияние на мировой энергетический рынок, поскольку цена на нефть резко повысилась, что стало не только некомфортным, но и опасным для экономик государств-потребителей. Стоит заметить, что стоимость барреля «тяжелой нефти» европейской марки Brent впервые с 2008 г. перевалила за 110 долларов. Цена ее давнего конкурента – «легкой нефти» американского сорта WTI тоже начала расти, но гораздо меньшими темпами[9]. На заседании Совета управляющих Международного энергетического агентства (МЭА) было особо отмечено, что сокращение ливийских поставок удалось успешно компенсировать путем сочетания коллективных действий МЭА и увеличения нефтедобычи в отдельных странах[10].

Что касается появления на рынке ливийского топлива, то этот вопрос все еще остро волнует мировую общественность. Первоначально ожидалось, что осенью 2011 г. страна, к тому моменту возобновившая добычу сырья, восстановит производство в своей западной части. Затем появилась уже официальная информация о том, что к середине 2012 г. добыча нефти и газа достигнет довоенного уровня. Однако, невзирая на самые оптимистичные прогнозы, достичь заявленных показателей в указанный срок не удалось по ряду объективных причин.

Во-первых, полномасштабная гражданская война лишь перешла в стадию вялотекущего вооруженного конфликта, а не полностью прекратилась (о чем свидетельствовали частые кровопролитные столкновения в Бенгази[11]).

Во-вторых, процесс образования новых органов власти в Ливии может затянуться из-за воздействия племенного фактора, способного неожиданно перекроить всю предполагаемую «дорожную карту» создания нового государства. На этом фоне факт проведения выборов в ливийский Всеобщий национальный конгресс, в результате которых Переходный национальный совет (ПНС) передал власть первому легитимному парламенту[12], а также избрание главы переходного правительства страны[13] не являются залогом дальнейшего институционального прогресса.

В-третьих, для обеспечения надлежащего уровня нефтедобычи и масштабного экспорта сырья ливийской стороне необходимы солидные финансовые ресурсы, чтобы восстановить производственную инфраструктуру, серьезно пострадавшую в ходе военных действий.

В-четвертых, инвестиционная привлекательность государства понизилась в силу возросшего уровня возможных полити-

ческих, экономических и правовых рисков, что нелучшим образом может сказаться на полном возвращении туда зарубежных нефтегазовых компаний, без технологической помощи которых новым ливийским властям не удастся осуществить намеченные планы.

В-пятых, восстановление объемов добычи будет отличаться на различных участках. Например, основной бассейн в восточной части (Сирт), на который приходится около двух третей производства, весьма сложен для освоения и, по всей видимости, работы там потребуют большего периода времени.

Понимая всю серьезность сложившейся ситуации, нынешнее ливийское руководство настоятельно «зазывает» международных игроков возобновить добычу и отгрузку нефти. Власти заявили, что обеспечили безопасность нефтяных портов, призвав фирмы присылать танкеры на терминалы для последующего экспорта.

Надо сказать, что еще в марте 2011 г. на Лондонской конференции по Ливии, в которой приняли участие министры иностранных дел более чем 40 государств, а также представители основных международных и региональных арабских организаций, Катар заявил о готовности стать оператором по сбыту углеводородов Ливии. «Мы отметили предложение Катара содействовать процессу экспорта ливийской нефти в рамках международного права, особенно резолюций ООН 1970 и 1973 и других релевантных резолюций ООН, и в рамках помощи народу Ливии, чтобы доходы от продажи нефти шли на гуманитарные нужды»[14], – отмечалось в итоговом коммюнике конференции.

Становится понятно, что Катар решил помочь мятежникам во многом из-за «черного золота»[15], и эти действия были открыто поддержаны западными политиками. Так, министр иностранных дел Великобритании У. Хейг в ходе Лондонской конференции заявил, что продажа ливийской нефти будет осуществляться при помощи и посредничестве Катара по международному законодательству, а все поступления от нее пойдут на поддержку ливийцев[16]. По заявлению представителя госдепартамента США М. Тонера, Вашингтон также поддерживает действия Катара[17].

Согласно достоверным источникам, государственная нефтегазовая компания «Катар Петролеум» помогла ливийским повстанцам продать нефть на международном рынке через

портовый город Тобрук на востоке Ливии. Кроме того, катарские власти официально сообщили, что отправили в Бенгази (город-оплот ливийских повстанцев) четыре партии топлива, в том числе бензин, дизель и пропан.

Сразу после совершения сделки Доха заявила о признании ПНС Ливии легитимным органом власти. А революционное руководство Ливии тут же создало целевой депозитный счет, на который будут поступать средства от продажи нефти.

Кроме того, базирующаяся в Бенгази нефтяная фирма «Арабиан Галф Ойл Кампании»[18] подтвердила ликвидность полученных еще при прежнем режиме лицензий европейских и американских компаний на добычу углеводородов. Это стало толчком к тому, что многие западные концерны озвучили свои планы на этом направлении.

В частности, компания «Эни» заявила о намерении возобновить экспорт ливийского газа в Италию. Тогда как «ОМВ», «Репсол», «Тоталь» и «БиПи» посетовали на то, что продолжающиеся волнения не позволяют им в полном объеме вернуть персонал на территорию Ливии. По словам официальных лиц названного квартета, следует сначала дождаться снижения высоких военно-политических рисков, а уж потом думать об экономической выгоде на ливийском треке[19].

Интерес американских «Коноко Филлипс», «Хесс» и «Маратон», также имеющих действующие контракты с прежним режимом, не столь высок, поскольку до 2011 г. поставки из Ливии насчитывали менее 1% общего нефтяного импорта США[20], тогда как европейский рынок погашал около 10% своих нужд за счет Джамахирии, которая, как было отмечено, экспортировала туда более 70% добываемого на ее территории топлива. Тем не менее, американский бизнес не исключает увеличения нефтедобычи в Ливии за счет кооперации с европейскими партнерами.

Принимая во внимание амбиции и планы западных энергетических компаний, стоит ответить на вполне закономерные вопросы. Кто контролирует нефтяную отрасль Ливии? Кому из зарубежных игроков удастся закрепиться на углеводородном рынке этого государства?

В нефтяном секторе монопольное положение занимает «Ливийская национальная нефтяная корпорация» (ЛННК), которая является единственным уполномоченным органом, отвечающим за освоение и функционирование месторождений.

В собственности ЛННК находятся основные нефтепроводы, а также терминалы и мощности для хранения топлива. Она имеет ряд дочерних компаний, действующих в различных регионах страны. Среди них крупнейшими являются «Ваха Ойл Компани», «Арабиан Галф Ойл Компани», Сирт Ойл Компани», которые в большинстве случаев занимаются разработкой и добычей углеводородов в рамках одного месторождения. Как правило, это совместные предприятия ЛННК и иностранных инвесторов[21]. По заявлению главы ЛННК Н. Беруина[22], к началу 2013 г. средний уровень нефтедобычи в стране должен достичь 1,7 млн. баррелей в сутки[23].

До приостановления нефтяного производства на долю нефтеэкспорта приходилось порядка 95% всех валютных поступлений государства[24]. Осенью 2011 г. добыча сырья вновь начала набирать обороты и в мае 2012 г. составила 1,4 млн. баррелей в сутки[25]. В результате за первые семь месяцев 2012 г. доходы от продажи нефти принесли в ливийскую казну 30,4 млрд. долл., что на 5% превысило прогнозируемую выручку[26].

В докладе, подготовленном специалистами ЛННК, подчеркивается, что результаты по доходам рассчитывались с учетом экспорта нефти и газа, а также налогов, выплачиваемых государству иностранными нефтегазовыми компаниями. По итогам 2012 г. власти Ливии прогнозируют доходы от продажи углеводородов в размере 54,9 млрд. долл. при среднем уровне производства 1,35 млн. баррелей в сутки[27].

Звучит весьма амбициозно, но определенные предпосылки для таких заявлений и прогнозов имеются. В частности, многие иностранные компании, свернувшие свой бизнес во время активных военных действий 2011 г., вновь вернулись к добыче[28].

Примечательно, что некоторые западные фирмы стали делить минеральное сырье Ливии еще до формального окончания гражданской войны. Например, британский нефтетрейдер «Витол» заключил контракт с ПНС на 1 млрд. долл.[29] при посредничестве министра международного развития Великобритании А.Данкана[30].

Стоит отметить, что явным преимуществом на ливийском рынке пользуются французские игроки, которые, согласно письму, отправленному еще 3 апреля 2011 г. одним из представителей ПНС эмиру Катара, получат 35% нефти Ливии в обмен на поддержку оппозиции. Копия этого секретного документа была опубликована во французской газете «Либе-

расьон»[31]. Далее следуют итальянские, британские и немецкие концерны. Также не стоит сбрасывать со счетов американские и канадские компании «Маратон», «Коноко Филлипс», «Хесс», «Оксидентал» и «Санкор».

Справедливости ради следует заметить, что новая власть Ливии является «крепким орешком» и не намерена идти на поводу у Запада. Доказательством служит процесс проверок на коррупционность сделок крупных нефтяных концернов, заключенных при М. Каддафи. Ливийские правоохранительные органы обратились в соответствующие структуры с просьбой предоставить все документы, связанные с деятельностью иностранных компаний на территории страны.

В то же время в рамках закона США о противодействии коррупции за рубежом подобное расследование начала Комиссия по ценным бумагам и биржам США, которая направила ряду компаний официальные запросы о предоставлении необходимой информации[32]. Требуемую отчетность представили «Эни», «Тоталь» и «Маратон»[33].

Относительно результатов этих проверок в экспертной среде существует несколько противоположных мнений. Например, подобные расследования могут стать серьезным препятствием для иностранцев на пути к расширению бизнеса в североафриканском государстве. На Ливию приходится около 14% совокупной добычи «Эни», причем в ближайшие 10 лет компания планирует удвоить этот показатель, инвестировав в экономику страны 30–35 млрд. долл.[34]

Некоторые аналитики полагают, что проверка может являться попыткой США освободить ливийский рынок для национальных нефтедобытчиков. Впрочем, не исключено, что у нынешнего руководства будут вопросы и к американским компаниям. В частности, эксперт компании «Ай-Эйч-Эс Энерджи» С.Сизук считает, что «Тоталь» и «Эни» работают в Ливии уже не одно десятилетие, в то время как американский бизнес покинул эту страну после бомбардировок ВВС США во время президентства Р.Рейгана (в 1986 г.). Американские компании вновь начали появляться в стране не так давно. Логично предположить, что местные власти в первую очередь заинтересовались деятельностью ведущих игроков сектора, которые успешно вели диалог с представителями свергнутой власти в течение десятилетий[35]. Однако, по мнению аналитика, компании смогут избежать санкций, по крайней мере, со стороны властей

Ливии. Обоснование следующее: подобные расследования были вполне ожидаемы, поскольку при прежнем режиме нефтяной сектор был очень коррумпирован. Новые власти это прекрасно понимают, поэтому станут обращать внимание лишь на самые вопиющие случаи коррупции[36].

Стоит согласиться с этой позицией и добавить, что присутствие ведущих зарубежных (прежде всего западных) компаний в нефтяной отрасли Ливии необходимо непосредственно самому государству, ибо без иностранных технологий местным властям не удастся достичь довоенных показателей и в будущем прогрессировать в отрасли. Не случайно глава ЛННК Н. Беруин в одном из интервью подчеркнул, что для достижения заявленных целей потребуется поддержка зарубежных игроков[37].

Действительно, что работа по привлечению западных фирм на рынок Ливии успешно ведется. Осенью 2012 г. в Триполи прошел трехдневный профильный саммит под названием «Нефть, газ и устойчивое развитие»[38]. На открытии присутствовали многие высокопоставленные политики и представители бизнес-структур.

В своем выступлении ливийский министр нефти А.Бен Езза[39] отметил, что возвращение высокого уровня производства в течение короткого периода стало возможным благодаря недюжинным усилиям. Однако страна не собирается останавливаться на достигнутом, а будет стремиться увеличивать имеющиеся показатели до 2 млн. барр. в сутки к 2015 г.[40]

В свою очередь, глава ЛННК заявил, что Ливия обладает огромными запасами углеводородов и останется страной-экспортером нефти в течение многих десятилетий. По его словам, страна планирует сотрудничать с национальными и международными компаниями на таком же высоком уровне прозрачности, как сегодня[41].

В ходе саммита неоднократно подчеркивалось, что долгое время Ливия не заключала новых нефтяных контрактов с иностранными инвесторами, но оно не прошло даром, поскольку страна «извлекала уроки» из предыдущих форм кооперации, чтобы предложить зарубежным компаниям новую модель контрактного сотрудничества, которая была бы привлекательнее предыдущих[42].

Выступая с докладом, руководитель ЛННК напомнил, что уже состоялось несколько раундов торгов, в ходе которых

иностранные игроки добились права на разработку ливийских недр. Результаты этих аукционов были неравнозначными, но ливийская сторона, тем не менее, настроена оптимистически[43]. Следующий раунд по самым оптимистичным оценкам состоится в течение года[44], но до этого необходимо проделать серьезную работу. В частности, оценить и минимизировать возможные риски для инвесторов, сделать максимально доступной предквалификационную процедуру, а также пересмотреть прежние формы договоров на предмет их эффективности, прозрачности, а также сроков (не исключен вариант, что ЛННК в будущем увеличит для подрядчика контрактный период разведки месторождений с нынешних трех до пяти лет[45]). Что касается введения новых налоговых льгот для зарубежных компаний, то этот вопрос не входит в компетенцию ЛННК, и поэтому может быть решен лишь при участии Министерства нефти Ливии[46].

Помимо модернизации условий для инвесторов, активно обсуждался вопрос о возможном изменении структуры и функций ЛННК. Например, было высказано предположение, что правительство вполне может посчитать допустимым преобразование полностью государственной компании в коммерческий холдинг[47]. Вероятно, этот сценарий был предложен намеренно, чтобы «расположить» международных игроков и мотивировать их вкладывать средства в развитие ливийской экономики. Трудно представить, что новые власти добровольно отдадут в частные руки источник постоянных доходов, которым долгие годы является нефтяная монополия.

В связи с этим целесообразно обратить внимание на племенной фактор. Племенное противостояние способно не только повлиять на политическую обстановку в государстве, но и по-иному расставить акценты в нефтяных вопросах. Имеются вполне обоснованные сомнения относительно того, что центральные власти Ливии смогут контролировать все крупные месторождения страны.

Конкретный пример – основные залежи нефти расположены в восточной части государства, в Киренаике. Старейшины местных племен и полевые командиры заявили о создании здесь автономии, которая будет самостоятельно распоряжаться энергоресурсами на ее территории. Радикалы также попытаются вмешаться в «нефтяной передел», так как их позиции наиболее сильны именно в этой части Ливии.

Говоря об интересах западных и местных «партнеров», не следует забывать о том, что ливийские недра осваивали и российские компании, которые в настоящий момент прилагают усилия, чтобы вернуть себе этот рынок, потеснив конкурентов.

Надо сказать, что отечественный бизнес извлек уроки из прошлого и на этот раз привлек государственный ресурс, ибо он несомненно являет собою ощутимую поддержку в любой геополитической борьбе.

Результаты не заставили себя долго ждать. В 2011 г. в Риме в присутствии президента России Д.А. Медведева и премьер-министра Италии С. Берлускони «Газпром» подписал с концерном «Эни» договор уступки доли в соглашении о разделе продукции (СРП) по проекту «Элефант»[48]. Согласно документу, непосредственным покупателем стала дочерняя компания российского газового монополиста «Газпромнефть»[49]. Таким образом, доля газпромовской «дочки» в проекте составила 16,65% (а не 33,3%, как ошибочно пишут многие средства массовой информации), столько же сосредоточено у «Эни», оставшаяся часть принадлежит группе корейских компаний, наряду с российско-итальянским дуэтом входящих в консорциум по разработке данного участка, а также ЛННК. Тем не менее факт сделки (заключенной, кстати, в рамках Соглашения о стратегическом партнерстве между «Газпромом» и «Эни»[50]) отнюдь не означает, что нынешние ливийские власти полностью готовы забыть «двойную игру» Кремля, который параллельно пытался заручиться поддержкой и М. Каддафи, и его противников.

Не случайно, несмотря на начатую работу Министерства энергетики России по развитию нефтегазовых связей с Ливией, новые власти этого государства официально заявили, что у них есть ряд вопросов к Москве (в том числе, имела место проверка на наличие «коррупционной составляющей»[51] – аналогично процедуре, описанной выше).

Российским пионером на ливийском энергетическом поле является компания «Татнефть», которая до начала военных событий вела на условиях СРП разработку четырех блоков (в бассейнах Гадамес и Сирт) суммарной площадью 18 тыс. кв. км. На момент заключения соответствующих соглашений предполагалось, что она будет осуществлять деятельность по проектам до 2035 г.[52]

Лицензии на освоение двух перспективных участков (один – на шельфе Средиземного моря, другой – на суше, к югу от Триполи) получила и газпромовская дочерняя компания «Газпром Ливия Б.В.». Кроме того, «Газпром» владеет 49% долей в ливийских нефтяных концессиях С96 и С97, принадлежащих немецкой «Винтершелл». В состав концессий, соглашения по которым рассчитаны до 2026 г., входят 9 месторождений, крупнейшим из которых является «Ас-Сарах»[53].

Как представляется, полноценно вернуться в нефтегазовый сектор экономики Ливии отечественному бизнесу будет нелегко. Причина заключается не только в отсутствии особых привилегий, которые есть в арсенале многих европейских компаний. Даже в новой тендерной борьбе возникнет необходимость найти общий язык как с представителями нынешней ливийской администрации, так и с ведущими западными державами, для которых доступ к углеводородам Ливии, скорее всего, будет более легким из-за высокой степени доверия местной власти.

В этой связи вполне можно ожидать появления российских фирм, в составе иностранных консорциумов. Причем не стоит исключать, что, вернувшись, отечественные компании не досчитаются имевшихся ранее активов: ведь в том случае, если их договоры будут отнесены в разряд «старорежимных» и получение права вести по ним деятельность вновь потребует процедуры международных торгов, то ее результаты вряд ли ознаменуют полную победу российского бизнеса.

Сегодняшняя обстановка в Ливии не вселяет уверенности в том, что экспорт нефти с ее территории в ближайшей перспективе понизит цены на сырье, поскольку страну попрежнему тяготят многочисленные внутренние проблемы, а также остро чувствуется нехватка финансовых средств.

Участие энергетических компаний России в нефтяных проектах Ливии возможно лишь при условии достижения соответствующих договоренностей с новыми властями, которые, как представляется, едва ли готовы простить Москве политические интриги. Для возвращения на ливийский рынок нашему государству надлежит выбрать эффективную стратегию, чтобы найти подходы к ливийскому руководству и западным нефтегазовым тяжеловесам, которые, по всей видимости, и получат львиную долю контрактов.

[1] EIA – Libya Analysis Brief, June, 2012. http://www.eia.gov/countries/cab.cfm?fips=LY
[2] Ibidem.
[3] Libya oil production down by as much as a quarter // Gulf Times, 24.02.2012.
[4] *Blas J.* Oil groups prepare to close down in Libya // The Financial Times, 21.02.2012. http://www.ft.com/intl/cms/s/0/702f5730-3dd7-11e0-ae2a-00144feabdc0.html#axzz2A6vEq2oz
[5] Repsol, Eni suspend Libya oil output; ports disrupted // Gulf Times, 23.02.2012.
[6] Экспорт ливийской нефти осуществляется через 6 основных портов, 5 из которых находятся на востоке страны и контролируются новой властью. 13% «черного золота» экспортируется через Суэцкий канал.
[7] EIA – Libya Analysis Brief, June, 2012.
[8] *Krauss C.* The Scramble for Access to Libya's Oil Wealth Begins // The New York Times, 23.08.2011.
[9] См. подробнее: *Касаев Э.О.* Проверка на прочность // Независимая газета, 11.08.2011.
[10] В течение лета 2011 г. страны-участницы МЭА предоставили мировому рынку 60 млн. баррелей нефти и нефтепродуктов, из которых около 38 млн. использованы из государственных запасов и 22 млн. – за счет выполнения обязательств нефтедобытчиками.
[11] Libyan protesters oust Benghazi militias // Dawn.com, 22.09.2012.
[12] http://www.bbc.co.uk/news/world-africa-18341022
[13] http://www.bbc.co.uk/news/world-africa-15530640
[14] http://www.ria.ru/arab_ly/20110329/359072114.html
[15] Катар располагает солидными запасами природного газа, а вот нефти на его территории намного меньше.
[16] http://www.rbc.ua/rus/newsline/show/u-heyg-katar-gotov-sposobstvovat-prodazhe-liviyskoy-nefti-30032011050900
[17] http://www.reuters.com/article/2011/04/12/us-libya-usa-oil-idUKTRE73B6YN20110412
[18] Крупнейшая нефтедобывающая компания в Ливии, созданная в 1979 г. для работы на активах совместного предприятия «БиПи» и «Нельсон Банкер Хант», а также совместного предприятия «Шеврон» и «Тексако» – «Амосиз».
[19] *Migliaccio A., Shiryaevskaya A.* Oil Producers Cautious on Libyan Output as Rebels Advance // Bloomberg, 22.08.2011.
[20] *Davidson P.* What's Libya's impact on oil? // USA Today, 3.10.2011.

[21] http://gisee.ru/articles/foreign_politics/27967/
[22] Этот 66-летний инженер-нефтяник весной 2011 г. ждал своей отставки из штата одной из дочерних предприятий ЛННК, однако через полгода он был назначен главой ЛННК, поскольку являлся активным противником прежнего, по его словам, «бюрократического и коррупционного режима». См. подробнее: *Blas J.* Colossal task ahead for Libya's new oil chief // The Financial Times, 05.09.2011.
[23] *Galal O.* Libya's Berruien Expects to Reach Crude Target by February // Bloomberg, 15.08.2012.
[24] EIA – Libya Analysis Brief, June, 2012.
[25] Российское энергетическое агентство, 10.08.2012. http://rosenergo.gov.ru/upload/Libya.pdf
[26] ИТАР-ТАСС, 04.09.2012.
[27] Там же.
[28] *Winfield N.* Eni, Total resume oil production in Libya // The Namibian, 28.09.2011.
[29] http://www.arabianbusiness.com/libya-s-agoco-pledges-half-its-early-oil-vitol-420286.html
[30] *Curtis P.*, *Macalister T.* Government admits Alan Duncan's links to company in 'Libyan oil cell' // The Guardian, 01.09.2011.
[31] *Filippis V.* Pétrole : l'accord secret entre le CNT et la France // Liberation, 01.09.2011.
[32] *Faucon B.*, *Said S.*, *Moloney L.* Libya, U.S. Probe Oil-Company Deals // The Wall Street Journal, 08.04.2012. http://online.wsj.com/article/SB10001424052702303815404577331802347989804.html
[33] http://www.oilcapital.ru/industry/152961.html
[34] Там же.
[35] Там же.
[36] Там же.
[37] *Blas J.* Colossal task ahead for Libya's new oil chief // The Financial Times, 05.09.2011.
[38] Это мероприятие хоть де-юре и носило название «саммит», но де-факто не являлось встречей в верхах, поскольку самым «статусным» его участником был заместитель премьер-министра Ливии О. Абдулкарим.
[39] До 2011 г. 61-летний А.Бен Езза входил в число топ-менеджеров крупного итальянского энергетического концерна «Эни», затем работал в ЛННК, но добровольно покинул компанию из-за разногласий с министром нефти Ш.Ганемом, на тот момент

входившим в круг соратников М.Каддафи. Назначение А.Бен Езза новым главой нефтяного ведомства Ливии было воспринято многими экспертами как «добрый жест» в сторону Италии, которая является не только крупнейшим инвестором в ливийский нефтяной сектор, но и важным сторонником нынешней власти этого североафриканского государства.

[40] Tripoli weighs changes to upstream terms // Agrus Media, 28.09.2012. http://www.cwclibyasummit.com/wp-content/uploads/2012/10/Argus-Media-Libya-Summit.pdf

[41] http://en.noclibya.com.ly/index.php?option=com_content&task=view&id=1606&Itemid=1

[42] Libya eyes oil output rise, no new deals for a year // Arab Times, 25.09.2012.

[43] http://english.libyanembassy.org/?p=129

[44] Arab Times, 25.09.2012.

[45] Agrus Media, 28.09.2012.

[46] Ibidem.

[47] Ibid.

[48] Месторождение «Элефант» находится в западной части Ливии. Его извлекаемые запасы нефти оцениваются в 110 млн. т. Максимальная годовая добыча ожидается на уровне 6 млн. т. Участок полностью обустроен и располагает объектами энергоснабжения, подготовки и транспортировки сырья до собственного прибрежного терминала.

[49] http://www.gazprom.ru/press/news/2011/february/article109010/

[50] В ноябре 2006 г. «Газпром» и «Эни» подписали Соглашение о стратегическом партнерстве, в соответствии с которым стороны договорились проработать инвестиционные проекты в области разведки и добычи газа в России и третьих странах.

[51] http://www.oilcapital.ru/industry/147686.html

[52] http://www.tatneft.ru/wps/wcm/connect/tatneft/portal_rus/presscenter/news/news-list/news_2010.04.22_19.09.48.506

[53] http://www.gazprom.ru/about/production/projects/deposits/libya/

Г.Г.Косач

ЛИГА ПООЩРЕНИЯ ДОБРОДЕТЕЛИ И ОСУЖДЕНИЯ ГРЕХА: САУДОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО, УЛЕМЫ, ОППОЗИЦИЯ И «ЛИБЕРАЛЫ»

Проводящий грань между «верующим» и «лицемером» коранический текст четок и недвусмыслен: «верующие мужчины и верующие женщины … побуждают к признанному – *яамурун би аль-маарруф* и удерживают от неодобряемого – *янхаун ан аль-мункар*»[1], «лицемеры и лицемерки» же «внушают неодобряемое и удерживают от одобряемого»[2]. Водораздел, отделяющий «признанное» от «неодобряемого» или, если использовать ставшую привычной, когда речь идет о Саудовской Аравии, отечественную терминологию, «добродетель» от «греха»[3], предопределяет мораль ислама.

Но это означает, что в среде мусульман «вера» и «лицемерие» или, говоря иначе, «грех» и «добродетель» соседствуют, и если коранический текст вновь недвусмыслен «лицемеры» стали «неверными после своего ислама», их уже «обогатил Аллах и Его посланник от Своей щедрости»[4]. Они – большая или меньшая, но постоянно присутствующая в мусульманской среде величина, и «верующие» обязаны следовать словам Господа, обращенным к Мухаммеду: «О пророк! Борись с неверными и лицемерами и будь жесток к ним. Их убежище – геенна»[5]. Если «грех» и «добродетель» соседствуют в исламской среде, если «лицемеры» – реальность *уммы*, то доказательством подлинности *исламского* статуса создаваемого ею государства, того, что оно основано на *ихтисаб* – *подчинении* воле Господа, должна стать неустанная борьба «с лицемерами», орудием которой становится формируемый этим государством и реализующий идею подчинения Божественной воле институт – *Аль-Хасба*.

Саудовская Аравия претендует на статус подлинно исламского государства. В ней создана и действует Лига поощрения

добродетели и осуждения греха[6] (*Хейъа аль-амр би аль-мааруф ва ан-наха ан аль-мункар*) или, как ее называет официальный историк, *Аль-Хасба*[7] – институт, реализующий побуждение к «признанному» и удержание от «неодобряемого», ради *ихтисаб* – полного и безусловного *повиновения* воле Господа. Деятельность Лиги, по словам ее генерального руководителя Абдель Латыфа бен Абдель Азиза Аль Аш-Шейха, внесла свой вклад в «распространение справедливости, укрепление веры среди людей, в сохранение славы ислама, следование путем Пророка и предков этой нации»[8].

Осуществляя идею *подчинения* Божественной воле, Лига олицетворяет *ковчег спасения – сафина ан-наджат*, о котором говорится в одном из *хадисов*: «Стоящий у пределов Господа … подобен людям, оказавшимся в ковчеге, только одни – наверху, а другие – внизу. Те, что внизу, захотев пить и решив подняться наверх, вдруг сказали бы друг другу: “А что если проделать прямо здесь, у нас, отверстие, чтобы никому не доставлять беспокойства? Если бы им позволили сделать то, что они захотели, то погибли бы все, а если бы удержали, то спаслись бы все плывущие в ковчеге»[9]. Она же вдохновляет «верующего» следовать словам Пророка: «Если кто-либо из вас увидел лицемера, то пусть исправит его своей дланью, если же не может – то языком, если же не может – то сердцем. В этом – двукратная вера»[10].

В декабре 1992 г. Лига обрела свой официальный символ – раскрытая книга на голубом фоне, обрамленная двумя кругами. *Белый* круг – *узок*. *Золотой*, в который *куфическим* письмом введено (дублируемое по-английски) название ее руководящего органа – Генеральное руководство Лиги поощрения добродетели и осуждения греха (*Ар-Риаса аль-амма ли Хейъа аль-амр би аль-мааруф ва ан-наха ан аль-мункар)*, *широк*. Раскрытая книга – Коран. Саудовский Основной закон правления провозглашает «Книгу Всевышнего Господа» конституцией. Левая сторона раскрытой книги – абрис карты Саудовской Аравии, в центре которой официальный герб и, одновременно герб семейства Аль Сауд – пальма, поддерживаемая двумя мечами. Лига создана по указанию трона и подчинена ему, трон же – опора государства, «черпающего свою силу» из «Книги Всевышнего Господа и Сунны Его Пророка», как и «охраняющего веру ислама, претворяющего шариат, побуждающего к признанному, удерживающего от неодобряемого и выполняющего долг призыва к Господу»[11].

Вторая сторона книги – парус *ковчега спасения*, преодолевающего безбрежное море греха и спасающего верующих в *этом* и *ином* мире. Вера и политика взаимопереплетаются и взаимопроникают: устремления Аль Сауд и возглавляемого Аль Аш-Шейх корпуса богословов направлены к одной цели и решают единую задачу. *Узкий белый* круг – чистота помыслов *верующего*, ограниченных рамками повелений шариата и лишь изредка допускающих возможность их обсуждения, верующий *молчалив*, он следует по пути *ихтисаб*, *подчинения* воле Господа. *Широкий золотой* круг это подтверждает. Недаром арабская пословица гласит: «*Иза кан аль-калям мин фидда фа инна ас-сукут мин захаб* (*если речь серебро, то молчание золото)*». Использование *куфического* шрифта, применявшегося в ранних списках Корана, вводит Лигу в многовековую историю ислама и цивилизации, связанной с этим вероучением.

Все же «признанное» и «неодобряемое», «грех» и «добродетель», составляющие суть *подчинения* Божественной воле, далеки от того, чтобы рассматриваться в качестве четко определенных мусульманской теологией представлений. Вопрос заключается не только в том, что богословы, принадлежащие к той или иной правовой школе суннизма, вкладывают в них не совпадающее, а, порой, и различное содержание. Важнейший коранический текст, обычно цитируемый как Божественное повеление, касающееся «признанного» и «неодобряемого», говорит лишь о *молитве – салят* как основном элементе

«добродетели», оставляя в стороне иные аспекты проблемы: «Выстаивай молитву, побуждай к благому, удерживай от запретного (*амур би аль-маарруф ва анха ан аль-мункар*) и терпи то, что тебя постигло»[12]. *Ихтисаб* не занимал сколько-нибудь существенного места в доктринальных установках создателя принятой в Саудовской Аравии версии ханбалитского *мазхаба* Мухаммеда ибн Абдель Ваххаба[13]. Тем не менее в воссозданном Абдель Азизом Ибн Саудом в начале XX столетия государстве значение этого предписания не может быть преуменьшено. Ему придан характер одного (едва ли не наиболее значимого) из направлений в сфере национальной внутренней политики.

Саудовский автор утверждал, что все «противные истинной салафитской доктрине» мирские пороки и идейные течения не имеют «видимого, легального или официально дозволенного саудовским государством присутствия на его территории», хотя и добавлял, что если это «присутствие» и существует, то лишь в «единичной и скрываемой форме»[14]. Он говорил, что благодаря «милости Всевышнего Господа и усилиям короля Абдель Азиза и его сыновей» в Саудовской Аравии нет «мест разврата» («кинотеатры, театры, ночные клубы, дискотеки»), что в стране «недопустимо совместное пребывание мужчин и женщин – *ихтилят*» в «школах, университетах, клубах и правительственных учреждениях». Там «запрещена намеренная демонстрация красоты – *табаррудж*», а «хиджаб не только распространен милостью Божьей, но и общепринят». Наконец, в стране «недопустимы порнографические журналы или печатные издания, содержащие порочные картины»[15]. Кроме того, там не могут существовать и «заблуждения, подобные далекому от исламского единства арабскому национализму, коммунистические, либеральные и левые воззрения», а также «враждебные религии течения, связанные с друзами, алавитами, сторонниками суфизма и карматами[16]»[17]. Иными словами, Саудовская Аравия – страна, где господствуют «милосердные, благородные и величественные принципы ислама». Эти принципы призывают следовать *признанному* – «совершению молитвы, полному подчинению Господу, любви, братству, солидарности, уважению святынь и их защите». «Не одобряемо» же то, что «противоречит Божественному шариату»[18].

Но стоит ли квалифицировать Саудовскую Аравию и ее общество как соответствующее известному кораническому тексту: «Вы были лучшей из общин, которая выведена пред

людьми: вы приказывали одобряемое и удерживали от неодобряемого и веровали в Аллаха»[19]? Этот вопрос не заслуживает положительного ответа хотя бы потому, что в королевстве действует Лига поощрения добродетели и осуждения греха, недаром основная страница сайта ее Генерального руководства открывается этим текстом[20]. Это означает, что саудовский социум все еще преображается в такую «общину». Более того, в связи со словами саудовского автора возникают и дополнительные вопросы. Они многочисленны.

Почему и в какой мере политика нуждается в представлениях, содержание которых определяется человеческой трактовкой? Насколько она свободна от произвола? Насколько список «неодобряемых» деяний и поступков, переносимый из сферы теологии в сферу политической практики с ее сугубо прагматическими потребностями, целями и задачами, постоянен и стабилен или он, напротив, подвержен изменениям, пересмотру и коррекции? В какой мере устремленное к модернизации саудовское государство способно воздействовать (и воздействовало ли оно) на мнение теологов, вдохновляющихся *ваххабитской* интерпретацией ханбалитского *мазхаба*? Расширялись ли или сужались полномочия Лиги в ее качестве инструмента поддержания общественных нравов в свете взаимоотношений между клириками и государством и деятельности периодически возникавшей религиозной оппозиции? Наконец, еще один вопрос, который не кажется праздным для сегодняшнего арабского мира: менялось ли саудовское представление о «лицемерах», если немалая доля граждан государства выступает в качестве поборников современности?

I

10 сентября 1926 г. в учрежденном после завоевания Хиджаза официозе – газете «Умм Аль-Кура»[21] был опубликован указ Ибн Сауда о создании в Мекке (чуть позже идентичные организации возникли в Медине, Джидде и других городах бывшего независимого *хашимитского* государства) Лиги поощрения добродетели и осуждения греха[22]. Это начинание ставшего королем Хиджаза неджийского завоевателя первоначально ограничивалось формированием автономных структур этой организации. Вводя в состав Управления (*Аль-Идара*)

мекканской Лиги четырнадцать законоучителей, большинство которых было представлено богословами Мекки (и лишь меньшая часть – Неджда), и назначая его руководителем хиджазского *улема*, основатель современного саудовского государства определял и возлагавшиеся на нее задачи. Лиге (в лице законоучителей и их *добровольных* помощников – *мутаваа*) предписывалось «мудро» контролировать «неуклонное соблюдение дозволенных с точки зрения шариата действий и обычаев и противодействовать тем, что ему противоречат». Речь шла о «словесной распущенности» в общественных местах, о необходимости «совместного» совершения жителями Мекки «пяти обязательных ежедневных молитв», о добросовестности исполнения имамами и муэдзинами мечетей возложенных на них обязанностей[23]. Позже этот список был дополнен тем, что члены Общества не должны были допускать «совместного пребывания – *ихтилят*» мужчин и женщин в общественных местах[24]. Задачи мекканской Лиги были идентичны тем, которые в дальнейшем возлагались и на аналогичные структуры, действовавшие в других хиджазских городах.

К моменту создания новых религиозно-политических структур из Хиджаза, в который «Господь помог вступить войскам» Ибн Сауда, были изгнаны его прежние правители – «Хусейн и его сыновья», «святые места были очищены от мерзости, а порочные вожделения уступили место благородному шариату»[25]. Появление Лиги было призвано стать демонстрацией устремленности нового властителя к окончательному изживанию прежних «пороков»: подданные расширявшегося и обретавшего нимб мусульманской святости саудовского государства обращались к практике *ихтисаб*, реализуемой новым правителем Хиджаза. Преданный гласности в апреле 1926 г. указ короля предусматривал «противодействие распутникам» и введение «наказаний за грехи – *худуд*, определенных Всевышним». Список «неодобряемого» стремительно расширялся: уклонение от участия в «совместных молитвах», потребление, производство и распространение алкоголя, а также табака («вредящего физическому и умственному здоровью, семейному бюджету и осуждаемому законоучителями»). Другими словами, «земля Двух Благородных Святынь» должна была «возродиться, очистившись от порока». Речь шла и о более значимых «грехах», – указ Ибн Сауда предусматривал тюремное заключение от двух до пяти лет за организацию «собраний, где вы-

сказываются нечестивые и опасные мысли и плетутся заговоры против курса правителя», обрекая на то же наказание и «недоносителей», «знавших об этих собраниях». Наконец, тюремному наказанию и штрафам подвергались и те, кто планировал «отменить действие законов шариата»[26].

Практика ихтисаб была возрожденной после восстановления саудовского господства над Неджем традицией, предполагавшей, что долг каждого законоучителя (его учеников и помощников – *мутаваа*, как и каждого неджийца, имеющего репутацию «благочестивого» человека) состоит в осуществлении личного контроля над выполнением положений шариата в сфере торговли, религиозных обязанностей и общественных нравов. Следует заметить, что «вплоть до 1319 г. хиджры (1902 г. – *Г.К.*), когда король Абдель Азиз взял Эр-Рияд, богословы и благочестивые люди (*ас-суляха*) исполняли свой долг подчинения воле Божьей самостоятельно»[27].

Захват Эр-Рияда позволил Ибн Сауду принять меры, направленные не только на «возобновление практики побуждения к признанному и удержания от неодобряемого», но и на придание ей централизованного характера. В 1925 г. в будущей саудовской столице возникло Управление местной Лиги поощрения добродетели и осуждения греха, возглавленное богословами из семьи Аль Аш-Шейх. Газета «Умм Аль-Кура» определяла его как «бдительное» и не допускающее каких-либо «отклонений от последовательного претворения чистого шариата»[28]. В 1929 г. руководство мекканского Управления было распространено на хиджазские структуры Лиги, а также на регионы нынешнего саудовского юго-запада и юга – Асир, Неджран и Джаззан. Эр-риядскому Управлению были подчинены Неджд, расположенные вдоль побережья Персидского залива восточные районы и прилегающие к нынешней саудовско-иорданской и саудовско-иракской границам северные районы страны. Вплоть до кончины Ибн Сауда (1953 г.) в подчиненном ему королевстве действовали два возглавляемых богословами из семьи Аль Аш-Шейх Управления Лиги – хиджазское и неджийское[29], процесс же централизации государства (включивший и перенос его столицы из Мекки в Эр-Рияд) завершился уже после смерти его основателя.

Кажущиеся идентичными процессы формирования обоих региональных Управлений имели и существенные различия, определявшиеся в первую очередь тем, что глава «Королевства

Хиджаз, Султаната Неджд и присоединенных территорий» (только в 1932 г. Саудовская Аравия обрела свое нынешнее название) не стремился к созданию единой, «общенациональной» Лиги. Если эр-риядское (в дальнейшем – неджийское) Управление возникло в силу восстановления традиции, что предопределяло его непосредственную подчиненность Ибн Сауду, как и то, что во главе него всегда находились представители семьи Аль Аш-Шейх, то его хиджазский аналог был подчинен (в то время) наместнику короля принцу Фейсалу бен Абдель Азизу, а во главе его (на протяжении всей эпохи существования этого Управления) первоначально стояли местные богословы (как уроженцы Мекки, так и живший в Хиджазе египетский *улем*). В дальнейшем же, до середины 30-х годов XX века он был частью аппарата полиции (в 1937 г. подчинен хиджазской прокуратуре, а в 1953 г. передан в ведение хиджазского совета министров[30]) и действовал (вплоть до 1980 г.) на основе собственного, отличавшегося от неджийского устава[31]. Создавая мекканское/хиджазское Управление, Ибн Сауд намеренно препятствовал тому, чтобы его руководство в максимально возможной степени оставалось бы далеким от сферы полномочий улемов Неджда. Включение Хиджаза в саудовское государство отнюдь не предполагало немедленного распространения ваххабитской трактовки ханбалитского мазхаба.

В течение двух первых лет после «объединения Хиджаза и других регионов страны», если использовать выражение официального саудовского историка, местное «судопроизводство продолжало опираться на четыре суннитских мазхаба», но и после официального введения ханбалитской доктрины возможность обращения к точке зрения иных правовых школ была допустима при условии, что она «была более правильна для решения определенного вопроса»[32]. Опубликованные в 1926 г. «Основные положения Хиджазского Королевства – *Ат-Таалимат аль-асасийя ли Аль-Мамляка Аль-Хиджазийя*» выглядели как компромисс между новым правителем этой территории и ведущими группами ее элиты. Хиджазское королевство во многом сохраняло унаследованную от османско-хашимитской эпохи систему внутреннего управления, включая Консультативный совет при наместнике короля принце Фейсале бен Абдель Азизе, а его правовая система строилась на таком широко трактуемом положении, как «шариатское судопроизводство»[33]. Отвечая в августе 1926 г. на вопросы кор-

респондента хиджазского официоза, первый руководитель мекканского Управления Лиги шейх Абдалла бен Булейхад подчеркивал, что «все жители Неджда являются последователями мазхаба имама Ахмеда ибн Ханбала», отрицая всеобъемлющий характер распространения ханбалитской правовой школы в Хиджазе[34].

Для этого имелись существенные причины, важнейшей из которых была неопределенность правового статуса включенной в государство Ибн Сауда территории: изгнанные хашимиты претендовали на то, что они остаются законными правителями Хиджаза. На пути к обретению неджийским правителем титула *Служителя Двух Благородных Святынь* (*Хадим Аль-Харамейн Аш-Шарифейн*) стояли и поддерживаемые многими неджийскими богословами объединившиеся вокруг завоевательной миссии Ибн Сауда отряды *ихванов*[35], разрушавшие почитаемые последователями неханбалитских мазхабов памятники ислама. 27 декабря 1925 г. «Умм Аль-Кура» опубликовала заявление Ибн Сауда, сообщавшего своим новым подданным, что в Мекке состоится «мусульманский конгресс» (прошедший в сезон паломничества – в июне следующего года), который определит судьбу Хиджаза[36]. Стремление добиться положительного решения конгресса заранее определяло его позицию: немедленное введение Хиджаза в систему неджийского управления, включая, в том числе, и полномасштабное распространение на его жителей положений ханбалитской правовой школы не отвечало бы его непосредственным политическим устремлениям. Обращаясь 11 июня 1926 г. к делегатам Мекканского конгресса, Ибн Сауд говорил о недопустимости «раскола между мазхабами ислама», цитируя *айят* «держитесь за вервь Аллаха все, и не разделяйтесь»[37] и призывая его участников к совместным действиям во имя «преобразования земли Святынь в страну добра»[38].

Политика решала, разумеется, не только вопросы, связанные с организацией института, призванного побуждать к «признанному» и удерживать от «неодобряемого». В конечном итоге, на Хиджаз были распространены основополагающие установки ханбалитской правовой школы, а руководителем хиджазского Управления Лиги стал представитель семьи Аль Аш-Шейх. Но все это не меняло главного – господство ваххабитской версии этой школы «на земле Святынь» было лишено ее свойственного Неджду избыточного ригоризма, а выступления сау-

довской религиозно-политической оппозиции достаточно часто связывались с тем, что действие принципа *ихтисаб* в Хиджазе с его «Двумя Святынями» было более мягким, чем в Неджде. Описывая Мекку 40–60-х годов прошлого века, родившийся в ней саудовский «диссидент» – участник петиционного движения начала 90-х гг. сообщал: «В культурном и социальном отношении Мекка была многогранна благодаря многочисленности населявших ее [мусульманских] конфессиональных и этнических групп с многообразием их характеров и обычаев. Ее центр, настоящая “жемчужина” – Главная мечеть, ограниченная ее прежней, еще османского времени территорией, была не столько местом молитвы, сколько местом встреч, учебы, общественных контактов, заключения браков, культурных и религиозных дискуссий, в которых в равной мере участвовали как мужчины, так и женщины»[39]. Опираясь на мнение своих хиджазских собеседников, английский автор писал, что (за исключением времени начала 20-х годов) еще в конце 70-х годов в Джидде регулярно проходили «благотворительные базары, организовывались театральные вечера и показы мод» с участием иностранных моделей, существовали четыре кинотеатра. Но речь шла и о большем – «свободном праздновании [христианского] Нового года, Дня святого Валентина и Хэллоуина»[40]. Не приходится говорить, что в Неджде эта «свобода нравов» была немыслима.

Все же создание Лиги определялось и иными, более принципиальными задачами, стоявшими перед создателем нынешнего саудовского государства (а затем и перед его наследниками-сыновьями), значение которых лишь в малой степени определялось построением ее организационной структуры. Сами эти причины были связаны с последовательно-эволюционным созиданием модернизирующегося государства и соответствующего такому государству социума.

Саудовское государство нуждалось в Лиге поощрения добродетели и осуждения греха как инструменте реализации ваххабитской трактовки ханбалитского мазхаба прежде всего потому, что с ее помощью могло бы быть осуществлено (пусть поверхностно и паллиативно) единообразие созданного в результате военной экспансии общества. В силу длительной исторической традиции союза между Аль Сауд и Аль Аш-Шейх наиболее доступным инструментом придания такого единообразия и централизации возникшего политического образования

могла быть только ваххабитская трактовка ханбалитской доктрины. Насильственное устранение реальных или потенциальных линий разлома, сепаратизма и региональной (как и этноконфессиональной) памяти распространялось не только на Неджд, где правовая школа ваххабитской интерпретации ханбализма была господствующей, но и на последователей иных суннитских мазхабов Хиджаза, суфийских *тарикатов*, на шиитов-*двунадесятников* оазисов Эль-Хаса и Эль-Катиф на побережье Персидского залива (ныне – Восточная провинция) и исмаилитов расположенного на границе с Йеменом Неджрана.

Во-вторых, создавая Лигу и распространяя ваххабитскую традицию Неджда на вновь покоренные регионы, Ибн Сауд, вводил *ихтисаб* в рамки контроля власти. При всей значимости традиции союза Аль Сауд и Аль Аш-Шейх, когда правящее семейство возлагало на себя реализацию политических функций, а его союзник – задачу их легитимации, взаимоотношения обеих сторон вовсе не всегда были безоблачны. Напротив, на протяжении времени существования всех трех саудовских государств они могли порой вступать (и вступали) в жесткую конкуренцию, целью которой было расширение сферы полномочий каждой из двух сторон союза.

Возникновение Лиги, конечно же, сохраняло этот союз, но формировавшийся Ибн Саудом инструмент поддержания общественной морали значительно сужал сферу религиозного рвения. Отныне оно не выглядело безграничным, поскольку никто из частных лиц или участников религиозно-политических объединений (улемы и сопровождавшие их *мутаваа* могли рассматриваться в определенном отношении как их подобие) не мог более, ссылаясь на «благочестивость», самостоятельно поддерживать нравственность в ее Божественном и мирском преломлении. Действия такого рода требовали официального признания со стороны руководства того или иного регионального Управления Лиги, которому полагалось представлять еженедельные отчеты о начинаниях в сфере противостояния «неодобряемому». Это было тем более важно в отношении Неджда, где, осуществляя огосударствление действий в области «неодобряемого» и «признаваемого», Ибн Сауд монополизировал то, что ранее рассматривалось как безусловная прерогатива религиозных клириков. В 1992 г., окончательно фиксируя эту ситуацию, важнейший саудовский конституционный акт – Основной закон правления подчеркивал: «Государ-

ство защищает вероисповедание ислама, претворяет в жизнь шариат, поощряет добродетель и отвращает от греха, исполняя обязанность призыва к Господу»[41]. Этот же акт, подчеркивая, что «все граждане на книге Господа и сунне Его пророка приносят королю клятву безусловной преданности и подчинения»[42], распространял это положение и на богословов.

Наконец, в-третьих, возникновение Лиги поощрения добродетели и осуждения греха вытекало из насущной необходимости противостояния первого в истории нынешнего саудовского государства выступлениям религиозно-политической оппозиции, представленной прежними союзниками короля – ихванами. В июне 1926 г. накануне начала сезона *хаджа* и открытия Мекканского мусульманского конгресса обуреваемые религиозным рвением ихваны попытались не допустить сопровождавшийся музыкантами (для последователей ваххабитской трактовки ханбалитской доктрины музыка – один из «недопустимых» грехов) и двигавшийся из Джидды в Мекку египетский караван, перевозивший покрывало для Каабы – *махмаль*[43]. Описывая это происшествие, «Умм Аль-Кура» не жалела красок: «безрассудство» *ихванов*, «убийство невинных людей» (следовавших вместе с караваном), «гнев» остановившего более значимое кровопролитие Ибн Сауда. Статья, посвященная эпизоду с *махмалем*, носила красноречивое название – «Дурной помысел, от зла которого спас Господь», а ее содержание резюмировала последняя строка: *ихваны* «совершили насилие и агрессию»[44]. Между датой эпизода с *махмалем* и моментом создания Лиги поощрения добродетели и осуждения греха прошло два месяца.

Но вопрос заключался не только в том, что события, развернувшиеся на пути из основного хиджазского порта на Красном море в «священный» город ислама, стали, по сути дела, началом длительного (продолжавшегося до января 1930 г.) противостояния между Ибн Саудом и ихванами, порой ставившего неджийско-хиджазского правителя перед угрозой потери трона, не говоря уже о введении в жизнь страны новых видов вооружения и достижений технического прогресса[45]. Движение ихванов дестабилизировало и систему отношений между двумя полюсами саудовской политико-религиозной системы, подталкивая богословов к расширению сферы своего контроля над обществом, которое они стремились избавить от «порочного» воздействия провозглашавшихся ими «неодобряемыми

новшествами – *бидъа*» (телефонов, телеграфа, автомобилей и др.). В этом контексте создание Лиги поощрения добродетели и осуждения греха становилось доказательством обладания саудовским королевством статусом государства, в котором, с одной стороны, воплощены нормы мусульманской жизни и исламского правления, а с другой, – это государство осуществляет, тем не менее, движение по пути значительных и серьезных внутренних преобразований.

Описывая сегодня движение ихванов, которое официальная саудовская историография безапелляционно квалифицирует как «оппозицию»[46], саудовский религиозно-политический деятель сообщал: «Невежды (*джуххаль*) сеяли смуту в отношении исламского шариата, утверждая, что ислам запрещает все. Они утверждали, что все новое – неодобряемо и порочно, поскольку оно ущемляет потребности людей». Но, продолжал он далее: «Эти невежды смешали воедино недопустимые нововведения в сфере религии, с одной стороны, и изобретения и обновление в мирской сфере, с другой, выступив против короля Абдель Азиза, который требовал от них отличать благословенное обновление от неодобряемого обновления, категорически отбрасывая при этом всякие обновления в сфере религии»[47]. Важнее, тем не менее, другое обстоятельство. Цитируемый автор транслировал важнейшую установку нынешнего саудовского дискурса: основа ислама – не «излишество – *галу*», а «умеренность – *васатыйя*».

II

Начавшаяся в 1953 г. после смерти Ибн Сауда эпоха правления его сыновей не изменила принципиальных основ деятельности Лиги поощрения добродетели и осуждения греха. Воздействовавшие на этот процесс факторы (взаимоотношения между государством и богословами, появление новых, но все так же окрашенных в религиозные тона, форм оппозиционности) оставались неизменной реальностью. Вместе с тем эволюция саудовской власти, входившей в этап смены поколений на вершине властной пирамиды, требовала безусловной поддержки улемов, способной придать законность развитию этого процесса. Разумеется, в интересах обретения этой поддержки власть шла на уступки своему основному

внутреннему союзнику, содействуя развитию деятельности Лиги, хотя это содействие было далеко от того, чтобы рассматриваться как безусловное и безграничное. Не последнюю роль играло и развитие внутрисаудовской ситуации – конфликт между королем Саудом бен Абдель Азизом и принцем Фейсалом бен Абдель Азизом. Он развивался на фоне движения в поддержку конституционных преобразований и сплотил полярно противоположные силы – активистов профсоюзного движения и «красных принцев» Таляля бен Абдель Азиза[48]. Саудовская Аравия испытывала мощное воздействие событий в окружающем ее регионе, где расширялась сфера влияния многообразных течений панарабской идеологии, тесно связанных с левой мыслью.

К началу 60-х годов отделения Лиги существовали во всех регионах страны, а число работавших в них, как отмечал франко-ливанский автор, ссылаясь на данные саудовской службы статистики, увеличилось с 1350 чел. в 1956 г. до 2467 чел. в 1960 г., что само по себе не свидетельствовало о значительности потенциала ее сотрудников и помощников. В свою очередь, рост нефтяных доходов государства позволил ему выделять большие финансовые отчисления в пользу Лиги. Если, по словам того же втора, в 1956 г. общая сумма этих отчислений составляла «несколько сотен тысяч риалов», то в 1964 г. бюджет этого института государства превысил 12 млн. риалов (что также не позволяет говорить о значительности выделявшихся на его содержание средств)[49].

Восшествие на престол первого наследника Ибн Сауда короля Сауда бен Абдель Азиза мало меняло тенденции взаимоотношений государства и Лиги. Модернизация страны оставалась и для нового правителя превалирующим направлением, что создавало отчуждение между ним и корпусом богословов. Это касалось в первую очередь вопросов, вызывавших активное сопротивление богословов и связанных со становлением распространенной и на женщин новой системы светского образования, когда было создано первое высшее учебное заведение страны – основанный в 1957 г. Эр-Риядский университет (ныне – Университет имени короля Сауда).

Говоря сегодня об этом периоде в развитии отношений между политическим руководством и Лигой, ее издание подчеркивало: «Правление короля Сауда стало временем совершенствования деятельности государственных органов в целом,

и Лиги поощрения добродетели и осуждения греха, в частности. Государство переходило к опоре на современные методы администрирования и управления с их четкой ориентацией на специализацию вне зависимости от того, о каком элементе его аппарата шла речь»[50]. Содержащиеся в этом отрывке умолчания не должны вводить в заблуждение: официальное письмо короля Сауда, направленное руководству обоих Управлений Лиги, ставило вопрос о значительном сокращении сферы ее деятельности. Первый наследник Ибн Сауда утверждал, что «народ предан» монарху, но если в его рядах и есть «глупец или невежда», то он нуждается только в «предупреждении», чтобы вновь вернуться на «праведный путь». Это означало, в частности, что сотрудники Лиги «не должны обращаться к методам насилия в контактах с людьми», уже ставших «свойством их деятельности». Отсюда вытекало, что «побуждающие к признанному и исполняющие обязанность призыва к Господу призваны стать хорошим примером для людей». Государство, стремившееся к укреплению системы монархической власти и ее превращению в центральное звено национальной политики, диктовало Лиге (и всему религиозному истеблишменту) пределы ее деятельности, подчеркивая их тесную зависимость от курса власти.

Продолженный после 1964 г. королем Фейсалом бен Абдель Азизом модернизационный курс менял Саудовскую Аравию. Это в первую очередь относилось к жителям крупных городов страны. Нефтяной бум создавал «общество потребления», устремленное к приобретению импортированных товаров. Появление значительного числа иностранцев (американцев, европейцев, арабов и выходцев из Индии и Пакистана), занятых не только в сфере нефтедобычи, но и во всех жизненно важных отраслях саудовской экономики и в государственном аппарате, как и знакомство с жизнью иных стран, – все это вносило в ранее патриархальную саудовскую жизнь новые идеи, представления и идеалы. Вспоминая ситуацию начала 60-х годов, саудовский собеседник английского автора говорил: «Раньше мы были единым обществом. Затем пришли деньги, с деньгами пришли автомобили. Мы начали выезжать за границу. У каждого появился большой дом, окруженный высоким забором. Если у кого-то такого дома не было, то все считали его неудачником»[51]. С точки же зрения члена Совета высших улемов, начиналась эпоха «падения нравов, определявшегося отходом

от веры». Важнейшим показателем этого процесса, как считали богословы, становилось появление кинотеатров и фотосалонов, телевидения и радио, распространение музыки, иностранных книг и журналов и европейской одежды. Богословские фетвы отвергали и такие новые прерогативы власти, как публичная демонстрация портретов королей и членов семьи Аль Сауд и введение в практику государственной жизни официального гимна[52]. Автором одной из таких фетв, заявлявшей о том, что «вывешивание на стенах портретов и картин приводит к возвеличиванию и поклонению тем, кто на них изображен, и прежде всего это относится к изображениям короля»[53], был Абдель Азиз бен Абдалла бен Баз, в то время ректор Исламского университета Медины, а в дальнейшем – Верховный муфтий Саудовской Аравии.

Однако богословы, включая и высшее руководство Лиги, воздерживались от открытой критики представителей «политического класса». Таким образом, итогом правления короля Фейсала бен Абдель Азиза стал компромисс между государством и улемами. Появление официальных фетв, разрешающих радио и телевидение, сопровождалось уступками и со стороны власти: все программы вводившихся в стране современных средств массовой информации, в том числе, музыкальные программы и фильмы, не могли «противоречить установкам шариата». Государство не отказывалось от женского образования, но при условии, что в женских школах и в женских отделениях высших учебных заведений не могли работать мужчины, учащиеся в них девушки были обязаны носить неджийскую женскую верхнюю одежду – *абайю*, ставшую обязательной для всех саудовских женщин. Женское образование изымалось из сферы полномочий соответствующего министерства и передавалось под управление религиозного истеблишмента. Охрана женских школ и учебных заведений, как и контроль над «соблюдением приличий» объявлялись прерогативой Лиги поощрения добродетели и осуждения греха. В 2002 г. эта ситуация была радикально изменена: женские школы были переподчинены министерству образования. Причина этого была трагична: произошедший 11 марта 2002 г. пожар в одной из женских школ Мекки привел к гибели 15 девочек. Они погибли потому, что пытались покинуть горящее здание без необходимой для выхода на улицу одежды, но охрана школы, состоявшая из *мутавва* Лиги, запретила им это сделать, как и запретила

войти в здание пожарной команде, что нарушило бы принцип «смешения» мужчин и женщин в общественном месте[54].

Пойдя на уступки власти, богословы все же добились того, что Лига сохранила большую часть своих традиционных полномочий: слежение за обязательным присутствием граждан на всех ежедневных пятикратных молитвах, закрытие магазинов в часы молитв, недопущение «смешения мужчин и женщин» в общественных местах и применение к правонарушителям наказаний, определяемых шариатским правом. Вместе с тем уже в 1965 г. радикальные *мутавва* Лиги устраивали нападения на магазины женской одежды (использовавшие в своих витринах манекены) и фотосалоны в Медине и других городах Хиджаза[55]. На следующий год это стихийное движение обрело организационную структуру – созданную Джухейманом Аль-Утейби в последние годы правления короля Фейсала бен Абдель Азиза салафитскую организацию, апеллировавшую к более жесткому претворению в жизнь принципа *ихтисаб*.

Новая группа религиозно-политической оппозиции во многом повторяла действия ставших противниками Ибн Сауда *ихванов*. По данным израильского исследователя, ее руководитель был сыном погибшего в тюрьме одного из них[56]. Она не только пользовалась поддержкой (включая финансовые пожертвования) значительной группы официальных теологов (А.А.А. бен Баз был одним из них, играя, по сути дела, роль ее покровителя), но и стремилась возложить на себя те задачи, решение которых государство предоставляло Лиге. Основатель движения Д. Аль-Утейби считал, что Аль Сауд и его окружение «лицемерно обратились к религии, преследуя исключительно мирские цели: они отказались от джихада, проявили лояльность в отношении христиан и принесли зло и распутство мусульманам»[57]. Эта риторика повторяла то, что говорило о королевской семье первое оппозиционное религиозно-политическое движение, выступившее против основателя нынешнего саудовского государства. Группа Д. Аль-Утейби брала на себя ответственность за «адекватное» претворение в жизнь побуждения к «признанному» и удержания от «неодобряемого», создавая Лигу, параллельную официальной.

Саудовское государство должно было ответить на вызов, брошенный ему Д. Аль-Утейби и покровительствовавшими ему улемами, активизируя деятельность официальной Лиги. В 1976 г. король Халед бен Абдель Азиз (сменивший

на престоле убитого короля Фейсала) издал указ об объединении всех подразделений Лиги в единую централизованную организацию, подчиненную вновь создававшемуся Генеральному руководству (как элементу совета министров) в Эр-Рияде. Главой (в ранге министра) был назначен шейх Абдель Азиз бен Абдалла Аль Аш-Шейх, что явилось существенным шагом на пути еще большего огосударствления этой структуры. Ранее самостоятельные бюджеты хиджазской и неджийской Лиг были объединены[58].

Делая специальное заявление в связи с осуществленным им шагом, Халед бен Абдель Азиз подчеркивал: «Побуждение к признанному и удержание от неодобряемого – один из столпов религии, составная часть жизни, если мы желаем, чтобы эта жизнь была счастливой и стабильной. В побуждении к признанному и удержании от неодобряемого состоит суть развития нации по пути, предначертанному Господом, что и заставляет нас, стоящих на страже подлинной веры и ее последователей, идти на этот шаг». В заявлении саудовского монарха отмечалось, что только Лига в ее качестве «защитника благородных нравов», «ковчега спасения», а не «самозванцы», способна выполнить миссию, возлагаемую на нее «правителями нации». Вместе с тем Халед бен Абдель Азиз замечал, что он будет содействовать тому, чтобы «обновленная» Лига действовала бы, имея в своих рядах лишь «праведных, идейно и практически подготовленных людей», которые «мудро и дальновидно будут отвечать на запросы их братьев-сограждан, как и они, мусульман». Суть деятельности Лиги будет состоять во «взаимодействии» обеих сторон, а не в «нанесении кому-либо ущерба или в насилии и нападении», «в призыве к добру, к реализации перемен, к сотрудничеству в благочестии, как то было завещано Господом»[59].

Все же, значительно более весомый шаг, связанный с приданием Лиге статуса полной зависимости от государства, был сделан уже в эпоху правления короля Фахда бен Абдель Азиза (вступившего на престол в 1982 г.) после совпавших по времени и потрясших Саудовскую Аравию (но в равной мере первое из них потрясло и весь мусульманский мир) в 1979 г. событий – захвата членами группы Д. Аль-Утейби Главной мечети в Мекке[60] и шиитского восстания в Восточной провинции (что было отголоском революционных событий в Иране), выдвинувшего лозунг создания «Исламской республики Эль-Хаса»[61]. 23 янва-

ря 1981 г., спустя несколько месяцев после этих событий газзета «Умм Аль-Кура» опубликовала решение Совета министров о введении в действие Закона о Лиге поощрения добродетели и осуждения греха[62].

Закон определял Генеральное руководство Лиги в качестве «независимого, непосредственно связанного с главой Совета министров аппарата, в подчинении которого находятся все существующие или способные возникнуть в будущем отделения Лиги». Глава Генерального руководства сохранял ранг министра, «назначаемого и отстраняемого с занимаемой им должности на основании королевского приказа». Он получал двух заместителей (разделение на неджийское и хиджазское отделения в определенной мере воскрешалось), аппарат же Лиги пополнялся «необходимым числом» сотрудников. Отделения Лиги, что вытекало из третьей статьи Закона, создавались в каждой административной единице страны (что предполагало, что каждое из этих отделений также будет иметь «необходимое число» сотрудников), для этого было достаточно «решения» главы ее Генерального руководства.

Значительная часть текста Закона о Лиге поощрения добродетели и осуждения греха была посвящена ее полномочиям. Создававшиеся главой Генерального руководства из числа его членов комиссии специализировались «на рассмотрении вопросов, касающихся запрета “неодобряемого”, передаваемых в суды», «вопросов нарушения нравственности, а также определения наказаний за эти нарушения» (область наказаний включала в себя «порицание, бичевание до пятнадцати ударов плетью, трехдневное заключение под стражу»). Вместе с тем сама возможность наказания зависела от административного руководителя (*амир*) провинции или района, который (принимая во внимание мнение шариатского судьи) назначал либо бичевание, либо заключение под стражу.

Закон объявлял назначение главы Генерального руководства, его членов и сотрудников прерогативой власти, которая должна была учитывать «репутацию и чистоту биографии» претендентов на соответствующие должности. Отстранение же сотрудников Лиги в равной мере определялось «совершенными ими преступлениями или появлением сомнений в их добропорядочности». В силу этого обстоятельства девятая статья Закона гласила: «Важнейшей обязанностью Лиги поощрения добродетели и осуждения греха выступает наставление людей,

предоставление им советов в отношении их религиозных обязанностей, определяемых исламским шариатом, как и удержание от неодобряемого, что позволит исключить совершение людьми шариатски запрещенных деяний или идти по пути дурных нравов и традиций, а также неодобряемых новшеств».

Закон требовал от сотрудников Лиги «упорства и решимости в противостоянии неодобряемому и поощрении признанного, как того требует Книга Господа и Сунна Его Пророка». Они обязывались «задерживать совершающих неодобряемое или обвиняемых в этом» и «проводить расследование их проступков» при условии, что в этом «расследовании» участвует представитель управления административной единицы, что должно быть согласовано «министром внутренних дел и главой Генерального руководства». Одновременно все действия сотрудников Лиги, как того требовал Закон, должны быть согласованы со «специализированными органами» (речь шла об администрации провинций и районов, шариатских судах, полиции и службе безопасности), ограничиваясь прежде всего контролем над религиозной сферой «неодобряемого». В то же время все эти «специализированные органы» обязывались ставить Лигу в известность о совершаемых проступках, как и привлекать ее сотрудников к их расследованию в той мере, в какой это касалось ее полномочий. Любые самостоятельные акции Лиги должны были проводиться при участии «достаточного числа служащих полиции», к оказанию содействия ей призывались и иные «государственные органы и общественные объединения».

Обнародованный в марте 1988 г. Устав Лиги поощрения добродетели и осуждения греха дополнил уже действовавший Закон[63]. Его основное положение (статья первая Устава), отталкиваясь от положений Закона, определяло обязанности сотрудников Лиги, «важнейшей» из которых провозглашалось «руководство людьми, предоставление им советов в отношении определенных исламским шариатом религиозных предписаний», а также «удержание от неодобряемого». Лига должна была «поощрять людей придерживаться столпов религии – молитвы, закята, поста и хаджа, благородно вести себя, призывать их к шариатским добродетелям – искренности, преданности, верности данному слову, заботе о родителях и родственниках, уважению прав соседей, благотворительности в отношении бедных, нуждающихся, инвалидов и слабых». Для

этого сотрудники Лиги должны были «напоминать людям о последнем дне (дне страшного суда – *Г.К.*)».

В этом контексте деятельность Лиги должна была разворачиваться по нескольким направлениям. Во-первых, исходя из того, что «молитва – становой хребет веры», речь шла о контроле над тем, что «молитва проводится в определенное шариатом время в мечетях», над тем, что «люди быстро отвечают на призыв к совершению молитвы», что во время молитвы «закрыты магазины и лавки и что в них во время молитвы не ведется торговля». Во-вторых, контроль *мутавва* над «рынками, дорогами, улицами и парками» «с тем, чтобы там не совершались неодобряемые шариатом поступки – смешение мужчин и женщин, намеренная демонстрация красоты, уподобление одного пола другому, словесные или физические приставания мужчин к женщинам, брань». Речь шла и о «недопущении проституции, гомосексуализма, азартных игр». Контроль распространялся и на то, чтобы «вблизи мечетей не было бы слышно работающего радио, телевидения, аудиоаппаратуры, мешающих молящимся», чтобы «немусульмане не демонстрировали свои религиозные убеждения, символы своих религий или неуважение к мусульманским убеждениям и вере» (эти символы назывались «крест, звезда Давида, изображения Будды»). Под надзором находились «демонстрация или продажа изображений, книг, аудио- и видеокассет, противоречащих шариатским нравам и исламской доктрине» («порнография» входила в их число). Одной из функций Лиги являлся контроль за «производством и распространением алкогольных напитков», на «придание значимости временным событиям или местам», «проведение связанных с новшествами неисламских праздников», «проявления попрошайничества или предрассудков, связанных с ясновидением или иными элементами магии», контроль над «верностью мер и весов» и работой скотобоен, где должны были применяться шариатские нормы забоя скота. Наконец, сотрудники Лиги были обязаны контролировать «выставки, магазины и мастерские женской одежды».

Борьба с проявлениями «неодобряемого» предполагала не только задержание нарушителей, но и создание широкой сети информаторов и доносителей, что было необходимо для «предупреждения свершения не позволяемых шариатом деяний», искоренение этих деяний включало в себя и «рейды в места проживания нарушителей». Устав Лиги преду-

сматривал разработку специальных тетрадей, в которых фиксировались бы поступающие от населения сигналы о «недопустимом поведении», способы и методы координации действий с представителями региональной администрации, судов и карательных органов. В нем детально описывался процесс «дознания», содержащий специальные оговорки в отношении «подозреваемых женщин», опроса свидетелей, составления протоколов, приглашения понятых, использования вещественных доказательств проступков. В Уставе Лиги содержались пространные разъяснения, касающиеся определенных Законом о Лиге поощрения добродетели и осуждения греха наказаний, немалая часть которых была посвящена тому, как должны наказываться женщины. Наконец, в заключительной части Устава речь шла об условиях обжалования наказанными действий Лиги.

Процесс институализации Лиги приобретал характер очевидной реальности, но вместе с тем речь ни в коей мере не шла о возможности ее роспуска или передачи возлагавшихся на нее полномочий иным карательным органам государства. Более того, первые годы правления короля Фахда бен Абдель Азиза демонстрировали очевидную заинтересованность властных структур в поддержании ее существования: в конце 70-х-первой половине 80-х годов наблюдался рост ее бюджетного финансирования. Если в 1979 г. на нужды Лиги было выделено почти 86 млн. риалов, то в 1985 г. – свыше 203 млн. риалов[64], несмотря на то, что это было время серьезного упадка саудовской экономики, связанного с падением мировых цен на нефть. Речь шла не только о существенном (на 30%) снижении уровня поступлений в национальный бюджет, но и о падении уровня валового национального продукта – с 400 млрд. риалов в 1982 г. до 271 млрд. риалов в 1986 г.[65]

Саудовский «правящий класс» нуждался в существовании Лиги, прежде всего для того, чтобы преодолеть, по выражению израильского исследователя, «последствия казавшегося временным кризиса, переросшего в длительную экономическую рецессию»[66]. Комментируя эту ситуацию, его коллега отмечала, что эпоха 80-х годов стала для Саудовской Аравии временем усиливавшегося «социально-экономического расслоения». Его наиболее яркими проявлениями становились концентрация власти «узким кругом королевского двора, племенных вождей и коммерческого класса», с одной стороны, и

лишение основной массы быстро растущего населения, введенного в систему всеобщего образования, возможности «войти в круг политического влияния» в силу «причин регионального характера, отсутствия родственных связей или социальной ущемленности». Саудовские города менялись, становясь местом прибежища «недавно урбанизированных бедуинов и традиционного крестьянства оазисов», ставших «категорией экономических и политических маргиналов». Соединение двух социально разнонаправленных потоков создавало среду, способствовавшую тому, что «молодые саудовцы этих двух групп положительно воспринимали исламских проповедников, разоблачавших Запад, материализм, коррупцию и потребительство». «Конец 80-х годов был ознаменован появлением негосударственных религиозных организаций», когда «жесткая исламская риторика» содействовала «возвращению к исламской идентичности» и способствовала появлению «нового поколения образованных и самодостаточных *мутавва*»[67]. Религиозная оппозиция начала 90-х годов требовала от государства реформ, основанных на принципе «побуждения к признанному и удержания от неодобряемого».

Сохраняя Лигу и опираясь на нее, государство не только доказывало свой «исламский характер», но и, апеллируя к помощи ведущих представителей религиозного истеблишмента, стремилось воздействовать на новых «поборников нравственности», содействуя регенерации исламских ценностей и сознательно поощряя развитие в среде молодежи движения за создание религиозных обновленческих кружков и объединений[68]. Для успеха решения этой задачи Лига реструктурировалась, финансировалась и обретала новые возможности, отказываясь от старого понимания идеи «новшества – *бидъа*», улемы вводили в ее деятельность телефон, факс (в дальнейшем – Интернет). В 1994 г. вышел в свет первый номер печатного издания Лиги – ежемесячного журнала «*Ахбар Аль-Хасба* (Новости Лиги)», в 1996 г. трансформированного в ежемесячное издание «*Аль-Хасба*», имеющее свою электронную версию[69]. Необходимость пропагандистской работы среди въезжающих в Саудовскую Аравию иностранцев и паломников заставила Лигу в 1995 г. отказаться от ваххабитского запрета на изучение иностранных языков и создать собственные курсы переводчиков (включающие и зарубежное языковое совершенствование)[70].

III

К августу 2005 г. (время восшествия на престол короля Абдаллы бен Абдель Азиза) Лига поощрения добродетели и осуждения греха представляла собой включенный в государственный аппарат институт. Его руководство назначалось представленным Аль Сауд политическим истеблишментом, а деятельность подчинена «позитивистским – *вадъийя*» законам, апеллировавшим (как и конституционные акты страны) к Корану, Сунне и нормам шариата. Процесс развития этого института со всей очевидностью демонстрировал, что после ухода с поста главы Генерального руководства в 1990 г. муфтия Абдель Азиза бен Мухаммеда бен Ибрагима саудовский политический истеблишмент предоставлял этот пост новым лицам, не связанным с Аль Аш-Шейх, хотя и происходившим из основных богословских центров Неджда: с 1990 по 2002 гг. главой Генерального руководства Лиги был шейх Абдель Азиз бен Абдель Рахман Ас-Саид, с 2002 по 2009 гг. – шейх Ибрагим бен Абдалла Аль-Гейт, с 2009 по январь 2012 г. – шейх Абдель Азиз бен Хумейн Аль-Хумейн[71].

Говоря об этом процессе, франко-ливанский исследователь замечал: «Мы не можем определить новых руководителей Лиги поощрения добродетели и осуждения греха как богословов, скорее, они – всего лишь религиозные технократы». Развивая эту мысль, он подчеркивал: «Хотя они и учились у ведущих улемов ханбалитско-ваххабитского мазхаба или в Университете имама (эр-риядский Исламский университет имени имама Мухаммеда бен Сауда – *Г.К.*), им не удалось отличиться на поприще мысли (в сфере религиозной литературы, призыва или издания фетв). Они смогли сделать блестящую карьеру за кулисами шариатских институтов». Опираясь на пример шейха Ибрагима бен Абдаллы Аль-Гейта, франко-ливанский исследователь писал: «Так, родившийся в 1940 г. Ибрагим Аль-Гейт в 1969 г. окончил Университет имама и поступил в Генеральное управление Лиги в качестве сотрудника бухгалтерии, возглавив затем центр Лиги в одном из кварталов Эр-Рияда, а впоследствии – и комитет Лиги всего города. В 1985 г. он стал главой Лиги столичной провинции, а через семь лет занял пост главы Генерального руководства»[72].

Обнародованный в январе 2012 г. указ короля Абдаллы бен Абдель Азиза о назначении на высший пост в руководстве Лиги шейха Абдель Латыфа бен Абдель Азиза бен Абдель Рахмана Аль Аш-Шейха[73], казалось бы, возвращал ситуацию назад: главой Лиги вновь стал родившийся в начале 50-х годов потомок создателя ваххабитской версии ханбалитской правовой школы. Окончив бакалавриат Исламского университета имени имама Мухаммеда бен Сауда, он получил магистерскую степень в эр-риядском Высшем институте судопроизводства – *Аль-Маахад аль-али ли аль-када*. В 1996 г. А.Л. Аль Аш-Шейх (автор двух работ по исламской юриспруденции) получил докторскую степень Исламского университета имени имама Мухаммеда бен Сауда по специальности «сравнительный *фикх*». Вместе с тем его карьерный рост также проходил не только «за кулисами шариатских институтов», но и государственной власти: секретарь Лиги, глава исследовательского отдела Генерального руководства, помощник заместителя главы Генерального руководства. В дальнейшем он работал в аппарате столичного губернатора принца Сальмана бен Абдель Азиза – был «специалистом по исламским делам», «советником по исламским делам», «специальным советником губернатора»[74]. Вместе с тем назначение А.Л. Аль Аш-Шейха на высшую руководящую должность в аппарате Лиги было связано и с существенным обстоятельством: он получил известность как сторонник «реформаторских» начинаний монарха и, в частности, поборник разрешения женского труда[75] и отказа от недопущения «смешения» представителей обоих полов в общественных местах[76].

В 2010-е годы Лига обрела четко выстроенный иерархический аппарат[77]. Трем заместителям главы Генерального руководства подчинены департаменты планирования и развития, практической деятельности (*аш-шуун аль-майданийя*) и наставления, а также департамент управления и финансов. Каждый из этих департаментов включает несколько отделов или центров. Так, департамент планирования и развития состоит из центра исследований, отдела информационного обеспечения и информационной техники и отдела административного развития. Департамент практической деятельности и наставления состоит из отдела правонарушений, отдела деятельности в практических условиях и отдела наставления и ориентации (*ат-таъуийя ва ат-тауджих*). Департамент управления и

финансов включает отдел кадров, финансовый отдел, отдел распределения бюджетных поступлений и т.п. Специальный заместитель-помощник (*аль-вакиль аль-мусаид*) главы Генерального руководства отвечает за управление общественных связей и информации, юридическое управление (появившееся только в 2011 г. и призванное «контролировать то, как сотрудники Лиги исполняют возложенные на них обязанности в соответствии с указаниями Генерального руководства, а также министерства внутренних дел и губернаторов провинций»[78]), службу внутренних расследований, управление советников. Наконец, главе Генерального руководства непосредственно подчинены 13 (по числу провинций Саудовской Аравии) региональных управлений Лиги и руководимые этими управлениями местные центры и отделения. В июне 2011 г. в рамках провозглашенной Генеральным руководством «линии на открытость обществу» в структуре этого института возник и пост официального представителя организации – *мутахаддис би исмиха*[79].

Вместе с тем географическое распределение этих центров и отделений не выглядело однотипным и равномерным. Если в провинции Эр-Рияд действовали 97 местных органов Лиги, в провинции Мекка – 69, в Асире – 41, в провинции Эль-Касым – 29, Эль-Хасе – 25, в провинции Медина – 19, то их численность последовательно снижалась в иных административных единицах: 12 местных центров и отделений находились в провинции Хаиль, по 11 – в Джаззане и Эль-Бахе, 7 – в провинции Северные границы, по 5 – в Неджране и Эль-Джауфе и, наконец, 4 – в провинции Табук[80]. Показательно и их региональное распределение: 39% (от всего количества отделений Лиги) в Неджде (провинции Эр-Рияд, Эль-Касым и Хаиль), 28% в Хиджазе (провинции Мекка и Медина), 23% на юге страны (провинции Джаззан, Эль-Баха, Асир и Неджран), 8% в Восточной провинции и, наконец, 6% на севере (провинции Северные границы, Эль-Джауф и Табук).

Франко-ливанский исследователь замечал, что сосредоточение значительного числа местных органов Лиги в Неджде определялось заинтересованностью «власти в сохранении социально-религиозной гомогенности исторической родины ханбалитско-ваххабитского мазхаба»[81]. Их немалое число в Хиджазе было связано с тем, что там расположены «Две Благородные Святыни», куда ежегодно прибывает огромный поток паломников. В свою очередь, провинции юга (Асир, Джаззан и

Эль-Баха) со времени их включения в состав саудовского государства, подвергались целенаправленному внедрению ханбалитского мазхаба, что и определило серьезное присутствие Лиги в пределах их территории. Позиция же местных органов Лиги в отношении неханбалитского населения страны (сохраняющих приверженность своей религиозной традиции исмаилитов Неджрана и шиитов-двунадесятников Эль-Хасы) ограничивается контролем над тем, чтобы представители этих двух конфессиональных групп не проводили публичных церемоний, связанных с их культовой спецификой. Уже в первой половине 90-х годов, стремясь исключить возможность повторения потрясших Восточную провинцию событий 1979 г., саудовский политический истеблишмент, несмотря на резкие возражения богословов, пошел на частичное разрешение шиитских обрядов, включая *Ашуру*. Наконец, уменьшение количества местных органов Лиги в северных провинциях было связано со слабой заселенностью этих территорий.

Если в 1956 г. численность сотрудников Лиги составила 1350 чел., то к 2008 г. – 5040 чел. Отмечая, что их абсолютное большинство (81% в 2008 г.) работало «*на земле – аль-амилюн аль-майданийюн*», и подчеркивая, что за период с 1956 по 2008 гг. количество этих сотрудников в абсолютном измерении уменьшилось с 3 до 2 чел. на каждую тысячу жителей, в то время как общая численность саудовского населения за истекшие полвека выросла с 4 млн. до более чем 27 млн. чел. Цитируемый исследователь подчеркивал: «Не стоит думать, что сотрудники Лиги “жесткими полицейскими” методами контролируют жизнь саудовского общества». Невозможность осуществления такого «жесткого» контроля не компенсируется и наличием в их распоряжении значительной сети «информаторов», представленных служителями мечетей, торговцами и, наконец, «благочестивыми» добровольцами. Сфера деятельности Лиги – «места скопления людей (рынки, магазины, окрестности мечетей, рестораны, общественные парки)», время этой деятельности – «часы молитвы и вечера», а основной метод – «быстрое и постоянное перемещение небольших групп, делающее их возможное появление непредсказуемым»[82].

В силу этих обстоятельств основными «грехами», против которых была направлена «борьба» сотрудников Лиги, оказывались нарушения «признанных» правил морали в общественных местах (около 23% всех задержанных за период

с 1991 по 2008 гг.). В числе этих правил – «проституция, сводничество, прелюбодеяние, изнасилование, похищение, гомосексуализм, нападение и приставание к женщинам». В этот список входит также «ношение шариатски недопустимой одежды, незанавешенные витрины магазинов женской одежды и белья, азартные игры, демонстрация изображающих женскую натуру картин или фотографий в общественных местах». Одним из наиболее серьезных нарушений «признанных» этических норм выступает «совместное пребывание» не связанных родственными или супружескими узами мужчин и женщин в общественных местах: в течение 1991–2008 гг. за него было наказано более 13% всех выявленных сотрудниками Лиги «нарушителей» морали. Равным образом 1% всех «нарушителей» был связан с распространением дисков и журналов «порнографического» характера.

Наиболее значительное число «нарушителей» норм «признанного» поведения имело отношение к сфере религии («отсутствие на совместной молитве, работа во время молитвы, открытое потребление пищи в пост месяца рамадан») – 75%. Эта доля значительно снижалась, когда речь шла о «нарушении идейных принципов ханбалитско-ваххабитского мазхаба – оскорбление правителя, оскорбление Пророка и его сподвижников, занятие ворожбой, посещение могил или "священных" деревьев и камней, ношение амулетов и талисманов». Уровень таких «преступлений» в течение того же периода составил только 0,3% от общего числа «нарушений». При этом число собственно саудовских граждан, пренебрегавших религиозными нормами, не превысило 18%. Абсолютное большинство этих «нарушителей», фиксируемых сотрудниками Лиги, являлись иностранцами, прибывшими в Саудовскую Аравию на работу либо для совершения паломничества. Географическое распределение «аморальных правонарушений» едва ли не в полной мере коррелировалось с региональным распределением отделений и центров Лиги. Если доля Неджда в их общей совокупности составила 36%, а доля Хиджаза – 31%, то доля юга – 13%, Восточной провинции – 12% и административных единицах севера – 8%[83]. Все эти тенденции проявляли себя и в последующие годы, демонстрируя устойчивое сохранение высокой доли нарушителей религиозных предписаний (в пределах 76%[84]).

Ситуация начала 2000-х годов демонстрировала, что Лига поощрения добродетели и осуждения греха действовала, следуя в русле принимавшихся государством «позитивистских» законодательных актов и в первую очередь ее Устава. Структурные единицы организации конструировались в связи с деятельностью государства и в полной мере подчинялись принятой в нем системе иерархий и лояльностей. В свою очередь, понимание принципа *ихтисаб* все более окрашивалось в тона *подчинения* государству в его качестве носителя идеи Божественной воли и Божественного спасения. Принятый же в 2011 г. (аналог уголовно-процессуального кодекса) Закон о процессе наказания (*Низам аль-иджраат аль-джазаийя*), обязательный для применения Лигой[85] (и, как представляется саудовским либералам, способный отменить действие ее Устава[86]), еще более сужал полномочия института, призванного поддерживать моральные устои саудовского социума.

Первая статья этого Закона провозглашала «отсутствие противоречий между издаваемыми правителем законами (*анзыма*)» и источниками «исламского шариата – Книгой и Сунной»[87]. Статья вторая этого законодательного акта провозглашала «невозможность ареста, задержания, обыска или тюремного заключения кого бы то ни было без опоры на положения закона». Равным образом его третья статья делала недопустимым «наказание кого бы то ни было без необходимого на то судебного решения». Иные положения Закона требовали обязательности присутствия адвоката «для защиты интересов задержанного», подчеркивали «необходимость судебного рассмотрения каждого случая обвинения в нарушении общественного порядка или морали», возможность апелляции в отношении решения суда. Наконец, структурами, в компетенции которых находилось предъявление обвинений, объявлялись «прокуратура, органы полиции и государственной безопасности», иные же институты власти (Лига была одним из них) могли выступать только в роли «помощников» этих структур.

Официальный корпус саудовских богословов был вынужден согласиться с вновь возникшим положением. Веской причиной тому были процессы, происходившие в Саудовской Аравии в конце 90-х – начала 2000-х гг. Речь шла, в первую очередь, о противостоянии государства, с одной стороны, и антисистемной, обращавшейся к методам террора и апеллировавшей к «чистоте» ваххабитской трактовки ханбалитской правовой

школы оппозиции, которую саудовский политико-религиозный дискурс определял как «заблудшую секту» (*аль-фиа ад-далля*)[88], с другой. Их исходной точкой стало осуществленное 18 марта 2003 г. в эр-риядском квартале Эль-Джазира нападение боевиков группировки «Легионы Двух Святынь Аравийского полуострова» на полицейский патруль[89]. Завершающим (но лишь условно) пунктом этого противостояния стал июль 2011 г., когда король Абдалла бен Абдель Азиз заявил о том, что его страна добилась «решающего успеха в отражении наступления гадины террора и разрушении ее организационных структур»[90].

Наиболее яркой чертой событий 2003–2011 гг. стало настойчивое стремление саудовского политического истеблишмента не допустить союза между официальным корпусом богословов и оппозицией, при этом использовались методы открытого давления и преследования наиболее последовательных сторонников *галу – религиозного излишества*. Движение в этом направлении достигло наивысшей точки в мае 2003 г., когда в Медине во время беспрецедентной для этого «святого» города полицейской операции «прочесывания» были арестованы три видных лидера *обновленчества* шейхи Ахмед Аль-Халиди, Али Аль-Худейр и Насер Аль-Фахд[91]. Их «раскаяние»[92] поставило корпус богословов перед необходимостью выбора, который был сделан в пользу союза с государством, что позволило саудовско-британскому исследователю говорить о «фрагментации саудовского исламского поля»[93]. В 2004 г. верховный муфтий Абдель Азиз Аль Аш-Шейх, оправдывая в изданной им фетве необходимость «защиты государства», заявлял: «Смута – явление времени джахилийи[94]. Безусловное *подчинение* воле правителей – наш долг, часть *признанного* (выделено мною – *Г.К.*). Мы должны, собираясь вместе и по отдельности, взывать к правителям и говорить об их добродетелях, рассказывать об их положительных чертах, подчеркивая, что правители – необходимость для мусульманского общества. Наличие правителей – путь к добру, путь к единству слова, путь к единству нации, путь, способствующий тому, чтобы положить конец действиям тех, кто стремится к мятежам и анархии в мусульманском обществе»[95]. Подтверждение главой корпуса улемов непреходящей ценности *подчинения* «правителям» как неотъемлемого элемента принципа разделения *признанного* и *неодобряемого* позволяло государству вести курс последовательного наступления

на позиции улемов, трансформируя себя в единственный «центр внутренней силы». Разброс мнений по основополагающим проблемам «устоев морали» в рядах корпуса богословов этому лишь содействовал.

17 апреля 2010 г. мекканская газета «Указ» опубликовала обширное интервью с главой местного отделения Лиги поощрения добродетели и осуждения греха шейхом Ахмедом Касемом Аль-Гамиди. Высокопоставленный функционер этого института утверждал, что существует принципиальное различие между «совместным проведением молитвы коллективом людей (*аль-джамаъа фи ан-нас*)», с одной стороны, и «совместной молитвой людей (*икама ан-нас фи салят аль-джамаъа*)», с другой. Если первое – «обязанность правителя, что требует строительства мечетей и призыва к молитве (*азан*)», то второе – «вопрос, в отношении которого мнения богословов расходятся». Из этого утверждения делался вывод, согласно которому существующая в Саудовской Аравии практика обязательного проведения «совместных молитв» не опирается на единство богословских точек зрения в отношении этого вопроса. Далее интервьюируемый отмечал, что поскольку эта практика – «проблема иджтихада», постольку «проблемой иджтихада» становится и вопрос об «обязательном закрытии торговых учреждений во время молитвы». В том же интервью А.К. Аль-Гамиди подчеркивал, что и «запрет совместного нахождения мужчин и женщин в общественных местах» ни в коей мере не вытекает из основополагающих источников мусульманского права, все также оставаясь «проблемой иджтихада». Для этого функционера Лиги речь шла всего лишь о том, что «фанатизм и религиозное излишество порождаются косностью общества», но вовсе не самой религиозной доктриной[96]. Последовавшие за этим заявлением попытки высшего руководства корпуса богословов (включая и верховного муфтия) сместить А.К. Аль-Гамиди с занимаемого им поста столкнулись с жесткой позицией его поддержки монархом[97].

Государство действовало не менее решительно и в отношении занимавших высшие посты в саудовской богословской иерархии улемов. Выступая 23 сентября 2009 г. на торжественном открытии созданного неподалеку от Джидды Университета науки и техники имени короля Абдаллы бен Абдель Азиза, саудовский монарх говорил о том, что «наука и вера могут противостоять друг другу только в душах больных людей», что начало

работы этого университета – «первая линия обороны против экстремистов», когда вновь возникшее учебное заведение «станет маяком терпимости»[98]. Однако это событие было омрачено публичным заявлением (в форме высказываемого королю совета) члена Высшего совета улемов шейха и Постоянной Комиссии фетв и исследований Саада Аш-Шасри, говорившего в посвященной фетвам программе первого канала саудовского телевидения о недопустимости введения в этом университете «совместного обучения», а также о «шариатской проверке преподаваемых предметов и, в частности, теории эволюции»[99]. В начале октября 2009 г. был издан указ короля Абдаллы бен Абдель Азиза об «освобождении С. Аш-Шасри» от занимаемых им должностей[100]. Действия монарха определялись двумя важными обстоятельствами, связанными как с ваххабитской интерпретацией ханбалитской доктрины, так и условиями поддержания союза между политическим истеблишментом и корпусом богословов. Если первое из них связано с недопустимостью обращения законоучителя к «властителю» с публичными советами (они могут высказываться только в ходе личной встречи), то второе состояло в том, что С. Аш-Шасри вмешался в сферу исключительной ответственности высшего лица политической пирамиды по поводу принятия им решения в области, формально не имеющей отношения к религии.

Действия в этом направлении были продолжены. В середине февраля 2009 г. своими «историческими указами» монарх реформировал Совет высших улемов, введя в состав этой религиозной инстанции лояльных законоучителей, а также представителей неханбалитских мазхабов[101]. В начале 2010 г. министерство религиозных дел инициировало «программу идейной безопасности» – обязательной переподготовки имамов[102]. 12 августа 2010 г. король Абдалла бен Абдель Азиз принял указ, позволяющий распространение только тех религиозно-юридических суждений, авторами которых являются правоведы, «избранные и введенные» королем в состав Совета высших улемов и Постоянной комиссии религиозных исследований и фетв[103]. Однако еще раньше началось преобразование Лиги поощрения добродетели и осуждения греха.

В 2004 г. на основе возникших ранее специализированных кафедр в ряде саудовских высших учебных заведений был создан Высший институт поощрения добродетели и осуждения греха при Университете Умм Аль-Кура, провозглашавшийся

«независимым академическим подразделением». Его цель состояла в «содействии распространению научно-щариатского фикха поощрения добродетели и осуждения греха с тем, чтобы способствовать повышению практического и поведенческого уровня работников этой сферы»[104]. В 2009 г. Генеральное руководство Лиги (по указанию политического истеблишмента) в сотрудничестве с Центром исследований и стратегического планирования Университета нефти и природных ресурсов имени короля Фахда в Дахране инициировало реализацию «Стратегического проекта Аль-Хасба (*Машруа Аль-Хасба аль-истратиджий*)», направленного на перестройку административного аппарата и «совершенствование деятельности кадров Лиги»[105]. Оправдывая его необходимость, отвечающие за его подготовку функционеры Лиги заявляли: «Ускоренное социальное, экономическое и управленческое развитие Королевства Саудовская Аравия ставит вопрос о дальнейшем повышении уровня решения задач, возложенных на аппарат. Этот уровень должен отвечать духу современности, ... подчеркивая, с одной стороны, значение ислама для любого времени, с другой же, опираясь на современное знание – системность, новейшие методы и инструменты действия, стандарты и технику»[106]. Давление государства требовало ускоренной модернизации структуры Лиги.

IV

В 2003 г., когда в Саудовской Аравии начался «этап реформ», сопровождавшийся широкими общественными дискуссиями, один из их участников заявлял, что мир видит в саудовском королевстве «культурно-цивилизационный феномен», но не «государство институтов». По его мнению, такой взгляд выдвигал не терпящую отлагательств задачу – трансформировать саудовское государство в «национальное, плюралистическое и реально осознающее свои интересы в современном мировом сообществе»[107].

Саудовские реформы (движение от «феномена» к «государству институтов») – длительный процесс, побудительным поводом для него всегда был внешний импульс. Осуществлявшиеся реформы инициировались властью (вводившей их в русло соответствия *аль-васатыйя*[108]) и имели своей целью

расширение числа участников принятия политического решения. На рубеже двух столетий движение в этом направлении убыстрялось. Тому были внешние причины – кувейтский кризис начала 90-х годов (весной 1992 г. были приняты первые в саудовской истории конституционные акты – Основной закон правления, Закон о Консультативном совете и Закон об управлении провинциями) и сентябрьские события 2001 г. (в течение 2003–2005 гг. последовательно расширялся состав членов Консультативного совета, был создан Центр национального диалога, возник Антикоррупционный комитет, проведены первые частичные выборы советов муниципалитетов, повышена общественно-политическая роль национального предпринимательства, представленного Советом торгово-промышленных палат, появились профессиональные организации и «общественный» Саудовский национальный комитет прав человека[109]).

В октябре 2006 г. власть саудовского «правящего класса» получила законодательную основу – Закон о комитете по принесению клятвы – *Низам Хейъа аль-бейъа*[110], содействовавший институционализации вопросов, связанных с престолонаследием. Созданный в 2008 г. в качестве начинания короля Абдаллы бен Абдель Азиза Центр диалога религий[111] вносил серьезные изменения в саудовский политический дискурс, – он начинал опираться на более широкие цивилизационные взгляды. Выступая 24 октября 2010 г., саудовский монарх говорил: «Саудовская Аравия – страна, открытая миру. Мы черпаем наши идеи в Торе, Евангелиях и Коране – Книгах, ниспосланных Господом, поскольку весь мир верит в справедливость, благополучие, мир»[112].

«Арабская весна» стала новым внешним вызовом, требовавшим реформирования саудовского государства. Однако в отличие от прошлого движение по этому пути обрело более широкую социальную основу: ею стал выпестованный властью новый «образованный класс». По оценкам Саудовского департамента статистики (конец февраля 2010 г.), более 96% работающих саудовцев (почти 4 млн. чел. в возрасте от 25 до 44 лет, или 89,5% от общей численности рабочей силы) получили образование. 26,8% обладают дипломами об окончании средней школы, а 34,4% – дипломами бакалавров. Образованы как работающие мужчины (96,1%), так и работающие женщины (98,5%). 18,4% работающих саудовских мужчин и 55,8% работающих саудовских женщин заняты в сфере науки, техники и гуманитар-

ных дисциплин[113]. Ежегодно не менее 90 тыс. молодых саудовцев и саудовок отправляются на учебу в зарубежные университеты. В самой Саудовской Аравии действуют 25 университетов, а также 52 региональных технических колледжа[114].

Комментируя действия власти по отношению к корпусу богословов, саудовская пресса писала, что «развитие королевства вызвало противостояние в сфере культуры и общественной жизни». Суть этого «противостояния» вытекала из «ощутимого разрыва между поколениями»: «новое образованное поколение» стремится «с помощью Интернета и спутникового телевидения войти в мир, освободиться от мелочной опеки», считая то, «что ранее было неодобряемым, – признанным». Это поколение называлось «противником консерваторов», стремящимся к «открытому обсуждению» социальных и политических проблем[115]. Вопрос о Лиге поощрения добродетели и осуждения греха стал одним из основных полей этого противостояния.

Лига, заявлял верховный муфтий Абдель Азиз Аль Аш-Шейх, была и должна остаться инструментом, содействующим «воспитанию молодого поколения в подлинно исламском духе». Оно должно «следовать по пути добродетельной морали», «быть бдительным в отношении неодобряемого», «не допускать отхода от ношения хиджаба, не допускать смешения полов, не позволять спутниковым каналам, книгам и журналам распространять блуд, порнографию и духовное растление». Повиновение «воле Всевышнего – *ихтисаб*» – путь, по которому должна идти Саудовская Аравия, а Лига поощрения добродетели и осуждения греха призвана и далее играть роль *ковчега спасения*. Обращаясь к участникам хаджа 2012 г., глава религиозного истеблишмента был резок, поскольку для него те, кто «призывает создать гражданское демократическое и не связанное с исламским шариатом государство, которое разрешит многое из неодобряемого, что в полной мере противоречит учению ислама, Книге (Корану – *Г.К.*), Сунне и основам шариата», – «лицемеры» и едва ли не «вероотступники» (*куффар*). Характеризуя своих противников, кого саудовский дискурс уже официально называет «либералами», но наполняя этот термин откровенно негативным содержанием, шейх Абдель Азиз Аль Аш-Шейх продолжал: «Жалкая кучка людей пытается поразить верующих, опираясь на эфемерные доводы и ложные лозунги и требуя свободы. Они считают, что вера ныне не нужна, они выступают против наказаний, предусмотренных Божественным

законом, потому что, как они утверждают, эти наказания противны правам человека»[116].

Со своей стороны, саудовские «либералы» осуществляют тщательный и целенаправленный мониторинг «проступков» сотрудников Лиги, а склоняющиеся к этому общественно-политическому лагерю печатные и электронные издания превращают эти «проступки» в факты (в огромной мере дублируемые мировой прессой), требующие дальнейшего ограничения сферы полномочий этого института. Список этих проступков велик, включая «насильственные задержания по подложным обвинениям», «жесткое обращение с задержанными»[117], «смерть в результате преследования со стороны *мутавва*», как это произошло, в частности, в июле 2012 г., когда группа сотрудников Лиги преследовала на шоссе в Эль-Баху автомобиль, заподозрив, что находящиеся в нем мужчина и женщина не являются супругами. Итогом этого преследования стала катастрофа с человеческими жертвами, включая и детей[118]. Это событие стало ведущей саудовской новостью, вызвав широкую общественную дискуссию, в очередной раз заставив руководство Лиги не только приносить публичные извинения, но и заявлять о том, что оно не будет вмешиваться в ход судебного расследования в связи с возбуждением дела против его сотрудников[119].

Все же для саудовских «либералов» речь вовсе не идет о его ликвидации, и саудовский «политический класс» далек от того, чтобы ставить этот вопрос. «Все согласны, – писал в письме в газету «Ар-Рияд» ее близкий к «либералам» автор и член семьи Аль Аш-Шейх, – что Лига поощрения добродетели и осуждения греха играет положительную роль в общественных делах. Соглашаясь с этим, все также считают, что в ее деятельности присутствуют и некоторые отрицательные моменты, наносящие ущерб престижу ее сотрудников. Но, – замечал он далее, – Лига поощрения добродетели и осуждения греха была создана, чтобы остаться (*ваджадат ли табка*), что подтвердил и Его Высочество покойный принц Наеф бен Абдель Азиз[120]. Он говорил, что аппарат Лиги был создан еще в момент формирования государства и что этот аппарат необходимо укреплять и развивать, и добавлял, что поскольку Лига – государственный институт, постольку, как и другие государственные институты, она может совершать ошибки»[121].

Цитируемое письмо – это едва ли не блестящая иллюстрация к позиции саудовских «либералов» в отношении Лиги (и в целом лагеря их противников-клерикалов). Они склоняются перед государством и его политическим истеблишментом: «Слова покойного принца Наефа, – писал далее автор письма, – это свидетельство государственного деятеля, мудреца, эксперта и участника принятия политического решения. Его Высочество о многом знал, и он лучше многих понимал, в чем заключаются интересы общества, и лучше многих был знаком с тем, как действовала Лига». Но, склоняясь перед государством, либералы, тем не менее, задают вопросы: «Как случилось, что задачи, ради которых была создана Лига, задачи, заключающиеся в том, чтобы осуждать грех, превратились в арест или преследование греха? Как случилось, что сотрудники государственного института, название которого предполагает удержание от неодобряемого, возложили на себя обязанность отвечать неодобряемым насилием на грех?». А задавая эти вопросы, они вырабатывают свое видение того, какой должна быть Лига, если уж ее существование неизбежно. «Арест и преследование неодобряемого – сфера ответственности соответствующих структур министерства внутренних дел и государственной безопасности. Дознание – сфера ответственности следственных органов и прокуратуры. Роль Лиги должна заключаться только лишь в религиозном удержании от неодобряемого, даже если в момент ее создания на нее и была возложена обязанность ареста греха, поскольку слова Всевышнего звучат как "удерживают от неодобряемого", но не как "осуществляют арест неодобряемого"». Заключительная фраза письма почти иронична: «Замечено, что сотрудники Лиги поощрения добродетели и осуждения греха забыли о том, что на них возложены и иные обязанности, среди которых, например, слежение за тем, чтобы покупателей не обвешивали и не обмеряли; контроль над тем, чтобы на скотобойнях скот забивали по шариатским правилам. В последние годы их внимание обращено едва ли не исключительно на то, не находятся ли вместе мужчины и женщины в общественных местах, как и на то, чтобы осуществлять аресты». Это – выпад против политического противника, но не совет королю или политическому истеблишменту в целом!

Для «либералов» иная постановка вопроса недопустима. Их позиция определялась, если использовать выражение саудовского исследователя, всего лишь «сегодня проявляющим

себя отчуждением между политиком и правоведом»[122] в ситуации, когда монарх остается единственным «центром силы», требующим обязательного соблюдения принципа «умеренности» от всех других акторов внутренней политики.

---

[1] Коран 9:72. Здесь и далее Коран цит. в переводе И.Ю. Крачковского. – Коран / Перевод и комментарии И.Ю. Крачковского. М.: Наука, 1986.

[2] Коран 9:68.

[3] Эта терминология восходит к работе А.М. Васильева «История Саудовской Аравии» (М.: Наука, 1982).

[4] Коран 9:75.

[5] Там же. 9:74.

[6] Здесь и далее автор использует принятое в отечественной литературе название этой организации. См.: *Васильев А.М.* История Саудовской Аравии. М.: Наука, 1982. С. 301.

[7] *Аль-Усейман А.С.* Тарих Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя. Аль-Джуз ас-сани. Ахд аль-малик Абдель Азиз (История Королевства Саудовская Аравия. Ч. 2. Эпоха короля Абдель Азиза). Эр-Рияд: Аль-Имана аль-амма ли аль-ихтифаль би мурур миа амм аля таасис Аль-Мамляка, 1999. С. 314.

[8] *Аль Аш-Шейх А.Л.А.А.* Яум тазаккур ан-ниам (День, когда вспоминают о благодати) // Аль-Хасба, № 124, шавваль 1433 Х. С. 2.

[9] Аль-Хадис ас-сани (второй хадис). – Цит. по сайту Лиги поощрения добродетели и осуждения греха. – https://www.pv.gov.sa/HesbahInSonah/Pages/HS1-250732.aspx.

[10] Аль-Хадис аль-авваль (Первый хадис). – Цит. по: Там же. – https://www.pv.gov.sa/HesbahInSonah/Pages/HS1-080632.aspx.

[11] Ан-Низам аль-асасий ли аль-хукм (Основной закон правления). Ст. 1, 7, 23. – *Бен Баз А.А.* Ан-Низам ас-сиясий ва ад-дустурий ли Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя (Политическая и конституционная система Королевства Саудовская Аравия). Эр-Рияд, 2000. С. 264-265, 268.

[12] Коран 31:16. Мин васайя Лукман ли ибнихи аль-амр би аль-маарруф ва ан-нахи ан аль-мункар (Из заветов Лукмана сыну о побуждении к признанному и удержании от неодобряемого). – https://www.pv.gov.sa/HesbahInQuran/Pages/Aya1-220333.aspx. Цитируемый *айят* – первый в списке коранических текстов раздела «Аль-Хасба в исламе» на сайте Лиги поощрения добродетели и осуждения греха.

[13] См. об этом, в частности: *Cook M*. Commanding Right and Forbidding Wrong in Islamic Thought. Cambridge, Cambridge University Press, 2004. С. 165–170.
[14] Здесь и далее: *Аль-Хумейис М.А.Р*. Инайя аль-малик Абдель Азиз би аль-акида ас-саляфийя ва дифаъуху анха (Забота короля Абдель Азиза о салафитской доктрине и его защита этой доктрины). Эр-Рияд: Матабиъа ан-нашир аль-арабий, 1999. С. 119.
[15] Там же. С. 125–126.
[16] Возникшее в конце IX в. течение исмаилизма, сторонники которого смогли в 899 г. создать собственное государство в Бахрейне. Наиболее ярким деянием карматов стало осуществленное в 930 г. вторжение в Мекку, разграбление Каабы и похищение «черного камня», возвращенного лишь спустя два десятилетия. В XI в. карматское движение, распавшись на мелкие секты, перестало существовать. В современной саудовской религиозно-политической риторике – синоним шиизма.
[17] *Аль-Хумейис М.А.Р*., цит. произв. С. 119.
[18] *Аль-Кайлани К*. Абдель Азиз Абдель Рахман Аль Сауд ва аль-ислях аль-ислямий аль-муасыр (Абдель Азиз Абдель Рахман Аль Сауд и современная реформа ислама). Эр-Рияд: Матабиъа ан-нашир аль-арабий, 1999. С. 13.
[19] Коран 3:106.
[20] https://www.pv.gov.sa/Pages/default.aspx.
[21] «Мать городов» – мусульманский эпитет Мекки в ее качестве первого святого города ислама.
[22] Здесь и далее автор использует принятое в отечественной литературе название этой организации. См.: *Васильев А.М*. История Саудовской Аравии. М.: Наука, 1982. С. 301.
[23] Аль-Амр би аль-маарруф (Поощрение добродетели) // Умм Аль-Кура, № 91, 10.09.1926. С. 2.
[24] См. об этом: *Мулин М.Н*. Уляма аль-ислям. Тарих ва бунья аль-муассаса ад-динийя фи Ас-Саудийя байн аль-карнейн ас-самин ашар ва аль-хади ва аль-ишрин (Клирики ислама. История и структура религиозного истеблишмента Саудовской Аравии времени XVIII-XXI вв.). Бейрут: Аль-Муассаса аль-арабийя ли аль-абхас ва ан-нашр, 2011. С. 316. Оригинальное название работы этого франко-ливанского исследователя: *Mouline Nabil*. Les Clercs de l'islam. Autorité religieuse et pouvoir politique en Arabie Saoudite. XVIIIe-XXIe siècles.
[25] См. подписанное «султаном Неджда Абдель Азизом» обращение «Нида амм иля джамиъ аль-муслимин фи машарик аль-ард ва

магарибиха (Призыв ко всем мусульманам на востоке и западе)» // Умм Аль-Кура, № 12, 27.02.1925. С. 2.

[26] Баляг расмий (Официальное уведомление). – Умм Аль-Кура, № 68, 23 апреля 1926. С 4.

[27] Аль-Хасба фи ахд аль-малик Абдель Азиз (Аль-Хасба в эпоху короля Абдель Азиза). – https://www.pv.gov.sa/AboutAutherity/Pages/default.aspx.

[28] Вусуль Джаляля аль-малик ли асыма Неджд – Аль-Амр би аль-маарруф ва ан-наха ан аль-мункар (Прибытие Его величества короля в столицу Неджда – Поощрение добродетели и отвращение от греха) // Умм Аль-Кура, № 241, август 1929. С. 1.

[29] *Аль-Усейман А.С.*, цит. произв. С. 315.

[30] Аль-Хасба фи ахд аль-малик Абдель Азиз.

[31] Там же; а также: *Мулин М.Н.*, цит. произв. С. 318.

[32] *Аль-Усейман А.С.*, цит. произв. С. 312–313.

[33] Ат-Таалимат аль-асасийя ли Аль-Мамляка Аль-Хиджазийя. Ст. 1 и 10. – *Бен Баз А.А.*, цит. произв. С. 253–254.

[34] Хадис раис аль-кудат (Слова главы судей) // Умм Аль-Кура, № 88, 20.08.1926. С. 3.

[35] Неждийское религиозно-политическое движение, сыгравшее ведущую роль в завоевательных походах Ибн Сауда. См.: *Васильев А.М.*, цит. произв. С. 252–257.

[36] Баляг амм (Общее заявление) // Умм Аль-Кура, № 52, 27.12.1925. С. 1.

[37] Коран 3:98.

[38] Хитаб Джаляля аль-малик аль-ифтитахий ли аль-муатамар аль-ислямий аль-авваль (Выступление Его Величества короля на открытии Первого мусульманского конгресса) // Умм Аль-Кура, № 75, 11.06.1926. С. 1.

[39] *Аднан А.* Ас-Сиджин 32. Ахлям Мухаммед Саид Тайиб ва хазаимуху (Заключенный № 32. Мечты и поражения Мухаммеда Саида Тайиба). Бейрут: Аль-Марказ ас-сакафий аль-арабий, 2011. С. 24.

[40] *Лиси Р.* Аль-Мамляка мин ад-дахиль. Тарих Ас-Саудийя аль-хадис (Королевство изнутри. Современная история Саудовской Аравии). Дубай: Марказ Аль-Мисбар ли ад-дирасат ва аль-бухус, 2011. С. 80–81. Оригинальное название работы этого английского автора: *Lacey R.* Inside the Kingdom. The Modern History of Saudi Arabia.

[41] Ан-Низам аль-асасий ли аль-хукм. Ст. 23. – *Бен Баз А.А.*, цит. произв. С. 268.

[42] Там же. Ст. 6. – Там же. С. 265.
[43] См. об этом: Там же. С. 300–301.
[44] Назга вакия Алла шарраха (Дурной умысел, от зла которого спас Господь) // Умм Аль-Кура, № 78, 29.06.1926. С. 1.
[45] Здесь и далее см.: *Васильев А.М.*, цит. произв. С. 298–314.
[46] *Аль-Усейман А.С.*, цит. произв. С. 209.
[47] *Аль-Хумейис М.А.Р.*, цит. произв. С. 57.
[48] См. об этом: *Васильев А.М.*, цит. произв. С. 403–420.
[49] *Мулин М.Н.*, цит. произв. С. 319.
[50] Здесь и далее: Аль-Амр би аль-маарруф ва ан-наха ан аль-мункар фи ахд аль-малик Сауд (Лига поощрения добродетели и осуждения греха в эпоху короля Сауда). – https://www.pv.gov.sa/AboutAutherity/Pages/default.aspx.
[51] *Лиси Р.*, цит. произв. С. 6–7.
[52] Слова Мухаммеда бен Ибрагима. Цит. по: *Мулин М.Н.*, цит. произв. С. 320–321.
[53] *Лиси Р.*, цит. произв. С. 14.
[54] Ривайят мутанакида ан манъ риджаль Хейъа аль-амр би аль-маарруф афрад ад-дифаа аль-маданий мин мубашара инказ талибат аль-мадраса 31 (Противоречивые свидетельства о том, как сотрудники Лиги поощрения добродетели не позволили членам гражданской обороны начать спасение учениц 31-й школы) // Ар-Рияд, 14.03.2002. – http://www.alriyadh.com/Contents/2002/03/14-03-2002/page12.html#13.
[55] *Мулин М.Н.*, цит. произв. С. 321.
[56] *Abir M.* Saudi Arabia in the Oil Era. Regime and Elites; Conflict and Collaboration. Boulder, Colorado, Westview Press, 1988. С. 150.
[57] Там же. С. 29–30.
[58] Амр малякий би таайин аш-шейх Абдель Азиз Аль Аш-Шейх раисан ли Хейъа аль-амр би аль-маарруф ва ан-наха ан аль-мункар би рутба вазир (Королевский указ о назначении шейха Абдель Азиза Аль Аш-Шейх главой Лиги поощрения добродетели и осуждения греха в ранге министра) // Умм Аль-Кура, № 2641, 03.09.1976. С. 1.
[59] *Лиси Р.*, цит. произв. С. 28-29.
[60] Описание событий 1989 г. в Мекке см. в: *Abir M.*, op. cit. P. 150-152.
[61] Описание событий 1989 г. в Восточной провинции см. в: Ibid. С. 150–158.
[62] Здесь и далее цит.: Карар Маджлис аль-вузара № 161 ва тарих 16.9.1400 (Решение Совета министров № 161 от 16.9.1400 Х.) // Умм Аль-Кура, № 2753, 23.01.1981. С. 2.

[63] Аль-Ляиха ат-танфизийя ли Низам Хейъа аль-амр би аль-маарруф ва ан-наха ан аль-мункар. Карар ракм 2740 ва тарих 24.12.1407 (Устав, прилагаемый к Закону о Лиге поощрения добродетели и осуждения греха. Решение № 2740 от 24.12.1407 Х.) // Умм Аль-Кура, № 3203, 18.03.1988. С. 3–5.
[64] *Мулин М.Н.*, цит. произв. С. 323.
[65] См. о саудовской экономической ситуации тех лет: *Al-Rasheed M.* A History of Saudi Arabia. Cambridge, Cambridge University Press, 2010. С. 143–150.
[66] *Abir M.*, op.cit. С. 181.
[67] *Al-Rasheed M.*, op.cit. С. 149–150.
[68] См. об этом: *Косач Г.Г.* Терроризм и политическая культура в Саудовской Аравии // Ислам и общественное развитие в начале XXI века / Отв. редакторы *Белокреницкий В.Я., Егорин А.З., Ульченко Н.Ю.* М.: Институт востоковедения РАН, Институт изучения Израиля и ближнего Востока, 2005. С. 173–175.
[69] Все номера этого журнала представлены в специальном разделе официального сайта Лиги общественной морали – https://www.pv.gov.sa/Books/Pages/Default.aspx?View=Tree&BookID=5&PageNo=1.
[70] *Мулин М.Н.*, цит. произв. С. 326–328.
[71] См.: Ан Ар-Риаса (О Генеральном руководстве). – https://www.pv.gov.sa/AboutAutherity/Pages/default.aspx.
[72] *Мулин М.Н.*, цит. произв. С. 333–334.
[73] Амр малякий би иъфа раис Хейъа аль-амр би аль-маарруф ва ан-наха ан аль-мункар (Королевский указ об освобождении главы Лиги общественной морали от занимаемой им должности) // Ар-Рияд, 13.01.2012. – http://www.alriyadh.com/2012/01/13/article700678.print.
[74] Раис Хейъа аль-джадид: доктор шариъа (Новый глава Лиги: доктор исламского права). – http://www.hawamer.com/vb/showthread.php?t=961807.
[75] *Аль Аш-Шейх А.Л.* Аль-Ислям яхудд аля аль-амаль ва аль-касб аль-халяль ва ля фарк байн ар-раджуль ва аль-маръа (Ислам призывает к труду и дозволенному приобретению, где нет различий между мужчиной и женщиной) // Ар-Рияд, 09.11.2010. – http://www.alriyadh.com/2010/11/09/article575702.html.
[76] Аль Аш-Шейх: аль-ихтилят канн мауджудан фи садр аль-ислям ва арифнаху фи Ар-Рияд иля ахд кариб (Аль Аш-Шейх: смешение существовало еще в раннем исламе, а в Эр-Рияде мы видели его еще

в недавнем прошлом) // Телеканал «Аль-Арабийя», 17.05.2010. – http://www.alarabiya.net/save_print.php?print=1&cont_id=108792.

[77] Здесь и далее: Аль-Хейкаль аль-идарий ли Ар-Риаса (Структура управления Генерального руководства). – https://www.pv.gov.sa/Pages/HT.aspx.

[78] Хейъа аль-амр би аль-мааруф ва ан-наха ан аль-мункар тунши идара канунийя (Лига поощрения добродетели и осуждения греха создает юридическое управление). 11 июня 2011. – http://www.aljazeera.net/home/print/f6451603-4dff-4cal-9c10-122741d17432/0cd1a0.

[79] Там же.

[80] *Мулин М.Н.*, цит. произв. С. 236.

[81] Там же. С. 337.

[82] Там же. С. 338, 341.

[83] Там же. С. 344-352.

[84] См., в частности: Аш-Шура: мунакашат хауль дабт Хейъа аль-амр би аль-мааруф ва ан-наха ан аль-мункар 400 альф кадыйя фи амм (Консультативный совет: обсуждение вопроса о возбуждении Лигой поощрения добродетели и осуждения греха 400 тысяч дел в течение года) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 13.04.2009. – http://www.aawsat.com/details.asp?section=43&issueno=11094&article=514890&feature=.

[85] На сайте Генерального руководства Лиги ныне отсутствует текст ее Устава, замененный текстом двух первых глав Закона о процессе наказания. – https://www.pv.gov.sa/Regulations/Reg/Pages/نظام1.aspx и https://www.pv.gov.sa/Regulations/Reg/Pages/نظام2.aspx.

[86] Так считают, например, члены саудовской Ассоциации адвокатов: Мухамун юраххибун би таакидат ад-дахилийя (Адвокаты приветствуют заверения Министерства внутренних дел). – 14 июля 2007. – http://www.mohamoon-ksa.com/default.aspx?action=PREVIEW_CONTENT&id=68.

[87] Здесь и далее текст Закона о процессе наказания цит. по его публикации на сайте мекканского Университета Умм Аль-Кура. – Низам аль-иджраат аль-джазаийя (Закон о процессе наказания). – http://uqu.edu.sa/files2/tiny_mce/plugins/filemanager/files/4170115/egraat.pdf. С. 1–46.

[88] Термин, восходящий к завершающим *айятам* первой *суры* Корана – *Аль-Фатиха – Открывающая*: «Веди нас по дороге прямой, по дороге тех, кого Ты облагодетельствовал, – не тех, которые находятся под гневом, и не *заблудших* (выделено мною – *Г.К.*)». – Коран 1:5-7.

[89] См. о саудовской антисистемной оппозиции: *Косач Г.Г.* Саудовская Аравия: внутриполитические процессы «этапа реформ» (конец 1990-х – 2006 г.). М.: Институт Ближнего Востока, 2007. С. 56–85.

[90] Хадим Аль-Харамейн Аш-Шарифейн: Аль-Мамляка наджахат фи тасадди ли афа аль-ирхаб (Служитель Двух Благородных Святынь: Королевство добилось успеха в отражении гадины террора) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 24.07.2011. – http://www.aawsat.com/detail.asp?section=4&article=632544&issueno=11926.

[91] См. об этом: *Косач Г.Г.* Саудовская Аравия: внутриполитические процессы «этапа реформ». С. 69–71.

[92] Материалы, связанные с «раскаянием» трех шейхов, содержатся в издании саудовского Министерства исламских дел, вакфов, призыва и наставления: Аль-Мураджиун (Раскаявшиеся). Эр-Рияд, Визара аш-шуун аль-ислямийя ва аль-аукаф ва ад-давва ва аль-иршад, 2004. С. 8–100.

[93] *Al-Rasheed M.*, op.cit. С. 228.

[94] В мусульманской риторике время *невежества*, эпоха до возникновения ислама.

[95] *Аль Аш-Шейх А.А.* Лимаза нудафиу ан ад-дауля (Почему мы защищаем государство)? – http://www.sohari.com/nawader_v/fatawe/almufti.html.

[96] Хуласа аль-калям: ля ясыхх аль-инкар аля ман юнади би адам игляк аль-махаль ат-тиджарийя аукат ас-салят (Итог разговора: нельзя осуждать того, кто призывает не закрывать места торговли во время молитвы). – Указ, 17 апреля 2010. – http://www.okaz.com.sa/new/Issues/20100417/PrinCon20100417344908.htm.

[97] Хейъа аль-амр би аль-мааруф тульги карарaн юафи Аль-Гамиди мин мансабихи (Руководство Лиги поощрения добродетели и осуждения греха отменяет решение об отстранении Аль-Гамиди с занимаемой им должности) // Аль-Хайят, 28.04.2010. – http://ksa.darlahayat.com/ksaarticle/134656.

[98] См. об этом: *Косач Г.Г.* Саудовская Аравия: годовщина национального дня. М.: Институт Ближнего Востока, 26 сентября 2009. – http://www.iimes.ru/?p=9393

[99] Полное выступление шейха Саада Аш-Шасри см.: Аш-Шейх Аш-Шасри юджиб ан ихтилят Джамиъа аль-малик Абдалла (Шейх

Аш-Шасри отвечает на вопрос о совместном обучении в Университете короля Абдаллы). – http://www.youtube.com/watch?v=vmEUc5fxy9w.

[100] Амр малякий: иъфа Саад Аш-Шасри мин амалихи фи Хейъа кибар аль-уляма (Королевский указ: освобождение Саада Аш-Шасри от работы в Совете высших улемов). – Указ, 5 октября 2009. – http://www.okaz.com.sa/new/Issues/20091005/Con20091005307886.htm.

[101] Аль-Малик Абдалла: карарат саудийя тарихийя (Король Абдалла: саудовские исторические указы). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 15 февраля 2009. – http://www.aawsat.com//details.asp?section=1&issueno=11037&article=507086.

[102] Аль-Мадина: истимрар таукыф анасыр Аль-Хейъа (Медина: задержание членов Лиги продлено) // Аль-Хайят, 01.04.2010. – http://www.daralhayat.com/portalarticlendah/125677.

[103] Хадим Аль-Харамейн юсдар амран малякийян би каср аль-фатва аля Хейъа кибар аль-уляма (Служитель Двух Святынь издает указ об ограничении издания фетв членами Совета высших улемов) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 13.08.2010. – http://www.aawsat.com//details.asp?section=1&issueno=11581&article=582296.

[104] Аль-Маахад аль-али ли аль-амр би аль-мааруф ва ан-наха ан аль-мункар (Высший институт поощрения добродетели и осуждения греха). – http://uqu.edu.sa/higher-intitute.

[105] Ахдаф Машруа Аль-Хасба (Цели Проекта поощрения добродетели и осуждения греха). – http://www.hisbah.gov.sa/ahdaaf.html.

[106] Таариф би Машруа Аль-Хасба (Определение Проекта Аль-Хасба). – http://www.hisbah.gov.sa/tareef.html.

[107] Надва «Аш-Шарк Аль-Аусат». Руа ва асъиля тахуд фи ильтибасат аль-илякат ас-сиясийя маа Аль-Вилайят Аль-Муттахида (Форум «Аш-Шарк Аль-Аусат». Взгляды и вопросы в связи с содержанием политических отношений с Соединенными Штатами) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 15.03.2003. – http://www.aawsat.com//leader.asp?section=3&article=157955&issueno=8873.

[108] Термин саудовского политического дискурса, означающий дозированность реформаторских начинаний, прерогативу власти быть их источником и осуществлять их претворение в жизнь. См.: Аль-Амир Абдалла истакбаль аъада аль-мультака ас-сани ли аль-

хивар ас-саудий (Принц Абдалла принял участников второй встречи саудовского диалога) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 04.01.2004. – http://www.aawsat.com//details.asp?section=4&article=210973&issueno=9168.

[109] См. об этом: *Косач Г.Г.*, цит. произв. С. 86–236.

[110] Иъалян Низам Хейъа аль-бейъа (Обнародование Закона о Комитете по принесению клятвы) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 20.10.2006. – http://www.aawsat.com//details.asp?section=4&article=388223&issueno=10188.

[111] Ад-Даъва ли инша Марказ ва джаиза аль-малик Абдалла ли ат-тавасуль байн аль-хадарат (Призыв к созданию Центра и международной премии короля Абдаллы в сфере диалога цивилизаций) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 7 июня 2008. – http://www.aawsat.com//details.asp?section=4&article=473853&issueno=10784.

[112] Хадим Аль-Харамейн: наахуз мин Ат-Таура ва Аль-Инджиль ва Аль-Куръан (Служитель Двух Святынь: мы черпаем из Торы, Евангелий и Корана) // Ар-Рияд, 25.10.2011. – http://www.alriyadh.com/2010/10/25/article570998.html.

[113] Аль-Мамляка: 8,6 мильон насама джумля аль-кувва аль-амиля (Королевство: общая численность рабочей силы 8,6 млн. чел.) // Аль-Хайят, 01.03.2010. – http://ksa.daralhayat.com/ksaarticle/114181.

[114] Хадим Аль-Харамейн: аль-хукума ас-саудийя таъмаль аля нашр сакафа хукук аль-инсан (Служитель Двух Святынь: саудовское правительство распространяет культуру прав человека) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 29.05.2010. – http://www.aawsat.com/details.asp?section=4section=4&article=571619&issueno=11505.

[115] Аль-Куэйлейт Ю. Мин аль-махаллийя иля алям муавалям (От провинциальности к глобализированному миру) // Ар-Рияд, 07.06.2010. – http://www.alriyadh.com/2010/06/07/article532670.html.

[116] Муфти Ас-Саудийя юхаммиль аля аль-муталибин би дауля маданийя гейр муртабита би аш-шариъа (Верховный муфтий Саудовской Аравии атакует сторонников создания гражданского, не связанного с шариатом государства) // Аль-Хайят, 26.10.2012. – http://alhayat.com/Details/447586. Муфти Ас-Саудийя юхаммиль аля аль-муталибин би дауля маданийя гейр муртабита би аш-шариъа.

[117] См. об этом: *Косач Г.Г.* Саудовская Лига общественной морали: критика действий. – М.: Институт Ближнего Востока, 30 мая 2007. –

http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/13-05-07.htm; *Он же*. Саудовская Аравия: Лига общественной морали защищается. – http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/13-06-07a.htm.

[118] См., в частности: Идана Хейъа аль-амр би аль-маарруф би ат-тасаббуб фи хадиса Аль-Баха (Осуждение Лиги поощрения добродетели в том, что она виновна в катастрофе на шоссе в Эль-Баху). 10 июля 2012. – http://alarabiya.net/articles/2012/07/10/225639.html.

[119] Аль Аш-Шейх: Аль-Хейъа лян татадаххаль фи тахкикат хадиса Аль-Баха (Аль Аш-Шейх: Лига не будет вмешиваться в ход расследования катастрофы в Эль-Бахе). – 9 июля 2012. – http://www.alarabiya.net/articles/2012/07/09/225363.html.

[120] В недавнем прошлом (скончался в июне 2012 г.) министр внутренних дел и наследный принц Саудовской Аравии.

[121] Здесь и далее: *Аль Аш-Шейх А.Р.А.А.* Ан-Наха ан аль-мункар ва ляйса аль-кабд аля аль-мункар (Осуждение греха, но не его арест) // Ар-Рияд, 13.07.2012. – http://www.alriyadh.com/2012/07/13/article751429.html.

[122] *Аль-Хейс А.* Мушарака аль-маръа фи аль-хайя ас-сиясийя ас-саудийя (Участие женщины в саудовской политической жизни) // Аль-Джазира, 17.10.2011. – http://www.aljazeera.net/NR/EXERES/26C86176-EB3A-45AA-874D-369D9D87DA21.htm.

Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян

СОВЕТ СОТРУДНИЧЕСТВА АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ ЗАЛИВА: ПРИНЦИПЫ И ПРАКТИКА СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

4 февраля 1981 г. на совещании министров иностранных дел шести стран зоны Персидского залива в Эр-Рияде было провозглашено создание Совета сотрудничества арабских государств Залива[1] (ССАГЗ). Обнародованная в саудовской столице Декларация подчеркивала: «Осознавая особый характер связывающих Государство Объединенных Арабских Эмиратов[2], Государство Бахрейн[3], Королевство Саудовская Аравия, Султанат Оман, Государство Катар и Государство Кувейт уз, схожесть политических режимов и единство культурного и цивилизационного наследия, стремясь к углублению и развитию сотрудничества и многогранной координации действий для блага, развития и стабильности жизни народов, министры иностранных дел шести государств провели переговоры о создании организации, содействующей сотрудничеству и взаимодействию. Итогом переговоров стало формирование Совета сотрудничества арабских государств Залива»[4].

25 мая 1981 г. создание ССАГЗ было официально подтверждено главами шести государств на I саммите организации в Абу-Даби. В принятом ими Заявлении отмечалось: «Их величества и высочества достигли соглашения о создании Совета сотрудничества в составе представляемых ими шести государств. Совет подтверждает свободный выбор народов сотрудничества в условиях меняющейся экономической и политической современности на благо права, справедливости, мира и свободы»[5]. Утвержденный в Абу-Даби Основной устав ССАГЗ (предусматривающий создание его руководящего органа, состоящего из глав государств Высшего совета и действующего в период между его сессиями Министерского совета в составе

министров иностранных дел государств-членов, а также аппарата генерального секретаря) определил цели Совета сотрудничества и его организационную структуру.

ССАГЗ: Становление региональной организации

Возникновение Совета сотрудничества – результат внутренних, региональных и международных процессов эпохи 70-х – начала 80-х годов прошлого века. Эти процессы определи не только развитие интеграционных процессов, но и позицию составивших ССАГЗ государств в отношении тех или иных аспектов региональной безопасности.

В конце 1968 г., провозгласив курс на ликвидацию военного присутствия «к востоку от Суэца», Великобритания вывела из региона свои вооруженные силы. Формирование пространства будущего ССАГЗ завершилось в 1971 г., когда политическую самостоятельность обрели Катар и Бахрейн, а также семь княжеств «Договорного Омана», создавших в том же году (эмират Рас аль-Хейма присоединился к этому процессу в 1972 г.) президентскую федерацию – Государство Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ).

Совет сотрудничества возник как объединение монархий (при специфичности политического устройства ОАЭ), производящих и поставляющих на мировой рынок углеводородное сырье (хотя в 70-е годы нефтяные месторождения Бахрейна во многом были исчерпаны). Включенность этих монархий в систему мирохозяйственных связей не меняла главного: их системы правления опирались на принцип *аль-мубаяъа* – политический договор между правящими династиями и элитами иных социальных страт. Исторический путь развития каждой из входящих в организацию стран определял пределы этого союза. Если в Кувейте он был широк, включая все ведущие группы местного общества, то в Саудовской Аравии и Катаре ограничен высшими клириками корпуса ханбалитских законоучителей. Религиозное многообразие Бахрейна и Омана делало местные варианты *аль-мубаяъа* зависимыми от лояльности лидеров племен и конфессиональных групп.

Построенные на этом принципе политические системы оказывались хрупкими, ограничивая число участников процесса принятия политического решения (расширявшегося за счет

растущего слоя «образованного класса»), содействуя его монополизации правящими семействами и узким кругом их союзников. Режимы стран ССАГЗ оставались авторитарными, исключая (в момент создания организации) сколько-нибудь значимые институты представительной власти, как и конституционные акты. Случай Кувейта, где после обретения политической самостоятельности (1961 г.) был создан обладающий законодательно закрепленным кругом полномочий парламент, был далек от того, чтобы изменить политический пейзаж региона. Введение институтов представительной власти (как и конституций) в Бахрейне и Катаре после обретения ими политической самостоятельности не оказалось успешным. В 1975 г., спустя два года после начала работы бахрейнского парламента он был распущен, а действие конституции приостановлено. Принятая в 1970 г. временная конституция Катара не стала основой для развития значимого политического процесса, а созданный тогда же Консультативный совет остался назначаемым эмиром.

В конце 70-х – начале 80-х годов возникли серьезные внутренние угрозы входящим в ССАГЗ государствам. Вплоть до середины 70-х гг. Оман был полем противостояния власти и апеллировавших к марксизму повстанцев Национального фронта освобождения Омана в провинции Дофар. В канун обретения Бахрейном независимости и в первые годы его самостоятельного развития там активно действовали левые – баасисты и коммунисты, а также сторонники шиитской доктрины. В конце 70-х годов Восточная провинция Саудовской Аравии стала ареной мощного выступления местных шиитов. 20 ноября 1979 г. ханбалитская группа вооруженных противников режима захватила Главную мечеть Мекки. Это было первое в саудовской истории выступление последователей антисистемного подполья, вдохновлявшихся господствующим толком суннизма.

Рубеж 70-х – 80-х годов подвергал коррекции соотношение сил в арабском мире. Подписанный в 1979 г. египетско-израильский Договор о мире привел к исключению Египта из Лиги арабских государств (ЛАГ) и изоляции ранее ведущей страны арабского геополитического пространства, укрепив позиции «консерваторов». ССАГЗ был создан как закрытое блоковое объединение[6]. Принципы его построения исключали возможность вхождения в его состав не только аравийских го-

сударств (Йеменской Арабской Республики – ЙАР и Народно-Демократической Республики Южный Йемен – НДРЙ), но и Ирака, географически принадлежащего к зоне Персидского залива. Акцентируя «схожесть» своих «политических режимов» и их тесную связь с «вероучением ислама», страны ССАГЗ закрывали свою организацию для республиканской ЙАР, «марксистской» НДРЙ и баасистского Ирака, не раз заявлявшего о притязаниях на Кувейт.

Провозглашая себя организацией «арабских государств», созданной ради реализации «высших целей арабской нации», подчеркивая свою приверженность «Уставу Лиги арабских государств»[7], это блоковое объединение отвергало притязания Ирана на участие в обеспечении безопасности региона. Жесткая конкуренция между Ираком и Исламской Республикой Иран (ИРИ) за региональное первенство (ее апогей – начавшаяся в 1980 г. ирано-иракская война) подтолкнула монархии Персидского залива к ускорению интеграционного процесса[8]. ССАГЗ возник как «консервативный» центр силы, призванный стабилизировать региональную ситуацию, противодействуя религиозному и светскому радикализму.

Прокламировавшаяся документами ССАГЗ «схожесть политических режимов» государств-членов не означала однородности его структуры. Несущая конструкция организации – Саудовская Аравия, страна с длительной (на фоне иных членов Совета сотрудничества) традицией суверенной государственности, претензиями на особую роль в мусульманском мире, географической протяженностью и значительным (по сравнению с другими странами-членами) человеческим, хозяйственным и военным потенциалом, рассматривала «регион Залива как свой стратегический тыл»[9]. Однако вплоть до 1990 г. Кувейт считал себя вторым «центром силы» ССАГЗ, организующим вокруг себя его «малые государства» (иракская оккупация положила конец этим претензиям). С конца 90-х годов идентичную роль успешно играет Катар с его разветвленной региональной, арабской и ближневосточной политикой. Все же эта структура более сложна, распадаясь на периферию – Бахрейн и ОАЭ и занимающий в ней маргинальное положение Оман. Различия между государствами ССАГЗ (уровень социально-экономического и политического развития, военные возможности, историческая эволюция, опыт международных контактов) определили положение каждого из них в рядах объединения,

степень заинтересованности в его существовании и характер отношений с другими его членами.

Региональная безопасность: принципы сотрудничества

Саудовский политолог назвал Совет сотрудничества организацией, «приемлемой» для создавших его государств в силу ее «способности обеспечить минимум региональной стабильности»[10]. Определяя принципы региональной безопасности и методы их реализации, члены ССАГЗ должны были достигать консенсуса. В отношении важнейшего из этих принципов консенсус был достигнут уже на I саммите ССАГЗ. Его Заключительное коммюнике отмечало: «Ответственность за безопасность и стабильность региона несут его народы и государства. Совет сотрудничества как выражение воли этих государств и их права на защиту безопасности региона и своей независимости подтверждает неприемлемость какого бы то ни было иностранного вмешательства, считая недопустимым превращение региона в поле противостояния мировых держав и, в частности, нахождение в нем иностранных военных флотов и баз»[11]. Основой своей «совместной деятельности» ССАГЗ провозглашал «принципы неприсоединения»[12].

Акцент на «опоре на собственные силы» и выделение военно-политического аспекта безопасности, естественны, поскольку ССАГЗ возник в эпоху биполярного мира. Создавшие его государства были заинтересованы в обеспечении безопасности зоны Персидского залива не только в силу изменений регионального масштаба, но и угрозы заполнения политического вакуума, созданного уходом Великобритании, внешними акторами эпохи «холодной войны» – СССР и США. Их опасения не были безосновательны.

Государства ССАГЗ видели в СССР державу, устанавливавшую в 60-е – 80-е годы отношения со сторонниками идеи панарабского национализма (насеровским режимом в Египте, сирийскими и иракскими баасистами), копируя в масштабе арабского мира биполярность международного уровня. НДРЙ и возникшие на Африканском роге «марксистские» Эфиопия и Сомали оценивались будущими государствами Совета сотрудничества как окружавший их пояс советских «сателлитов».

Осуществленный же в 1979 г. ввод советских войск в Афганистан рассматривался как угроза зоне непосредственных интересов этих государств. Оказывая всестороннюю поддержку афганским *моджахедам*, монархии Персидского залива (в первую очередь Саудовская Аравия[13]) вступали в скрытый вооруженный конфликт с Советским Союзом.

Время 70-х годов было эпохой роста в зоне Персидского залива военно-политической роли Соединенных Штатов, оправдывавшейся сдерживанием СССР. Опираясь на дружественные отношения с шахским Ираном и Саудовской Аравией, США стремились включить оба этих государства в создававшуюся ими систему обеспечения региональной безопасности, потерпевшую крах после победы «исламской революции». Это обстоятельство становилось решающим при выработке позиции Совета сотрудничества в отношении второго полюса мировой политики: ведущие государства ССАГЗ не видели необходимости в том, чтобы их «стратегический партнер» брал на себя ответственность за обеспечение региональной безопасности. Противостоя «советскому экспансионизму», государства ССАГЗ не были сателлитами США. Их задача состояла в том, чтобы вывести зону Персидского залива из сферы советско-американского противостояния, что не исключало контактов членов ССАГЗ с американской стороной для обеспечения своей национальной безопасности.

Принцип «опоры на собственные силы» требовал расширения военно-политической координации в сфере безопасности. Если ее необходимость не вызывала сомнений[14], то вопрос о темпах интеграции в военной области не раз становился предметом споров. Точка зрения Саудовской Аравии заключалась в необходимости форсировать этот процесс, считая важным создание единых вооруженных сил, унификацию вооружения и скорейшее подписание соглашения о коллективной безопасности. Предлагавшаяся саудовской стороной всеобъемлющая военная интеграция государств ССАГЗ была далека от того, чтобы вызвать понимание других членов объединения, поскольку «малые государства» рассматривали саудовскую точку зрения как проект подчинения крупнейшему и обладающему большим военным потенциалом члену организации.

Военное сотрудничество государств ССАГЗ развивалось поэтапно, начинаясь как взаимодействие военных ведомств. Первые совместные военные маневры всех шести государств –

«Щит полуострова», квалифицировавшиеся как «начало оборонного взаимодействия государств Залива»[15], были проведены в октябре 1983 г. на территории ОАЭ, став в дальнейшем регулярными. Дополнительным каналом военного сотрудничества стали и двусторонние армейские маневры. Лишь в феврале 1984 г. на совещании министров обороны государств ССАГЗ в Дохе был поставлен вопрос о разработке «единой оборонной стратегии», но при «сохранении самостоятельности национальной политики в сфере военного строительства»[16].

Состоявшийся в конце ноября 1984 г. V саммит Совета сотрудничества в Эль-Кувейте, обсуждая этот вопрос, ограничился указанием на то, что государства-члены создадут «объединенные единым командованием совместные вооруженные силы» в составе «символических военных формирований, представляющих армии соответствующих стран», отметив, что «единое командование будет создаваться на определенное время», а вопросы закупок вооружения и подготовки кадров для этих «совместных вооруженных сил» требуют «дополнительного рассмотрения». Эти силы предполагалось использовать «для защиты любой страны Залива совместно с ее вооруженными силами». Они должны стать прообразом «сил быстрого развертывания» не для «вмешательства во внутренние дела государств», «а для отражения угроз или внешней агрессии»[17]. ССАГЗ не выработал четких правил использования «совместных сил», названных, как и первые совместные маневры, «Щит полуострова» и размещенных на саудовской базе «*аль-Малик Халед* (Король Халед)» в районе Хафр Аль-Батин (вблизи границы с Ираком и Кувейтом). Во время военной операции по освобождению Кувейта составившие «Щит полуострова» национальные военные формирования действовали в составе армий их стран.

Соображения, идентичные тем, которые мешали реализовать оборонное сотрудничество, не допускали и возможности разработать единое соглашение по обеспечению безопасности, хотя главы внутриполитических ведомств ССАГЗ на состоявшемся в Эр-Рияде в феврале 1982 г. совещании обсуждали возможность его заключения. В определенной мере отсутствие этого соглашения компенсировалось заключенными в декабре 1981 г. и феврале 1982 г. двусторонними соглашениями о сотрудничестве в сфере безопасности между Саудовской Аравией, с одной стороны, и каждым из четырех членов ССАГЗ –

Бахрейном, Катаром, ОАЭ и Оманом, с другой[18]. Отказ Кувейта подписать идентичное соглашение определялся «причинами конституционного характера», предполагавшими обязательное обсуждение этого документа в парламенте с его давней традицией противостояния исполнительной власти[19].

Несмотря на трудности согласования единого подхода, участники эр-риядского февральского 1982 г. совещания министров внутренних дел выработали важный элемент видения региональной безопасности: «безопасность Залива – неразделима, агрессия против одного из государств-членов является агрессией против всех государств Совета, все государства Совета несут коллективную ответственность за отражение агрессии против государства-члена»[20]. Этот принцип был воплощен в период кувейтского кризиса 1990–1991 гг., когда все государства Совета сотрудничества приняли участие в освобождении территории члена ССАГЗ, что не помешало Оману (в отличие от других членов Совета сотрудничества) сохранить дипломатические отношения с Ираком. Но восстановление кувейтского суверенитета, когда необходимость отпора агрессии заставила Совет сотрудничества обратиться за помощью к ведущим мировым державам (в первую очередь, США), внесло новые оттенки в понимание принципа «опоры на собственные силы».

В октябре 1991 г. в Маскате состоялись совещания начальников генеральных штабов государств ССАГЗ для обсуждения предложения Омана о преобразовании сил «Щит полуострова» в независимую от национальных армий структуру с самостоятельным командованием, формируемым на ротационной основе из числа членов военных командований армий государств-членов. Численность личного состава этих сил не должна была быть менее 100 тыс. военнослужащих. Целью обновленных сил «Щит полуострова» провозглашалась помощь национальным вооруженным силам по защите их государств[21]. Подчеркивая, что этот «проект не получил одобрения», российский исследователь отмечал, что реализация оманского предложения потребовала бы от «малых государств» включить в состав совместных сил «почти все собственные национальные армии»[22]. Развитие сил «Щит полуострова» было временно отложено.

Возвращение к этому вопросу произошло в декабре 1994 г. на прошедшем в Манаме XV саммите ССАГЗ, где была вновь поставлена задача «коллективной обороны» государств-

членов и подчеркнута необходимость «строительства национальных вооруженных сил на основе единой стратегии Совета». Активизация развития сил «Щит полуострова» выглядела как насущная необходимость, т.к. их следовало превратить в «эффективный инструмент быстрого реагирования»[23]. Состоявшийся в декабре 2000 г. в бахрейнской столице XXI саммит ССАГЗ утвердил Соглашение о совместной обороне[24]. Следующим шагом к углублению сотрудничества в оборонной сфере стало оформление на XXX саммите в Эль-Кувейте Совместной оборонной стратегии Совета сотрудничества, провозгласившей стремление государств ССАГЗ к «оборонной интеграции»[25].

Совместная оборонная стратегия предусматривала «формирование объединенных сил быстрого реагирования численностью 22 тыс. чел.» (включающих военно-воздушные и военно-морские части) для «отражения агрессии против любого государства-члена»[26]. В 2001 г. государства ССАГЗ создали проводящий ежегодные совещания Высший оборонный совет, а также систему идентификации и слежения за самолетами «Пояс сотрудничества» – крупнейший совместный проект организации. Еще раньше, в 1995 г. было завершено создание единой системы противовоздушной обороны – «Щит мира», основу которой составила саудовская ПВО, оснащенная американскими радарами АВАКС. Для обеспечения воздушной безопасности был создан Региональный интегрированный центр по защите от нападения с воздуха и ракетной защиты, а для обороны побережья – Региональный морской координационный центр[27].

Решение саммита в Манаме об увеличении численности сил «Щит полуострова» было реализовано Высшим оборонным советом Совета сотрудничества в 2002 г., когда в их составе было создано подразделение сил быстрого развертывания. Спустя десять лет, в 2012 г. численность личного состава этих сил составила 40 тыс. чел., но, как предполагал Высший оборонный совет, к началу 2013 г. она достигнет 100 тыс. чел.[28]. По словам саудовского министра обороны (и наследного принца) Сальмана бен Абдель Азиза, «силы “Щит полуострова” – ядро военной мощи стран Залива, способной защитить государства Совета сотрудничества от любой угрозы»[29].

Примером того, что «совместные силы» ССАГЗ могут сыграть эту роль, стала осуществленная в 2003 г. (накануне

ввода американо-британских войск в Ирак) передислокация этих сил в Кувейт для предотвращения возможной иракской военной акции[30], а также переброска в Бахрейн 14 марта 2011 г. 1500 военнослужащих сил «Щит полуострова», представленных саудовскими, кувейтскими и эмиратскими (и присоединившимися к ним в дальнейшем символическими оманскими) частями (что не означало, что Катар не поддерживал осуществленную операцию, но демонстрировало минимальную степень его, как и Омана, участия в формировании «совместных сил» организации). В последнем случае действия Совета сотрудничества, как подчеркивал его (в то время) генеральный секретарь Абдель Рахман Аль-Атыйя, не были нарушением принципа «невмешательства во внутренние дела государства Совета сотрудничества». Напротив, они стали «ответом на просьбу» бахрейнского правительства, «шагом, исходящим из принципа коллективной ответственности за стабильность государств Совета, определяемым Соглашением о совместной обороне» и направленным на отражение «возможной иранской агрессии»[31].

Время 1990-х гг. диверсифицировало понимание региональной безопасности. Государства ССАГЗ в большей мере, чем раньше, обращали внимание на обеспечение экологической безопасности, поскольку осуществленное в период оккупации разрушение кувейтской нефтяной инфраструктуры придало сотрудничеству в этой области характер актуальной задачи. Перед членами организации вставали вопросы водной безопасности, определявшиеся загрязнением бассейна Персидского залива. Не меньшую роль начинали играть задачи совместной борьбы с незаконной миграцией, организованной преступностью, распространением наркотиков и др. (список этих угроз постоянно расширялся, включая, в частности, СПИД).

В ноябре 1994 г. четыре участника сессии Министерского совета в Эр-Рияде (Саудовская Аравия, ОАЭ, Бахрейн и Оман) подписали Соглашение о безопасности, которое в декабре того же года было одобрено XV саммитом ССАГЗ в Манаме[32]. В октябре 2009 г. к этому соглашению присоединился Катар, хотя Кувейт все еще остается вне сферы его действия[33]. После 11 сентября 2001 г. (когда терроризм стал саудовской повседневностью) координация в сфере безопасности приобрела необратимый характер. В 2002 г. члены орга-

низации приняли Маскатскую декларацию борьбы с терроризмом, а спустя два года подписали Соглашение о борьбе с терроризмом; в 2006 г. появилась постоянная антитеррористическая комиссия ССАГЗ. Вступление членов ССАГЗ в международную антитеррористическую коалицию, инициированное саудовским королем Абдаллой бен Абдель Азизом в феврале 2005 г. создание Международного антитеррористического центра в Эр-Рияде (с участием в его деятельности всех членов объединения) – все это расширяло взаимодействие в сфере безопасности. Комментируя это взаимодействие, нынешний генеральный секретарь Совета сотрудничества Абдель Латыф Аз-Зайяни подчеркивал: «Нашей стратегической целью является реализация лозунга “спасти ССАГЗ от всех угроз”, и мы говорим о внешней агрессии, терроризме и организованной преступности, для борьбы с которой мы создаем GCCPOL, структуру, идентичную Europol»[34].

Начало XXI века расширяло представление ССАГЗ о подходах к решению проблем безопасности. Выступая 11 июля 2012 г. в кембриджском Центре исследований Залива, А.Л. Аз-Зайяни подчеркивал: «Неустойчивость региональной ситуации и угроза терроризма требуют укрепления отношений в сфере военного сотрудничества и борьбы с террористическими движениями не только между странами Совета сотрудничества, но и между ними и дружественными государствами. Страны Совета считают, что их безопасность и стабильность должны быть обеспечены их собственными силами, а также развиваемым ими международным сотрудничеством».

Международные связи Совета сотрудничества опираются на «принципы Устава Организации Объединенных Наций» (ССАГЗ имеет статус постоянного наблюдателя при ООН), что предполагает, что ССАГЗ видит себя в качестве «неотъемлемого элемента многополярного мира», развивая «стратегический диалог» с «дружественными государствами и международными организациями»[35]. В списке партнеров ССАГЗ США, Европейский Союз (ЕС), АСЕАН, Китай, Россия (с ноября 2011 г.), Турция, Пакистан, Австралия, государства Латинской Америки. Значение «стратегического диалога» состоит в том, что он создает условия для «лучшего понимания» партнером Совета сотрудничества, как это подчеркивалось, в частности, в заключительном коммюнике состоявшейся в мае 1992 г. в Эль-Кувейте первой встречи министров иностранных дел ССАГЗ и ЕС,

«ситуации в зоне Залива и важности обеспечения ее безопасного и стабильного развития»[36].

Важным элементом международной деятельности государств ССАГЗ является «диалог цивилизаций, религий и культур», инициированный в 2008 г. королем Абдаллой бен Абдель Азизом и пропагандируемый ныне созданным в Вене в октябре 2011 г. под патронажем саудовского монарха Международным центром религиозного диалога (в деятельности которого активно участвует Катар). Поддерживая это начинание, состоявшийся в Абу-Даби в декабре 2010 г. XXI саммит ССАГЗ отмечал в своем Заключительном коммюнике: «Диалог между последователями различных цивилизаций, религий и культур – путь к укреплению взаимопонимания между народами и обеспечению безопасности через международное сотрудничество, к объединению усилий в интересах решения проблем современного мира»[37].

Все же в условиях региональной нестабильности опора на военную силу как инструмент обеспечения безопасности остается ведущим направлением в деятельности ССАГЗ. В годы после кувейтского кризиса участники этого объединения в большей мере, чем ранее, выражают заинтересованность в привлечении США (как и Великобритании и Франции) к процессу поддержания региональной безопасности, что придает новые нюансы их позиции. Если в 80-е годы ССАГЗ был далек от открытого сотрудничества с западными партнерами, а его члены заключали с ними двусторонние оборонные соглашения, то после 1991 г. США стали главным поставщиком вооружения и военной техники его членам, выражающим готовность укреплять отношения с американской стороной и в сфере обеспечения региональной безопасности.

На проходившем в конце марта 2011 г. в Эр-Рияде первом совещании Форума стратегического сотрудничества ССАГЗ-США министр иностранных дел Саудовской Аравии С. Аль-Фейсал был откровенен: «Государства Совета сотрудничества, – заявил он, – приняли решение сформировать совместную комиссию государств Залива и Соединенных Штатов по вопросам безопасности». По словам главы саудовского внешнеполитического ведомства, наиболее важным вопросом в ее повестке дня станет «создание ракетного щита для защиты региона». В заключительном коммюнике Форума отмечалось, что стратегическое взаимодействие по оборонным вопросам, а также во-

просам безопасности, будет включено в официальные рамки общего сотрудничества между обеими сторонами[38].

Военно-политическое и оборонное сотрудничество со странами Запада неизбежно ставило вопрос об установлении прямых контактов между Советом сотрудничества и НАТО. В июне 2004 г. делегация ССАГЗ приняла участие в работе Стамбульского саммита альянса, где была принята Стамбульская инициатива «Для развития отношений с Расширенным Ближним Востоком». Инициатива подчеркивала готовность входящих в НАТО государств начать сотрудничество с «государствами-членами Совета сотрудничества арабских государств Залива – Объединенными Арабскими Эмиратами, Бахрейном, Оманом, Катаром, Кувейтом и Королевством Саудовская Аравия». В течение первых трех месяцев 2005 г. к Стамбульской инициативе присоединились Бахрейн, Катар и Кувейт, а в июне 2005 г. ОАЭ. Отсутствие в этом списке Омана и Саудовской Аравии не означает их отказа от контактов с НАТО[39]. Как и в случае с военно-политическим сотрудничеством с США, отношения государств ССАГЗ и НАТО оправдываются стремлением сохранить статус-кво в зоне Персидского залива.

Безопасность ССАГЗ: Иран и ближневосточный конфликт

Два основных вызова безопасности ССАГЗ связаны с внешней политикой ИРИ, рассматриваемой как угроза сохранению статус-кво в зоне Персидского залива, и арабо-израильским конфликтом, способным дестабилизировать все ближневосточное геополитическое пространство.

ССАГЗ – Иран. ИРИ – «основной стратегический противник» государств ССАГЗ. Для этого существуют весомые обстоятельства, среди которых политико-идеологические расхождения являются основой противостояния. Если Иран проводит антизападный курс, считая существующую систему международных отношений дискриминационной по отношению к мусульманским странам, то государства ССАГЗ видят себя частью международного сообщества, называя США и ЕС своими стратегическими союзниками и подчеркивая необходимость активного участия мусульманских стран в решении актуальных

проблем мировой политики. Если Иран расширяет сферу своей внешнеполитической активности в арабском/ближневосточном геополитическом пространстве, то государства ССАГЗ, стремясь сохранить его в качестве зоны своих исключительных интересов, выступают против «особых» отношений ИРИ с Сирией, ХАМАС и «Хизбаллой», а также вмешательства во внутренние дела Ирака. Наконец, если Совет сотрудничества содействует процессу мирного урегулирования арабо-израильского конфликта, то ИРИ считает Израиль «незаконным образованием», обреченным в более или менее обозримом будущем на исчезновение.

История противоречий между государствами ССАГЗ и ИРИ (но также и широких экономических и политических омано-иранских контактов или связей эмирата Дубай с иранской стороной) обширна. Объектом практического воплощения принятой ИРИ на вооружение доктрины «экспорта исламской революции» стали соседние страны, прежде всего Бахрейн. В конце 1981 г. в этой стране был раскрыт антиправительственный заговор, в подготовке которого был обвинен Иран. Выражая в те годы «полную и безусловную» поддержку Бахрейну, Совет сотрудничества пополнял риторику своих официальных документов терминами, квалифицировавшими внешнюю политику Ирана как «деструктивную» и основанную на «заговорах против легитимной власти»[40]. «Экспорт исламской революции» воспринимался в государствах ССАГЗ как религиозно нюансированное продолжение шахского «гегемонизма».

В июне 1985 г. в Бахрейне было объявлено о раскрытии нового «заговора»[41]. Если в то время Бахрейн не выдвинул прямых обвинений в отношении ИРИ, то это определялось общей позицией ССАГЗ, не желавшего обострять региональную ситуацию в годы ирано-иракской войны, когда Совет сотрудничества поддерживал Ирак. В 90-е годы, ознаменовавшиеся ослаблением позиций подвергнувшегося международным санкциям Ирака, противостояние между ССАГЗ и ИРИ вступило в новую стадию: в июне 1996 г. в Бахрейне была арестована группа оппозиционеров из организации «*Хизбалла-Бахрейн*», обвинявшихся в «заговоре» против существующего режима и стремлении установить «исламское правление». ИРИ не только не дезавуировала притязания шахского правительства на Бахрейн (хотя в 1971 г. оно признало его независимость), напротив, высказывания высших иранских политиков и депута-

тов меджлиса в период 2007–2011 гг. воскрешали риторику территориальных притязаний шахской эпохи[42]. Но и власти других государств ССАГЗ возлагали на ИРИ ответственность за «поощрение» деятельности «экстремистских организаций». Это относилось, в частности, к Кувейту, где в 1980-е гг. происходили нападения на правительственные здания, военные, экономические и инфраструктурные объекты, а 25 мая 1985 г. было совершено покушение на эмира.

Государства ССАГЗ считали проводимый ИРИ курс «экспорта исламской революции» препятствием на пути налаживания взаимоотношений между обеими сторонами. События лета и осени 2009 г., когда саудовские власти обвинили ИРИ в поддержке инфильтрации йеменских *хуситов*[43], вызвавшей вооруженное противостояние на саудовско-йеменской границе, осуществленный весной 2010 г. «демонтаж иранской разведывательной сети» в Кувейте, как и вспыхнувшие в начале октября 2011 г. (тлеющие и ныне) волнения шиитов в саудовской Восточной провинции – все это заставляло ССАГЗ подтверждать основополагающий принцип его концепции: «безопасность Залива – нерасчленимое целое, красная черта, когда агрессия против любого государства Совета сотрудничества является агрессией против всей организации»[44]. Заключительное коммюнике проходившего в Эр-Рияде в декабре 2011 г. XXXII саммита ССАГЗ подчеркивало недопустимость «разжигающего межконфессиональную рознь вмешательства Ирана во внутренние дела государств Совета»[45].

Важнейшим аспектом иранской угрозы выступало наращивание военной мощи ИРИ, а ее ядерная программа рассматривалась ССАГЗ как важнейший элемент милитаризации их «стратегического противника». Однако опасность этой программы состояла не только в том, что Иран, создав ядерное оружие, будет обладать неоспоримым военным преимуществом, но и в непредсказуемости последствий строительства атомных электростанций в непосредственной близости от границ государств-членов Совета сотрудничества. Эмир Кувейта Сабах Аль-Ахмед Ас-Сабах отмечал: «Ядерный реактор в Бушере расположен на берегу Залива – источника водных ресурсов для всех государств этой зоны. В случае утечки топлива катастрофа постигнет все государства Залива»[46].

Иранское ядерное досье – ключевая проблема в отношениях ИРИ и государств ССАГЗ. Совет сотрудничества на про-

тяжении ряда лет призывал Тегеран сотрудничать с МАГАТЭ, отмечая важность соблюдения «принципов международного права». Имея в виду Израиль и Иран, документы организации выдвигали требование трансформировать весь регион Ближнего Востока в зону, «свободную от ядерного оружия и других видов оружия массового поражения», подтверждая право государств региона на мирное использование ядерной энергии под контролем МАГАТЭ[47]. Вместе с тем государства ССАГЗ считали необходимым ставить акцент на поиске политического решения иранского ядерного досье, исключая возможность использования силы (в частности, эвентуального военного удара Израиля или США)[48]. Эта позиция определялась иранской угрозой перекрыть Ормузский пролив – главную артерию экспорта нефти.

Видение ИРИ как угрозы региональной стабильности определялось и нерешенностью проблемы принадлежности трех островов Персидского залива – Большого и Малого Томба и Абу-Муса, рассматриваемых ОАЭ в качестве части национальной территории. Точка зрения ОАЭ состоит в том, что Большой и Малый Томб исторически принадлежали входящим в федерацию эмирату Рас-аль-Хайма, а Абу-Муса – эмирату Шарджа. Иран же заявляет о собственных правах на эти острова, считая, что они были отторгнуты Великобританией, передавшей их двум эмиратам ОАЭ.

В преддверии вывода войск из зоны Персидского залива Великобритания смогла добиться подписания Ираном и Шарджей меморандума, определявшего территориальный раздел Абу-Мусы: Шарджа согласилась на признание юрисдикции Ирана над севером острова при условии, что остальная часть его территории остается под ее контролем. Достичь идентичного соглашения с эмиратом Рас-аль-Хайма не удалось. В конце ноября 1971 г. иранские войска оккупировали Большой и Малый Томб. С начала 1980 г. Иран проводит политику захвата всего острова Абу-Муса[49].

Проблема спорных островов оказалась в центре внимания ССАГЗ на состоявшемся в Абу-Даби в декабре 1992 г. XIII саммите, осудившем «действия Исламской Республики Иран на острове Абу-Муса, а также оккупацию островов Большой и Малый Томб». В документах саммита речь шла о «покушении на суверенитет и территориальную целостность» ОАЭ и «нарушении стабильности и безопасности региона». Главы государств

ССАГЗ выразили «солидарность с позицией» ОАЭ и поддержку их «мирных усилий» для «восстановления суверенитета над тремя островами»[50]. С тех пор позиция Совета сотрудничества не претерпела существенных изменений, определяя в качестве пути к решению вопроса прямые переговоры между ИРИ и ОАЭ, но и не исключая возможности его передачи на рассмотрение Международного суда ООН[51]. Совершенная президентом Махмудом Ахмадинеджадом в апреле 2012 г. поездка на остров Абу-Муса была квалифицирована чрезвычайным XXXIX совещанием Министерского совета как «провокационное нарушение суверенитета» ОАЭ[52].

ССАГЗ – ближневосточный конфликт. Касаясь вопроса арабо-израильского конфликта, Заключительное коммюнике I саммита ССАГЗ подчеркивало: «Стабильность Залива связана с достижением мира на Ближнем Востоке». Путь к миру проходил через «справедливое решение проблемы Палестины, обеспечивающее законные права палестинского народа, включая его право на возвращение к родным очагам и создание собственного независимого государства», как и «уход Израиля со всех оккупированных арабских территорий, включая Восточный Иерусалим»[53].

К моменту появления этого документа позиция государств ССАГЗ (Саудовской Аравии в первую очередь) в отношении арабо-израильского противостояния подверглась глубокой трансформации. Документы сентябрьского 1967 г. Хартумского саммита ЛАГ – первого после июньской арабо-израильской войны (на саммите господствовала точка зрения Саудовской Аравии и Кувейта) провозглашали «оккупированными арабскими территориями» только Синайский полуостров, Голанские высоты, сектор Газа и Западный берег. Речь более не шла об «оккупированной Палестине» – эвфемизме арабского дискурса, определявшем Израиль в границах июня 1967 г.

Движение к снижению уровня вооруженного противостояния сторон фиксировалось состоявшимся в сентябре 1982 г. в Фесе саммитом ЛАГ, принявшим Мирный план урегулирования конфликта саудовского короля (тогда – наследника престола) Фахда бен Абдель Азиза (выдвинутый в августе 1981 г.). План уточнял положения документов Хартумского саммита: израильские войска должны были покинуть «все арабские территории», включая «арабскую часть Иерусалима», созданные на этих территориях «поселения» следовало демонтировать.

В нем подтверждалась «неотъемлемость» палестинских прав, но подчеркивалась выплата «компенсации» тем, кто «не желает возвращаться», и провозглашалась необходимость «создания палестинского государства со столицей в Восточном Иерусалиме», что должно было стать гарантией «права всех государств региона жить в мире»[54].

Кувейтский кризис придал новый импульс усилиям государств ССАГЗ, подтвердив связь между безопасностью зоны Персидского залива и Ближнего Востока. Стремление Ирака переключить внимание с агрессии против Кувейта на нерешенность ближневосточного конфликта и втянуть Израиль в военные действия могло бы вызвать очередной раунд арабо-израильского вооруженного противостояния. Освобождение Кувейта сформировало блок арабских государств, заинтересованных в политическом урегулировании ближневосточного конфликта.

Бахрейн, Катар и Оман стали участниками (а представитель ССАГЗ – наблюдателем) многосторонних переговоров в рамках начавшейся в октябре 1991 г. Мадридской мирной конференции. На территории этих трех государств проходили встречи между представителями обеих сторон конфликта, в частности, рабочей группы по контролю над вооружением и региональной безопасностью, одним из итогов работы которой стало решение о создании единой ближневосточной сети коммуникационной связи. Катар выдвинул инициативу создания пункта этой сети на своей территории. Бахрейн же содействовал (в рамках рабочей группы по проблемам окружающей среды) принятию в октябре 1994 г. Бахрейнского кодекса экологического поведения ближневосточных государств[55].

Прошедший в декабре 1993 г. эр-риядский саммит ССАГЗ приветствовал подписанную двумя месяцами ранее в Осло Декларацию о принципах отношений между Организацией освобождения Палестины (ООП) и Израилем (в дальнейшем Совет сотрудничества выразил свою поддержку созданию Палестинской национальной администрации – ПНА). Его заключительное коммюнике подчеркивало, что это событие – «первый шаг на пути к справедливому, всеобъемлющему и окончательному решению палестинской проблемы и арабо-израильского конфликта на основе резолюций № 242 и № 338 Совета Безопасности, принципа “территории в обмен на мир”, а также пол-

ного ухода Израиля со всех оккупированных арабских земель, и прежде всего из Восточного Иерусалима»[56].

Обращение к точке зрения международного сообщества – основа позиции ССАГЗ в отношении урегулирования арабо-израильского противостояния. Это относилось не только к палестино-израильским контактам, но и всему комплексу мирного процесса. Проходивший в декабре 1994 г. в бахрейнской столице XV саммит ССАГЗ приветствовал подписание иордано-израильского мирного договора и призвал государства, инициировавшие Мадридскую мирную конференцию, содействовать прогрессу на сирийско-израильском и ливано-израильском треках, в соответствии с резолюциями Совета безопасности ООН № 242, № 338, и № 425[57]. В 1996 г. в Дохе и Маскате были официально открыты израильские торговые представительства.

В марте 2002 г. Бейрутский саммит ЛАГ принял мирную инициативу саудовского монарха (в то время наследного принца) Абдаллы бен Абдель Азиза. Этот документ (прозвучавший в форме прямого обращения саудовского сановника к «народу Израиля») детализировал высказывавшиеся ранее ведущим государством ССАГЗ идеи, внося дополнительные оттенки в некоторые аспекты урегулирования. Речь шла о возвращении израильских войск к линии перемирия, существовавшей до 4 июня 1967 г. Документ, ставший «арабской мирной инициативой», не ставил вопрос о «законности прав палестинского народа» (ПНА уже существовала), говоря только о «справедливом урегулировании проблемы палестинских беженцев». Территория «независимого и суверенного» палестинского государства четко оговаривалась – «Западный берег и сектор Газа», как и его столица – «Восточный Иерусалим». Согласие Израиля принять это предложение обязало бы страны ЛАГ «считать арабо-израильский конфликт закончившимся». Инициатива квалифицировалась как отвечающая точке зрения международного сообщества и доказывавшая, что арабская сторона конфликта эту точку зрения полностью принимает[58].

Инициатива Абдаллы бен Абдель Азиза имела прагматическую цель – сохранить мирный процесс после начала второй палестинской *интифады*, поскольку в момент появления этого документа израильская армия уже второй год вела борьбу с ее участниками. Итог этой *интифады* – превращение ХАМАС в ведущую силу палестино-израильского конфликта, противостоящую руководящей структуре ПНА – движению ФАТХ.

Предпринимавшиеся Саудовской Аравией весной 2007 г. попытки примирить обе палестинские организации не стали успешными: в июне 2007 г. ХАМАС осуществил государственный переворот в секторе Газа. Дополнительный удар по мирному процессу был нанесен военными действиями лета 2006 г. между Израилем и «Хизбаллой».

Все эти обстоятельства не изменили позиции ССАГЗ: «арабская мирная инициатива» в полной мере сохранила свое значение как инструмент урегулирования конфликта. Основой этого урегулирования остались требования, рассматриваемые Советом сотрудничества как отвечающие «международной законности»: создание «независимого палестинского государства» в границах Западного берега и сектора Газа со столицей в Восточном Иерусалиме, прекращение поселенческой деятельности и «вывод израильских войск со всех оккупированных арабских территорий» к линиям перемирия, существовавшим до 4 июня 1967 г.[59]. Акцент, поставленный на палестинском аспекте урегулирования, должен был в максимально возможной степени снизить уровень израильского влияния в пределах постконфликтного геополитического пространства Ближнего Востока.

«Арабская весна» и государства ССАГЗ

Выступая 4 декабря 2011 г. в Эр-Рияде на международной конференции «Залив и мир», саудовский министр иностранных дел С. Аль-Фейсал говорил, что события конца 2010–2011 гг. показали, что «в арабском регионе происходят глубокие и серьезные изменения, ставящие вопрос о территориальной целостности составляющих его государств, безопасности и гражданском мире»[60]. Меняя политические режимы, содействуя выдвижению к вершине власти ранее маргинальных движений и создавая новые возможности для расширения сферы «деструктивной» деятельности внерегиональных сил, «арабская весна» стала вызовом для государств ССАГЗ. Ответом на него было стремление сохранить стабильность Ближнего Востока, т.к. ССАГЗ волновали не столько политические изменения в той или иной стране, сколько ликвидация внутренних конфликтов.

ССАГЗ приветствовал «волю тунисского народа, избравшего свободную и достойную жизнь» и «устремленного к вос-

становлению безопасности и стабильности». В равной мере это относилось и к Египту, Совет сотрудничества заявлял о важности «мирной смены власти», подчеркивая свою «уверенность в том, что Высший совет вооруженных сил» сможет «укрепить мир, стабильность и безопасность» и будет содействовать «восстановлению ведущей роли Египта в деле поддержки арабо-мусульманских чаяний»[61]. Едва ли не идентичные слова были в дальнейшем обращены и к президенту Мухаммеду Мурси.

В случае Йемена, граничащего с Саудовской Аравией и Оманом, был избран иной подход. Состоявшееся 10 апреля 2011 г. в Эр-Рияде чрезвычайное совещание министров иностранных дел государств ССАГЗ приняло «инициативу стран Залива»[62]. Внутрийеменская политико-конфессиональная ситуация заставляла Совет сотрудничества видеть в армии гарантию сохранения территориального единства страны, но, учитывая уровень протестных движений, последовательно настаивать на диалоге между ней и фракциями оппозиции. Сложность отношений между Ливией и государствами ССАГЗ определила основные элементы их позиции, касающейся этой страны. Речь шла о поддержке противников Муаммара Каддафи (Катар открыто участвовал во внутриливийском противостоянии), признании «нелегитимности ливийского режима»[63], установлении контактов с Ливийским переходным советом, требовании создания «зоны, запретной для полетов» и переносе «ливийского досье» на рассмотрение Совета Безопасности ООН[64].

Бахрейнские события конца зимы-весны 2011 г. заняли особое место в общем контексте «арабской весны». Начавшись 14 февраля 2011 г. на Жемчужной площади[65] Манамы, они были приурочены к очередной годовщине провозглашения в 2002 г. Хартии национального действия, санкционировавшей принятие новой конституции, согласно которой Бахрейн стал конституционной монархией. Инициировавшая эти события парламентская оппозиции (как шиитская, так и суннитская) считала необходимым изменить действующий основной закон таким образом, чтобы право формирования правительства принадлежало бы победившей на парламентских выборах группе политического действия. Список требований начального этапа бахрейнских событий включал «принятие конституции, согласованной с народом», «освобождение политических заключенных». Важнейшими

положениями этого списка выступали «ликвидация дискриминации шиитов» и «отказ от практики предоставления гражданства по политическим мотивам». Оппозиция обвиняла власть в том, что бахрейнское гражданство – инструмент, используемый для увеличения числа лояльных граждан суннитского происхождения, в том числе, за счет политически благонадежных иностранцев, поступающих на службу в вооруженные силы или органы государственной безопасности[66].

Применение силы для разгона митинга на Жемчужной площади и, как ее следствие, гибель нескольких его участников радикально изменили ситуацию: ведущая фракция парламента (получившая на выборах 2010 г. 18 из 40 мест нижней палаты), представленная шиитским «Исламским объединением национального согласия», заявила о приостановке своей деятельности в Палате депутатов. Вместе с тем ее требования сохраняли общедемократический характер, практически не отличаясь от лозунгов второй группы протестной оппозиции – созданного в феврале 2011 г. Блока национального единства, объединившего суннитские организации (салафитов и «Братьев-мусульман»), некоторые шиитские группировки, а также выходцев из христианской и иудейской общин. Речь шла об «освобождении арестованных» в ходе протестных выступлений, «привлечении к ответственности виновных в гибели людей», «участии народа в принятии политического решения». Лозунгом всех сторонников перемен был призыв: «Сунниты и шииты – братья: вот страна, к которой мы стремимся!». В начале марта 2011 г. «Исламское объединение национального согласия» приняло предложение короля о «национальном диалоге»[67].

Протестные выступления, поддерживаемые крайними группами шиитской оппозиции, тем не менее продолжались (как продолжалось и применение силы для их разгона). В начале марта 2012 г. вновь образованный вернувшимися из эмиграции в Тегеране шиитскими религиозными деятелями блок «Коалиция во имя республики» выдвинул требование ликвидации монархии[68]. Считая, что действия крайних шиитских организаций открывают путь к «иранской оккупации и последующему поглощению» страны, бахрейнский политический истеблишмент обратился за помощью к ССАГЗ. Обнародованное в этой связи официальное обращение подчеркивало: «Передовые отряды сил “Щит полуострова” прибыли в Королевство Бахрейн для того, чтобы не дать возможности добиться успеха тем, кто

стремится подорвать стабильность и внести раскол в ряды его граждан»[69]. Последующее развитие событий показало, что «совместные вооруженные силы» государств Совета сотрудничества не приняли участия в подавлении (спорадически продолжающихся и ныне) протестных выступлений, ограничив свою миссию решением вопросов внешней безопасности королевства.

Позиция государств ССАГЗ в отношении внутрисирийского конфликта (как и ситуации в Ливане и ПНА) вытекала из необходимости противостояния расширению иранского влияния. Поддержка Советом сотрудничества сирийской оппозиции (включая финансирование, а также поставки вооружения) обретала все более четкие очертания по мере оформления ее взглядов на будущее Сирии – «разрыв особых отношений с Ираном и прекращение поставок оружия "Хизбалле" и ХАМАСу»[70]. В начале августа 2011 г. король Абдалла бен Абдель Азиз выступил с обращением к «братьям в Сирии», требуя «остановить механизм кровопролития, обратиться к разуму и провести реформы»[71]. В дальнейшем же деятельность саудовского посольства в Дамаске, как и посольств других государств-членов Совета сотрудничества в сирийской столице была заморожена (исключение составило лишь посольство Омана). Сирийское правительство было осуждено Министерским советом ССАГЗ[72], добившимся приостановки членства Сирии в ЛАГ и Организации исламского сотрудничества.

Итогом «арабской весны» было движение Совета сотрудничества в сторону структурной трансформации. В мае 2011 г. ССАГЗ объявил о поэтапном включении в его состав двух арабских монархий – Иордании и Марокко, что позволило бы создать, по выражению аналитика канала «аль-Джазира», «расширенный регион Залива»[73]. Открывая прошедший 19–20 декабря 2011 г. в Эр-Рияде XXXII саммит ССАГЗ, саудовский монарх говорил о «бдительности в эпоху вызовов», подчеркивая, что если страны Совета сотрудничества не хотят «столкнуться с забвением и слабостью», они «обязаны перейти от этапа сотрудничества к этапу союза»[74], предполагающему отказ от части национального суверенитета. Приняв предложение короля, правители этих стран «проявили ответственность перед лицом вызовов, бросаемых арабской нации»[75]. Все же реализация связанной с «союзом» государств Совета сотрудничества инициативы не кажется делом обозримого буду-

щего, а «ответственность» глав государств ССАГЗ скорее формальна, прежде всего из-за опасений, связанных с усилением саудовского влияния. Даже если (в силу понятных и объяснимых причин) к «союзу» готов присоединиться Бахрейн (однако эта идея неприемлема для оппозиции, организовавшей в начале мая 2012 г. в Манаме акции протеста), иные государства Совета сотрудничества далеки от того, чтобы немедленно поддержать инициативу саудовского монарха. Пресс-релиз состоявшегося в Джидде 2 сентября 2012 г. Министерского совета ССАГЗ подчеркивал, что «в свете замечаний государств-членов» ее реализация требует «большего времени и дополнительных консультаций»[76].

Все же движение ССАГЗ по пути его структурной трансформации было «консервативным» ответом на вызов «арабской весны». Устранение же (или смягчение) ее последствий предполагало и поиск позитивного ответа, связанного с политической модернизацией членов организации, имеющей непосредственное отношение (как показали события в Бахрейне и в меньшей мере в Омане, Кувейте и Саудовской Аравии) к региональной безопасности.

После создания ССАГЗ его члены прошли немалый путь к демократизации своих политических систем: все страны объединения (хотя и в разной степени) смогли принять постоянные конституционные акты и обрести органы законодательной власти, в которых представлены (или в случае Катара и Саудовской Аравии будут представлены) женщины (введенные в структуры исполнительной власти). Деятельность общественно-политических организаций (в том числе, и правозащитных) в этих странах – реальность. Однако все это не снимает вопроса о правах личности, включая и расширение участия гражданского общества в принятии политического решения. События «арабской весны» резко актуализировали эту проблему.

Выступая 13 декабря 2011 г. на симпозиуме в редакции газеты «Ар-Рияд», А.Л. Аз-Зайяни выделял в числе «долговременных задач», решение которых «становится приоритетным» для ССАГЗ, «всестороннее развитие человека». Его права, подчеркивал генеральный секретарь ССАГЗ, в том числе, и в «сфере общественно-политической жизни» – «высшая ценность» для «руководителей государств-членов»[77]. В марте 2012 г., выступая в Манаме на конференции «Национальная и региональная безопасность для стран Залива», А.Л. Аз-Зайяни

замечал, что в числе прав личности присутствует и ее «неотъемлемое право на то, чтобы государство шло по пути удовлетворения общественно-политических запросов своих граждан», подчеркивая, что движение в этом направлении – «важнейший компонент национальной безопасности» государств ССАГЗ, «неотделимой от безопасности регионального масштаба»[78].

---

[1] Оригинальное название Совета сотрудничества – *Маджлис ат-таавун ли дувваль Аль-Халидж аль-арабийя* не содержит «этническое» определение Залива, отказываясь квалифицировать его как «Арабский» (что обычно для арабского мира).

[2] В тексте Декларации государства-члены ССАГЗ перечислены в порядке букв арабского алфавита.

[3] С 2002 г. – Королевство Бахрейн.

[4] Иъалян киям Маджлис ат-таавун аль-халиджий (Декларация о создании Совета сотрудничества арабских государств Залива) // Васаик Маджлис ат-таавун ли дувваль Аль-Халидж аль-арабийя (Документы Совета сотрудничества арабских государств Залива). Доха, Визара аль-иъалян ли Дауля Катар, 1983. ТТ. 1–3. С. 13.

[5] Инша Маджлис ат-таавун аль-халиджий (Создание Совета сотрудничества). – Там же. С. 47.

[6] Ст. 5 Основного устава ССАГЗ гласит: «Совет сотрудничества состоит из шести государств, представители которых участвовали в совещании министров иностранных дел, состоявшемся 4 февраля 1981 г. в Эр-Рияде».

[7] ан-Низам аль-асасий ли Маджлис ат-таавун (Основной устав Совета сотрудничества). – Там же. С. 71-72.

[8] Саудовский политолог писал: «Создание Совета сотрудничества ускорялось в условиях нараставшего противостояния между Ираком и Ираном». – *Ар-Раджхи С.А.* Илякат Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя би дувваль Аль-Халидж: аль-илякат ас-сиясийя (Отношения Королевства Саудовская Аравия с государствами Залива: политический аспект) // Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя фи миат амм. (Королевство Саудовская Аравия за сто лет). Эр-Рияд: Дара аль-малик Абдель Азиз, 2007. С. 234.

[9] Там же. С. 220.

[10] Там же. С. 234.

[11] Аль-Байян аль-хитамий ли муатамар аль-кимма аль-авваль (Заключительное коммюнике I саммита) // Васаик Маджлис ат-таавун ли дувваль Аль-Халидж аль-арабийя. С. 92.

[12] Варака аль-амаль аль-халиджий аль-муштарак (Документ о совместной деятельности государств Залива). – Там же. С. 95.

[13] Касаясь времени пребывания советских войск в Афганистане, саудовское издание сообщало: «Королевство стало одним из первых государств, заявивших об опасности коммунистического наступления для ислама и мусульман. Королевство раскрыло сущность и глубину коммунистического заговора, направленного на то, чтобы через вторжение в Афганистан внедриться в глубины мусульманского мира. … Саудовское руководство подняло знамя джихада, став второй родиной для борцов афганского исламского сопротивления и заявив о своей полной поддержке *моджахедов*, считая, что джихад – лучший метод восстановить права афганского народа и сохранить его единство. … Сыновья Королевства были в авангарде джихада, сражаясь бок о бок с афганскими братьями» // Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя: миат амм фи хидма аль-ислям ва аль-муслимин (Королевство Саудовская Аравия: сто лет на службе ислама и мусульман). Бейрут: аль-Марказ аль-ислямий ли аль-иалям, 1999. С. 150-152.

[14] В середине ноября 1981 г. Генеральный секретарь ССАГЗ (в то время) Абдалла Бишара подчеркивал: «Те, кто считает, что можно исключить Залив из сферы международного противостояния, не координируя военные усилия, мечтатели. Они исходят из добрых намерений. Но доброта станет сильнее, если будет опираться на скоординированную военную мощь». – Тасрих ли Амин амм Маджлис ат-таавун аль-халиджий ли сахифа «Аль-Анба» аль-кувейтийя (Заявление Генерального секретаря Совета сотрудничества кувейтской газете «Аль-Анба»), 16 ноября 1981 // Васаик Маджлис ат-таавун ли дувваль Аль-Халидж аль-арабийя (Документы Совета сотрудничества арабских государств Залива). Доха: Визара аль-иъалян ли Дауля Катар, 1983. ТТ. 1–3. С. 244.

[15] Авваль мунавара муштарака ли джуюш Маджлис ат-таавун (Первые совместные маневры армий государств Совета сотрудничества) // Васаик Маджлис ат-таавун аль-халиджий (Документы Совета сотрудничества арабских государств Залива). Доха: Визара аль-иъалян ли Дауля Катар, 1984. Т. 4. С. 27–28.

[16] аль-Муатамар ас-салис ли вузара ад-дифаа би дувваль Маджлис ат-таавун. Истратиджийя ад-дифаа аль-муштарак (Третье совещание министров обороны государств Совета сотрудничества. Единая оборонная стратегия). – Там же. С. 237–238.

[17] Муатамар сухуфий ли вазир аль-хариджийя аль-кувейтий ан натаидж аль-кимма аль-халиджийя аль-хамиса (Пресс-конференция кувейтского министра иностранных дел по итогам V саммита Совета сотрудничества). 29 ноября 1984 // Васаик Маджлис ат-таавун аль-халиджий (Документы Совета сотрудничества арабских государств Залива). Доха: Визара аль-иъалян ли Дауля Катар, 1985. Т. 5. С. 124–125.

[18] Иттифакийят амнийя санаийя (Двусторонние соглашения о безопасности) // Васаик Маджлис ат-таавун ли дувваль Аль-Халидж аль-арабийя. ТТ. 1–3. С. 288–293.

[19] Муатамар сухуфий ли вазир аль-хариджийя аль-кувейтий ан натаидж иджтимаат аль-кимма аль-халиджийя аль-хамиса // Васаик Маджлис ат-таавун аль-халиджий. Т. 5. С. 124.

[20] Муатамар вузара дахилийя дувваль Маджлис ат-таавун (Совещание министров внутренних дел государств Совета сотрудничества) // Васаик Маджлис ат-таавун аль-халиджий. Т. 1–3. С. 283.

[21] Муатамар сухуфий ли раис аль-аркан аль-оманий (Пресс-конференция начальника генерального штаба Омана) // Васаик Маджлис ат-таавун ли дувваль Аль-Халидж аль-арабийя (Документы Совета сотрудничества арабских государств Залива). Доха: Визара аль-иъалян ли Дауля Катар, 1991. Т. 11. С. 133.

[22] *Юрченко В.П.* Военное сотрудничество аравийских монархий: намерения и реальность. – М.: Институт Ближнего Востока, 22.12.2002. – http://www.iimes.ru/rus/stat/2002/22-12-02.htm.

[23] Аль-Байян аль-хитамий ли ад-даура аль-хамиса ашара ли Аль-Маджлис аль-ааля (Заключительное коммюнике XV сессии Высшего совета). Манама, 19–21 декабря 1994 // Аль-Байянат аль-хитамийя ли даурат Аль-Маджлис аль-ааля (Заключительные коммюнике сессий Высшего совета). Эль-Кувейт: Визара аль-иалям, 1997. С. 122.

[24] Аль-Байян аль-хитамий ли ад-даура аль-хадия ва аль-ишрин ли Аль-Маджлис аль-ааля (Заключительное коммюнике XXI сессии Высшего совета). Манама, 31 декабря 2000. – Генеральный секретариат ССАГЗ. – http://www.gcc-sg.org/index0334.html?action=Sec-Show&ID=123.

[25] Аль-Байян аль-хитамий ли ад-даура ас-салясин ли Аль-Маджлис аль-ааля (Заключительное коммюнике XXX сессии Высшего совета). – Генеральный секретариат ССАГЗ, Эль-Кувейт, 14–15 декабря 2009. – http://www.gcc-sg.org/indexce7c.html?action=Sec-Show&ID=303.

[26] *Юрченко В.П.* Военная политика и военное строительство в странах Арабского Востока (конец XX – начало XXI века). М.: Институт Ближнего Востока, 2007. Ч. 2. С. 260.

[27] Калима аль-амин аль-амм ли Маджлис ат-таавун фи аль-джальса аль-хиварийя ли муатамар Кембридж (Выступление генерального секретаря Совета сотрудничества в ходе диалога в Кембридже) // Аль-Масира, август 2012, № 53. С. 5.

[28] *Kermali S.* The GCC is expanding its army, but for what? // Aljazeera, 2 July 2011. – http://www.aljazeera.com/indepth/features/2011/06/201162611264984538 6.html.

[29] Peninsula Shield has proven to be formidable force – Prince Salman // Kuwait News Agency, 4 March 2012. – http://www.kuna.net.kw/ArticleDetails.aspx?id=2224999&language=en.

[30] Kuwait to get “Peninsula Shield” defense force. – Arab News, 9 February 2003. –http://www.arabnews.com/node/228189.

[31] Амин амм Маджлис ат-таавун ли «Аш-Шарк Аль-Аусат»: духуль аль-кувват аль-халиджийя ли аль-Бахрейн ляйса бидъа (Генеральный секретарь Совета сотрудничества заявляет «Аш-Шарк Аль-Аусат»: ввод войск «Щит полуострова» в Бахрейн не вымысел). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 16 марта 2011. – http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=612744&issueno=11796.

[32] Аль-Байян аль-хитамий ли ад-даура аль-хамиса ашара ли Аль-Маджлис аль-ааля. С. 122.

[33] Здесь и далее: ат-Таавун фи аль-маджаль аль-аманий (Сотрудничество в сфере безопасности) // Аль-Масира, май 2011, № 39. С. 55.

[34] Здесь и далее: Калима аль-амин аль-амм ли Маджлис ат-таавун фи аль-джальса аль-хиварийя ли муатамар Кембридж // Аль-Масира, август 2012, № 53. С. 5-6.

[35] Аль-Хивар маа ад-дувваль ас-садыка ва аль-маджмуат ад-дуввалийя (Диалог с дружественными государствами и международными организациями) // Аль-Масира, май 2011, № 39. С. 84-85.

[36] ат-Таавун аль-халиджий аль-аурубий (Сотрудничество ССАГЗ и Европейского Союза) // Васаик Маджлис ат-таавун ли дувваль Аль-Халидж аль-арабийя (Документы Совета сотрудничества арабских государств Залива). Доха: Визара аль-иъалян ли Дауля Катар, 1993. Т. 12–13. С. 163.

[37] Аль-Байян аль-хитамий ли ад-даура аль-хадия ва ас-салясин ли Аль-Маджлис аль-ааля (Заключительное коммюнике XXXI сессии Высшего совета). Абу-Даби, 6–7 декабря 2010. – Генеральный секретариат ССАГЗ. – http://www.gcc-sg.org/index61fa.html?action=Sec-Show&ID=314.

[38] Леджна аманийя халиджийя-америкийя ли дарс бина «дираъа сарухий» (Сформированная странами Залива и Соединенными Штатами комиссия по безопасности изучит вопрос о создании «ракетного щита») // аль-Хайят, 1 апреля 2012. – http://ksa.daralhayat.com/print/380965.

[39] См. об этом: *Косач Г.Г.* Саудовская Аравия, страны Совета сотрудничества и НАТО: развитие идеи сотрудничества. – М.: Институт Ближнего Востока, 30.04.2008. – http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/30-04-08.htm.

[40] Муатамар вузара дахилийя дувваль Маджлис ат-таавун (Совещание министров внутренних дел государств Совета сотрудничества) // Васаик Маджлис ат-таавун ли дувваль Аль-Халидж аль-арабийя. ТТ. 1-3. С. 279-287.

[41] Здесь и далее: The Middle East and North Africa 2007. 53rd edition. L., Europe Publications, 2007. С. 934.

[42] См.: *Мелкумян Е.С.* Визит саудовского монарха в Бахрейн в свете политики Ирана в регионе // Новое восточное обозрение, 28.04.2010. – http://www.ru.journal-neo.com/node/428.

[43] Приверженцы распространенного на севере Йемена зейдитского толка шиитского ислама, руководимые имамами из семьи Аль-Хуси.

[44] Заявление (в то время) генерального секретаря ССАГЗ Абдель Рахмана Аль-Атыйи. – Када дувваль Маджлис ат-таавун: АМН Аль-Халидж хатт ахмар (Главы государств Совета сотрудничества: безопасность Залива – красная черта) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 12 мая 2010. – http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&issueno=11488&article=569192.

[45] Аль-Байян аль-хитамий ли ад-даура ас-сания ва ас-салясин ли Аль-Маджлис аль-ааля (Заключительное коммюнике XXXII сессии Высшего совета). Эр-Рияд, 19-20 декабря 2011 // Аль-Масира, январь 2012, № 47. С. 9.

[46] Амир Аль-Кувейт: таляккайна таакидат иранийя би адам игляк мудык Хормуз (Эмир Кувейта: мы получили иранские заверения о том, что Ормузский пролив не будет перекрыт) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 21 марта 2012. –

http://www.aawsat.com//details.asp?section=4&article=669014&issueno=12167.

[47] См., в частности: Аль-Байян аль-хитамий ли ад-даура ас-сания ва ас-салясин ли Аль-Маджлис аль-ааля.

[48] Аль-Байян ас-сухуфий ли ад-даура ас-сания ва аль-ишрин баад аль-миа ли Аль-Маджлис аль-визарий ли Маджлис ат-таавун (Пресс-релиз CXXII сессии Министерского совета Совета сотрудничества). Эр-Рияд, 4 марта 2012. – Генеральный секретариат ССАГЗ. – http://www.gcc-sg.org/index3cc9.html?action=Sec-Show&ID=544.

[49] См. подробнее: *Мелкумян Е.С.* Регион Залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество. М.: Институт Ближнего Востока; Институт востоковедения РАН, 2008. С. 100–101.

[50] Аль-Байян аль-хитамий ли ад-даура ас-салиса ашара ли Аль-Маджлис аль-ааля (Заключительное коммюнике XIII сессии Высшего совета) // Васаик Маджлис ат-таавун ли дувваль Аль-Халидж аль-арабийя. Т. 12-13. С. 112.

[51] Аль-Байян аль-хитамий ли ад-даура аль-хамиса ашара ли Аль-Маджлис аль-ааля. С. 119.

[52] Аль-Байян ас-сухуфий ас-садыр ан ад-даура аль-истиснаийя ат-тасиъа ва ас-салясин ли Аль-Маджлис аль-визарий (Пресс-релиз чрезвычайного XXXIX совещания Министерского совета). Доха, 17 апреля 2012. –Генеральный секретариат ССАГЗ. – http://www.gcc-sg.org/index1f21.html?action=Sec-Show&ID=549.

[53] Аль-Байян аль-хитамий ли муатамар аль-кимма аль-авваль ли дувваль Маджлис ат-таавун ли дувваль Аль-Халидж аль-арабийя (Заключительное коммюнике I саммита Совета сотрудничества арабских государств Залива) // Васаик Маджлис ат-таавун ли дувваль Аль-Халидж аль-арабийя. ТТ. 1–3. С. 92.

[54] Мирный план короля Саудовской Аравии Фахда, август 1981. – *Колобов О.А.*, *Корнилов А.А.*, *Сергунин А.А.* Документальная история арабо-израильского конфликта. Н-Новгород: Издательство Нижегородского университета, 1991. С. 124–125.

[55] SIPRI. Yearbook 1996, Oxford, 1996. С. 183.

[56] Аль-Байян аль-хитамий ли ад-даура ар-рабиа ашара ли Аль-Маджлис аль-ааля (Заключительное коммюнике XIV сессии Высшего совета). Эр-Рияд, 20–22 декабря 1993 // Аль-Байянат аль-хитамийя ли даурат Аль-Маджлис аль-ааля. С. 110–111.

[57] Аль-Байян аль-хитамий ли ад-даура аль-хамиса ашара ли Аль-Маджлис аль-ааля. С. 119–120.

[58] Мубадара ас-салям аль-арабийя (Арабская мирная инициатива). Бейрут, 29 марта 2002. – Генеральный секретариат ЛАГ. – http://www.arableagueonline.org/las/arabic/details_ar.jsp?art_id=1777&level_id=202.

[59] Аль-Байян аль-хитамий ли ад-даура ас-сания ва ас-салясин ли Аль-Маджлис аль-ааля (Заключительное коммюнике XXXII сессии Высшего совета). – Эр-Рияд, 19-20 декабря 2011. – Генеральный секретариат ССАГЗ. – http://www.gcc-sg.org/index04fd.html?action=Sec-Show&ID=540.

[60] Калима Суму вазир аль-хариджийя аль-амир Сауд Аль-Фейсал (Выступление Его Высочества министра иностранных дел принца Сауда Аль-Фейсала). 5 декабря 2011. – Конференция «Залив и мир». – http://www.gulfandglobe.org/home/ar/media-center/speeches-and-papers/28-2011-12-04-06-35-02.html.

[61] Аль-Байян ас-сухуфий ли ад-даура ас-самина ашар баад аль-миа ли Аль-Маджлис аль-визарий (Пресс-релиз CXVIII заседания Министерского совета). – Абу-Даби, 7 марта 2011. – Генеральный секретариат ССАГЗ. – http://www.gcc-sg.org/index0c7a.html?action=Sec-Show&ID=315.

[62] Мубадара халиджийя ли халль аль-азма аль-йеменийя (Инициатива стран Залива по решению йеменского кризиса) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 11 апреля 2011. – http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=616687&issueno=11822.

[63] Аль-Байян ас-сухуфий ли ад-даура ас-самина ашар баад аль-миа ли Аль-Маджлис аль-визарий.

[64] Аль-Байян аль-хитамий ли ад-даура ас-сания ва ас-салясин ли Аль-Маджлис аль-ааля.

[65] До открытия нефти на территории Бахрейна основной отраслью местной экономики (кроме сельского хозяйства) была добыча жемчуга, от которой зависело благосостояние страны.

[66] Аль-Бахрейн: бадъ аль-хивар байн вали аль-ахд ва аль-джамаат ас-сиясийя (Бахрейн: начало диалога между наследником престола и политическими объединениями) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 20 февраля 2011. – http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=6090684&issueno=11772.

[67] Таджамуъа аль-вахда аль-ватанийя (Блок национального единства) // Аль-Джазира, 8 марта 2011. – http://www.aljazeera.net/NR/exeres/16658F37-0112-4A45-BCD9-34FF.

[68] Хасан аль-Мушайя – раис Иатиляф мин аджль аль-джумхурийя (Хасан аль-Мушайя – глава Коалиции во имя республики) // Аль-Джазира, 27 февраля 2011. – http://www.aljazeera.net/NR/exeres/FB7DA140-4279-4CDE-9F52-FB1.

[69] Аль-Бахрейн таалян ан истианатиха би кувват Даръа аль-джазира (Бахрейн заявляет о своей заинтересованности в войсках «Щит полуострова») // Аш-Шарк Аль-Аусат, 15 марта 2011. – http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&issueno=11795&article=612577.

[70] Syria Opposition Leader Interview Transcript // The Wall Street Journal, 2 December 2011. – http://online.wsj.com/article/SB10001424052970203833104577071960384240668.html.

[71] Калима Хадим Аль-Харамейн иля ашиккаихи фи Сурия (Обращение Служителя Двух Святынь к братьям в Сирии). – Министерство иностранных дел Королевства Саудовская Аравия, 5 августа 2011. – http://mofa.gov.sa/ServicesAndInformation/news/TwoHolyMosquesSpeeches/Pages/891042.aspx.

[72] Маджлис ат-таавун аль-халиджий юдин аль-истихдам аль-муфрит ли аль-кувва дыдд аль-маданийин ас-сурийин (Совет сотрудничества осуждает чрезмерное применение силы против гражданского населения Сирии) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 7 августа 2011. – http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=634576&issueno=11940.

[73] *Абдель Фаттах Б.* Ас-Саурат ва мустакбаль ан-низам аль-арабий (Революции и будущее арабской системы) // Аль-Джазира, 11 сентября 2011. – http://www.aljazeera.net/NR/EXERES/678F3617-F153-4672-9A65-D55FA7BE8172.htm.

[74] Калима Хадим Аль-Харамейн фи ифтитах Аль-Маджлис аль-ааля ли Маджлис ат-таавун (Речь Служителя Двух Святынь на открытии Высшего совета Совета сотрудничества). – Министерство иностранных дел Королевства Саудовская Аравия, 19 декабря 2011. – http://www.mofa.gov.sa/ServicesAndInformation/news/TwoHolyMosquesSpeeches/Pages/ArticleID20111220125017587.aspx.

[75] Аль-Фейсал: мубадара тухаввиль дувваль Аль-Халидж иля мархаля аль-иттихад фи киян вахид (Аль-Фейсал: инициатива перехода государств Залива на этап объединения в единое образование). – Генеральный секретариат ССАГЗ, 20 декабря 2011. – http://www.gcc-sg.org/index1236.html?action=News&Sub=ShowOne&ID=2247&T=A.

[76] Аль-Байян ас-сухуфий ли ад-даура ар-рабиа ва аль-ишрин баад аль-миа ли Аль-Маджлис аль-визарий (Пресс-релиз XXIV сессии Министерского совета). Джидда, 2 сентября 2012. – Генеральный секретариат ССАГЗ. – http://www.gcc-sg.org/indexda50.html?action=Sec-Show&ID=557.

[77] Надва джарида «Ар-Рияд» ас-саудийя ан Маджлис ат-таавун (Симпозиум в саудовской газете «Ар-Рияд» о Совете сотрудничества) // Аль-Масира, декабрь 2011, № 46. С. 74.

[78] Аз-Зайяни: Манхадж аш-ширака байн дувваль Аль-Маджлис захира иджабийя (Аз-Зайяни: партнерство государств Залива – позитивное явление) // Аль-Масира, январь 2012, № 47. С. 29.

Е.П.Литвина

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СЕКТОРА СОВРЕМЕННЫХ УСЛУГ В АРАБСКИХ СТРАНАХ

Вторая половина XX в. и начало XXI в. характеризуются многими значимыми явлениями и тенденциями в жизни общества и экономике стран мира. Одной из основных тенденций современности стало активное расширение сферы услуг. И действительно, современный уровень развития передовых стран демонстрирует заметное развитие производства услуг различного рода и их рынка. В наши дни роль третичного сектора возрастает вследствие создания стимулирующих социально-экономических условий. Они возникли в результате научно-технического прогресса, значительного роста производительности труда в производстве материальных благ, а также изменений значения и степени неотложности удовлетворения различных потребностей современного общества. Расширение сферы услуг является весьма актуальным для развития всего хозяйственного комплекса, так как роль этого сектора связана не только с его преобладанием в структуре хозяйства, но также и с тем, что в услугах формируются такие ключевые факторы экономического роста, как научное знание, нематериальные формы накопления, информационные технологии. К разрастанию сектора ведёт также глобализация хозяйственной деятельности. Это связано с усложнением производства, насыщением рынка новыми товарами, с быстрым ростом научно-технического прогресса. На рубеже XX и XXI веков услуги становятся одним из важнейших элементов хозяйства страны и одним из определяющих факторов её экономического развития.

Характерная особенность сферы услуг заключается в том, что отрасль является в целом трудоёмкой, то есть её трудно механизировать. Поэтому она по сравнению с другими отраслями создаёт большее количество рабочих мест. Как правило,

работа в обслуживании не требует большой физической силы, а потому в секторе занято намного больше женщин, чем в других отраслях.

На протяжении последних десятилетий наблюдалась устойчивая тенденция перемещения национальных ресурсов в третичный сектор экономики, успешное развитие которого на современном этапе способствует экономическому росту. Так, на протяжении 80–90-х годов прошлого века доля сферы услуг в ВВП развивающихся стран мира составляла 49%, а в развитых странах – 63%[1]. В начале века в развитых странах в нем было сосредоточено около 70–80% ВВП и общей численности занятых, более 2/3 капиталовложений и основного капитала, а также крупные объемы разного рода нематериальных активов[2]. Согласно данным МВФ, в начале XXI в. В третичном секторе создавалось 70% мирового ВВП. Уровень развития сферы услуг стал показателем развитости общества. В настоящее время страна не может быть причислена к числу развитых, если в ее сфере услуг создается меньше 60% ВВП. В такой передовой стране, как США, на сферу услуг приходится около 80% рабочих мест, в третичном секторе создается 74% ВВП, то есть большая его часть[3]. Аналогичная картина наблюдается и в странах Западной Европы, где в сфере услуг занято более 60% от общего числа занятых. По данным МВФ, все виды услуг оценивались в начале XXI в. примерно в 1500 млрд. долл. (около 70% стоимости продукции мирового производства).

Резкий рост сферы услуг имел место во второй половине XX в. как в развитых, так и в развивающихся странах. Однако структура сервисной занятости в развитых странах принципиально отличается от ситуации в третьем мире. В последнем наблюдается расширение главным образом традиционных, ненаукоемких видов сервисной деятельности (лоточная торговля, работа прачечных и парикмахерских, транспортные перевозки и т.д.). Их развитие связано не с зарождением постиндустриального общества, а с отсутствием в промышленном производстве спроса на малоквалифицированный труд. Значительная часть этой традиционной сферы услуг попадает в неформальный сектор экономики – производство товаров и услуг мелкими производителями без официальной регистрации.

В развитых государствах Европы и Северной Америки, в Австралии и Японии в третичном секторе занята большая

часть трудовых ресурсов, намного превышающая процент работников всех прочих отраслей, вместе взятых. В 2010 г. в Голландии в сфере услуг концентрировалось 72% занятых. В Индии, например, этот показатель составлял 26%. В более бедных странах эта пропорция ещё меньше (например, в Нигере в сельском хозяйстве занято около 4/5 работающих, а на промышленность и услуги приходится лишь 1/5)[4]. После Второй мировой войны индустрия услуг стала более бурно развиваться в промышленных странах. Их экономику принято сегодня называть сервисной. США стали первой страной, сформировавшей такую экономику.

США – лидер в развитом мире по основным параметрам сферы услуг. В 70-е гг. прошлого века сфера услуг США вступила в новый этап развития, что было связано с переходом отраслей на новый технологический уклад, основу которого составляют информационно-коммуникационные технологии. Прогресс внедрения новых технологий сопровождался качественными сдвигами в системах организации, управления и в структуре производства. Изменилось институциональное устройство: политика приватизации и дерегулирования ряда рынков привела к либерализации деловой активности, усилению конкуренции. Результатом стали интенсивная модернизация сферы услуг, радикальное изменение ее традиционных характеристик. Многие отрасли стали опираться на технологически сложный и инновационный производственный аппарат, предлагая широкое разнообразие высококачественного продукта. В этом сегменте услуг концентрируется образованная и квалифицированная рабочая сила. Понятие "услуги" в США все более отождествляется с комплексом высокотехнологичных и интеллектуальных деловых и финансовых услуг, а также с развитием науки, образования и здравоохранения. Волна обновления охватила и традиционные отрасли – торговлю, транспорт, бытовые услуги, рекреационные отрасли. Современная научно-техническая революция оказывает многоплановое воздействие на услуги. На основе компьютеризации, информационных технологий, новых средств коммуникаций возник и стремительно утвердился на рынках целый спектр новых услуг, радикально обновляются их традиционные виды, повышаются качественные показатели обслуживания.

Специализация на тех или иных видах услуг зависит от уровня экономического развития. Преобладающими в про-

мышленно развитых государствах являются финансовые, телекоммуникационные, информационные и большинство отраслей деловых услуг. США, Великобритания, Франция, Швейцария, Германия являются экспортерами услуг, связанных с образованием и здравоохранением. Для развивающихся стран характерна специализация на транспортных, туристических и финансовых (оффшорных) услугах.

Удельный вес сферы услуг в структуре экономики стремительно растет и в среднем по миру достигает 60%, что объясняется переходом к постиндустриальной эпохе. Соответственно, постепенно сокращается доля сельского хозяйства (первичного сектора) и промышленности (вторичного сектора) в создании мирового ВВП. Доля населения, занятого в индустриальном и аграрном секторах, сокращается.

Развитые страны делают акцент на использовании знаний, трудовых, а не природных ресурсов. Возрастает их спрос на наукоемкие технологии, замедляется спрос на природные ресурсы. Количество стран с наименьшими показателями доли третичного сектора в ВВП постепенно сокращается.

Роль третичного сектора возрастает, в том числе, и в арабских государствах. Это выражается в «переливе» ресурсов из материального производства в данный сектор и обеспечении более высокого уровня жизни людей на основе удовлетворения их потребностей в услугах. Международная торговля услугами является одним из наиболее динамично растущих секторов мирового хозяйства.

Изменения, происходящие в мировой экономике, не могли не затронуть арабский мир. Однако в отличие от развитых стран, в которых переход к сервисной экономике проходил на фоне сформированной индустриальной структуры, для экономики арабского региона были характерны глубокие диспропорции в развитии. Переориентация арабских стран на сферу услуг не сопровождалась завершением формирования промышленного комплекса: напротив, государства региона стали развивать третичный сектор при недостаточно развитой промышленности. А успехи, достигнутые арабскими странами в расширении промышленного потенциала, почти повсеместно соседствовали с низкими темпами сельскохозяйственного производства, что в итоге обернулось для стран региона сильной зависимостью от импорта продовольствия. В настоящее время отраслевая структура большинства арабских государств характеризуется высо-

кой долей сферы услуг. Её вклад в ВВП оценивается приблизительно в 50%, на промышленность и строительство приходится 35–40%, на сельское хозяйство – от 10 до 15%. В нефтедобывающих странах углубленное развитие получили отрасли нефтегазового комплекса (от 60 до 80%), и диверсификация экономики преимущественно ограничивается этими рамками. По отраслевой структуре экономики арабские страны можно разделить на несколько групп[5]. К показателю развитых стран, где сектор услуг формирует около 70% ВВП, приближаются только такие арабские страны, как Ливан, Иордания.

Таблица

Отраслевая структура экономики арабских стран в 2005–2010 гг.

Тип экономики	Страны	Доля сферы услуг в ВВП	Доля промышленности в ВВП	Доля сельского хозяйства ВВП
1) Преобладание добывающей промышленности	Бахрейн, Катар, Кувейт, Ливия, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия	40–45%	50–60%	0–8%
2) Высокая доля сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности, основанной на кустарных производствах	Ирак, Йемен, Мавритания, Марокко, Сирия, Судан	30–40%	30–40%	15–30%
3) Преобладание сферы услуг и обрабатывающей промышленности	Иордания, Ливан	65–70%	20–25%	3–10%
4)Наиболее сбалансированная структура экономики	Алжир, Египет	55%	35%	10–15%

Источник:
http://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.TOTL.ZS,
http://data.worldbank.org/indicator/NV.SRV.TETC.ZS,
http://data.worldbank.org/indicator/NV.AGR.TOTL.ZS

Развитие третичного сектора во многих арабских странах (за исключением монархий Персидского залива, Ливана, Иордании) происходит главным образом за счет традиционных видов услуг, большая часть которых попадает в неформальный сектор экономики. В Египте около четверти работников занято

в неформальном секторе. Однако по уровню развития сферы услуг даже монархии Персидского залива значительно отстают от развитых стран. Только на Бахрейне, в Омане и Кувейте доля сферы услуг составляет более 50%. В остальных трех странах (на которые приходится около 80% ВВП «шестерки») доля сферы услуг существенно ниже: в ОАЭ, Саудовской Аравии и Катаре она составляет менее 45%. Это объясняется значительным развитием нефтегазового комплекса и огромными запасами нефти и газа при небольшой численности населения. В то же время эти цифры свидетельствуют о недостаточном развитии сферы услуг и большом потенциале инвестиций в нее[6].

До событий арабской весны процесс сервисизации экономики в арабском мире набирал обороты. Для него характерно возрастание удельного веса третичного сектора в ВВП. Сфера услуг заняла свою нишу в процессе экономического развития, способствуя улучшению качества жизни человека и уровня его образования, реализации человеческого потенциала. На фоне постепенного снижения темпов прироста промышленного сектора темпы роста сферы услуг увеличились с 1990 г. по 2000 г. на 3,3% (с 2,2% до 5%), а в последующее десятилетие уже достигли 6,2%, однако в 2009 г. в связи с мировым финансовым кризисом замедлились на два процентных пункта[7]. Последовавшие за мировым финансовым кризисом демократические волнения в регионе стали причиной политической нестабильности, последствия которой не удалось преодолеть до сих пор. В связи с дефицитом статистических данных в краткосрочной перспективе можно предположить, что темпы прироста третичного сектора продолжили снижаться. Прежние темпы прироста сектора услуг могут быть восстановлены с достижением политической стабильности. В целом на современном этапе годовой прирост сферы услуг в арабском мире составляет от 3,5% (такие отсталые страны, как Мавритания) до 10% (Ливан), что превышает среднемировые показатели (3,5%). Только в Судане прирост сферы услуг минимальный – не более 1%, а в отдельные годы (например, 2010) отрицательный[8].

При анализе сферы услуг в качестве основных показателей её развития применяют долю занятых в третичном секторе среди экономически активного населения, а также удельный вес сферы услуг в структуре ВВП. Так, на 2006 г. из 95 млн. экономически активного населения арабских стран 50% заняты в сфере услуг и неорганизованном (теневом) секторе экономи-

ки, 31% – в сельском хозяйстве и только 19% – в промышленности[9]. В развитых странах в сфере услуг занято около 70% экономически активного населения, в промышленности – 20–25%, а в сельском хозяйстве в целом меньше 5% (при этом развитые страны являются экспортерами продовольствия для тех же арабских стран). Так или иначе, в сфере услуг как в развитых, так и в арабских странах задействована большая часть экономически активного населения. В третичном секторе формируются значительные слои чиновников, служащих, интеллигенции, сфера услуг обеспечивает рынок труда рабочими местами. Рост занятости в сфере услуг в Египте, например, во многом был связан с туристическим бумом, начавшимся более двадцати лет назад.

На мировом рынке услуг отдельно выделяют внешнюю торговлю коммерческими услугами. Речь идёт о выполнении одной страной для другой оплачиваемых работ, не связанных напрямую с созданием вещественных продуктов. Это транспортные, туристические, почтовые, страховые, финансовые, компьютерные услуги. Виды услуг, экспортируемые арабскими странами, резко дифференцированы и отличаются от страны к стране. Туристические услуги составляют от 10 (Палестинская Автономия) до 50% (Тунис, Иордания) в совокупном объеме экспорта коммерческих услуг региона; транспортные – от 2 (Ливан) до 60% (Ливия); страховые и финансовые услуги – в среднем не более 8% (исключение составляет Бахрейн – 20%)[10].

Зависимость экономики страны от третичного сектора показывает удельный вес торговли услугами в ВВП страны. Например, его величина в 2005–2010 гг. колеблется в пределах 18–25% для Великобритании, Финляндии, Швейцарии, Швеции и в пределах 5–10% для США, Канады, Австралии, Японии. В арабском мире удельный вес торговли услугами в ряде стран достигал 15–22% (Египет, Марокко, Оман, Саудовская Аравия, Тунис), и эти показатели в принципе сопоставимы с аналогичными показателями промышленно развитых стран. Некоторые государства региона даже обогнали передовые страны Запада: в Иордании указанный индикатор достигал 34% в 2010 году, а в Ливане – 74%. Есть и наименее зависимые от торговли услугами страны: в Йемене, Судане и Ираке удельный вес торговли услугами в ВВП составляет 5–10%[11].

За последние годы арабскими странами были приложены колоссальные усилия по развитию сферы услуг. Государство

стремится привлекать как можно больше иностранных капиталовложений в третичный сектор. Даже во время мирового финансового кризиса лидирующим направлением для приложения прямых иностранных инвестиций был третичный сектор: сектор недвижимости привлек 56% инвестиций, банковский сектор – 20%, туризм – 13%[12]. В государствах Залива активно развивается система здравоохранения, строятся новые больницы и медицинские центры, приглашаются на работу зарубежные специалисты. Осуществляются инвестиции в развитие транспорта и связи.

Отрасль телекоммуникаций и информационных технологий сегодня является одной из наиболее быстро развивающихся и приоритетных в производственной инфраструктуре арабских стран. Например, в Египте Министерство связи и информационных технологий за последнее десятилетие начало активно продвигать ИКТ, содействовать всеобщему распространению не только телефонной связи, но и сети Интернет. В этих целях был разработан целый набор социальных и экономических программ и проектов («Компьютер в каждый дом», «Клубы информационных технологий» и др.). По количеству научных разработок и инноваций между странами Запада и арабскими странами по-прежнему существует большой разрыв. Арабские страны в основном импортируют западные технологии, за неимением своих конкурентоспособных научных разработок. В арабском мире на НИОКР тратится менее 0,5% ВВП, в то время как аналогичный показатель в азиатском регионе достигает 1,5%[13]. Число ученых и инженеров региона, занятых исследовательской деятельностью, почти в три раза уступает среднемировому показателю.

Банковская сфера представлена центральными, коммерческими, промышленными, ипотечными, инвестиционными банками, а также иностранными банками, где задействованы национальные кадры. В целом в арабских странах по-прежнему сохраняются менее эффективные, чем на Западе, банковские системы, велика степень этатизации банковских структур. Арабские банки по большей части специализируются на краткосрочных операциях и сравнительно мало финансируют долгосрочные проекты. Среди прочих стран региона выделяются Ливан и Бахрейн: эти две страны являются крупными региональными финансовыми центрами. С 50-х гг. и до начала гражданской войны в 1975 г. Бейрут был региональным финан-

совым центром и центром сферы услуг на Ближнем Востоке. С началом нефтедобывающего бума в странах Ближнего Востока банки Бейрута стали получателями нефтедолларов в регионе. Банк Ливана до сих пор является одним из самых крупных в регионе. Сегодня Бахрейн стал играть значимую роль в банковском секторе стран Ближнего Востока. В государстве насчитывается до 400 финансовых и банковских учреждений с активами около 1,3 трлн. долл. Только банков в этой небольшой по площади стране около 150 (примерно столько же, сколько в совокупности в других арабских странах Персидского залива)[14]. Сфера услуг является ключевым элементом экономики Бахрейна (в третичном секторе создается более 50% ВВП страны) и основой его международной специализации. Самый важный его блок формируют финансовые услуги (20% ВВП) и тесно примыкающие к ним информационные, образовательные и бизнес-услуги (до 5% ВВП).

Фондовые рынки арабских стран все еще остаются наименее развитым сегментом финансовой системы региона. Они отличаются невысокой рыночной капитализацией по сравнению со своими западными аналогами, существенной недооцененностью акций, повышенной неустойчивостью биржевых индексов. Наиболее развитые фондовые рынки в регионе имеют монархии Персидского залива. Общая рыночная капитализация финансовых рынков стран Залива составляет около 66% капитализации арабских финансовых рынков, которая в 2010 г. составила около 1,175 трлн. долл.[15]

Арабским странам предстоит еще долгий путь, чтобы хотя бы приблизиться к развитым государствам Запада. Дальнейшее развитие сектора услуг в арабском мире видится в проведении либеральных реформ, способствующих экономическому развитию государств региона, и развитии промышленного комплекса как материальной базы третичного сектора, а также развитии наукоемких отраслей экономики и активном привлечении в производство высоких технологий. Однако основополагающую роль будет играть установление политической стабильности.

---

[1] Василенко Н.В., Венгерова И.В. Роль сферы услуг в развитии современной экономики // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2012, № 2. – http://www.rae.ru/upfs/pdf/2012/02/2012_02_066.pdf

[2] Демидова Л. Сфера услуг: изменение динамики производительности // Мировая экономика и международные отношения. 2006, № 12, с. 40. – http://demoscope.ru/weekly/2007/0277/analit05.php

[3] Бурменко Т.Д., Даниленко Н.Н., Туренко Т.А. Экономика сферы услуг. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2005, с. 27.

[4] World Bank, online database.

[5] Матвеев Ю.Н., Аль Реси Нассер Саиф Ахмед. Султанат Оман: современное социально-экономическое развитие и его перспективы, 2008. – http://scientific-notes.ru/pdf/005-10.pdf

[6] Бирюков Е.С. Страны Аравийского полуострова на мировом рынке финансовых услуг, 2008. – http://scipeople.ru/publication/98178/

[7] Рассчитано по: http://data.worldbank.org/indicator/NV.SRV.TETC.ZS

[8] Рассчитано по: http://data.worldbank.org/indicator/NV.SRV.TETC.ZS

[9] Ахмедов В.М. Арабский мир – пути развития. http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/23-12-06a.htm

[10] http://data.worldbank.org/indicator/BX.GSR.TRVL.ZS http://data.worldbank.org/indicator/BX.GSR.TRAN.ZS http://data.worldbank.org/indicator/BX.GSR.INSF.ZS

[11] http://data.worldbank.org/indicator/BG.GSR.NFSV.GD.ZS

[12] Руденко Л.Н. Арабские страны: последствия глобального финансово-экономического кризиса // Вестник МГИМО. 2010, № 5. – http://www.vestnik.mgimo.ru/fileserver/14/33_rudenko.pdf

[13] http://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS

[14] Сокольский В.М. Двенадцать граней Бахрейна. – http://geo.1september.ru/2007/15/9.htm

[15] Бирюков Д.О. Краткая характеристика крупнейших арабских фондовых рынков. – http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/19-07-11.htm

Н.П.Подгорнова

ПРОБЛЕМЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АФРИКИ

В последнее время в Северо-Западной Африке сохраняется ожесточенное противостояние независимых африканских государств с одной стороны, а с другой, – военизированных сепаратистских организаций, борющихся за часть территорий этих независимых государств. В первом случае речь шла о сахарском конфликте, порожденном проблемой деколонизации Западной Сахары. Во втором – о притязаниях воинственных кочевых племен туарегов и множества военизированных организаций исламских фундаменталистов на территорию Мали. Положение осложнялось тем, что в оба конфликта вмешивались внешние силы, старания которых, однако, не приводили к решению обеих проблем. Напротив, способствовали еще большему разжиганию конфликтов. Рассмотрим историю и суть каждого из указанных конфликтов, причины их возникновения и попытки урегулирования.

* * *

Суть сахарской проблемы состоит в притязаниях на территорию Северо-Западной Африки площадью 272 тыс. кв. км, расположенную на Атлантическом побережье континента и долгие годы состоявшую из двух провинций: северной – Сагиет Эль-Хамра (*82 тыс. кв. км*) и южной – Рио-де-Оро (*190 тыс. кв. км*). На западе она омывается водами Атлантического океана, на севере граничит с Марокко, на востоке – с Алжиром и Мавританией, на юге – с Мавританией. В 1884–1976 гг. являлась колониальным владением Испании и называлась «Испанской» Сахарой, после деколонизации – территорией Западной, бывшей «Испанской» Сахары. Первожителями этой территории, в частности в районе от р.Сенегал (*на юге*) до предгорий Атласских гор (*на севере*), были неандертальцы – древние люди (палеоантропы), согласно данным

официальной академической науки, жившие в период раннего и позднего палеолита 200–35 тысяч лет тому назад. В период раннего палеолита (*40–10 тысяч лет тому назад*) там появились кроманьонцы – ранние представители современного человека. В период неолита эта территория стала местом обитания негроидов. Затем в регион пришли берберы, история которых насчитывает 11 тысяч лет.

В историческом прошлом в Северо-Западной Африке царил благодатный климат. Цветущие саванны покрывала пышная растительность. Там росли дубы, олеандры, мирты, цитрусовые и оливковые деревья. Многочисленные долины были такими же полноводными реками, как нынешние Нил и Нигер, и изобиловали рыбой. Богатым и разнообразным был животный мир. Там водились слоны, бегемоты, крокодилы, быки, жирафы, антилопы, страусы. Природно-климатические условия благоприятствовали жизни человека.

Свободно перемещаясь по всей североафриканской территории, представители одних племен занимались охотой на диких животных, ремёслами, отчасти земледелием и рыболовством или становились земледельцами: рыли колодцы, сажали финиковые пальмы, создавали в оазисах очаги оседлости. Представители других – кочевым и/или отгонным скотоводством, свободно перемещаясь с запада на восток, с севера на юг и в обратных направлениях по всей означенной территории в поисках пастбищ и водопоев для скота.

Около 1000 лет тому назад климат начал меняться. Водоемы засыпало песком. Растительность исчезла. Отныне бóльшая часть территории представляла собой скалистые участки с отдельными горными массивами, террасами и высохшими руслами рек. Обширные площади были усеяны острым щебнем, галькой или песком. Климат стал сухим и жарким, с резкими перепадами дневных и ночных температур, с характерными для этих мест песчаными бурями. Обитателями пустыни были змеи, ящерицы, пауки. Жизнь людей теплилась лишь в редких оазисах, где они ежедневно вели тяжелую борьбу за выживание.

По мере опустынивания территории местное население вынуждено было искать новые способы жизни в изменившихся природно-климатических условиях. В регионе активизировались миграционные процессы. Воинственные берберы оттеснили негроидов к югу, в северные районы территорий нынеш-

них Мали, Нигера и Чада, а сами отступили на территорию современной Мавритании и в южные районы современных Марокко, Алжира и Ливии. Постепенно приспособившись к новым природно-климатическим условиям Сахары, они перешли на кочевой образ жизни, свободно перемещаясь по центральной части североафриканского континента (*от Персидского залива на востоке до Атлантики – на западе*) и торгуя с представителями местных племен. Которые, в свою очередь, ведя преимущественно оседлый образ жизни, занимались земледелием, ремеслами, отчасти рыболовством в прибрежных водах Атлантического океана.

В 40-е годы VII века в регион пришли арабы. Сначала свободолюбивые берберы оказывали упорное сопротивление арабским завоевателям. Лишь в конце VII в. последним удалось сломить сопротивление берберов, наладить взаимоприемлемые отношения, постепенно научить их своему языку, обратить в свою веру и даже заключать смешанные браки, прежде всего в среде правившей элиты и племенной знати.

В процессе многовекового общения и взаимодействия представители многочисленных местных племен постепенно притерлись друг к другу и относительно мирно соседствовали. Жителей всего региона связывали общность языка (*арабский*), религии (*ислам*), культуры, многовековой истории, близость традиций, образа жизни, нравов и обычаев. В конечном счете, это привело к смешению представителей трех этнических групп населения (*арабов, берберов и африканцев*), двух рас (*европеоидной и негроидной*) и формированию несколькими веками позже арабо-берберской общности (*мавров*).

Во второй половине XI в. объединение местных племен под знаменами ислама и завоевательные походы эмира** Юсуфа ибн Ташфина и его двоюродного брата Абу Бакара ибн Омара с территории современной Мавритании в направлениях империи Гана (*южное*) и Магриба (*северное*) привели к образованию в регионе первого государственного образования – империи Альморавидов (*1056–1146*).

В период наивысшего подъема империи её земли простирались от р.Эбро на Пиренейском полуострове до р.Сенегал на юге и включали в свой состав мусульманскую Испанию, Ба-

* Здесь и далее см. Глоссарий в конце работы (*прим. Н.П.*).

леарские острова, нынешние Мавританию, Марокко, Западный Алжир (*Тлемсен, Коломб-Бе-шар, Туат, Гуарару, Тиндуф и прилегающие к нему территории*), Сагиет Эль-Хамру и Рио-де-Оро. Столицей империи Альморавидов был город Марракеш. Отталкиваясь от названия города, африканцы и европейцы стали называть это государственное образование «*Марокко*», а его жителей – «*марокканцами*».

В 1146 г. империя Альморавидов пала под натиском династии Альмохадов (*1146–1269*). Преемницей этой династии в регионе стала династия Маринидов (*1269–1465*), которую, в свою очередь, заменила династия Ваттасидов (*1465–1554*), а позднее – пришедшая на смену предыдущим династия Саадидов (*1554–1659*), считавших себя потомками внука пророка Мухаммеда. При Саадидах территориальные владения империи расширились за счет богатого золотом Сонгайского государства со столицей Томбукту, над которым в 1591 году марокканцы установили протекторат, сохранявшийся в течение последовавших 50 лет. В 1659 г. Саадидов сменила династия Алауитов – нынешних правителей Марокко. Столицами всех этих государственных образований наряду с Марракешем в разные периоды становились также марокканские города Фес и Мекнес. Это давало основание нынешнему руководству Марокко считать Королевство наследником государственных образований, включавших в свой состав территории Марокко, Западного Алжира, Мавритании и Западной Сахары, а себя – законным преемником правителей вышеперечисленных династий.

* * *

С начала 1970-х годов Западная Сахара являлась родиной представителей 21 племени общей численностью около 100 тысяч человек[1]. Наиболее крупными объединениями племен были текна, мавры и регейбат. Причем регейбат не являлись коренными жителями Западной Сахары. На Атлантическое побережье Северо-Западной Африки они пришли с востока по призыву султана Алауитов. Но, столкнувшись с сопротивлением местных, могущественных в ту пору арабских племен, чтобы в будущем избежать конфликтов с ними, скупили свободные земли территории Западной Сахары и оставались их полновластными хозяевами. На этом регейбат не остановились и продолжили, где силой, где путем выкупа приобретать в собственность близлежащие земли не только в пределах ны-

нешних Мавритании, Западной Сахары, Марокко, но также Алжира, Мали и Нигера; заняли Тиндуф и достигли вершины могущества в 1895 году. С тех пор они кочевали по территории площадью более 1 тыс. кв. км с востока на запад и с севера на юг; по центральным и восточным районам Рио-де-Оро, Алжирской Сахаре. Контролировали города Эль-Аюн, Смара, Тиндуф, Тан Тан (Тантан), Гулимин, Бир-Могрейн, Зуэрат, Шингетти, Атар. Торговлю традиционно вели с жителями Марокко и Алжира, в том числе Туата.

Воинственные и свободолюбивые регейбат веками противостояли соседним племенам, а с приходом на их территорию западноевропейских колонизаторов (*во второй половине XIX в.*) оказали им решительное сопротивление. Вдохновленные призывом своего духовного лидера, авторитетнейшего шейха, пользовавшегося огромным влиянием среди всех жителей Сахары (*представителей разных племен, живших не только на всей территории Западной Сахары между р.Сенегал и Южным Марокко, но и в самом Марокко*) эмира Маа аль-Айнина, регейбат полностью посвятили жизнь джихаду («*священной войне*» против испанских и французских завоевателей) и не прекращали её до 1936 года – времени окончательной колонизации территории Западной Сахары Испанией. Тем не менее европейским завоевателям, предпринимавшим военные операции с целью «*умиротворения*» племен воинственных регейбат, так и не удалось подчинить их себе.

Шейх М. аль-Айнин поддерживал прекрасные отношения с правителями Марокко, отстаивал идею объединения Шерифской империи путем воссоединения с ней территорий, отторгнутых от неё европейскими завоевателями. Неоднократно (*в 1890, 1896, 1904, 1907 гг.*) встречался с ними. В 1894 г. присягнул на верность султану Мулаю Абдельазизу. Являлся представителем султана (*с 1905 года – в статусе халифа*) на территории Западной Сахары, которую однозначно считал Марокканской Сахарой. Располагал всей полнотой власти по обеспечению обороны и внутреннего правопорядка на территории, а также привилегией назначать шерифских губернаторов местным эмирам и каидам. Всю жизнь верой и правдой служил шерифскому престолу.

Непримиримым врагом колонизаторов шейх Маа аль-Айнин оставался до самой смерти. После кончины эмира (*1910*) антиколониальное движение жителей Западной Сахары возглавил

его сын шейх Мухаммед аль-Агдаф, являвшийся в течение последовавших 30 лет официальным представителем халифата в Марокканской Сахаре, находившейся под властью испанских завоевателей. Он никогда не забывал о признательности, которую его отец испытывал к султану Марокко Мулаю Хасану, оказавшему М. аль-Айнину помощь и принявшему его на марокканской земле в последние годы его жизни.

В марте 1956 г. шейх М. аль-Агдаф на правах официального представителя султана Марокко и духовного вождя племен территории Западной Сахары созвал в Сагиет Эль-Хамре съезд, в котором участвовало 5 тысяч представителей 13 племен. Участники съезда приняли ряд решений, в частности, о том, что на всей территории Западной Сахары должно развеваться знамя Марокко. С колониальной политикой, целью которой был территориальный раздел Марокко, решили покончить. В Рабат направили делегацию для выражения чувств верноподданства королю Марокко, олицетворявшему собой единственную власть, признававшуюся населением территории Западной Сахары.

Во исполнение решений съезда, спустя почти 50 лет после кончины эмира Маа аль-Айнина, его сын Мухаммед аль-Агдаф во главе своих подданных и приверженцев отправился в Рабат. Там 27 июля 1958 г. он был принят первым королем независимого Марокко Мухаммедом V, внуком султана Мулая Хасана. От имени жителей территории Западной Сахары М. аль-Агдаф принес ему клятву верности и заявил об их приверженности Алауитскому трону и своей марокканской принадлежности.

Внук эмира М. аль-Айнина – Маа аль-Айнин Лаабадла, приглашенный в 1966 г. изложить свое мнение относительно территории Западной Сахары в Организации Объединенных Наций, недвусмысленно заявил, что она, вне всякого сомнения, является Марокканской. Он решительно отверг идею самоопределения населения территории Западной Сахары и отстаивал эту точку зрения во всех своих заявлениях представителям печати.

В феврале 1958 г. король Марокко Мухаммед V совершил поездку на юг страны и выступил с краткой речью перед местными жителями. В ней он обещал выполнить миссию, возложенную на него предками и состоявшую в том, чтобы крепить единство Марокко и его суверенитет над всей национальной

территорией страны. Учитывая традиционную приверженность населения территории Западной Сахары Алауитскому трону и марокканской нации, единой и неделимой, король торжественно обещал продолжить деятельность по возвращению её Марокко в рамках уважения его исторических прав на нее и в соответствии с волей ее жителей. Во исполнение этого намерения в 1963 г. он обратился в Организацию Объединенных Наций с просьбой принять меры, гарантирующие восстановление целостности Королевства путем возвращения ему не только территории Западной Сахары, но и всех других земель, незаконно отторгнутых от него в период колониального господства Испании и Франции. При этом руководство страны ссылалось на пункт 6 резолюции 1514 (XV), принятой 14 декабря 1960 г. Генеральной Ассамблеей ООН и содержащей «Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам». Речь в ней шла о несовместимости нарушения национального единства и территориальной целостности любого государства с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций[2]. С аналогичной инициативой выступило и руководство Мавритании, также выдвинувшее притязания на территорию Западной Сахары.

После освобождения от колониальной зависимости соседних с Марокко стран Магриба вопрос о деколонизации территории Западной Сахары занял важное место в их региональной политике. Этому призвано было способствовать начало обсуждения (*1965*) вопроса о деколонизации территории Западной Сахары на сессиях Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН. Вопрос состоял в необходимости определения будущего юридического статуса этой территории после ее деколонизации. То есть о том, кому конкретно испанские колониальные власти, осуществлявшие административное управление ею, должны были передать свои полномочия. Ведь на тот момент никакого субъекта международного права на территории Западной («Испанской») Сахары не существовало, а Марокко и Мавритания долгие годы отстаивали свои права на нее, предъявляя в доказательство этих прав многочисленные исторические документы.

Однако принятые в 1965–1974 гг. в рамках ООН резолюции, основанные на «Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам» и подтверждавшие право населения территории Западной Сахары на самооп-

ределение и создание собственного государства, испанским правительством категорически отвергались. Испания продолжала сохранять колониальный режим в своей «*заморской провинции*», решительно отказывалась проводить референдум о самоопределении местного населения и даже приняла ряд мер, направленных на еще большее упрочение своих позиций в регионе.

Чтобы ускорить решение вопроса о будущем территории Западной Сахары, король Хасан II решил «*явочным*» порядком утвердить «*права*» Марокко на неё. С этой целью 6 ноября 1975 г. он провел мирный «*зеленый*» марш 350 тыс. «*марокканских граждан, мужчин и женщин, проникнутых патриотизмом, шедших к мароккано–сахарской границе с Кораном в правой руке и марокканским знаменем – в левой*»[3]. Тем самым они продемонстрировали намерение вынудить Испанию отказаться от своей колонии в Африке в пользу Марокко, что накалило обстановку на Магрибе до грани вооруженного конфликта.

Вместе с тем проведение марша ускорило начало испано–мароккано–мавританских переговоров, завершившихся 14 ноября 1975 г. подписанием Мадридского соглашения о деколонизации территории Западной Сахары[4] в соответствии с резолюцией 1514 ГА ООН и с учетом одобрения (*21 ноября 1975 г.*) этого соглашения местным населением в лице генеральной ассамблеи («*Джемаа*») – органа местного самоуправления.

Конкретно речь шла о передаче Испанией временного управления территории Западной Сахары претендовавшим на неё Марокко и Мавритании, приводившим в обоснование этого доводы географического, геологического, природно-климатического, гидрографического, исторического, этноконфессионального и иного характера. Речь шла также об уходе с этой территории испанских колониальных властей. О разделе её между Марокко и Мавританией на две примерно равные части таким образом, чтобы северная её часть отходила Марокко, а южная – Мавритании. О назначении в каждую из них соответственно марокканского и мавританского губернаторов.

Подписание Мадридского соглашения разобщило страны Магриба по проблеме Западной Сахары, которая вследствие этого превратилась из колониальной в территориальную. Возникший в результате этого конфликт длится 40 лет, и конца ему не видно.

Притязания Марокко и Мавритании на территорию Западной Сахары (*основанные на многочисленных исторических документах*) поддержал Тунис. Алжир и Ливия, основываясь на пункте 5 «Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам»[2], встали на сторону населения означенной территории, в роли которого выступил так называемый «*сахарский народ*». Выразителями его интересов стали шестеро марокканских граждан западносахарского происхождения (*трое гражданских и трое военных лиц*), выходцев из семей кочевников и торговцев, в основном племён регейбат. Все они родились и выросли в Марокко. Там же получили образование. Возглавил группу региби аль-Уали Мустафа Сайед – потомок эмира Маа аль-Айнина. Он учился на факультете права Рабатского университета. По характеру был человеком набожным, приверженным исламским традициям. Являлся сторонником египетских «Братьев-мусульман». По политическим взглядам относился к правым националистам.

В преддверии завершения учебы аль-Уали М.Сайед задумался о своем будущем, которое для него как региби, согласно местным традициям, однозначно было связано с кочевничеством в пустыне Сахара. Такая перспектива вряд ли могла прельстить молодого образованного человека, выросшего в цивилизованном обществе, познавшего современный образ жизни горожанина. Тогда аль-Уали М.Сайед и сформировал группу сторонников. Сначала они поставили целью организовать партизанское движение в Мавритании, затем с помощью ливийского оружия (аль-Уали М.Сайед дружил с Муаммаром Каддафи) решили начать войну против испанских колонизаторов, освободить страну и присоединить к ней западносахарскую провинцию Рио-де-Оро.

Однако аль-Уали М.Сайед и его сподвижники не могли не знать, что их предками были не «*сахарский*» или «*западносахарский народ*», и не «*сахарцы*» или «*западносахарцы*», будь то территории «Испанской» или всей Западной Сахары, поскольку «*сахарцы*» – это не народность, не народ и не нация. К тому же у «*сахарцев*» никогда не было «*своего*» государства в «Испанской» Сахаре, которое следовало бы деколонизировать. Предками регейбат так же, как объединений племен текна и частично мавров, были берберы. Их численность в историческом прошлом вполне позволяла создавать «*свои*» государства. Таковыми и являлись феодальные государства,

формировавшиеся в XI–XVII вв. берберскими династиями Альморавидов, Альмохадов, Маринидов, Ваттасидов.

Вместе с тем аль-Уали М.Сайед и его сторонники понимали, что не могли претендовать на территории, входившие в состав тех династических империй. Поскольку их предки утратили эти территории в историческом прошлом, не будучи в состоянии отстоять их у пришедших в регион в VII в. более успешных в этом отношении арабских завоевателей. Поэтому пошли на уловку, представив себя мировому сообществу «*сахарцами*» – выразителями интересов жителей «Испанской» и в целом Западной Сахары. В мае 1973 г. они отправились в «Испанскую» Сахару, создали там Сахарскую народно-освободительную армию (*СНОА*) и начали вовлекать в ее ряды западносахарцев, разделявших их убеждения.

Часть вооруженных отрядов СНОА составили кочевники берберских племён туарегов Ахаггара. Общая их численность в середине 1970-х гг. составляла 250 тыс. человек[5]. Местами кочевий исторически была территория Центральной Сахары площадью свыше 1 млн. кв. км в пределах нынешних Алжира, Ливии, Мали, Нигера. Глубоко презирающие людей физического труда, но активно пользующиеся его плодами, туареги-ахаггары привыкли добиваться своих целей исключительно силой оружия. Они испокон веков отличались агрессивностью и воинственностью. Смыслом их существования всегда были и остаются поныне свобода и независимость.

20 мая 1973 г. аль-Уали М.Сайед и его товарищи создали Народный фронт за освобождение Сагиет Эль-Хамра и Рио-де-Оро, более известный, как Фронт ПОЛИСАРИО, и начали боевые операции против колониальных властей Испании[6]. Однако уже 20 июня 1973 г. заявили об отказе от вооруженных акций, которые не достигали своих целей, а приводили лишь к немедленным ответным действиям противника. Естественно, ведь в ожидании поступления ливийского вооружения им приходилось воевать имеющимся у них оружием, а это, по их собственному признанию, было «*очень плохое оружие*». Несмотря на это, в августе 1974 г. они вновь переориентировались на вооруженную борьбу. На этот раз их местопребыванием стал Алжир, конкретно – г. Тиндуф и его окрестности, где с разрешения местных властей разместились структуры Фронта ПОЛИСАРИО.

Весной 1975 г. сахарские лидеры провозгласили Фронт единственным и законным представителем «*сахарского народа*»

в борьбе за самоопределение, независимость территории Западной Сахары и создание здесь своего государства. Так аль-Уали Мустафа Сайед стал первым представителем племен регейбат, предавшим родину и опозорившим не только себя, но и славное имя эмира М. аль-Айнина.

Правда, некоторое время спустя он реабилитировал себя, заявив, что «*хочет мира с Марокко и самоопределения*», за что поплатился свободой, поскольку был заточен в один из бункеров сопротивления в Тиндуфе (где содержались оппозиционеры Фронта ПОЛИСАРИО)[7]. Произошло это в июне 1976 г., когда официально было объявлено о гибели аль-Уали в бою в ходе нападения бойцов Фронта на г.Нуакшот и провозглашения его национальным героем «*сахарского народа*». Через некоторое время был избран и с тех пор бессменным на этом посту оставался новый генеральный секретарь Фронта ПОЛИСАРИО – первый командующий войсковой частью, направленной Алжиром в помощь Фронту, Мухаммед Абдельазиз – алжирец по национальности.

* * *

Мадридское соглашение выявило конфликтующие стороны в борьбе за Западную, бывшую «Испанскую» Сахару (*Марокко/Мавритания и Фронт ПОЛИСАРИО*) и стороны, заинтересованные в решении сахарской проблемы в интересах местного населения (*Алжир, Ливия, Тунис*). В частности, туарегов-ахаггаров, целью которых стало создание своего государства на этой, расположенной на западе, на значительном удалении от традиционных мест их обитания территории, являющейся родиной местных племен арабов, мавров и регейбат. Это привело к созданию (*27 февраля 1976 г.*) Сахарской Арабской Демократической Республики (*САДР*), провозгласившей учреждение в ней республиканского политического строя с целью строительства социализма. Фронт ПОЛИСАРИО развязал боевые действия против вооруженных сил Марокко и Мавритании, сразу после ухода из Западной Сахары испанских колониальных властей (*28 февраля 1976 г.*). В результате обострились отношения между Марокко/Мавританией и Алжиром/Ливией, выступившими в поддержку Фронта ПОЛИСАРИО и САДР и начавшими оказывать им военную помощь, в том числе современными видами оружия. Благодаря дипломатической поддержке Алжира началось массовое признание

Фронта ПОЛИСАРИО и САДР молодыми, в основном недавно освободившимися от колониальной зависимости странами Африки, Азии, Латинской Америки, Океании. В поиски выхода из сложившейся ситуации были вовлечены многие страны мира и международные организации. Прежде всего, Организация Объединенных Наций, поскольку именно она своим популистским решением о «*правах*» на территорию Западной Сахары так называемого «*сахарского народа*» породила ситуацию, разблокировать которую в интересах всех затронутых сторон ни ей, ни Организации африканского единства, ни Движению неприсоединившихся стран не удается вот уже в течение 37 лет.

Силово́е решение проблемы также невозможно, поскольку военный потенциал конфликтующих сторон несопоставим, даже несмотря на помощь Фронту ПОЛИСАРИО со стороны Алжира и Ливии (*до августа 1984 г.*, *когда она заключила Договор о союзе с Марокко, после чего сахарско–ливийские отношения заметно охладели*). К тому же к концу 1986 г. марокканцы завершили строительство надежного оборонительного сооружения, или «*стены*» обороны вдоль международно признанной границы территории с Алжиром и Мавританией, не позволяющего бойцам Фронта преодолеть её. В результате «*стратегия стен*» практически на «*нет*» свела эффективность боевых действий Фронта, какой они отличались в предшествовавший период. Не помог Фронту ПОЛИСАРИО даже выход из войны Мавритании, подписавшей с ним (*5 августа 1979 г.*) Мирное соглашение об отказе от «*своей*» части территории Западной Сахары, которую немедленно заняло Марокко.

Главное же заключалось в том, что конфликтующие стороны занимали диаметрально противоположные позиции по проблеме Западной Сахары и способам ее решения. Марокко считало провинции Сагиет Эль-Хамра и Рио-де-Оро своей национальной территорией и не намерено было уступать ни пяди её так называемым западносахарским сепаратистам и «*наемникам, состоящим на жаловании у Алжира*»[8]. Единственное, на что оно готово было пойти, – это предоставить местному населению территории Западной Сахары широкую автономию в пределах государственных границ Королевства. И это – немало, учитывая, что за годы противостояния конфликтующих сторон руководство страны вложило в обустройство этой территории и налаживание благоустроенной жизни местного на-

селения огромные по масштабам Марокко финансовые средства, что позволило ему «*превратить этот край в цветущий сад*».

В свою очередь Фронт ПОЛИСАРИО настаивал на праве «*сахарского народа*» на самоопределение и официальном признании Марокко Сахарской Арабской Демократической Республики в границах Западной, бывшей «Испанской» Сахары. Причем под этим «*сахарским народом*» руководством Фронта подразумевалось не только местное население спорной территории, но и жители соседних с нею африканских стран. Последним (*в частности, мавританским гражданам*) под видом коренных жителей Сагиет Эль-Хамра и Рио-де-Оро активистами Фронта предлагалось за материальное вознаграждение участвовать в референдуме, организацией и проведением которого занялась ООН в соответствии с принятыми ею резолюциями. Объяснялось это малочисленностью подлинных западносахарцев, то есть беженцев из Западной, бывшей «Испанской» Сахары в районе Тиндуфа, где они в течение долгих лет содержались в шести специально организованных для этого лагерях. Это не позволяло руководителям Фронта ПОЛИСАРИО рассчитывать на победу в ходе готовившегося ООН референдума о самоопределении «*сахарского народа*» для выяснения его мнения относительно будущего статуса территории Западной Сахары. К тому же это в принципе представлялось нелогичным, поскольку население этой территории давно уже самоопределилось, выбрав в ходе восьми состоявшихся в Сагиет Эль-Хамра и Рио-де-Оро выборов в высшие и местные органы власти «*воссоединение*» с Марокко как своим «*отечеством*».

Более того, внутри Фронта ПОЛИСАРИО еще в конце 1980-х гг. произошел раскол, и он уже не отражал взгляды и не выражал интересы коренного населения спорной территории. Тем более, что большинство этого населения бежало из района г. Тиндуф и его окрестностей, где ранее находилось фактически в заложниках у лидеров Фронта, в условиях полного нарушения там прав человека (что безосновательно отказывалась признавать международная общественность!), и вернулось на историческую родину в Сагиет Эль-Хамра и Рио-де-Оро, подтвердив тем самым свою марокканскую принадлежность, поддержав предложение короля Мухаммеда VI о предоставлении широкой автономии «*сахарским провинциям*» Королевства

и активно включившись в деятельность марокканской администрации по нормализации там обстановки.

По всем вышеперечисленным причинам референдум о самоопределении населения территории Западной Сахары с 1991 г. назначался и откладывался неоднократно, пока в июле 1996 г. Совет Безопасности ООН впервые за долгие годы не признал свою полную несостоятельность, поскольку не смог выполнить одну из самых давних по времени принятия резолюций, а именно: резолюцию 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1960 г., содержащую «Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам», и провести референдум в Западной Сахаре.

* * *

В свете вышеизложенного решение всего комплекса проблем, связанных с будущим территории Западной Сахары, виделось в рамках нормализации отношений между Алжиром, стоящим за Фронтом ПОЛИСАРИО, и Марокко. Истоки этих проблем кроются в историческом прошлом затронутых сторон. Порождены они политикой бывших колониальных держав, предпринявших за годы владычества не одну попытку перекроить карту Северо-Западной Африки в своих корыстных интересах. Именно действия испанских и французских колонизаторов заложили основы будущего противостояния стран региона по территориально-пограничным вопросам.

Созданный как освободительное движение Фронт ПОЛИСАРИО довольно быстро переродился в вооруженную сепаратистскую организацию, действовавшую по указке извне и преследовавшую, по сути, захватнические цели. Это дало повод значительному количеству стран-членов Организации африканского единства на определенном этапе усомниться в правомерности сохранения членства САДР в этой Организации (*июнь 1998 г.*), куда она была принята (*1982*) минимальным большинством голосов, да и то лишь под личную ответственность генерального секретаря ОАЕ. Основанием для этого им служило то, что Фронт ПОЛИСАРИО давно уже не отражал подлинных интересов этого самого населения и дискредитировал себя не только в его глазах, но и в глазах многих представителей мирового сообщества, а самопровозглашенная САДР, изначально базировавшаяся на территории иностранного государства, имела исключительно

номинальный характер. Хотя «*непримиримые*» из числа бывших лидеров Фронта ПОЛИСАРИО алжирского и мавританского происхождения не прекращали попыток убеждать представителей международной общественности, время от времени посещавших район Северо-Западной Африки и лагеря сахарских беженцев в Тиндуфе, в сохранении на этой территории «*сахарского сопротивления*».

Однако если речь и могла идти о сахарских беженцах в регионе, то исключительно о беженцах малийского происхождения. Их численность в Северо-Западной Сахаре к концу ноября 2012 года составила 400 тыс. человек[9]. И продолжала увеличиваться по мере разрастания конфликта, вызванного захватом обширной территории на севере Мали в зоне Сахеля сначала туарегами Феццана, бежавшими из Ливии после свержения М.Каддафи (*2011*), а затем множеством военизированных группировок радикальных исламистов и террористов[10]. Наиболее значимыми среди них представлялись «Национальное движение за освобождение Азавада» (*НДОА*), «Аль-Каида в странах исламского Магриба» (*АКИМ*), «Ансар ад-Дин» и «Движение за единство и джихад в Западной Африке» (*ДЕДЗА*).

– НДОА являлось военно-политической организацией, созданной туарегами. Состояла из «Национального движения Азавада» и «Туарегского движения Севера Мали». После государственного переворота в Мали 22 марта 2012 г. самопровозгласила независимость государства Азавад, существовавшего якобы в историческом прошлом на территории Северного Мали, и создала переходный государственный совет для управления им. Целью организации являлось «*освобождение народа Азавада от незаконной оккупации его территории Республикой Мали*». Основным её требованием было «*самоопределение народа Азавада и восстановление его попранных исторических прав на эту территорию*».

Налицо, как видим, – требования, подобные тем, которые 38 лет тому назад выдвинули лидеры Фронта ПОЛИСАРИО: независимость территории Западной Сахары, принадлежавшей «сахарскому народу» якобы в далеком прошлом в качестве «*сахарского государства*».

Руководство военной структурой «Национального движения за освобождение Азавада» осуществлял бывший полковник ливийской армии. Организация располагала огромным количеством современных видов оружия, которое использова-

лось во время недавней войны против М. Каддафи. Открыто поддерживалась бойцами Фронта ПОЛИСАРИО. Солдатами этой армии в подавляющем большинстве являлись бывшие военные ливийской армии, бежавшие из страны после свержения М. Каддафи.

– «Аль-Каида в странах исламского Магриба» (*АКИМ*) – вооруженная исламистская организация алжирского происхождения численностью около 1000 вооруженных бойцов, в том числе туарегов. Её цель – создание исламского государства на Магрибе: от Марокко до Ливии (*на севере*) и от Алжира до Сенегала и Нигера (*на юге*) через территории Мали и Мавритании, – путем развязывания джихада во всем регионе. Руководство АКИМ разделило территорию Северной Африки на несколько военных зон. Одна из них (9-я) – «*эмират Сахара*» – включила территории Мали, Нигера, Нигерии, Ливии, Мавритании и Чада.

– «Ансар ад-Дин» – исламистская группировка, активно действовавшая в Азаваде. Тесно контактировала с «Аль-Каидой в исламском Магрибе» и считалась её подразделением. Контролировала северо-восток Мали, особенно крупные города Кидаль и Томбукту. В отличие от НДОА не требовала независимости Азавада. Главной её целью было насаждение шариата на всей территории Мали. Членами группировки (*10 тыс. человек*) были выходцы из Нигерии, Мали и Алжира.

– «Движение за единство и джихад в Западной Африке» (*ДЕДЗА*) – еще одна близкая к «Аль-Каиде в исламском Магрибе» радикальная группировка, контролировавшая территорию Северного Мали. Ставила целью пропаганду джихада во всей Западной Африке. Была также связана с одной террористической группировкой, близкой к АКИМ.

Деятельность этих и других многочисленных экстремистских и исламистских военизированных организаций, каждая из которых претендовала на территорию Северного Мали, однозначно воспринимавшуюся ими как государство Азавад[11]; их взаимная борьба за власть и доходы от контрабанды дестабилизировали обстановку в регионе, привели к процветанию здесь терроризма, преступности, незаконной миграции, торговли мигрантами, оружием (*в том числе, возможно, и химическим*), сигаретами, бензином, подержанными автомобилями, но главным образом наркотиками, а также захваченными в заложники европейцами из числа специалистов, работав-

ших в странах региона по контрактам, и частично дипломатов, за которых можно было получить огромный, по местным понятиям, выкуп. Наркотрафик проходил из Южной Америки на Атлантическое побережье, затем через территорию Мавритании и Мали – в центральную часть Северо-Западной Африки, далее через Алжир и Ливию на средиземноморское побережье Африки, а оттуда – в Европу. Этот опасный, но чрезвычайно выгодный с экономической точки зрения вид деятельности привлекал в ряды вооруженных формирований исламистов-фундаменталистов многих местных жителей, преимущественно молодых людей, в основном туарегов и мавров, возможностью в случае удачи неслыханно обогатиться и таким образом самоутвердиться и возвыситься как в собственных глазах, так и во мнении соплеменников. По данным Средиземноморской компании аналитических и стратегических исследований, общее количество только кокаина, захваченного у наркоторговцев в 2004–2012 гг. в странах Западной Африки, составило 14 385 килограммов[12].

В 2012 г. численность вооруженных террористов в районе Сахеля составила 6 тыс. человек (*против 500 человек в 2010 году*)[10] в основном из числа жителей Мали, Алжира, Сомали, Кот д'Ивуар, Сенегала, Гамбии, Ганы, Мавритании и Гвинеи. Согласно отчету Международного центра изучения терроризма, пополнение рядов наемников террористических движений происходило за счет малийцев, нигерцев и западносахарцев из лагерей беженцев в Тиндуфе.

Представители международных организаций, занимавшиеся вопросами освобождения оккупированной территории Мали, уничтожения террористических организаций и криминальных структур, восстановления государственной власти в стране, с большим беспокойством воспринимали ситуацию, сложившуюся в Северо-Западной Африке, опасаясь возможности создания в регионе террористического исламистского государства, могущего служить тыловой базой «Аль-Каиды». В этом смысле большие надежды возлагались ими на политику руководства Алжира. По их мнению, именно АНДР в наибольшей степени должна была бы быть заинтересована в урегулировании конфликта в Мали мирными средствами путем переговоров между враждовавшими сторонами. Поскольку в случае интервенции Экономического сообщества стран Западной Африки (*ЭКОВАС*), намечавшейся на осень 2013 г., или вмешательства

в развитие событий в регионе европейских государств существовала реальная угроза массового бегства десятков тысяч представителей племен туарегов–джихадистов и беженцев из Мали преимущественно на юг Алжира.

Решение сахарской проблемы та́кже зависело исключительно от политики алжирского руководства. Однако именно его нежелание принять единственно разумное решение по урегулированию сахарского конфликта путем налаживания конструктивного диалога с Марокко привело к возникновению аналогичного конфликта вокруг территории Мали. Конфликта, в орбиту которого, помимо стран Магриба, оказались вовлечены практически все страны Северо-Западной Африки.

* * *

Несмотря на то, что «*сахарские провинции*» Марокко надежно ограждены от внешнего вторжения, опасность со стороны радикальных и террористических организаций угрожала и ему. И если исламские фундаменталисты и террористы не могли преодолеть «*стену*» обороны территории Западной, бывшей «Испанской» Сахары, то ничто не мешало им действовать внутри Королевства. Именно там была раскрыта и в мае 2012 г. обезврежена «*террористическая сеть*» под названием «Движение муджахидинов в Марокко» (*ДММ*).

Расследование марокканских спецслужб показало, что это Движение представляло собой «*хорошо организованную и весьма опасную структуру*», действовавшую в нескольких городах страны и поддерживавшую связь с террористической организацией «Аль-Каида в странах исламского Магриба»[13]. Руководство «*сетью*» осуществлял активист ДММ, находившийся в национальном и международном розыске по обвинению в причастности к ряду терактов и попытках покушения на государственную безопасность Королевства, в связях с международными террористическими организациями, а также ввозе в Марокко большой партии оружия и взрывчатки для организации террористических актов.

В конце 2012 г. марокканские власти раскрыли ячейку террористической сети АКИМ в районе г.Фес[10]. Целью этой сети была вербовка марокканской молодежи, проникнутой идеями джихадизма, для отправки в лагеря этой организации в Алжире. В ноябре того же года было раскрыто еще несколько «*террористических сетей*». Целью одной из них была подготовка

бойцов для военизированных исламистских групп, контролировавших север Мали.

* * *

Развитие ситуации, сложившейся в Северо-Западной Африке, убеждало в необходимости скорейшего урегулирования преступно затянувшегося западносахарского конфликта, что осознавали все затронутые им стороны. Учитывая это, специальный посланник генерального секретаря ООН в Западной Сахаре Кристофер Росс в очередной раз (*с августа 2009 г.*) призвал конфликтующие стороны к «*диалогу*» с целью изыскать взаимоприемлемое решение сахарской проблемы. А «*главные международные действующие лица*» – содействовать этому диалогу, дабы несвоевременное урегулирование конфликта не спровоцировало новую волну насилия и военных действий в регионе[14].

Опасения К.Росса разделял марокканский эксперт Мухаммед Шеркауи. Учитывая усиленную модернизацию и перевооружение армий Алжира и Марокко, он указывал: «*В случае военного конфликта последствия будут катастрофическими*: *обе страны окажутся разрушенными, ослабленными и, вероятно, распадутся, а экстремистские группировки сполна воспользуются ситуацией*» в своих целях[15].

Стремясь предотвратить подобный апокалиптический сценарий развития событий в регионе, в конце октября 2012 г. К.Росс направился с визитом в страны Магриба, прежде всего, в Марокко, а также посетил ряд европейских государств (Испанию, Францию, США, Великобританию, Россию). В заявлении для журналистов он подтвердил намерение ООН помочь в достижении «*нормальных политических решений и прочного согласования их сторонами*»[16].

Принятый королем Мухаммедом VI, К.Росс объяснил цель своего визита желанием подвести итоги прямых переговоров между конфликтующими по сахарской проблеме сторонами за предыдущие пять лет и определиться с тем, как добиться реального прогресса в переговорном процессе.

Король подтвердил К.Россу приверженность своей страны поискам урегулирования этого «*искусственного конфликта*» и заверил его в том, что обязуется найти решение проблемы в рамках марокканского предложения о расширенной автономии территории Западной, бывшей «Испанской» Сахары с ме-

стным правительством и парламентом под суверенитетом Марокко. Это предложение было воспринято мировым сообществом «*как серьезное решение, заслуживающее доверия*», но было отвергнуто М. Абдельазизом, который по-прежнему отстаивал «*право народа Западной Сахары на самоопределение путем проведения референдума*», и продолжавшим поддерживать его руководством Алжира.

В силу сохранявшейся жесткой непримиримости позиций конфликтующих сторон по проблеме и неготовности их идти на компромисс К.Росс разработал новую стратегию, которая, как он надеялся, «*заложит основу для эффективного возобновления прямых переговоров между конфликтующими сторонами*»[17]. Суть стратегии состояла в том, чтобы вместо возвращения к новому раунду переговоров «*сосредоточиться сначала на дополнительных консультациях с ключевыми международными заинтересованными игроками, а затем прибегнуть к методу челночной дипломатии со сторонами конфликта и соседними государствами в рамках одного или нескольких визитов в регион, включая Западную Сахару*».

Немаловажным фактором в пользу настоятельной необходимости незамедлительного решения сахарской проблемы и урегулирования сопряженного с нею многолетнего конфликта стали заметные перемены, произошедшие в последнее время в позициях руководителей многих стран мира[15]. Так, многие из тех, кто ранее признал Фронт ПОЛИСАРИО и САДР и открыл у себя их представительства, впоследствии отменили эти признания.

Существенные изменения произошли и в сознании представителей многих стран-членов Организации Объединенных Наций. Если раньше в ходе голосований на очередных сессиях ГА ООН подавляющее большинство их высказывалось за резолюции в поддержку «*права народа Западной Сахары на самоопределение*», то в последние годы число воздерживавшихся стало значительно превышать число голосовавших в поддержку этого права.

В целом создавалось впечатление, что внутри мирового сообщества всё более утверждалось мнение о логичности и правомерности решения проблемы Западной Сахары усилиями исключительно Марокко и Алжира, путем достижения договоренности об урегулировании сахарского конфликта именно и только двумя этими странами. А задача мирового сообщества

сводилась к тому, чтобы убедить противоборствующие стороны прийти к соглашению, руководствуясь высшими целями восстановления мира и добрососедства в регионе, а не конъюнктурными соображениями и исторически изжившими себя политико-идеологическими пристрастиями.

Однако ООН с усердием, достойным лучшего применения, продолжала принимать резолюции в пользу сомнительного решения сахарской проблемы в соответствии с «Декларацией о предоставлении независимости колониальным странам и народам» применительно к жителям территории Западной Сахары. Признание их «*народом*» и «*законности его права*» на эту территорию стало прецедентом провозглашения в феврале 2008 г. независимости албанского Косово в пределах Сербской Республики. С той лишь разницей, что племена регейбат приобрели земли западносахарской территории в собственность, а албанские косовцы самовольно поселились на территории Сербии, а затем, воспользовавшись тем, что их оттуда своевременно не изгнали, провозгласили здесь свое независимое государство. В этой связи возникает законный вопрос: почему ООН не признала САДР, тогда как независимость Косово приветствовала? – Налицо, как видим, политика двойных стандартов.

Нелишне напомнить, что политика Организации Объединенных Наций с середины XX в. не раз давала мировому сообществу повод для обвинения в неэффективности её деятельности. Она проявилась, в частности, в позициях ООН по вопросам ближневосточного урегулирования. Во время бомбардировок Югославии странами-членами НАТО. При нападении США на Ирак. Несостоятельность политики этой организации прослеживается в отношении Ирана, Северной Кореи, Венесуэлы, Сирии. Урегулирования южноосетинского конфликта. Защиты прав русскоязычного населения в странах Балтии. И, наконец, в принятии 29/30 ноября 2012 г. Генеральной Ассамблеей ООН решения о предоставлении Палестинской автономии статуса государства-наблюдателя Организации и подтверждении ею права палестинцев на самоопределение в пределах территорий, оккупированных в 1967 году Израилем.

Это решение не могло не вызвать неоднозначного восприятия его мировым сообществом. В данной ситуации не исключалась вероятность обращения в ООН за получением аналогичного статуса таких, например, самопровозглашенных, но

не признанных мировым сообществом государственных образований, как Абхазия и Южная Осетия, Республика Косово и Мальтийский орден, Северный Кипр и Приднестровье, Нагорный Карабах и Тайвань, Квебек и Каталония, Северная Ирландия и Шотландия и других.

Первой претенденткой на получение такого статуса сразу же выступила Сахарская Арабская Демократическая Республика. Основанием для этого ей послужило то, что над САДР так же, как и над Палестиной, в рамках ООН не признавался чей-либо суверенитет. И это действительно так. Ведь Сахарская республика – это формальное название мифического государства–фантома, провозглашенного и располагавшегося на территории Алжира. Ни к территории Западной, бывшей «Испанской» Сахары, которая принадлежит Марокко, осуществляющему над ней свой суверенитет, ни к территории Западной Сахары в целом САДР никогда не имела и не могла иметь никакого отношения. Несмотря на это, М. Абдельазиз продолжал позиционировать себя президентом САДР и генеральным секретарем распавшегося Фронта ПОЛИСАРИО. В декабре 2012 г. вдохновленный заявлениями парламентариев Испании и Швеции «в поддержку членства Западной Сахары в ООН по примеру Палестины», он сразу же выдвинул лозунг: «Наша цель – присутствие САДР в Организации Объединенных Наций»[18].

Предоставление Палестинской автономии статуса государства члена-наблюдателя ООН и прием в члены Организации других самопровозглашенных государственных образований могли, по оценке специалистов, иметь поистине катастрофические последствия. Поскольку неминуемо повлекли бы за собой развязывание вооруженных конфликтов в разных районах планеты, вовлечение в них соседних государств, вмешательство в эти конфликты НАТО и ведущих мировых держав, массовую гибель людей.

Обсуждение и попытки решения этих и других актуальных проблем современности в рамках ООН показали отсутствие внутри нее единства в понимании как сути этих проблем, так и способов их решения. В результате мировое сообщество оказалось не готово соответствующим образом оценивать возникавшие острые международные проблемы, без дискриминации отстаивая при этом интересы затронутых сторон, а правозащитную тематику давно уже дискредитировало политиканство. В этой связи представлялось логичным кардинальное рефор-

мирование этой Организации, которая, не будучи в состоянии решить одни международные и региональные проблемы, порождала не менее сложные новые.

* * *

Применительно к теме исследования можно предположить один из возможных сценариев дальнейшего развития событий в Северо-Западной Африке, основанный на оценке реальной ситуации в регионе. Это – подготовка конфликтующих по сахарской проблеме сторон к за-тяжным военным действиям. Сплочение алжирскими исламистами-фундаменталистами сохранявшихся вооруженных сил Фронта ПОЛИСАРИО и так называемой Сахарской народно-освободительной армии. Объединение их с вооруженными формированиями «Движения за единство и джихад в Западной Африке». Укрепление позиций террористической организации «Аль-Каида в странах исламского Магриба». Вовлечение в формирующийся военный союз соседних стран региона, прежде всего Мавритании, Ливии, возможно, Туниса и Египта, а также Нигера и Чада. Укрепление связей этого военного союза с другими отрядами «Аль-Каиды» в странах Северной Африки и Ближнего Востока. Развязывание ими боевых действий против Марокко с целью силового захвата территории Западной, бывшей «Испанской» Сахары, ныне – сахарских провинций Королевства. Использование этой «*операции прикрытия*» для последующего превращения территории всей Северо-Западной Африки в оплот мирового эмирата, создание которого является конечной целью «Аль-Каиды». Тщетность попыток западноевропейских государств и США нейтрализовать мусульманско-христианское противостояние в регионе, не допустить превращения сахарского конфликта из «*горячей*» в одну из «*жарких точек*» на планете и долговременного сохранения вследствие этого чрезвычайно напряженной ситуации в Северо-Западной Африке.

[1] Здесь и далее см. Gaudio, Attilio. Le Dossier du Sahara Occidental. – Paris, 1977.

[2] См.: Организация Объединенных Наций. Сборник документов. – М., 1981, с. 571–573.

[3] *Le Matin du Sahara*, *03.05.1988*; *Le Matin du Sahara et du Maghreb*. – *Casablanca, 6 Novembre 1989*, *6 Novembre 1990, 14 Août 1991, 6 Novembre 1991.*

[4] *Le Monde. – Paris, 23–24.11.1975.*
[5] См.: Гаудио А. Цивилизации Сахары. Десять тысячелетий истории, культуры и торговли. – М., 1977, с. 42.
[6] Здесь и далее см. Новейшая история арабских стран Африки. 1917–1987. – М., 1990, с. 414.
[7] *Le Matin du Sahara*, 0*4.06.1980.*
[8] Сборник основных документов и материалов по проблеме Западной Сахары (1977–1978 гг.). – М., 1980, с. 77–78.
[9] Сообщение Информационного телеграфного агентства России ИТАР-ТАСС. Ближний Восток и Африка, 22 ноября 2012 г., ВА, л. 15.
[10] Здесь и далее см. Les enjeux du conflit de l'Azawad. – Rabat-Agdal, 2013, с. 2–22.
[11] См. Зюдов, Кристоф. Зона смерти Сахара: драма с убийством заложников в Алжире, война в Мали. Опасности возникновения исламизма в Северной Африке в ближайшие годы будут сопровождать всю Европу (http.//www.profile.ru/article/zona-smerti-sahara-drama-s-ub); События в Мали и восстание туарегов (voprosik.net>terror-v-saxare/); Афанасьев Александр. Алжирский джихад (Ibidem, http://werewolf0001.livejournal.com/637120.html). Семушкин Дмитрий. Азавад – новый Афганистан в Африке: Франция в Мали расплачивается за интервенцию Запада в Ливию (http://www.regnum.ru/news/polit/613045.html).
[12] Подсчитано по: Les sources du financement des bandes armées au Sahel. – Rabat-Agdal, 2013, с. 7.
[13] muslem.ru>ситуация-в-марокко-май-2012-г/
[14] Росс, Кристофер. Текущий статус конфликта в Сахаре «*находится под угрозой в связи с ростом экстремизма и терроризма*» (Sahara-online.net/ru/Приемная/tabid/928/ctt/Detai…).
[15] Здесь и далее см.: Слисаренко, Игорь Западная Сахара: песок или порох, или разрешение «*замороженного конфликта по-африкански*». Будни Западной Сахары (day.kiev.ua>315781).
[16] Здесь и далее: http://islam-today.ru/article/5182/; news.rambler.ru/16154205/
[17] Здесь и далее: Росс, Кристофер. Ситуация в Западной Сахаре вызывает сильное беспокойство и должна оставаться под контролем международного сообщества (sp.srasd.info>…).
[18] Пан Ги Мун: «В ближайшие месяцы Кристофер Росс проинформирует Совет Безопасности о событиях в Западной Сахаре» (http://www.spsrasd.info/content/0, http://www.spsrasd.info/ru/content/; www. sprasd.info/...).

М.А.Сапронова

ПОСТРЕВОЛЮЦИОННЫЕ КОНСТИТУЦИИ И ИНСТИТУТЫ ВЛАСТИ АРАБСКИХ СТРАН (на примере Египта, Марокко и Туниса)

В странах Северной Африки на фоне событий, происходящих в Сирии, еще в 2011 г. начался процесс восстановления конституционных институтов и шла их трансформация с учетом изменившейся политической ситуации: в марте в Египте состоялся референдум по поправкам в конституцию, в июле – в Марокко, а в декабре – в Тунисе. Итогом конституционной реформы в этих странах стала победа исламских партий на парламентских выборах, проводившихся на многопартийной основе.

Конституционный референдум в Египте

В Египте референдум проводился в соответствии с объявленной правящим Высшим Советом вооруженных сил (ВСВС) АРЕ программой переходного процесса, реализация которой должна была завершиться в сентябре передачей всей полноты власти в стране гражданским органам управления, сформированным по итогам парламентских и президентских выборов. Референдум, на котором избирателям нужно было одобрить или отвергнуть поправки к конституции, стал четвертым в истории независимого Египта с момента принятия действующего Основного закона в 1970 г. Многие зарубежные СМИ назвали его «важным шагом на пути к демократии после изгнания диктатора», им вторили и «Братья-мусульмане», заявившие о «победе египетского народа». Одобренные поправки Основного закона выглядели вполне адекватным ответом главным требованиям оппозиции.

Поправкам подверглись несколько статей, вызывавших наибольшее раздражение у оппозиции и касающихся прежде

всего статуса главы государства. Полностью была отменена статья 179, которая в конституцию была введена предыдущим референдумом и подняла борьбу с терроризмом на конституционный уровень. Другие поправки касались в основном поста президента республики. Так, в соответствии со статьей 77 Конституции президент Республики теперь имеет право избираться на четыре года (вместо шести) и переизбираться только один раз. Ужесточились требования к кандидату на президентский пост: к участию в предвыборной кампании будут допускаться только кандидаты, которые не имеют другого гражданства, кроме египетского. Жена кандидата также не может быть иностранкой. Изменилась процедура выдвижения на пост президента. Претенденту на высший государственный пост для официальной регистрации теперь достаточно заручиться поддержкой 30 депутатов или собрать подписи 30 тысяч избирателей в 15 египетских провинциях; участвовать в выборах смогут и члены партий, имеющих хотя бы одного депутата в парламенте[1]. Однако реальные рамки политического процесса должно показать текущее законодательство: Закон о выборах президента, Закон о СМИ и др., т.к. правовой инструмент, позволявший партии Х. Мубарака доминировать в политической системе на протяжении нескольких десятилетий, был заложен не столько в самой конституции, сколько в текущем законодательстве (например, в соответствии с действовавшим Законом № 40 от 1977 г. «О системе политических партий» зарегистрировать новую партию было крайне сложно: закон устанавливал целый ряд требований к принципам, задачам, программе, политике и методам осуществления партийной деятельности), в результате чего многие партии в 1990-е годы просто не смогли зарегистрироваться. Без изменений осталась статья 5 конституции, которая вызвала бурные протесты «Братьев-мусульман» в 2007 г., когда был добавлен параграф, запрещающий создание партий и любую политическую деятельность на религиозной основе. Такой запрет уже давно был установлен текущим законодательством АРЕ, но он впервые вводился в конституцию. Осталась и спорная статья 88, которая передает контроль за выборами независимым местным, окружным и центральным избирательным комиссиям, состоящим из судей (оппозиция настаивала на полном судебном мониторинге каждой избирательной урны). Отдельные статьи по-прежнему требуют конкретизации и детализации. Статья 5, например, гласит, что

«граждане имеют право на создание политических партий в соответствии с законом». Такая формулировка позволяет принять нелиберальный закон о политических объединениях и совершенно очевидно требует пересмотра с тем, чтобы гарантировать право политической оппозиции и политическую конкуренцию. Конституция отсылает и к закону, «определяющему порядок проведения выборов и референдума», египетское гражданство (статья 6) также «определяется законом»; отсылают к текущему законодательству и статьи о цензуре, публичных собраниях и демонстрациях, печати и др. Осталась в конституции и статья 93, в соответствии с которой «Народное собрание имеет право решать вопрос о действительности депутатских мандатов. Кассационный суд правомочен разбирать действительность жалоб, представленных в связи с этим в Народное собрание при условии передачи их для рассмотрения в суд председателем собрания»[2]. Эта статья служит правовой основой для партии, получившей большинство мандатов, не выполнять требования о признании мандата недействительным и фактически исключает возможность оспаривать результаты выборов.

Конституция Египта не устанавливает приоритет норм международного права, а шариат является основой египетского законодательства, против чего выступили копты, не одобрившие поправки.

Конституционные полномочия президента все равно остаются достаточно широкими. Конституция АРЕ характеризует президента одновременно как главу государства и лицо, возглавляющее исполнительную власть; президенту поручается контролировать взаимоотношения ветвей власти – законодательной, исполнительной и судебной. В качестве главы исполнительной власти президент совместно с Советом министров разрабатывает общую политику государства и наблюдает за ее осуществлением, он назначает премьер-министра и смещает его с должности, назначает министров и их заместителей, назначает 1/3 членов Консультативного совета и губернаторов областей; президент вправе проводить референдум по любым важным вопросам, касающимся высших интересов страны, предлагать поправки к статьям конституции и т.д. В этой связи понятно требование оппозиции, призывавшей к пересмотру всего текста Основного закона и голосовавшей против частичных поправок. Скорее всего,

в таком виде, в котором эта конституция существует, ее можно рассматривать только как временную.

Тем не менее принятые поправки позволили провести парламентские выборы, которые начались 28 ноября и продолжались до 5 января 2012 г. Выборы проходили по сложной системе в три этапа, в ходе каждого из которых голосование шло в девяти из 27 провинций страны. Первый этап был назначен на 28 и 29 ноября; второй длился с 14 по 21 декабря; третий – с 3 по 10 января. Каждый этап был разделен на два тура: сначала египтяне голосовали по партийным спискам и за отдельных кандидатов от одномандатных округов; затем проходило переголосование за одномандатников, поскольку для победы в первом туре им необходимо было набрать более 50% голосов, что происходит крайне редко. Переголосование по итогам третьего этапа проходило 10 января.

В ходе выборов в нижнюю палату египетского парламента – Народную ассамблею – за депутатские мандаты боролись кандидаты от более чем 40 политических партий. Народную ассамблею представляют 508 депутатов, из которых 498 избираются и 10 назначаются. При этом 332 члена палаты избираются по партийным спискам; 166 – в качестве независимых кандидатов. Что касается бывшей правящей Национально-демократической партии (НДП), то 16 апреля 2011 г. решением суда она была распущена, а ее собственность перешла в распоряжение государства[3].

По итогам выборов убедительную победу одержала Партия свободы и справедливости (ПСС), получив 47% голосов и 230 из 498 мест в парламенте. Следует отметить, что «Братья-мусульмане», учитывая обеспокоенность части египетского общества относительно того, что Ассоциация за демократическими лозунгами скрывает иные цели (введение шариата, ущемление религиозных меньшинств и прав женщин), неоднократно подчеркивали свой открытый характер, стремление строить современное государство, уважать фундаментальные свободы граждан, права женщин и религиозных меньшинств, свободу прессы и собраний. Лидер этой партии Мухаммед аль-Кататни стал спикером парламента.

Салафитская партия «Ан-Нур» («Свет») заняла второе место (набрав 24% голосов), обеспечив себе в общей сложности 120 мест. В целом исламские партии завоевали 3/4 парламентских мест и именно они должны определять дальнейший

путь развития страны и создавать ее законы, включая новую конституцию[4].

С 29 января по 22 февраля в Египте проходили выборы в Консультативный совет (Маджлис аш-шура), однако, по сообщениям информационных агентств, эта избирательная кампания египтянами фактически игнорировалась, что объясняется, по мнению избирателей, отсутствием реальных законодательных полномочий у этого органа государственной власти. При этом исламские партии, получившие большинство голосов на парламентских выборах, выступили за полное упразднение этой структуры[5].

В настоящее время Консультативный совет избирается на основе Декрета-закона № 122 от 2011 года Высшего совета вооруженных сил «О дополнениях некоторых положений закона № 120 от 1980 г. о Консультативном совете» и Закона № 120 от 1980 г. «О Консультативном совете» с последующими дополнениями, включая Декрет-закон № 109 от 2011 г. Согласно этому временному законодательству, Консультативный совет состоит из 270 человек, 2/3 которых избираются прямым и тайным голосованием, а 1/3 назначается президентом страны. 120 из 180 членов Совета избраны через систему избирательных списков (фактически по спискам политических партий) и 60 депутатов прошли по системе индивидуальных кандидатов.

Многие политологи высказывали мнение о том, что этот орган государственной власти в настоящее время, обладая только формальными представительскими функциями, в скором времени будет упразднен как политический атавизм, а сейчас необходим исключительно для того, чтобы вместе с египетским парламентом сформировать конституционную комиссию, которая разработает постоянную конституцию страны. Так ли это на самом деле? Действующее временное законодательство, затрагивающее вопросы формирования и функционирования этой государственной структуры, подробно прописывая процедуру выборов, фактически не затрагивает вопросы полномочий этого органа, отсылая к Временной конституции страны (статьи 194 и 195). Из положений этих статей следует, что Консультативный совет по-прежнему будет рассматривать и давать свои заключения по вопросам, представляющим особую важность в сфере «защиты национального единства и социального мира, фундаментальных основ общества, высших

интересов нации, прав и свобод граждан». Таким образом, принципиальных изменений в полномочия этого органа государственной власти внесено не было, с точки зрения его консультативного характера. Однако обращает на себя внимание подробная процедура принятия законов (прописанная во временной конституции), где Консультативный совет является ее полноценным участником. Так, в соответствии со статьей 194 (3), если возникают разногласия между Народной ассамблеей и Консультативным советом относительно вопросов, входящих в сферу их компетенции, спикер Народной ассамблеи должен вынести этот вопрос на обсуждение совместного Комитета, состоящего из двух спикеров и 14 членов (по 7 человек от Народной ассамблеи и Консультативного совета). Этот Комитет на совместном обсуждении должен выработать окончательный текст спорного вопроса, который после этого повторно выносится для обсуждения на совместном заседании Национальной ассамблеи и Консультативного совета, на которое должно собраться большинство их членов. Решение при этом должно быть одобрено большинством присутствующих. Интересно также, что если Комитет не сможет выработать единую позицию по спорному вопросу, то Народная ассамблея и Консультативный совет на их совместном заседании могут рассмотреть и принять любой текст, одобренный до этого Народной ассамблеей или Консультативным советом.

Таким образом, просматривается желание законодателя трансформировать Консультативный совет в полноценную вторую (верхнюю) палату парламента. Что это может означать для политической ситуации в Египте? Западные ученые, определяющие парламентаризм как баланс властей – законодательной и исполнительной, стремились доказать, что важным средством обеспечения такого баланса является двухпалатная структура парламентов, позволяющая правительству опираться на одну из палат в случае конфликта с другой. В настоящее время в большинстве стран, где функционирует двухпалатный парламент, вторая палата обладает меньшими полномочиями, чем нижняя, и рассматривается скорее как орган, призванный обеспечить всестороннюю взвешенную оценку законопроекта. Хотя с такой позицией согласны далеко не все сторонники теории «баланса властей». Так, французский юрист Р. Фюзийе указывал, что правила парламентского правления должны применяться к соотношению властей, а не их внутренней орга-

низации, а парламентаризм осуществляется при двухпалатной системе не лучше, чем при однопалатной. Однако, в конечном счете, и он признавал, что на решение данного вопроса влияют политические причины, в частности, в унитарных государствах характер второй палаты в некоторых случаях отражает осознанное или неосознанное желание тех, кто создавал конституцию, «умерить демократический наступательный дух первой палаты с помощью более консервативной части представительного органа». Поэтому зачастую вторую палату парламента в унитарных государствах именуют «тормозом» законодательного процесса. Вторые палаты парламентов, которые были созданы в унитарных арабских государствах (Алжир, Тунис, Марокко, Иордания) и рассматривались как составная часть процесса «политической демократизации общества», выполняли именно эту функцию. Ясно, что борьба за власть в Египте еще будет продолжаться, и многое, конечно, будет зависеть от президента этой страны, который вполне сможет влиять на законодательный процесс через назначаемых депутатов (а это треть состава) второй палаты парламента, если таковая будет сформирована.

Однако именно новая конституция, к написанию которой уже приступили, должна определить юридическую базу функционирования всей системы органов государственной власти, очертить рамки их политического взаимодействия и показать, будут ли сохранены экономические и политические привилегии армии, а также прерогативы президента страны, которые он имеет по нынешней конституции.

Поправки к марокканской конституции

Не дожидаясь усиления народных волнений, которые начались в Марокко весной 2011 г. на фоне революционных событий в Тунисе и Египте, власти этой страны сработали на опережение ситуации. Силового подавления манифестантов не было, еще 9 марта король Мухаммед VI выступил с предложением создать комитет, который должен был подготовить проект конституционной реформы. Цель данного проекта, по словам короля – «укрепить основы конституционной, демократической, парламентской и социальной монархии». А уже

2 июля состоялся референдум по принятию новой конституции Марокко, в котором приняли участие 73% избирателей (что продемонстрировало несомненный интерес, проявленный к реформам, т.к. на предыдущих парламентских выборах явка была около 37%), 98% которых одобрили новый Основной закон.

Не вдаваясь в специфику исторического развития Марокко, отметим, что такое быстрое и безболезненное проведение конституционной реформы стало возможным, в том числе, и потому, что в самом Основном законе уже был заложен механизм конституционной трансформации (в отличие, скажем, от Сирии, где политическая система страны не дает возможность властям ее демонтировать, а Башар Асад стоит, по сути, перед необходимостью упразднения собственных форм правления).

Марокко с момента достижения политической независимости в 1956 году пошло по пути эволюционной трансформации монархии, в ходе которой вырабатывалась юридическая основа, позволяющая соблюдать баланс ветвей власти, а само королевство значительно приблизилось к государствам с парламентской формой правления, хотя и с особой специфической властью главы государства. Важную роль в этом процессе сыграла и традиция парламентской борьбы различных политических и этнических сил.

Нынешняя конституционная реформа – это очередной этап эволюционной трансформации монархии, призванной привести юридическую базу в соответствие с новой политической ситуацией, сложившейся в стране и регионе и определить новые принципы и механизм взаимодействия властей. Новая конституция Марокко, одобренная на референдуме 2 июля 2011 г., на 72 статьи больше старой. Основные изменения можно классифицировать следующим образом:

1. Четкое разделение полномочий монарха на «незыблимые», которые не могут быть подвержены в дальнейшее каким-либо изменениям и «законодательные», которыми монарх делится с исполнительной и законодательной властью. При этом личность короля по-прежнему «священна и неприкосновенна», а уважение к нему – долг подданных. Часть законодательных полномочий короля в результате конституционной реформы была передана главе правительства, в частности, он получил право назначать и освобождать от занимаемой должности министров, а также распускать нижнюю палату парламента после консультаций с королем. В обязанности главы правительства

теперь входит «координация деятельности правительства и осуществление контроля за государственной службой». Объявить чрезвычайное положение король может только после консультаций с премьер-министром.

2. В соответствии с новой конституцией королевство впервые закрепляет приоритет норм международного права над внутренним законодательством. Кроме того, конституция значительно расширяет объем предоставляемых гражданам прав: так, появилось новое (даже в международном праве) право на информацию, отдельно выделяется гендерное равенство, подчеркивается обеспечение государством условий для справедливого судебного разбирательства, запрет всех форм дискриминации и практики, унижающей человеческое достоинство, и т.д. Важным является и положение о свободе вероисповедания и отправление религиозных культов (касается это прежде всего христиан, которых, по различным данным, насчитывается в Марокко более 20 тыс. чел.).

В соответствии с поправами теперь Марокко – «страна, обладающая культурно-этническим мгообрахием, важнейшим компонетом которого являются берберы», а берберский язык провозглашается вторым официальным языком государства (это вторая страа в арабском регионе, после Ирака, где теперь будет два официальных языка). Одновременно с этим конституция Марокко предусматривает всевозможное поощрение других языковых и культурных выражений в стране. Интересным в этой связи является и конституционное положение о стратегии государства, которое будет поощрать молодежь «к получению зананий в различных областях и изучению международных языков общения». Кроме того, Основной закон расширяет конституционный статус политических партий, профсоюзов, организаций и групп граждансокго общества за счет введения ряда статей по каждой из этих категорий.

3. Важным изменением, затрагивающим положение премьер-министра, в новой конституции является то, что король на эту должность будет назначать представителя победившей партии. На деле это означает конституционное закрепление механизма парламентской борьбы, что стало характерноц чертой политического процесса Марокко, особенно в последние десятилетия. артийная система (в настоящее время в стране действуют около 15 партий, некоторые из кото-

рых в силу своей малочисленности не имеют никакого веса в политической жизни) находится под довольно жестким контролем монарха, который, умело играя на национальных, этнических, родоплеменных и иных противоречиях, остается в то же время символом политического единства страны (девиз королевства «Аллах, Родина, Король») и тем самым препятствует консолидации оппозиционных сил. Многопартийность активно способствует еще большему дроблению политических сил, активизации меж- и внутрипартийной борьбы и в итоге вызвала уменьшение самостоятельной роли большинства партий (даже такой влиятельной, как «Истикляль»).

С течением времени в стране был фактически создан баланс политических сил с управляемой оппозицией (когда большинство политических партий оказались зависимы от дворцовых кругов), в итоге был сформирован сбалансированный парламент с парламентским центром. Еще в конце 90-х годов обозначился политический курс монархии на создание партийной системы по биполярной схеме западного образца, в основе которой лежал бы противовес основных блоков (в этой связи показательны были выборы в парламент 1997 г., когда у основных блоков оказались примерно одинаковые результаты: правые получили 100 мест, центристы – 97, Демократический блок – 102 места).

Борьба за получение должности премьер-министра, как представляется, будет и в дальнейшем способствовать активизации политической борьбы между различными группировками, для которых теперь очень важно завоевать большинство парламентских мест.

4. В соответствии с конституционными поправками существенно расширяются полномочия парламента. Правительство теперь подотчетно только законодательному органу (ранее – парламенту и королю), которому принадлежат «исключительные полномочия» в сфере законодательства[6].

5. Согласно поправкам, в целях «содействия гражданским институтам и усиления демократии» в Марокко учреждаются новые структуры, которым придается конституционный статус. Это иститут омбудсмена, Совет марокканской диаспоры за рубежом, Высший совет по аудиовизуальной коммуникации. Более того, Основным законом предусмотрено, что посредством законодательных процедур или нормативных актов по мере необходимости в вышеназванных целях могут создаваться и

другие структуры (в своей речи монарх говорил о необходимости создания Совета по правам человека и Совета по делам молодежи). Что касается уже существующих консультативных советов, таких как Экономический и Соуиальный советы, то их полномочия расширяются и включают теперь вопросы экологической безопасности, а также вопросы, связанные с подготовкой научных кадров и проведением научных исследований.

6. Усиливается роль Счетной палаты и региональных судов аудиторов с целью более эффективного контроля за работой чиновников и борьбы с коррупцией, осуществления «принципа прозрачности государственной деятельности, предотвращения безнаказанности, для усиления ответственности и подотчетности государственных органов» (что было одним из основных требований весенних демонстраций, прокатившихся по городам Марокко). Кроме того, конституция предусматривает перераспределение полномочий центральных и региональных органов власти в пользу предоставления больших прав регионам.

После принятия новой конституции в Марокко в ноябре 2011 г. состоялись парламентские выборы, на которых внушительную победу одержала исламская Партия справедливости и развития (ПСР), которая набрала 27% голосов и заняла 107 из 395 мест в парламенте, существенно опередив партию «Истикляль» (60 мест) и Национальное объединение независимых (52 места)[7]. Председатель ПСР Абд аль-Илах бен Киран был назначен королем Мухаммедом VI премьер-министром Марокко. Партия получила в сформированном после выборов правительстве более 1/3 портфелей, включая ключевые посты министров иностранных дел, внутренних дел и юстиции. По мнению многих наблюдателей, победа партии была обеспечена тем, что «она не запятнана коррупцией»[8]. Более того, программа ПСР оказалась «созвучна чаяниям многих марокканцев: ее целями были объявлены увеличение роста ВВП до 7% в год, проведение приватизации и снижение государственного вмешательства в экономику, понижение максимального уровня налогообложения с 30 до 25%»[9].

В одном из первых выступлений в новом качестве бен Киран утверждал, что у его правительства будет пять основных приоритетов: реформа системы юстиции, образования, здравоохранения, борьба с безработицей и развитие жилищного строительства. Он же утверждал, что «новая

конституция не предусматривает наличия министров суверенитета», которых ранее назначал монарх из числа своих самых доверенных приближенных. «Все министры будут назначены монархом по моим предложениям», – заметил он, тут же уточнив, что «стратегические ориентиры на этот счет являются прерогативой короля»[10].

В качестве партнеров ПСР в Палате представителей по правительственной коалиции согласились быть партия «Истикляль», берберская партия «Народное движение» и левая Партия прогресса и социализма. В любом случае ко всем участникам коалиции применимо определение «продворцовые», равно как и к перешедшей в оппозицию партии Социалистический союз народных сил (ССНС). И в этом смысле принципиальных изменений в политической палитре Марокко не произошло, несмотря на формально исламистские парламент и правительство, т.к. реальную исполнительную власть в стране по-прежнему осуществляет дворец. Однако кабинет нового премьер-министра был сильно раскритикован со стороны движения «аль-Адль валь-Ихсан», считающегося самым влиятельным среди исламистских организаций королевства. Оно опубликовало открытое письмо, в котором обвинило ПСР в том, что она заигрывает с дворцом. Это письмо фактически стало ответом «аль-Адль» на многочисленные предложения со стороны представителей руководства ПСР принять участие во властных институтах. Как считает марокканский политолог Мохаммед Дариф, «это письмо адресовано также Западу, оно призвано сказать, что ПСР не представляет все исламистское движение Марокко и являет собой, скорее всего, инструмент в руках режима, призванный сдержать динамику изменений»[11]. Кроме того, эта организация, видимо, хочет дистанцироваться от властных структур из-за опасений, что новое правительство, возглавляемое ПСР, не сможет выполнить заявленную программу и улучшить экономическую ситуацию.

Новая конституция Туниса

23 октября 2011 г. в Тунисе прошли выборы в Учредительное собрание, убедительную победу на которых одержала исламская партия «Ан-Нахда» ("Возрождение")[12], которая получила 41% голосов и 89 мест в 217-местном парламенте. Такого

рода победа исламской партии была вполне ожидаемой, учитывая, что после многолетнего правления Демократического конституционного объединения (ДКО) на политическую арену вышли сразу более 100 политических партий (большинство из которых образовались в последние месяцы после бегства Бен Али), а также независимые депутаты (в общей сложности более 11500 кандидатов претендовали на депутатские мандаты). При этом многие партии были крайне малочисленны, а их названия и программы мало чем отличались друг от друга, что не позволило их лидерам эффективно бороться за голоса избирателей. Ни одна из политических партий не получила абсолютного большинства, необходимого для формирования правительства, т.к. действующая избирательная система все же позволила даже небольшим партиям провести своих депутатов в парламент. Такая парламентская ситуация предполагает дальнейший путь переговоров и компромиссов и необходимость создания коалиций. Программа «Ан-Нахды» состояла из 365 пунктов, претендуя на всеобъемлющий охват и реформу в различных областях, но была вполне понятной и устраивающей большинство населения, т.к. в упрощенном виде предусматривала построение демократического общества с парламентской формой правления, многопартийностью, открытой рыночной экономикой, полным соблюдением гражданских прав, но при сохранении традиционных исламских ценностей.

После победы на выборах в Учредительное собрание «Ан-Нахда» призвала все политические силы страны к национальному диалогу. Пресс-конференцию главы партии Рашида Ганнуши транслировал в прямом эфире спутниковый телеканал «Аль-Джазира». «Мы можем восстановить страну и построить демократическое государство только вместе. Призываем все политические силы Туниса к национальному диалогу», – заявил лидер тунисских исламистов[13].

В декабре 2011 г. Учредительное собрание приняло конституцию на переходный период, избрало президента и утвердило нового премьер-министра. Однако начало формирования новых органов государственной власти не способствовало улучшению внутриполитической ситуации. 1 декабря заседание Национального учредительного собрания Туниса (НУС), посвященное обсуждению нового конституционного законодательства, было практически сорвано. Дворец Бардо окружили 5 тыс. демонстрантов, которые требовали «Свободы! Чести!

Достоинства!», протестовали против угрозы фундаментализма и растущей безработицы. «Ни мини-юбок, ни мусульманского платка!» и «Не трогать преподавателей!» скандировали представители светской интеллигенции, студенты[14].

Плакаты «Мы хотим хлеба, а не бород!» в руках безработных, объявивших публичную голодовку, давали понять, что с приходом к власти исламистов набожные тунисцы отпустили бороду, но уровень безработицы между тем не снизился[15]. 3 декабря в ответ на демонстрации светских кругов 3 тыс. исламистов подняли зеленые знамена движения «Ан-Нахда» и черные – незарегистрированной в Тунисе партии «Хизб ат-Тахрир». Окружив дворец Бардо с противоположного фланга, они требовали соблюдения воли народа, который отдал движению «Ан-Нахда» большинство голосов. Эти события в полной мере отразили борьбу светских и исламистских кругов Туниса.

Временная конституция Туниса, принятая Учредительным собранием на переходный период, представляет собой документ, состоящий из 26 статей, который очертил полномочия высших государственных лиц и порядок принятия будущей постоянной конституции. За этот документ, названный «мини-конституцией», проголосовал 141 депутат, 37 – против, 39 человек бойкотировали голосование, выступив против расширенных полномочий премьера. Согласно новому закону, президент страны уполномочен назначать главу правительства, подписывать законы, принятые Учредительным собранием, объявлять амнистию, а также войну или мир после согласия 2/3 депутатского корпуса. Премьер-министр получил полномочия по назначению министров и других руководящих лиц и определению их должностных обязанностей. Интересным нововведением стала ст. 7 о том, что в случае возникновения непредвиденных обстоятельств вся полнота исполнительной и законодательной власти передается председателю парламента, главе государства и премьер-министру. Новый Основной закон, который планировалось выработать в течение года, будет считаться принятым, если за него проголосует 2/3 состава Учредительного собрания. В том случае, если его не удастся утвердить в двух слушаниях, он будет вынесен на референдум. Между тем в «учредительном законе о временном устройстве государственной власти» ничего не говорилось о сроке действия этого собрания. Ранее его предполагалось ограничить годом. Оппозиция, голосовавшая по этому вопросу за установление

точных временных границ, назвала принятие «мини-конституции» очередным «откатом назад»[16].

Пост президента получил Монсеф Марзуки[17] (лидер партии «Конгресс за республику»[18]): депутаты Учредительного собрания избрали его на этот пост большинством в 153 голоса (трое депутатов были против, двое – воздержались, 44 бюллетеня для голосования остались незаполненными). На инаугурации в Карфагенском дворце 13 декабря М. Марзуки, подчеркнул, что Тунис будет «развивать арабо-мусульманскую идентичность, оставаться открытым миру», добавив, что сам он намерен защищать права женщин и гарантировать право на образование и медицинское обслуживание[19].

Большинство мест в новом правительстве (всего 41 человек) было распределено между исламистами. Так, на должность министра внутренних дел был назначен активист движения «Ан-Нахда» Али Ларайед, юстиции – спикер движения Нуреддин Бхири; внешнеполитическое ведомство возглавил Рафик Бен Абдессалам, зять лидера исламистов Рашида Ганнуши. Кроме того, в ведении членов «Ан-Нахды» оказались министерства здравоохранения; транспорта; высшего образования; окружающей среды; сельского хозяйства; регионального развития и планирования; инвестиций и международного сотрудничества; новое министерство по правам человека. Представителям партии «Конгресс за республику» было отдано 4 портфеля; руководителями 6 министерств были назначены члены Демократического форума за труд и свободу; семь министерств отдано независимым кандидатам. Приоритетом правительственной программы, состоящей из 16 пунктов, стало трудоустройство безработных и компенсация пострадавшим от репрессий режима З.А. Бен Али (всего исламисты обещали создать в течение двух лет 600 тыс. новых рабочих мест).

* * *

Таким образом, новые конституции стран Магриба, создав юридическую основу для функционирования многопартийной системы, позволили наиболее организованным, крупным и старейшим политическим силам этих стран – исламским партиям – одержать убедительную победу на парламентских выборах. При этом победившие партии, всячески подчеркивая свой демократический характер, выступили за «равные права всех граждан» и в целом взяли курс на конституционно-светское развитие с определенными оговорками.

Однако в ближайшее время население будет ждать реализации заявленных этими партиями программ и выполнения предвыборных обещаний. Дальнейшее во многом будет зависеть от того, насколько эффективно исламские партии смогут воспользоваться «кредитом доверия», предоставленным им населением. При этом главные проблемы связаны с современным нестабильным экономическим положением и прежде всего необходимостью решить проблему безработицы, т.к. именно безработный сегмент населения придал динамику всему протестному движению в арабских странах.

Если в ближайшее время правительственная программа пришедших к власти партий не будет выполнена, то нельзя исключать второй революционной волны, в ходе которой симпатии населения могут сместиться в сторону более радикальных группировок.

В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что исламские политические партии, пришедшие к власти, совсем не торопятся принимать новые конституции и кардинально менять систему управления государством путем перераспределения полномочий между исполнительной и законодательной властью в пользу последней. Этот факт дает основание многим обозревателям говорить о формировании новых авторитарных режимов в арабских постреволюционных странах.

[1] Согласно старой конституции Египта, для своего выдвижения кандидату в президенты необходимо было собрать подписи 250 депутатов парламента, что делало невозможным выдвижение независимых кандидатов или кандидатов от партий, не имеющих представительства в парламенте.

[2] Сапронова М.А. Высшие органы государственной власти арабских республик. – М.: АСТ, Восток-Запад, 2007. – С.282.

[3] В Египте шли дебаты по поводу участия бывших руководителей и простых членов НДП, а также лиц, приближенных к режиму Мубарака, в политическом процессе послереволюционного Египта. Однако Высший совет вооруженных сил (ВСВС) до начала избирательного цикла не наложил запрет для бывших членов НДП принимать участие в выборах. Бывшая политическая элита пыталась адаптироваться в новой реальности: бывшие функционеры НДП, используя финансовые средства, оставшиеся в их распоряжении, зарегистрировали более десятка политических партий. В частности, бывший генеральный секретарь НДП Хусама Бадрави зарегистрировал партию «Иттихад» («Союз»).

[4] Куделев В.В. Ситуация в Египте: январь 2012 // Институт Ближнего Востока. – Режим доступа: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html / 11.02.2012

[5] Консультативный совет Египта был создан в 1980 году как своеобразный совещательный орган не только парламента, но и президента, который мог по своему усмотрению его распустить досрочно (в отличие от парламента без проведения референдума). Конституция Египта 1971 г. посвящала этому государственному органу целую главу, в которой определялся довольно широкий круг его полномочий. Совет, в частности, в соответствии со статьей 194 Конституции изучал «вопрос о сохранении принципов революции 1952 г., национального единства, социального мира, союза трудовых сил народа, а также основных составляющих египетского общества, его высших ценностей, прав, свобод и обязанностей граждан, углубления демократической социалистической системы и расширения ее сферы» и давал свои предложения и заключения по этому вопросу. С Советом консультировались при изменении конституции, разработке проектов всех законов, имеющих отношение к парламенту и президенту, к национальному плану развития, при подготовке международных договоров о союзе с другими государствами т.д. По всем вышеперечисленным вопросам Совет должен был давать консультации как президенту страны, так и парламенту, с которым он мог собираться на совместные заседания по требованию президента. Таким образом, Консультативный совет в Египте, базировавшейся на исламском принципе «шура» (приверженность которому составляет основу исламской концепции управления государством, поэтому традиционно используется в мусульманских обществах и государствах), выполнял прежде всего функцию легитимизации принимаемых законов, т.к. формально обеспечивал решение наиболее важных вопросов на коллегиальной основе путем обмена мнениями между представителями различных групп населения.

[6] Усиливается парламентский контроль правительства: глава правительства теперь должен выступать перед парламентом с правительственной программой и отвечать на вопросы о деятельности правительства, а парламентские комитеты имеют право делать запросы министрам и другим должностным лицам о государственной политике.

[7] Les résultats définitifs des élections législslatives du 25 novembre tels que communiqués par l'Intérieur // L'Opinion, Paris, 29.11.2011.

[8] Подцероб А.Б. Марокко: исламисты во власти // Институт Ближнего Востока. – Режим доступа: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html / 2.02.2012

[9] Подцероб А.Б. Ислам во внутренней и внешней политике стран Магриба. – М.: Институт Востоковедения РАН, 2009. – 212 с.

[10] Куделев В.В. Ситуация в Марокко: декабрь 2011 // Институт Ближнего Востока. –
Режим доступа: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html / 9.01.2012
[11] Куделев В.В. Ситуация в Марокко: январь 2012 // Институт Ближнего Востока. –
Режим доступа: http://www.iimes.ru/rus/stat/2012/18-02-12c.htm 19.02.2012
[12] Партия была создана в 1981 г. под названием Движение исламской направленности (ДИН). Главным ее идеологом и одним из основателей считается писатель и мыслитель Рашид Ганнуши. В 1989 г. партия изменила название на «Нахда» (Возрождение) и участвовала в выборах в парламент по спискам независимых кандидатов, получив около 12% голосов избирателей. В 1991 г. была запрещена, а ее лидер покинул страну.
[13] Новая власть Туниса формирует правительство. –
Режим доступа: http://rus.ruvr.ru/2011/10/28/59483494.html
[14] Кашина А.А. Ситуация в Тунисе: декабрь 2011 // Институт Ближнего Востока. – Режим доступа:
http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html – 24.01.2012
[15] http://middle-east-online.com/english/?id=49320
[16] http://www.swissinfo.ch/ara/detail/content.html?cid=31717044
[17] Монсеф Марзуки получил высшее медицинское образование в Страсбурге (1973 г.), где затем работал неврологом. В 1979 г. он вернулся в Тунис и в 1980 г. вступил в Тунисскую лигу за защиту прав человека, а девятью годами позже был избран ее председателем. В 1981–2000 гг. преподавал в университете г. Сус. 30 декабря 2000 г. он был приговорен к году тюрьмы за свою политическую деятельность. 25 июля 2001 г. основал и возглавил оппозиционную партию «Конгресс за республику», которая считалась в Тунисе запрещенной. Постоянные репрессии со стороны властей вынудили М. Марзуки эмигрировать во Францию, откуда он продолжил политическую борьбу. Накануне выборов в НУС М. Марзуки сблизился с движением «Ан-Нахда», что и обеспечило ему президентский пост. Чтобы соблюсти формальности перед принесением присяги М. Марзуки отказался от своей партийной принадлежности.
[18] В этой малочисленной партии, действовавшей больше во Франции, чем в Тунисе, сотрудничали деятели самой пестрой политической палитры: ультралевые, бывшие члены Движения демократов-социалистов, поборники арабского национализма, исламисты.
[19] http://middle-east-online.com/english/?id=49486

И.А.Свистунова

ПОЛИТИКА ТУРЦИИ В ОТНОШЕНИИ СИРИЙСКОГО КРИЗИСА

Внутриполитический кризис в Сирии начался в марте 2011 г. в контексте так называемой «арабской весны», которая привела к свержению правящих режимов в ряде ближневосточных государств. Сирийский кризис принял затяжной характер, превратился в угрозу региональной безопасности и расколол международное сообщество на два лагеря. События в Сирии привели также к резкому изменению политики Турции на сирийском направлении.

До начала волнений в Сирии турецко-сирийские отношения считались примером успешной реализации внешнеполитической стратегии активного развития связей с ближневосточными соседями, взятой на вооружение руководством Турции после прихода к власти Партии справедливости и развития (2002 г.). Осуществлению новой стратегии на сирийском направлении способствовала благоприятная атмосфера, сложившаяся в отношениях двух стран после длительного периода напряженности. Важнейшими предпосылками потепления турецко-сирийских отношений в начале XXI в. стали:

– официальный отказ сирийского руководства от поддержки Рабочей партии Курдистана (РПК), устранивший основную для Турции причину конфликтов с Сирией;
– приход к власти в Сирии в 2000 г. Башара Асада, сопровождавшийся переходом к более гибкому внешнеполитическому курсу и стремлением нормализовать отношения с соседями по региону;
– война в Ираке 2003 г., поставившая Турцию и Сирию перед лицом общей угрозы курдского сепаратизма, обусловив интенсификацию межгосударственных контактов и поиск возможностей для совместных действий в сфере безопасности.

Политическая воля к сближению, проявленная руководством обеих стран, обеспечила распространение позитивного опыта взаимодействия на другие области двусторонних отношений.

За период с 2001 по 2010 гг. объем двусторонней торговли между Турцией и Сирией вырос втрое, приблизившись к отметке 2,3 млрд. долл. по итогам 2010 г.[1] Стоит отметить, что рост торгового оборота произошел за счет увеличения объема турецкого экспорта в Сирию. В результате в торговых отношениях между Анкарой и Дамаском появился устойчивый дисбаланс в пользу Турции, в 2010 г. превысивший 1 млрд. долл.

В 2007 г. Турция и Сирия подписали Договор о свободной торговле, в 2009 г. – Договор об отмене визового режима. В конце 2009 г. по инициативе Турции был создан турецко-сирийский Совет стратегического сотрудничества высокого уровня. Результатом двух заседаний совета стало подписание более 50 соглашений,[2] направленных на развитие многопланового партнерства двух государств в соответствии с предложенным турецкой стороной лозунгом: «Общая судьба, общая история, общее будущее».[3]

Развитие экономических связей использовалось в качестве инструмента для «обнуления проблем» в турецко-сирийских отношениях, в частности, территориального спора из-за вилайета Хатай (Александреттский санджак), присоединение которого к Турции в 1939 году Сирия не признала. Сторонам удалось снизить напряженность проблемы распределения водных ресурсов, договорившись о развитии совместных водных проектов. В частности, в феврале 2011 г. началось строительство турецко-сирийской плотины на реке Аси (Оронт).

Турция и Сирия активизировали дипломатические контакты, регулярный характер приобрел обмен визитами, в том числе на высшем уровне. Можно отметить также, что между турецким премьер-министром Р.Т. Эрдоганом и президентом Сирии Б. Асадом были установлены тесные личные отношения, которые простирались до совместного проведения отпусков семьями лидеров двух государств.

Внутриполитический кризис, разгоревшийся в Сирии весной 2011 года, кардинально изменил вектор развития турецко-сирийских связей, вызвав напряженность, а затем и разрыв отношений двух стран. Анкара приступила к оказанию разноплановой поддержки сирийской оппозиции, безоговорочно вы-

ступая за смену режима в Дамаске. Таким образом, турецко-сирийские отношения второй раз за последнее десятилетие пережили резкую трансформацию, ставшую предметом оживленных дискуссий как турецких, так и зарубежных политологов.

Реакцию Турции на волнения в Сирии невозможно рассматривать в отрыве от общего подхода Анкары к событиям «арабской весны». Турция, претендующая на роль регионального лидера, попыталась воспользоваться потрясениями в арабском мире для того, чтобы усилить свое влияние в регионе, распространяя собственный опыт демократизации и либерализации. В соответствии с этим Анкара сделала ставку на поддержку протестных движений, характеризуемых турецким руководством исключительно как «демократические».

В случае Сирии данный подход наталкивался на препятствие в виде динамичного развития турецко-сирийских отношений в период правления президента Б. Асада. Процесс расширения сотрудничества двух государств объективно отвечал интересам и чаяниям значительной группы граждан Турции, особенно жителей шести приграничных с Сирией турецких провинций, составляя основу их экономического благополучия. Именно по этой причине Анкара довольно долго (на протяжении полугода после начала волнений в Сирии) воздерживалась от резких заявлений и разрыва отношений с Дамаском. Официальная реакция Анкары на начало беспорядков в Сирии не носила «антиасадовского» характера. В заявлении турецкого МИДа выражалась поддержка намерению Б. Асада провести расследование трагических инцидентов и приступить к реформам в политической, социальной и экономической сферах. При этом Анкара заявила о готовности участвовать в процессе реформ в Сирии.[4] Стоит отметить, что это было единственное официальное заявление турецкого внешнеполитического ведомства, посвященное событиям в Сирии за период с марта по сентябрь 2011 года.

Турция стремилась взять на себя роль «координатора» реформ в Сирии, по сути дела, изначально ставя перед собой задачу активного участия в трансформации социально-политического облика сирийского общества и оказывая все возрастающее давление на Дамаск.

С точки зрения методов воздействия на сирийский режим, использовавшихся Анкарой в ходе кризиса, можно условно выделить несколько этапов развития политики Турции в отношении

сирийского варианта «арабской весны». Необходимо отметить, что обозначенные ниже направления и методы воздействия во многом являются пересекающимися и взаимодополняющими и переход к «новому этапу» означал расширение внешнеполитического инструментария Анкары.

На первом этапе, продолжавшемся с марта по август 2011 г., руководство Турции пыталось «уговорить» Б. Асада провести социально-политические реформы в Сирии и предлагало «поделиться собственным опытом» демократических преобразований. Данный вопрос многократно поднимался турецким руководством в ходе контактов с сирийскими коллегами.[5]

Завершающим эпизодом данного процесса стал визит в Дамаск министра иностранных дел Турции А. Давутоглу 9 августа 2011 г. Накануне визита премьер-министр Турции Р.Т. Эрдоган заявил о том, что «отправляет Давутоглу в Дамаск с последним предупреждением правительству Асада».[6] Переговоры турецкой делегации с руководством Сирии, продолжавшиеся 6 часов, не принесли результата. Стороны остались на своих позициях: Турция с призывом к Дамаску прекратить использование силы, Сирия с выражением решимости противостоять террористам.[7]

Второй этап развития турецкой политики в отношении Сирии характеризовался переходом Анкары к активному политическому и экономическому давлению на Дамаск и к попыткам «урегулировать проблему» на региональном уровне, поддерживая ведущую роль Лиги арабских государств в решении сирийского вопроса.

Турция приступила к открытой поддержке сирийской оппозиции. Первая конференция сирийской оппозиции на территории Турции состоялась еще в мае 2011 года в городе Анталья,[8] а 2 октября 2011 г. в Стамбуле было объявлено о создании Сирийского национального совета (СНС), призванного стать коалиционным органом, объединяющим силы оппозиции.[9] В декабре в Стамбуле был открыт офис СНС.[10]

Знаковым моментом формирования турецкой стратегии в отношении сирийского кризиса стала встреча Р.Т. Эрдогана с президентом США Б. Обамой на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке в конце сентября 2011 г. Тогда премьер-министр Турции впервые на международном уровне заявил, что его страна «прекратила переговоры с руководством Сирии», к которому у Анкары «не осталось доверия».[11]

Р.Т. Эрдоган сообщил также о намерении Турции последовать примеру Вашингтона использовать санкции в отношении Дамаска и о том, что турецкому МИДу поручено разработать детали санкционного режима.[12]

30 ноября 2011 г. министр иностранных дел Турции официально объявил о том, что «в соответствии с указаниями президента и премьер-министра» в отношении Сирии вводится «пакет санкций», состоящий из девяти пунктов:

1. Работа Совета стратегического сотрудничества высокого уровня приостанавливается «до момента прихода к власти в Сирии легитимной власти, которая не будет идти против своего народа».

2. Вводится запрет на въезд в Турцию для представителей сирийских властей, причастных к применению силы против населения, и для бизнесменов, активно поддерживающих правящий режим. Имущество данных лиц на территории Турции подлежит аресту.

3. Приостанавливается продажа сирийской армии любых видов вооружения и боеприпасов.

4. Вводится запрет на транзит третьими странами через территорию, воздушное пространство или территориальные воды Турции любых видов вооружения и боеприпасов, предназначенных для сирийской армии.

5. Приостанавливаются отношения с Центральным Банком Сирии.

6. Замораживаются все финансовые активы сирийского правительства, размещенные в Турции.

7. Приостанавливается кредитование сирийского правительства.

8. Приостанавливается взаимодействие с Коммерческим банком Сирии.

9. Замораживается соглашение о кредитовании, подписанное Эксимбанком с целью финансирования инфраструктурных проектов в Сирии.[13]

Перечисленные меры, впоследствии расширенные и дополненные, составили основу турецкого режима санкций в отношении руководства Сирии.

С целью консолидации региональных усилий по смене режима в Сирии министр иностранных дел Турции А. Давутоглу принял участие в ряде совещаний ЛАГ. Турция поддержала решение о приостановке членства Дамаска в этой организации

в ноябре 2011 г. и заявила о намерении координировать с ЛАГ свои действия в отношении Сирии.[14] Поддержку Анкары вызвало также введение ЛАГ санкций, которые включали девять позиций, по своему содержанию близких турецкому аналогу.[15]

В этой связи президент Б. Асад выступил с резким заявлением, в котором говорилось, что «у некоторых в сознании еще жива мечта об Османской империи. И хотя им известно, что это напрасная мечта, выкрикивая религиозные лозунги, они пытаются использовать политические партии для установления своего господства в арабском мире».[16]

Осенью 2011 г. в турецких провинциях Газиантеп, Килис и Хатай были созданы специальные лагеря для беженцев из Сирии. В числе беженцев, разместившихся на территории Турции, находились также члены «Свободной армии Сирии», ведущей вооруженную борьбу с правительственными войсками. Пребывание в Турции руководителя данного вооруженного формирования – дезертировавшего из сирийской армии полковника Рияда Асаада послужило причиной критики правительства ПСР со стороны турецкой оппозиции. Депутат Народно-республиканской партии Р. Эрйылмаз, представляющий граничащую с Сирией турецкую провинцию Хатай, неоднократно обращался через парламент к министру иностранных дел А. Давутоглу с вопросами о пребывании в Турции боевиков «Свободной армии Сирии» и о поддержке оружием, инструктажем и тыловым обеспечением, которую Турция оказывает сирийским повстанцам.

В одном из своих ответов А. Давутоглу признал, что полковник Асаад находится в лагере беженцев в Турции,[17] но опроверг утверждения о том, что сирийские повстанцы получают от Турции помощь.[18]

В феврале 2012 г. Р. Эрйылмаз снова адресовал аналогичные вопросы министру иностранных дел, а также попросил прокомментировать распространившиеся в турецкой и зарубежной прессе высказывания полковника Рияда Асаада. Лидер «Свободной армии Сирии» говорил, что находится под охраной турецких спецслужб, получает помощь и из Турции осуществляет руководство подрывными операциями на территории Сирии.[19]

Третий этап развития турецкой политики в отношении сирийского кризиса связан с попытками вынести вопрос о Сирии на глобальный уровень, добившись резолюции ООН, осуж-

дающей действия Дамаска. Анкара активизировала усилия на данном направлении, убедившись в том, что решить вопрос исключительно на уровне ЛАГ не представляется возможным.

Однако надежды Турции на изменение позиции России по ситуации в Сирии не оправдались. После того, как Россия и Китай, воспользовавшись правом вето, заблокировали 4 февраля 2012 г. резолюцию по Сирии в СБ ООН, как открывающую путь к смене режима в Сирии по ливийскому сценарию, премьер-министр Турции Р.Т. Эрдоган выразил «огорчение и обеспокоенность» в связи с действиями России.[20]

Турция выступила в числе инициаторов принятия 16 февраля резолюции Генассамблеи ООН, которая носила рекомендательный характер для международного сообщества и была призвана оказать психологическое давление на Дамаск. Резолюция практически полностью воспроизводила текст «заветированного» проекта резолюции Совета Безопасности, в котором содержалась односторонняя оценка ситуации, возлагающая вину за события в Сирии исключительно на правительство Б. Асада. В заявлении турецкого МИДа, посвященном принятой резолюции, говорилось, что «сирийский режим утратил свою легитимность в глазах международного сообщества».[21]

Четвертым этапом развития политики Анкары можно считать попытки содействовать смене режима в Дамаске, объединив усилия отдельных государств, сочувствующих противникам президента Б. Асада. Турция активно участвовала в организации встреч «Группы друзей Сирии», первая из которых состоялась в феврале 2012 г. в Тунисе.

Местом проведения второй встречи «Группы друзей Сирии» в апреле 2012 г. стал Стамбул. Целью встречи была объявлена «координация усилий международного сообщества по урегулированию кризиса в Сирии и выработка общей позиции».[22] Усилия международного сообщества, о которых шла речь, предполагали безоговорочную поддержку оппозиции. При этом на повестку дня ставилась исключительно «деятельность оппозиции, направленная на осуществление в Сирии демократических преобразований в соответствии с законными требованиями и ожиданиями народа»[23], а роль оппозиции в продолжении насилия в Сирии полностью игнорировалась.

Турция приветствовала создание «Национальной коалиции сирийской оппозиции» 12 ноября 2012 г. в Дохе, отметив, что «впервые была создана столь представительная структура».

Анкара настаивала на том, что «международное сообщество обязано выполнить свои обязательства по оказанию помощи и поддержки оппозиционерам как законным представителям сирийского народа».[24] На встрече министров иностранных дел стран Организации исламского сотрудничества 15 ноября 2012 г. А. Давутоглу также заявил, что Турция признает «Национальную коалицию сирийской оппозиции» «законным представителем сирийского народа».[25]

Осенью 2012 г. возросла напряженность на турецко-сирийской границе. После нескольких инцидентов с разрывами на турецкой территории артиллерийских снарядов, выпущенных с территории Сирии, в октябре парламент Турции предоставил правительству разрешение на проведение трансграничных военных операций в отношении Сирии. В ноябре правительство Турции официально обратилось к НАТО с запросом на размещение системы ЗРК «Пэтриот» на турецко-сирийской границе. Одновременно Анкара активизировала обсуждение вопроса о создании «буферной зоны» на севере Сирии.

Таким образом, к концу 2012 г. турецко-сирийские отношения представляли собой самый болезненный вопрос внешней политики Анкары, отразившийся и на ситуации внутри Турции.

Итогом турецкой политики касательно кризиса в Сирии стало охлаждение отношений с такими важными для Анкары странами-соседями, как Иран и Ирак, а также возникновение разногласий с Россией, сотрудничество с которой является одним из приоритетов внешней политики Турции последних лет.

Затянувшаяся нестабильность в Сирии способствовала обострению проблемы курдского терроризма в Турции. Наплыв сирийских беженцев поставил перед Турцией вопросы обеспечения их содержания и поддержания безопасности в провинциях, где расположены лагеря беженцев, в числе которых на территории Турции скрываются члены вооруженных формирований. К концу 2012 года численность сирийских беженцев в Турции превысила 120 тыс. человек.[26] По заявлению турецкого министра финансов М. Шимшека, расходы бюджета на содержание беженцев составили 400 млн. лир[27] (около 220 млн. долл.). Турция понесла значительный ущерб от разрыва экономических связей с Сирией, который особенно остро испытали на себе жители приграничных с нею турецких провинций. За период с января по октябрь 2012 г. объем торговли между двумя странами

составил 497 млн. долл., в то время как показатель за аналогичный период 2011 г. достигал почти 1,8 млрд. долл.[28]

Представляет интерес отношение граждан Турции к политике правительства в сирийском вопросе. В турецком обществе не существует единства мнений по поводу Сирии, как об этом свидетельствуют данные опроса, проведенного специалистами турецкого исследовательского центра «Бильгесам». В опросе приняли участие 1547 человек, 45% из которых ответили, что считают политику правительства в сирийском вопросе верной, а 55% заявили, что находят политику Турции в отношении Сирии ошибочной.[29] На вопрос, должна ли Анкара поддерживать сирийскую оппозицию, утвердительно ответили 40,9% респондентов, отрицательно – 59,1% участников опроса.[30] Полярные мнения вызвал также вопрос о том, «какими должны быть действия Турции в отношении событий в Сирии?»: 43,4% опрошенных ответили, что «Турция должна поддерживать урегулирование проблемы путем переговоров»; 32,7% респондентов выразили мнение, что «проблема является внутренним делом Сирии, которое не касается Турции»; 21,8% принявших участие в опросе считают, что «Турция должна поддержать международную вооруженную интервенцию».[31]

Турецкие политологи Атилла Сандыклы и Али Семин следующим образом охарактеризовали политику Анкары в отношении сирийского кризиса: «Внимание Турции к сирийскому кризису естественно, учитывая региональный вес Турции и ее географическую близость к Сирии. Вместе с тем необходимо постоянно помнить о том, что вмешательство в процесс решения бесчисленных проблем Ближнего Востока приводит к вовлечению в данные проблемы. Турция не смогла предугадать, что кризис в Сирии будет развиваться по сценарию, отличающемуся от смены власти и последующих процессов в Тунисе, Египте, Ливии и Йемене. Произошло вовлечение Турции в события. Анкаре не удалось правильно оценить перспективу превращения кризиса в Сирии в проблему регионального и глобального масштаба».[32]

События в Сирии поставили Турцию перед непростым внешнеполитическим выбором между отвечающими турецким интересам отношениями с правительством Б. Асада и поддержкой оппозиции в соответствии с общим подходом Анкары к событиям «арабской весны». Выбор в пользу оппозиции и стремление Турции играть ведущую роль на Ближнем Востоке пре-

вратили ее в одного из наиболее активных противников Дамаска в условиях сирийского кризиса. Затяжной характер конфликта в Сирии, очевидно, ставший неожиданностью для турецких политиков, определил обращение Анкары к различным формам давления на сирийский режим, тем не менее, не принесших ощутимых результатов на протяжении полутора лет. В то же время влияние сирийского кризиса стало все более заметным в самой Турции, затрагивая сферу экономики, безопасности, а также вызывая раскол в турецком обществе и сомнения в правильности внешнеполитического курса правящей партии.

Представляется, что в сложной ситуации, которая сложилась вокруг Сирии к концу 2012 г., наиболее опасным для Анкары сценарием будет вооруженная интервенция в соседнее государство. Внешнее вооруженное вмешательство в сирийский конфликт объективно противоречит национальным интересам Турции хотя бы по той причине, что не дает никаких гарантий сохранения турецкого влияния в Сирии и несет угрозу создания на турецкой границе зоны затяжной нестабильности, подобной Ираку.

---

[1] Ülkelere Göre Dış Ticaret // http://www.ekonomi.gov.tr/index.cfm?sayfa=7155BE01-D8D3-8566-45208351967592CF

[2] Türkiye – Suriye YDSİK 1. Toplantısı Ortak Bildirisi, 22-23 Aralık 2009, Şam // http://www.mfa.gov.tr/turkiye---suriye-ydsik-1_-toplantisi-ortak-bildirisi_-22-23-aralik_-sam.tr.mfa

[3] Türkiye ile Suriye arasında vize kalktı // http://www.sabah.com.tr/Gundem/2009/10/14/turkiye_ile_suriye_arasinda_vize_kalkti

[4] Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı Açıklaması No: 82, Suriye'deki Olaylar Hakkında, 25 Mart 2011 // http://www.mfa.gov.tr/no_-82_-25-mart-2011_-suriye_deki-olaylar-hk_.tr.mfa

[5] 2013 Yılına Girerken Dış Politikamız. Dışişleri Bakanlığı'nın 2013 Mali Yılı Bütçe Tasarısının TBMM Plan ve Bütçe Komisyonu'na Sunulması Vesilesiyle Hazırlanan Kitapçık. Ankara, 2012. – С. 62.

[6] Esad'a son uyarı. Yeni şafak. 9 Ağustos 2011 // http://yenisafak.com.tr/Politika/?t=07.08.2011&i=334178

[7] 6 saatlik kritik görüşmeden ilk detaylar // Hürriyet, 9 Ağustos 2011 // http://www.hurriyet.com.tr/planet/18446872.asp

[8] Antalya'da Suriye gerginliği // Hürriyet, 31 Mayıs 2011 // http://www.hurriyet.com.tr/planet/17918537.asp
[9] Suriye Ulusal Konseyi İstanbul'da kuruluyor // Hürriyet, 2 Ekim 2011 // http://www.hurriyet.com.tr/planet/18880630.asp
[10] Suriye Ulusal Konseyi İstanbul'da ofis açtı. 14 Aralık 2011 // http://www.zaman.com.tr/newsDetail_getNewsById.action?haberno=1215011&title=suriye-ulusal-konseyi-istanbulda-ofis-acti
[11] Erdoğan – Obama zirvesinden yaptırım çıktı! 21 Eylül. 2011 // http://www.ntvmsnbc.com/id/25252435/
[12] İbid.
[13] Dışişleri Bakanı Davutoğlu'nun Suriye yaptırımları açıklaması // Hürriyet, 30 Kasım 2011 // http://www.hurriyet.com.tr/planet/19360440.asp
[14] Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı Açıklaması No: 255, Arap Ligi'nin 12 Kasım tarihinde Suriye hakkında almış olduğu karar Hakkında, 13 Kasım 2011 // http://www.mfa.gov.tr/no_-255_-13-kasim-2011_-arap-ligi_nin-12-kasim-tarihinde-suriye-hakkinda-almis-oldugu-karar-hk_.tr.mfa
[15] Suriye'ye Yaptırım Kararı. 28 Kasım 2011 // http://www.bianet.org/bianet/dunya/134341-suriyeye-yaptirim-karari.
[16] İbid.
[17] http://www2.tbmm.gov.tr/d24/7/7-4626s.pdf
[18] Davutoğlu: Özgür Suriye Ordusunu eğitmiyoruz // Milliyet, 12 Şubat 2012 // http://siyaset.milliyet.com.tr/davutoglu-ozgur-suriye-ordusunu-egitmiyoruz/siyaset/siyasetdetay/12.02.2012/1501115/default.htm
[19] http://www2.tbmm.gov.tr/d24/7/7-4626s.pdf
[20] Erdoğan'dan Rusya'ya Suriye çıkışı! // Milliyet, 08 Şubat 2012 // http://siyaset.milliyet.com.tr/erdogan-dan-rusya-ya-suriye-cikisi-/siyaset/siyasetdetay/08.02.2012/1499692/default.htm
[21] Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı Açıklaması No: 48, BM Genel Kurulu' nun Suriye Kararı Hakkında, 18 Şubat 2012 // http://www.mfa.gov.tr/no_-48_-bm-genel-kurulu_-nun-suriye-karari-hk_.tr.mfa
[22] Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı Açıklaması No: 92, Suriye Halkının Dostları Grubu'nun İkinci Konferansı Hakkında, 30 Mart 2012 // http://www.mfa.gov.tr/no_92_-30-mart-2012_-suriye-halkinin-dostlari-grubu_nun-ikinci-konferansi-hk_.tr.mfa
[23] İbid.
[24] Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı Açıklaması No: 256, Suriye Muhalefetinin Yeni Bir Yapılanmaya Gitmesi Hakkında, 12 Kasım 2012 //

http://www.mfa.gov.tr/no_256_-12-kasim-2012_-suriye-muhalefetinin-yeni-bir-yapilanmaya-gitmesi-hk_.tr.mfa

[25] Турция признала коалицию сирийских оппозиционеров – Давутоглу // http://ria.ru/arab_sy/20121115/910911087.html#13560783351542&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration

[26] Mülteci sayısı birçok ilin nüfusunu geçti. Milliyet // http://gundem.milliyet.com.tr/multeci-sayisi-bircok-ilin-nufusunu-gecti/gundem/gundemdetay/17.11.2012/1628253/default.htm

[27] Suriyeli sığınmacılara 400 milyon lira harcandı // Cumhuriyet, 16 Ekim 2012 // http://www.cumhuriyet.com.tr/?hn=371902

[28] Türkiye Cumhuriyeti Ekonomi Bakanlığı. Ülkelere Göre Dış Ticaret Hacmi ve Dengesi // http://www.ekonomi.gov.tr/index.cfm?sayfa=7155BE01-D8D3-8566-45208351967592CF

[29] Salih Akyürek, Cengiz Yılmaz. Suriye Sorunu ve Türk Dış Politikasına Toplumsal Bakış / BİLGESAM Yayınları. Ankara, 2012. – С. 8.

[30] Там же, с. 10.

[31] Там же, с. 16.

[32] Atilla Sandıklı, Ali Semin. Bütün Boyutlarıyla Suriye krizi ve Türkiye / BİLGESAM Yayınları. Ankara, 2012. – С. 29–30.

С.Ю.Серёгичев

ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ ФАКТОРЫ СУДАНО-СУДАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Разделение Судана в 2011 году породило множество проблем и вопросов, одним из которых стал вопрос о механизме и сути отношений между Республикой Судан (РС) и Республикой Южный Судан (РЮС). Без четкого и ясного представления об этом механизме невозможно понять текущую общественно-политическую и социально-экономическую ситуацию в обоих суданских государствах.

Представляется, что можно выделить несколько факторов внутренней и внешней политики как Хартума, так и Джубы, которые будучи объединенными в сложный комплекс, определяют всю противоречивую гамму межсуданских отношений: нефтяной фактор, особенности политических идеологий РС и РЮС и помноженные на них личные амбиции северо- и южносуданских политиков, милитаристский фактор в лице разветвленных кланов силовиков по обе стороны межсуданской границы, влияние ведущих мировых и региональных игроков на суданском поле.

Нефть и споры по разделу доходов от неё большинством экспертного сообщества давно признаются если не единственными, то уж точно главными «двигателями» всех политико-экономических процессов в суданском регионе[1].

Вот и последний межсуданский кризис красноречиво именуется «нефтяной войной»: он начался в январе-феврале 2012 г., когда зашли в тупик переговоры между Джубой и Хартумом по поводу цены за транзит южносуданской нефти по северосуданскому нефтепроводу (южане настаивали на цене в 1 доллар США за баррель нефти, северяне – на 36 долларах[2]), в результате чего Хартум присвоил себе, по мнению южносуданской стороны, 2,4 млн. барр. южносуданской нефти (по другим сведениям, – 1,4 млн. барр.[3]) в счет оплаты своих расходов (за-

долженность южан, по оценке властей РС, составила 727 млн. долл.[4]) по обеспечению нефтяного транзита, а Джуба, назвав, как было уже указано выше, данный шаг северян воровством, в ответ на это прекратила 20 января 2012 г. добычу нефти[5].

Споры за пропорции раздела нефтедолларовой выручки между РЮС и РС шли более полугода, нанеся немалый урон экономикам обоих государств (так, вследствие прекращения добычи нефти половина населения Юга, 4,7 млн. человек, по данным новейшего исследования Продовольственной и аграрной организации ООН, недоедают, а половина из этих людей находится на грани голодной смерти и полностью зависит от гуманитарной помощи[6]), особенно принимая во внимание их зависимость от добычи и продажи углеводородного сырья (бюджет РЮС более чем на 80% зависит от продажи нефти[7], бюджет РС на 20–40%[8], по другим данным, доля нефтедолларов в структуре северосуданских доходов составляет 60–70%[9]).

Тяжелый переговорный процесс по этой проблеме при посредничестве Афросоюза завершился подписанием 27 сентября 2012 года в Аддис-Абебе целого комплекса рамочных двусторонних соглашений: о банковском сотрудничестве, границах, экономическом сотрудничестве, торговле, сотрудничестве почтовых служб, по вопросам безопасности, гражданства, нефти и кооперации.

Соглашение о добыче и транзите нефти должно было положить конец «нефтяной войне» между РЮС и РС. С этого момента и вплоть до пересмотра этого вопроса обеими сторонами плата за транспортировку южносуданской нефти равняется 8,4 долл. США за баррель (транзитные мощности GNPOC) или 6,5 долл. США (транзитные мощности Petrodar) плюс цена за «вход» в северосуданские нефтеперегонные системы в размере 1,6 долл. США[10]. При этом с РЮС отдельно взимается транзитная пошлина в размере 1 долл. США, как того и хотела Джуба, правда, подразумевая под этим стоимость «прокачки» барреля нефти[11].

Помимо этого, РЮС взяла на себя обязательство предоставить РС в течение трех с половиной лет в рамках так называемого механизма финансирования нефтяного транзита (transitional financial arrangement, TFA) трансферт в размере 3,028 млрд. долл.[12] TFA призван погасить задолженность Джубы перед Хартумом за услуги по транспортировке нефти и стать гарантией бесперебойной оплаты таких услуг в будущем, по крайней мере, в течение 2012–2016 гг. При этом уже прока-

ченная РС южносуданская нефть, из-за которой и начался кризис, приведший к общесуданскому нефтяному шоку, будет оплачиваться по цене в 15 долл./ барр.[13]

Можно с большой долей уверенности предположить, что в лучшем случае межсуданское соглашение по нефтяному транзиту заложит основы для нормального переговорного процесса, результатом которого станут новые соглашения в этой столь «деликатной» для обоих партнеров области, в худшем случае Хартум и Джуба могут опять вернуться к силовой практике решения проблем.

Для того, чтобы «нефтяные войны» между ними безвозвратно ушли в далекое прошлое, необходимо диверсифицировать экономики РЮС и РС, но проблема состоит в том, что подобные структурные изменения требуют огромных расходов, а это значит, что, как минимум, в среднесрочной перспективе (10–15 лет) обоим «соседям» придется активно развивать нефтедобывающий комплекс, включая транспортные сети, направляя значительную часть нефтедолларов на развитие других отраслей промышленности и сферы услуг, а также системы образования (особенно это актуально для Южного Судана).

Однако для такого развития событий необходимо изменение идеолого-политических систем в обеих суданских республиках. При всей кажущейся их разности и непохожести они скорее напоминают близнецов-братьев, чем пример диаметрально противоположных явлений. И на Севере, как и на Юге, одной из центральных фигур внутренней и внешней политики остается образ коварного врага, замышляющего разнообразные козни против «невинных» северян/южан.

Причем, что очень интересно и столь же легко объяснимо, в «любовном» пестовании образа внешнего врага активно преуспели именно южане, пугающие жупелом «угрозы с Севера» как себя, так и весь остальной мир. Объясняется это полным провалом их политики реформ во всех без исключения сферах жизнедеятельности независимого Юга, которые обещал своим избирателям президент РЮС Сальва Киир год назад.

Возможно, ещё одной из причин напряженных отношений между РЮС и РС, временами балансирующих на грани тотальной войны, являются особенности психологии руководителей высшего звена в обоих государствах. Их, с известной долей условности, можно назвать «детьми войны», правда, при этом надо учитывать некоторые нюансы.

Так, южане искренне считают, что это они выиграли обе гражданские войны, и поэтому уверены в эффективности наступательных военно-политических средств и методов, часть которых продолжают использовать против Хартума, поддерживая повстанческие движения в Абъее, Южном Кордофане, Голубом Ниле (в этих двух штатах под видом местных повстанцев действуют 9-я и 10-я дивизии СНОА[14]) и Дарфуре, официально используя агрессивную антихартумскую риторику и др.

По сути, для лидеров Южного Судана их государство представляет собой большую разновидность партизанского лагеря, где главное – это количество стрелков, оружия и боеприпасов, а не учителей, врачей, учебников, которыми врага не победить. Здесь они удивительно схожи с северянами-махдистами, которые на первых порах управляли своим государством как военным лагерем[15].

Единственное отличие в том, что их лагерь был более прочным и монолитным, нежели южносуданский, раздираемый на части вследствие кланово-племенных противоречий, помноженных на амбиции местных политических царьков и огромное количество современного вооружения и обученных им пользоваться людей, не признающих никакой другой работы, кроме воинского ремесла.

У северосуданской политической элиты присутствует немного другой подход, они в отличие от их южных коллег не считают себя победителями двух гражданских войн, гордясь тем, что сумели заключить выгодные для себя мирные соглашения, как в 1972, так и в 2005 г. Для большинства хартумских политиков, невзирая на их публичные заявления[16], тотальная война с Югом – исключительно оборонительное средство, решиться на применение которого можно лишь полностью исчерпав весь арсенал мирных политико-дипломатических средств.

Можно ли надеяться на то, что со временем (лучше раньше, чем поздно) эта картина жесткого идеолого-политического клинча, грозящего разрешиться масштабным вооруженным конфликтом, станет лишь частью бурной истории суданского региона?

Можно высказать предположение, что если оба партнера – РЮС и РС – наконец на деле осознают полную взаимозависимость друг от друга в процессе создания успешных во всех планах государств и прекратят вести междоусобные войны, будь то в нефтяной или какой-либо иной сфере их совместного бытия, то враждебные отношения между ними канут в прошлое.

Если же Джуба и Хартум продолжат попытки выяснения отношений вооруженными методами или через политическое противостояние, то в данном регионе надолго установится режим политической нестабильности.

Скорее всего, северяне и южане останутся верны второму варианту, как наиболее проверенному временем, периодически подписывая те или иные соглашения, формально призванные урегулировать конфликты и восстановить нормальные отношения между конфликтующими сторонами, как это хорошо видно на примере отношений Республики Судан и Чада.

Кроме этого, Хартум навряд ли захочет в ближайшее время кардинально менять свою идейно-политическую доктрину, т.к. имеет перед глазами пример сецессии Южного Судана, ради сохранения которого в составе единой страны северосуданская политическая элита пошла на немалые жертвы и готова была пойти даже дальше: создать конфедеративное государство с неизбежной в подобном случае ревизией основных идеологических принципов, используемых на Севере.

Речь идет о том, что президент РС Омар аль-Башир и его окружение вполне могли бы дать «зеленый свет» практической реализации проекта Джона Гаранга «Новый Судан» (построение «суверенной, демократической, децентрализованной, поликультурной, полирасовой, полиэтнической, поликонфессиональной и многоязычной страны»[17]), лишь бы это убедило южан не отделяться от Севера.

Но эти уступки Хартума ради конфедеративного «Нового Судана», так и не были по достоинству оценены Джубой, а поэтому говорить о том, что северяне захотят резко изменить свою политику и идеологию ради поддержания хороших отношений с отделившимся Югом, вряд ли можно. У них просто нет в настоящее время серьезных стимулов для такой масштабной и глубинной трансформации общественно-политического ландшафта Северного Судана.

Равно как их нет и у Южного Судана, для которого подобные вопросы утрачивают всякий смысл на фоне постоянной каждодневной борьбы за выживание, когда сытое и безопасное существование важнее правильной или неправильной идеологии. Соответственно если идеологические концепты времен гражданских войн дают возможность неплохо жить, удерживая власть в своих руках, значит, южносуданской правящей элите нет нужды их на что-то другое менять.

В этой связи трудно не согласиться с выводом, сделанным специалистами Фонда Карнеги: «Обе стороны [*РЮС и РС – авт.*], возможно, были настолько ошеломлены размахом проблем, стоящих перед их лицом, что им показалось спасением то, в чем они имеют большой опыт, – то есть война»[18].

Есть и ещё более интересный взгляд на природу меж- и внутрисуданских конфликтов как прошлого, так и современности. Его отстаивает исследователь Петрус де Кок из Правления Программы африканских ресурсов при Южноафриканском институте международных дел. Он считает, что основой любой суданской государственности выступает контроль за ресурсной базой. Отсюда следует вполне закономерный вывод де Кока: «Будущее Северного и Южного Судана зависит от пересмотра (и, говоря жестко, перестройки) того, как государство управляет конфликтом, который связан с оспариванием претензий на контроль и доступ к ресурсам»[19].

Иными словами, вся история Судана, по крайней мере XX века уж точно, есть летопись постоянных больших и малых конфликтов за ресурсы и их распределение как на уровне центральной власти, так и на региональном и локальных уровнях. Чаще всего эти конфликты проходили в плоскости «центр-периферия»[20].

Важным фактором межсуданской политики является влияние на внутреннюю и внешнюю политику, оказываемое военным лобби РЮС и РС, заинтересованными в как можно более длительном сохранении напряженных отношений между двумя странами. Данное лобби выражает интересы достаточно немалой части населения обеих стран, привыкших работать на войну и неспособных перестроиться на рельсы мирной жизни.

Проблема демилитаризации пограничных районов РЮС и РС (а в идеале и всей их территории) в настоящий момент практически неразрешима, так как обе стороны усиленно снабжают деньгами, оружием и техникой своих подопечных, стремясь добиться безоговорочного военно-политического доминирования в проблемных районах их границы.

В условиях нефтяной монокультурности экономик обоих Суданов профессия военного, полицейского, сотрудника спецслужб и ополченца является гарантией для выживания. Представителям этих профессий государство всегда старается изыскать средства на выплату повышенного заработка в отличие от других категорий работников, от которых напрямую не зависит безопасность страны. Кроме того, неопределенная ситуация

на границе только на руку различным преступным сообществам, занимающимся незаконными операциями в пограничной зоне.

Как и в случае с проблемой недопущения в будущем новых нефтяных войн, проблему влияния милитаристского лобби на политику Джубы и Хартума можно разрешить, только нормализовав отношения между двумя суданскими государствами, попутно проведя адресную социально-экономическую политику по развитию депрессивных районов РЮС и РС, строя (восстанавливая) там всю необходимую инфраструктуру, создавая на её основе новые рабочие места.

Только эти меры в случае их успешного воплощения в жизнь могут стать залогом нормальных добрососедских отношений между суданцами и прочным фундаментом демократического общественно-политического устройства обоих Суданов.

Особняком здесь стоит проблема сохранения традиционного образа жизни кочевых племен, которые привыкли жить по своему календарю и своим правилам, где нет места государственным границам. И Хартум, и Джуба привыкли использовать эти племенные сообщества в своих интересах, однако во время межсуданского мирного диалога предпочитают не вспоминать о них. Такое поведение Джубы и особенно Хартума вызывает понятную негативную реакцию со стороны племен, которые вынуждены с оружием в руках отстаивать право на жизнь в русле своих многовековых верований, традиций и обычаев.

Урегулировать положение дел в этой области призваны два соглашения из аддис-абебского пакета – о границе и о безопасности. Пограничное соглашение предусматривает создание Совместной пограничной комиссии, подразделением которой должен стать Совместный комитет по демаркации границ, с равным представительством южан и северян.

Помимо собственно определения линии границы между Севером и Югом Судана, данное соглашение предусматривает создание совместной интегрированной (на уровне государств, отдельных штатов и местных сообществ) системы пограничного управления с целью максимального социально-экономического и общественно-политического развития приграничных территорий обеих стран, превращения их из зоны конфликтов в процветающие районы.

Кроме этого в тексте соглашения декларируются право приграничного населения совершать кочевки по традиционным

маршрутам и предусмотрена возможность заключения отдельного соглашения, регулирующего эти вопросы[21].

Соглашение по вопросам безопасности призвано вдохнуть жизнь в прежние совместные соглашения и институты, заключенные и созданные РС и РЮС в эпоху Всеобъемлющего мирного соглашения 2005 г. В частности, планируется незамедлительно сформировать Совместную миссию мониторинга и контроля границ, предусмотренную ранними договоренностями, равно как и безопасную демилитаризированную пограничную зону[22].

Одним из ключевых факторов межсуданской политики безусловно является влияние ведущих мировых и региональных игроков. Несмотря на то, что этот фактор уже давно существует во внутренней и внешней политике Судана, он по-прежнему рассматривается с разных, иногда диаметрально противоположных точек зрения. Например, распространено мнение, что вмешательство третьих сил в водоворот суданских событий носит исключительно негативный характер: «...Южный Судан, в 2011 г. отколовшийся при активной поддержке Запада от северной части Республики Судан»[23].

Присутствует в экспертном сообществе и прямо противоположное мнение: «После десятилетий конфликта народ Южного Судана смог мирно осуществить свое право на самоопределение, закрепленное во Всеобъемлющем мирном соглашении 2005 года – соглашении, которое Соединенные Штаты помогли заключить и осуществить»[24].

На фоне дискуссии о том, какая из вышеприведенных точек зрения верна, а какая нет, теряется сам предмет анализа – роль региональных и международных акторов в суданских событиях. Скорее всего, помимо политической ангажированности сторонников обеих точек зрения, в возникновении данной дискуссии, равно как и самих полярных мнений, повинна неоднородность влияния упомянутых акторов на обстановку в суданском субрегионе.

Однако на практике все, конечно, не так просто: безусловно США, Великобритания, Норвегия, ООН и страны ИГАД (Джибути, Кения, Сомали, Судан, Уганда, Эфиопия, Эритрея), Афросоюз понимали, что образование Республики Южный Судан не решит автоматически всех проблем южан и, наоборот, породит новые, а потому готовились к сложностям и трудностям. Этот момент хорошо описал известный южносуданский ученый Франсиск Денг[25].

Другое дело, что не стоит переоценивать влияние стран-лидеров мирового сообщества на ситуацию в суданском регионе: остановить 39-летнее противостояние Юга и Севера они с трудом, но смогли, равно как и помочь Югу отделиться, а вот урегулировать конфликт в Дарфуре у них не получается. Нам кажется, что возвеличивание роли ведущих западных стран и их региональных союзников, международных организаций только на руку как Хартуму, так и Джубе. Ведь при таком подходе и с окружения О. аль-Башира и с окружения Киира неизбежно в глазах населения часть ответственности перекладывается на внешнеполитический фактор.

В реальности, как нам представляется, региональные и международные акторы вынуждены зачастую, несмотря на различие их интересов (как, например, в случае с США и Китаем, оспаривающими контроль за суданским регионом), играть одну и ту же роль «стоп-крана», взаимно усиливая при этом давление друг друга на РЮС и РС, готовых затеять третью войну Юга и Севера. Уже не раз здесь упоминавшееся аддис-абебское пакетное соглашение 27 сентября 2012 г. вряд ли состоялось бы без такого мощного давления со стороны заинтересованных внешних сил, в первую очередь Афросоюза, США и Китая.

Подводя итог анализу движущих сил и механизмов межсуданской политики, можно попытаться набросать различные сценарии развития ситуации в среднесрочной перспективе:

1. Наиболее реалистичным сценарием общественно-политической и социально-экономической эволюции в суданском регионе является сохранение в общих чертах современной ситуации, которую можно охарактеризовать как «ни мира, ни войны».

2. Менее реалистичным является пессимистический сценарий хода событий. Хартум не в силах справиться с набирающим силу повстанческим движением в штатах Абъей, Голубой Нил, Южный Кордофан, утрачивает над ними контроль. С другой стороны, Джуба тоже не может подчинить себе независимых повстанцев в этих районах, так как те затаили на Джубу обиду за то, что она их фактически оставила один на один с северянами после 9 июля 2011 г. (присутствие 9-й и 10-й дивизий СНОА не в счет, ибо их оказалось недостаточно для победы над северянами). В результате на границе между РЮС и РС возникает «черная дыра», не контролируемая не южанами, ни северянами, там находят себе убежище партизаны различных мастей, враждующих между собой.

Периодические безуспешные попытки Джубы и Хартума восстановить свой контроль над этим районом будут лишь сплачивать этих партизан в борьбе против общего врага. В итоге в РС и РЮС начинаются серьезные политические кризисы, вызванные нехваткой средств на развитие и поддержание в должном состоянии социально-экономической инфраструктуры. Джубу даже не может спасти кенийский трубопровод, построенный китайцами: партизаны постоянно нападают на него. Юг и Север постепенно и все быстрее охватывает пламя региональных мятежей и восстаний (так, восставшие беджа совершают налеты на нефтеналивные терминалы Порт-Судана, нарушая их работу). В результате происходит свержение действующих режимов. Взамен них на Севере устанавливается жесткая исламистская диктатура, которая, как и военная хунта на Юге, начинает «огнем и мечом» истреблять население непокорных районов, стремясь восстановить твердую власть Хартума/Джубы на как можно большей территории. Осуществив это, новые режимы Юга и Севера, обескровленные борьбой с внутренними врагами и санкциями со стороны мирового сообщества, стоя на пороге новой войны за районы Абъей, Голубой Нил, Южный Кордофан, будут вынуждены пойти на заключение прочного мирного соглашения.

3. Наконец, самый мало реалистичный сценарий, на осуществление которого надеется, однако, большинство населения Севера и Юга: Хартум и Джуба перейдут к последовательному развитию межсуданского партнерства в важнейших сферах (энергетика, безопасность, торговля, промышленность, образование и др.). Возможно, будет создано некое Суданское содружество, в рамках которого будут реализованы масштабные совместные социально-экономические, общественно-политические и культурные проекты. Взаимная помощь Джубы и Хартума друг другу поможет урегулировать внутренние конфликты РЮС и РС, благодаря чему с РС будут сняты международные санкции, что только ускорит поступательное развитие экономики Северного Судана. В результате возникнет мощный «остров» стабильности в водах турбулентной политики Юго-Восточной Африки, оказывающий благоприятное воздействие на окружающие страны.

Как было сказано выше, наиболее предпочтительным с точки зрения вероятности реализации является первый сценарий, предполагающий сохранение в регионе сегодняшней

ситуации, как минимум, на 10–15 лет. Однако это не означает, что стоит списывать со счетов два других сценария, важно напомнить что суданцам уже удалось остановить многолетний конфликт Юга и Севера, а значит, им по силам повернуть развитие региона в нужном для них направлении, чтобы создать удобное, безопасное и комфортабельное место для совместного мирного проживания южан, северян, арабов, африканцев, мусульман, христиан, анимистов. Только в этом случае будут не напрасны те огромные жертвы, которые уже понес Судан в XX – начале XXI века.

---

[1] Борьба за нефть стала по мнению части исследователей, основной причиной второй гражданской войны Юга и Севера (1972–1983 гг.) и последовавшей за ней политико-административной и социально-экономической трансформации региона. См.: *Patrick T. Colloton, Benjamin R. Maitre, Tommy E. Stoner.* An adaptive security construct: insurgency in Sudan // Naval postgraduate school. December 2007. Monterey, California.

[2] Oil talks between Khartoum and Juba fail to produce a breakthrough // Sudan Tribune. 14.02.12.

[3] Нефтяной конфликт с РЮС // ИТАР-ТАСС, 23.01.12.

[4] Там же.

[5] Oil talks between Khartoum and Juba fail to produce a breakthrough.

[6] Цит. по: The North-South Sudan conflict 2012 // Hearing before the subcommittee on Africa, global health, and human rights of the Committee on Foreign affairs House of representatives, one hundred twelfth congress, second session. April 26, 2012. Serial No. 112–150. U.S. Government printing office, Washington, 2012. C. 16.

[7] Hassan Ali Gadkarim. Oil, Peace and Development: The Sudanesse Impasse // Sudanworkingpaper. 2010:2. Chr. Michelsen Institute. C. 13.

[8] По независимым оценкам, суданское правительство формировало от 20 до 40% доходной части национального бюджета в 2000 – первой половине 2011 года как раз за счет финансовых поступлений от продажи нефти. См.: Jemera Rone. Sudan: Oil & War // Review of African Political Economy, Sep. 2003. Vol. 30, No. 97. C. 505. (The Horn of Conflict).

[9] Marina Ottaway, Mai El-Sadany. Sudan: from conflict to conflict // The Carnegie Papers. Middle East. Carnegie Endowment for International Peace Publications Department 1779 Massachusetts Avenue, NW, Washington, D.C. May 2012. C. 8.

[10] Agreement between The Republic of the Sudan and The Republic of South Sudan on Oil and Related Economic Matters. Addis Ababa, 27 September 2012. С. 6–7.
[11] Op.cit.
[12] Lauren Ploch Blanchard. Sudan and South Sudan: Current Issues for Congress and U.S. Policy // CRS Report for Congress. Congressional Research Service. October 5, 2012. С. 35.
[13] Agreement between The Republic of the Sudan and The Republic of South Sudan on Oil and Related Economic Matters. С. 7.
[14] Lauren Ploch Blanchard. Sudan and South Sudan: Current Issues for Congress and U.S. Policy. С. 16.
[15] Судан в XIX – начале XX в. // История Востока в 6 тт. Т.4, кн. 2. Восток в новое время (конец XVIII – начало XX в.). – М.: Восточная литература, 2005. С. 39.
[16] ИТАР-ТАСС. Лондон, 11 июля 2011.
[17] The Interim National Constitution of the Republic of the Sudan 2005. С. 3.
[18] Marina Ottaway, Mai El-Sadany. Sudan: from conflict to conflict. С. 22.
[19] Petrus de Kock. The Politics of Resources, Resistance and Peripheries in Sudan // SAIIA Occasional paper number 86. Governance of Africa's Resources Programme. June 2011. С. 6.
[20] Op.cit. С. 6–7.
[21] Agreement between The Republic of the Sudan and The Republic of South Sudan on Border Issues. Addis Ababa, 27 September 2012. С. 4, 6, 8.
[22] Agreement on Security Arrangements between The Republic of the Sudan and The Republic of South Sudan. Addis Ababa, 27 September 2012. С. 2.
[23] "Арабская весна»: последствия для российской и мировой политики // Проблемы национальной стратегии. – М.: Российский институт стратегических исследований, 2012, № 4. С. 7.
[24] Statement of Ambassador Princeton Lyman, U.S. Special Envoy for Sudan. U.S. House of Representatives Subcommittee on Africa, Global Health, and Human Rights Hearing. October 4, 2011.
[25] См.: Francis M. Deng. The paradox of Southern independence – some personal reflections // Sudan after Separation New Approaches to a New Region. Volume 28 (English edition). Reinheim, 2012.

Е.П.Синчурина

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ БАНКОВСКИХ СИСТЕМ АРАВИЙСКИХ МОНАРХИЙ К СОВРЕМЕННЫМ МЕТОДАМ ОБСЛУЖИВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

Последние явления в банковских системах аравийских стран-экспортеров нефти со всей очевидностью опровергают иногда встречающееся мнение о банковском секторе этих государств как об искусственном явлении, основывающемся только на мощных финансовых вливаниях правительства и лишенном соответствующих взаимосвязей с национальной экономикой. Другое дело, что сама специфика проведения грандиозной и во многом достаточно продуманной социально-экономической трансформации в странах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) предполагала в качестве ключевого условия наличие адекватного системообразующего государственного хозяйственного механизма, охватывающего своим регулирующим воздействием всю сферу экономических отношений. Как отмечал в программном выступлении (еще в 1972 г. на XXVI-й ежегодной конференции Института Ближнего Востока в Вашингтоне) саудовский министр Ямани, единственной альтернативой национализации, которая противоречит экономической системе страны, является принцип участия государства, что позволяло обеспечить сбалансированность макроэкономических задач развития с интересами конкретных предпринимательских кругов населения[1]. Вытягивая за нефтяное звено всю национальную экономику, включая, соответственно, банковский сектор, государство в странах ССАГПЗ – Саудовской Аравии, Кувейте, Бахрейне, ОАЭ, Омане, Катаре – сохраняло за собой важнейшие функции в экономике, используя все возможности как для развития новых укладов, так и для смягчения и стабилизации негативных издержек ускоренной модернизации.

В 1970–1980-е годы эти страны создали достаточно современные работоспособные банковские системы, что было достигнуто, с одной стороны, благодаря мощной финансовой базе данных систем, а с другой, – за счет серьезного участия государственного капитала в кредитных учреждениях и многопланового государственного регулирования, удерживающего банки и кредит в рамках, соответствующих задачам конкретных этапов социально-экономического развития.

Заимствованная из мировой практики схема, при которой банковская система состоит из нескольких крупных банков, а все остальные представляют собой их филиалы и дочерние компании (эффективно функционирующая, например, в Западной Европе), успешно применялась в нефтяных монархиях Аравии. Например, количество банковских отделений и филиалов в Саудовской Аравии с 1977 по 1981 гг. удвоилось со 100 до 200, к концу 1983 г. достигло 300[2]. Эта схема для переходной экономики была рационально дополнена весомым «огосударствленным» компонентом, когда держателями контрольных пакетов акций основных коммерческих банков и других кредитных учреждений выступали государственные органы и организации, специализированные госбанки. При этом рыночные принципы в главном сохранялись, коммерческие банки и страховые компании вели операции в любом выгодном для них секторе хозяйства, без жестких правительственных директив. Вместе с тем определяющее контрольное воздействие оказывалось на политику банков в части качества активов и их обеспечения, удельного веса рисковых активов, непосредственного подбора заемщиков, что поддерживало стабильность банковской системы как стратегического звена экономики.

В свою очередь, в развивающихся экономических системах налицо слабость банковских институтов с преобладанием частного капитала в кредитовании важнейших областей промышленности и сельского хозяйства, что вытекает из общего состояния экономики как базы движения ссудных капиталов. Когда механизмы межотраслевых связей еще не начали работать на достаточно эффективном уровне, нет и благоприятных условий для кругооборота капиталов, в том числе и ссудных[3]. Банки стремятся вкладывать средства в операции, имеющие максимально короткие сроки окупаемости. В 70–80-е годы прошлого века такое положение для стран ССАГПЗ было характерным.

Риск в коммерческой деятельности банков потенциально содержит угрозу нарастания просроченной задолженности, невозвратных ссуд и банкротств. В случае провала 40–50% банков под угрозой мог бы оказаться весь процесс социально-экономической модернизации в аравийских нефтяных монархиях. Без государственного вмешательства в развивающихся странах ввиду незавершенности капиталистической трансформации, заблокированности переливов капитала нередко происходит зыбкая монополизация за счет ускорения роста банковского капитала через внестоимостные механизмы, чисто спекулятивные способы накопления, что чревато одномоментным обвалом[4].

Очевидно, что именно совокупность серьезных мероприятий государственного вмешательства в сферу кредита посредством системы участий и разнообразных методов регулирования рынка ссудных капиталов обеспечила стабилизацию банковской системы стран ССАГПЗ в условиях бурного развития в период нефтяного «бума». В 70–80-е годы экспансия банков там происходила рекордными темпами.

Если за 5 лет, с 1970 по 1975 гг. активы депозитных банков возросли в Саудовской Аравии, Кувейте, ОАЭ, Бахрейне на 539, 104, 308 и 554% соответственно, то за 1985–1989 гг. – на 43, 12, 29 и 12%. Банки в Саудовской Аравии демонстрировали рентабельность, часто намного превышавшую общемировые уровни. Например, в 1983 г. даже в среднем отдача активов саудовских коммерческих банков составила целых 2,56%.[5]

Широкий комплекс мероприятий по реорганизации задолженности, программы погашения, усложнение административного регулирования кредитования со стороны центральных банков, пределы на кредиты одному заемщику, обязательные нормативы обеспечения ссуд высоколиквидными активами в зависимости от сроков, введение в советы директоров банков представителей правительства, регламентация допуска компаний на биржу в зависимости от их кредитоспособности и многие другие мероприятия наряду с финансовой поддержкой правительства дали возможность банковским системам аравийских монархий сохранить устойчивость и преодолеть многие негативные явления 1980-х годов. В первой половине 90-х годов банковский сектор аравийских стран-экспортеров нефти представлял собой современный кредитный рынок с развитой инфраструктурой, способный предоставлять самые разнообразные

формы и методы банковского обслуживания и обеспечивать соответствующие гарантии и страхование.

Практика развития капиталистических отношений говорит о прохождении банковскими системами двух основных этапов в их развитии. Первый этап, характеризующийся как экстенсивный, отличается увеличением числа банков, слабой конкуренцией, высоким процентом, преобладанием процессов концентрации (накопления) капитала. Второй, интенсивный, характеризуется резким обострением конкуренции, снижением ссудного процента, усилением процессов централизации банковского капитала (слияния и поглощения). Оба эти этапа в значительной степени переплетаются между собой.

Однако если раньше все это происходило естественным путем со значительными издержками, то во второй половине века в условиях «догоняющей» модернизации, присущей большинству развивающихся стран, в особенности аравийским нефтеэкспортирующим монархиям, многие явления эволюции кредитных систем смягчаются и сокращаются во времени. Ограничивается экспансия экстенсивного этапа, и стимулируются прогрессивные аспекты интенсивного.

В целом уникальные возможности грандиозного преобразования отсталых социально-экономических систем, полученные нефтеэкспортирующими странами Аравийского полуострова в 1960–1970-е годы и первой половине 1980-х годов в связи с высокими ценами на нефть, а следовательно, уникально большими доходами от экспорта, были использованы достаточно продуктивно. Были созданы передовая промышленная и социальная инфраструктура, современные отрасли промышленности – не только нефтепереработка и нефтехимия, но и энергетика, черная и цветная металлургия, целый ряд других производств, включая машиностроение, выпуск стройматериалов, легкую и пищевую промышленность, возникло значительное количество частных предприятий. До весьма высокого уровня были подтянуты социальная сфера, банковская инфраструктура, сфера обслуживания.

В конце 80-х – начале 90-х годов для стран ССАГПЗ начинается новый этап их экономического развития: поскольку цены на нефть и доходы от экспорта значительно снизились, происходит определенное естественное сокращение ассигнований по планам и программам развития, а в определенной части используются валютные резервы и привлекаются внеш-

ние займы. Эти факторы обусловливают насущную необходимость переориентации на такие пути развития, «на которых частных сектор сможет поддержать собственный, внутренне генерируемый рост при минимальной помощи со стороны правительства», что провозглашается правящими кругами аравийских монархий как важнейшая цель на 1990-е годы. В планах и программах развития аравийских нефтяных монархий на 90-е годы была поставлена задача сбалансирования инвестиций между материальным производством, производственной инфраструктурой и сферой обращения. Центр тяжести перемещается на развитие всего спектра обрабатывающих производств, усиление частнопредпринимательской активности в производственной сфере. Для кредитно-банковских систем стран ССАГПЗ, в особенности для банков с преобладанием частного капитала, эти факторы в значительной степени выступали как ограничительные для экстенсивного этапа развития, обусловливая необходимость перехода к интенсивному этапу. Система должна была разворачиваться в сторону реального инвестиционного процесса в производстве и сельском хозяйстве. В этой связи актуальными становились два вопроса: о наличии в странах ССАГПЗ тех конкретных факторов и условий, которые могли рассматриваться как база для вступления кредитных систем в этап интенсивного развития, и о способности таких факторов и условий весомо содействовать качественному прогрессу данных систем.

Представляется очевидным, что исходя из нынешней ситуации, в аравийских странах – экспортерах нефти можно выделить несколько главных факторов подобного типа:

1. Стабильность и устойчивость экономического развития стран ССАГПЗ при сохранении ими прочно занимаемой ниши в международном разделении труда и постепенной диверсификации экспорта, расширении взаимосвязанных производств и замещении импорта. Этот фактор способствует поддержанию уверенности контрагентов, функционирующих на национальном кредитном рынке, что является важнейшим условием сохранения нормальной конъюнктуры.

2. Вторым фактором, создающим среду для развития банков в странах ССАГПЗ, остается роль государства, проявляемая в создании возможностей для развития инвестиционной активности частного капитала. Участие частного капитала в простом перераспределении ренты относится именно к сфере

торговли и услуг, чью гипертрофированную роль в настоящее время предполагается снизить. В области же реального инвестиционного процесса основополагающим условием является проведение в жизнь правительственными органами и государственными компаниями наибольшей части промышленных и инфраструктурных проектов, прочего строительства, во многих случаях и совместно с частным капиталом, предоставление подрядов. Эта деятельность формирует высокодоходную и безопасную область для банковского кредитования.

Так, в Саудовской Аравии самым надежным и доходным способом досрочного инвестирования через рынок ценных бумаг по-прежнему является вложение средств в акции и облигации крупнейших национальных, по большей части капитала государственных, компаний, таких как САБИК («Сауди Бэйсик Индастриз Корпорейшн»). В Кувейте в 1995 г. новый масштабный государственный акционерный нефтехимический проект обеспечил возможности для инвестиций на 100 млн. долл., новый карбамидный комплекс, который ввели на Бахрейне – на 110 млн. долл.

В Катаре в 1996 г. началось строительство двух новых газоперерабатывающих комплексов, а в Омане – сооружение электростанции в Барке, в финансировании которых правительства отводят большое место частным инвесторам.

С другой стороны, налицо боязнь коммерческих банков в странах ССАГПЗ в отношении кредитования мелких частных предприятий. Помощь же частному сектору спецгосбанков хотя номинально и снижается, но сохраняет за собой системообразующую роль. Вследствие этого банки функционируют в несколько искусственном климате, что не способствует интенсификации банковской деятельности. Однако в первой половине 90-х годов в странах ССАГПЗ серьезный импульс получает процесс приватизации, который проводится в жизнь постепенно и осторожно, но в принципе ведет к тому, что появляются новые предприятия и компании с новыми потребностями в кредите и постепенно увеличиваются инвестиционные возможности на национальном рынке ссудных капиталов.

3. В устойчивый и все более заметный фактор, создающий действительную основу для здорового роста операций банковского сектора, превращается в 90-е годы экономическая интеграция стран ССАГПЗ, в целом весьма близких по типу свой социально-экономической структуры. Этот процесс включает

углубляющуюся кооперацию между Саудовской Аравией, Кувейтом, ОАЭ, Бахрейном, Катаром и Оманом в различных областях – не только нефтедобыче, нефтеобработке и нефтехимии, но и металлургии, строительстве, энергетике, транспорте, связи и других. Часть национальных предприятий и проектов строится и осуществляется в расчете на кооперацию с промышленными мощностями других стран Совета. Примеров здесь множество: это и переработка на Бахрейне саудовской нефти, и поставка алюминия с Бахрейна в страны ССАГПЗ, и участие Кувейта, Бахрейна, ОАЭ в саудовских промышленных проектах и т.п.

Явления экономической интеграции и фактическое становление общего экономического пространства нефтеэкспортирующих стран Аравийского полуострова в 90-е годы уже приобретает характер реального фактора. Создаются устойчивые хозяйственные взаимосвязи, преодолевающие границы отдельных государств.

Например, в 250 миллионной (в долл.) синдицированной семилетней ссуде по ЛИБОР для государства Катар объединились «Дж. П. Морган и Ко» как главный менеджер, «Катар Нэшнл Бэнк» как коменеджер и главный консультант, а также «Нэшнл Вестминстер Бэнк», «Банкью Парибас», МНБ ССАГПЗ «Араб Бэнкинг Корпорейшн», «Сумимото Бэнк», «Бритиш Бэнк оф зе Мидл Ист».[6] В результате осуществляется создание современного диверсифицированного рынка ссудных капиталов на базе банковских систем аравийских нефтеэкспортирующих государств, призванного стать питательной средой для обеспечения финансовых интересов аравийских национальных финансовых и финансово-промышленных кругов.

4. Другим важнейшим фактором, обеспечивающим мощный импульс для прогресса кредитных систем и рынка ссудных капиталов нефтеэкспортирующих стран Аравийского полуострова, становится, во многом вытекающее из ранее отмеченных явлений, приобретение регионом роли стабильного финансового центра международного значения (МФЦ). Этот фактор серьезно способствует приведению банковских систем стран региона к высшему современному мировому уровню.

Так, в Саудовской Аравии на фондовый рынок с капитализацией в 50 млрд. долл. допускаются в основном местные компании, а также компании стран ССАГПЗ. Здесь консервативные правила, сделки ведутся из уполномоченных банков, при от-

сутствии центрального биржевого зала. Большинство акций приобретаются долгосрочными инвесторами. После войны в Заливе индекс рынка ценных бумаг стран ССАГПЗ за 18 месяцев возрос на 140%,[7] что объясняется значительным притоком иностранного капитала.

5. Еще одним фактором, положительно влияющим на эволюцию кредитных систем аравийских стран в сторону их совершенствования, является экспансия исламского банковского дела. Возродившееся с 60-х годов по инициативе нефтяных монархий Персидского залива и Египта, оно набрало достаточную силу и агрессивно совершает экспансию во многие регионы. Наступает время, когда исламские банки начинают все жестче конкурировать не только между собой, но и с обычными банками разных стран. Даже западные банки вынуждены открывать отделения, функционирующие по исламской системе. Американский банк «Ситибэнк» довольно длительное время сотрудничает с исламскими банковскими структурами, вложив около 1 млрд. долл. в специализированные исламские фонды. В 1997 г. «Ситибэнк» учредил на Бахрейне свое полномочное отделение «Сити Исламик Инвестмент Бэнк» с капиталом 20 млн. долл. Специальные исламские департаменты открывают также крупнейшие мировые банки «Deutschbank» и HSBC. По оценке «Ситибэнк», темпы роста исламского бэнкинга составляют от 10 до 15% в год.[8]

Это вынудило одного из директоров аравийского банка «Фейсал Исламик Бэнк оф Бахрейн» Набил Насифа призвать аравийские исламские банковские институты к сплочению для совместного противостояния западной конкуренции в ранее исконно арабском исламском банковском деле.

К услугам исламских банков прибегают такие транснациональные гиганты, как «Дженерал Моторс», «Ай-Би-Эм», «Алкатель», «Дэу», а также крупнейший финансовый холдинг «Сосьете». «Стандарт Чартеред Бэнк» принял участие в 25-милионной (в долл.) исламской синдицированной ссуде по принципу «мудараба» вместе с бахрейнской Исламской инвестиционной компанией. В исламском финансировании стали принимать участие «Клиентворт Бенсон», «АНС Интернэшнл Бэнк» и многие другие. Таким образом, мы видим, что исламские методы финансирования получают широкое международное признание.

Судя по всему, такие факторы, как стабилизация экономической ситуации, интеграция экономических систем стран

ССАГПЗ, равно как и интеграция в кредитно-финансовой сфере с образованием общего кредитно-инвестиционного рынка, закрепление за регионом роли международного финансового центра создают прочную базу для ускорения поступательного движения кредитно-банковских систем аравийских монархий на путях повышения устойчивости и расширения сферы обслуживаемых предприятий и компаний.

Однако при конкуренции с банковскими учреждениями промышленно развитых государств банковские институты арабских стран в обозримом будущем не обойдутся без государственной поддержки и продолжат функционировать в условиях оптимального воздействия со стороны государства в создании подходящего экономического климата для полноценного выполнения банками своих функций. Так или иначе, в любой экономической системе одновременно взаимодействуют два механизма – как саморегуляция, так и государственное регулирование в пропорциях, обусловленных экономической стратегией государства и комбинацией показателей хозяйственного развития. Возможности же резкой либерализации рынка ссудных капиталов в странах ССАГПЗ достаточно ограничены.

Несмотря на это, весьма сильный импульс развитию банковского сектора стран ССАГПЗ, выводящий его на особое место среди кредитных систем «третьего мира», придает особое положение региона в системе международного разделения труда, в том числе и в финансовой сфере, его роль в целом как стабильного и прибыльного инвестиционного рынка и международного финансового центра.[9]

В этом срезе конкуренция аравийских и западных банков, укрепление многонациональных банков стран Залива активно формируют среду для усложнения и диверсификации кредитно-банковских операций аравийских кредитных институтов, снижения их производственных издержек, расширения географического и функционального диапазона обслуживания, повышения оперативности деятельности, возрастания роли информационных услуг и услуг связи.

Уже сейчас характерными чертами развития кредитно-банковских систем в аравийских странах – экспортерах нефти становятся возросшая конкуренция, сложная и требовательная клиентура, ускоренное внедрение новых современных банковских услуг, новых технологий, включая банковское обслуживание на дому, по телесвязи, через цифровые компьютерные

терминалы, централизованный автоматический учет сделок и автоматический клиринг чеков и т.п.

---

[1] Яковлев А. Король Фейсал // Азия и Африка сегодня. М., 1994, № 12. С. 16.
[2] Wilson R. The Impact of Oil Revenues on Arab Gulf. London, 1986. С. 141.
[3] Гусаров В.В. Экономическая независимость арабских стран. М., 1993. С. 27.
[4] Котова Е.В. Процессы монополизации в экономике стран Востока. М., 1990. С. 46.
[5] International Monetary Fund http://www.imf.org
[6] The Cooperation Council For The Arab States Of The Gulf http://www.gcc-sg.org
[7] Ibid.
[8] Citi | Home http://www.citigroup.com/citi/
[9] Петров В.В. Нефтяная геополитика // ЭКО. 2005, № 5. С. 29.

Д.Г.Сулейменов

ФЕНОМЕН «НЕФТЯНОГО ПРОКЛЯТИЯ» В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ГОСУДАРСТВ АРАБСКОГО МИРА

«Нефтяное изобилие не всегда ведёт к процветанию и может привести к замедлению экономического роста» – такая мысль казалась абсолютно абсурдной в начале 1970-х. Но после энерго-сырьевого кризиса 1973–74 гг. один из основателей ОПЕК Дж. Альфонсо уже назвал нефть «экскрементами дьявола». А в 1975 г. он писал о всплеске коррупции, растрате ресурсов, разрушении общественного сектора и громадных долгах как следствиях ресурсного изобилия. Ему вторили многочисленные статьи в газетах и специализированных журналах. Одна из них, написанная Генеральным секретарем Форума арабской мысли Али Аттигой называлась так: «Как доходы от нефти могут разрушить страну».[1]

Эти факты требовали объяснения. Работы Gelb et al. (1988); Sachs, Warner (1995) положили начало значительному потоку теоретических исследований, утверждавших, что экономики, обладающие большим количеством природных ресурсов, растут медленнее других, и объяснявших причины «ресурсного проклятия».

Сам термин «ресурсное проклятие» был впервые использован Ричардом Аути в 1993 г.[2] для описания ситуации, при которой страны, богатые природными ресурсами, развивались меньшими темпами, чем страны, лишённые ресурсного изобилия. Например, в период 1965–1998 гг. прирост ВНП на душу населения в странах ОПЕК снизился в среднем до 1,3%, тогда как в остальных развивающихся странах он составлял в среднем 2,2%[3].

Избыточность, изобилие ресурсов – эти термины часто используют, имея в виду, что экономика не в состоянии сама переработать ресурсы с должной эффективностью, а потому ока-

зывается целесообразным их экспортировать, причем экспортные доходы от продажи ресурсов существенно влияют на благосостояние населения.

Одна из основных проблем «нефтяного проклятия» – общая для всех природных ресурсов истощаемость. Однако на протяжении последних 40 лет доказанные мировые запасы природных ресурсов не убывали, а напротив, росли. Увеличение издержек добычи важнейшего вида ресурсов – топлива – более чем компенсировалось ростом цен. Однако для каждого конкретного месторождения, да и для некоторых стран истощение все же имело место. Например, для таких арабских стран, как Оман и Бахрейн.

Страны, чьи экономики не в состоянии эффективно переработать имеющееся сырье, становятся их экспортерами, причем экспортером становится именно государство, а не частный сектор, что обусловлено целым рядом причин. Среди них – высокая начальная капиталоемкость при освоении нефтяного пласта, необходимость создания системы трубопроводов для перекачки нефти, однородность продукта (а значит – невозможность конкуренции между малыми фирмами), связанность нефтяных скважин между собой (для чего требуется централизованный контроль над добычей нефти из всех связанных скважин). Все это делает рынок нефтедобычи внутри страны монополизированным и подконтрольным государству.

В отличие от таких стран, как Япония, Тайвань, Израиль, Сингапур, которые вследствие недостатка материальных ресурсов сразу начали строить экономики, основанные на технологии, арабы традиционно полагались на моря нефти, простирающиеся под их пустынями. По мнению некоторых исследователей, нефть превратилась в заменитель интеллекта, творчества и предпринимательского духа.

Во многом именно этим можно объяснить факт отставания арабского мира от Запада. Вот что по этому поводу пишет российский исследователь В.Э. Шагаль: "(...) Сознание араба ущемлено пониманием отставания Востока от Запада. Ущемленность порождает, с одной стороны, преклонение перед мощью Запада, а с другой, – неприязнь, перерастающую в ненависть, которая иногда принимает самые крайние формы выражения"[4]. Так в чём же заключается причина отставания и в чём оно проявляется?

Достаточно объективным показателем является Индекс развития человеческого фактора (ИЧР), который ежегодно публикуется ООН. При расчете этого индекса учитываются самые различные показатели – ВВП на душу населения, продолжительность жизни, уровень грамотности, уровень доступности образования и т.п. Индекс выражается в рейтинге, который присваивается каждой стране – 1,0 (высший уровень) – богатые, высокоразвитые страны, обеспечивающие своим гражданам высокий уровень жизни, 0,5 и ниже – бедные, слаборазвитые страны. Среди арабских государств (членов ЛАГ) 7 оказались обладателями высокого уровня индекса. Нетрудно догадаться, что это нефтедобывающие страны, которые как раз благодаря своей «проклятой нефти» и выбились вперед. Результаты наглядно демонстрирует таблица.

Таблица 1

ИЧР некоторых арабских стран, 2008 г.

Страна	ИЧР	Рейтинг в мире
Кувейт	0,912	29
ОАЭ	0,903	31
Бахрейн	0,902	32
Катар	0,899	34
Ливия	0,804	52
Оман	0,839	53
Саудовская Аравия	0,835	55
Арабские страны, попавшие в группу «среднеразвитых»		
Ливан	0,796	78
Иордания	0,769	90
Тунис	0,762	95
Алжир	0,748	100
Сирия	0,736	105
Палестинские территории	0,731	106
Египет	0,716	116
Марокко	0,646	127
Коморские о-ва	0,572	137
Йемен	0,567	138
Мавритания	0,537	140
Судан	0,526	146
Джибути[5]	0,513	151

Ист.: http://hdr.undp.org/en/media/HDI_2008_EN_Complete.pdf

Средние региональные индексы:
OECD (Организация экономического сотрудничества и развития) – 0,925
Центральная и Восточная Европа – 0,814
Латинская Америка – 0,810
Восточная Азия и Тихоокеанский регион – 0,762
Арабские государства – 0,713
Южная Азия – 0,606
Африка (южнее Сахары) – 0,495
Среднемировой индекс – 0,747[6]
Вышеприведенные цифры заставляют исследователей делать выводы об отставании арабского мира, показатели которого ниже среднемировых. Вопрос в том, является ли «нефтяное проклятие» тому виной, ИЧР этого вовсе не подтверждает.

Наблюдая за событиями в странах Персидского залива в течение последних лет, можно отметить, что первым из арабских государств, где прошли выборы с участием женщин и где было полностью пересмотрено трудовое законодательство с целью повышения занятости собственных граждан и сокращения зависимости от иностранной рабочей силы, стал Бахрейн. При этом именно на Бахрейне запасы нефти истощатся раньше, чем в других странах Залива.

Сомнительно, что это совпадение случайно. Скорее всего, действительно есть некая зависимость между обильностью нефтяных ресурсов и степенью политического и социального развития. Соответственно, чем выше цена на нефть, тем меньше лидеров стран-экспортёров нефти заботит равноправие, справедливое распределение доходов внутри страны и её имидж на мировой арене. Зачастую это приводит к нежелательным для них последствиям, ярким примером тому могут стать недавние события в Ливии.

Экспортеры природных ресурсов могут столкнуться с такими препятствиями, как изменчивость товарных цен, эффект вытеснения производств, «голландская болезнь» (бурное развитие сырьевой экспортной отрасли приводит к резкому повышению курса валюты, что подрывает конкурентоспособность других экспортных производств), отсутствие развития государственных институтов, гражданские войны, чрезмерно быстрое истощение ресурсов (при неоптимальной добыче).

Цены на нефть подвержены изменениям, и их «скачки» часто приводят к оттоку рабочей силы и ресурсов из секторов обрабатывающей промышленности в нефтяные.

Проблема не только в том, что рабочая сила, капитал и земли «засасываются» стремительно развивающимся сырьевым сектором. Они также «вымываются» из производства стремительным развитием строительства и импортом других товаров и услуг для местного рынка.

Даже если рост цен на нефть окажется постоянным (что на практике представляется маловероятным), препятствий, тем не менее, останется предостаточно. Правительства, которые могут финансировать экономику своих стран, просто сохраняя физический контроль над месторождениями нефти или полезных ископаемых, часто не развивают институты, способствующие в долгосрочной перспективе экономическому развитию.

Такие страны развиваются как иерархические авторитарные общества, в которых единственным стремлением становится борьба за привилегированный доступ к аренде сырьевых месторождений. В худшем случае подобная конкурентная борьба может принять форму гражданской войны. В стране без природных богатств, напротив, у элит почти нет другого выбора, кроме как развивать децентрализованную экономику, в которой у людей появляются стимулы трудиться и делать сбережения. В таком случае страна встаёт на путь индустриального развития, пытается развивать обрабатывающий сектор. Для этого не всегда хватает ресурсов, и зачастую подобные попытки имеют плачевные результаты, например, как это произошло в странах южнее Сахары.

Не следует забывать и о том, что нефтяные ресурсы не бесконечны, из-за не всегда рациональных методов добычи они истощаются довольно быстро. Зачастую процесс сопряжён и с загрязнением окружающей среды.

Таким образом, «голландская болезнь», или «нефтяное проклятие», сводится в целом к тому, что зависимость от сырьевых ресурсов влияет на политическую жизнь страны, ее инвестиционные и образовательные приоритеты. Главными становятся вопросы о том, кто контролирует нефтяной экспорт, а не о том, как обеспечить эффективную конкуренцию, инновации, производство реальной продукции для реального потребления.

Вместе с тем имеется немало работ, изучающих политику богатых ресурсами стран с целью выявить причины, по кото-

рым они часто не могут использовать свое богатство для ускорения роста. Практически все авторы видят главную причину неудачи в том, что распределение нефтяных доходов стало предметом борьбы властвующих элит, а не результатом рационального общественного выбора. Иными словами, «ресурсное проклятие» является следствием низкой эффективности государства и неразвитости гражданского общества.

Тем не менее некоторые черты рациональной политики можно уловить, рассматривая историю относительно успешных арабских стран-нефтеэкспортеров. Несмотря на огромные различия между ними, во всех успешных эпизодах важнейшую роль играло государство. В качестве иллюстрации мы остановимся на такой арабской стране, как Кувейт.

Кувейт – конституционная монархия (эмират), где до 2005 г. лишь 15% населения имели право голоса, а премьер-министр, как правило, принадлежал к королевской семье. В соответствии с конституцией 1962 г. избирается Национальная ассамблея, включающая по два представителя от каждого из 25 районов; кроме того, в нее по должности входят до 15 министров. Национальная ассамблея может выражать недоверие министрам, налагать вето на правительственные декреты. Были, однако, случаи, когда шейх, недовольный решениями Ассамблеи, распускал ее. Политические партии запрещены, но существует ряд движений и блоков. Профсоюзы разрешены и финансируются правительством.

Кувейтская нефть была открыта в 1938 г. англичанами, но ее добыча стала развиваться в послевоенные годы. После 1974 г. частные и совместные компании постепенно перешли в собственность государства. Этот процесс завершился к 1980 г., когда была основана государственная Кувейтская нефтяная корпорация. В нее входят практически все предприятия нефтедобычи и нефтепереработки. Государственные нефтяные предприятия обеспечивают 75% всех правительственных доходов и 90% всех доходов от экспорта. Доказанные запасы нефти Кувейта составляют около 95 млрд. барр. – около 10% всех мировых доказанных запасов нефти. Их достаточно, чтобы в течение 140 лет поддерживать нынешнее производство нефти – 2 млн. барр. в день (данные 2004 г.). Около 3% всей импортируемой в США нефти поступает из Кувейта. В 2001 г. рентный доход от добычи газа и нефти оценивался в 48% ВВП.[7] Участие иностранных компаний в добывающем секторе

Кувейта строго ограничивается. В частности, иностранные компании должны действовать только через местных посредников, лишь в последние годы ограничения ослаблены. Налоговая политика благоприятствует кувейтским корпорациям, дискриминируя иностранцев. Например, иностранные корпорации должны платить налог на доходы, причем ставка налога может составлять до 55%, тогда как граждане Кувейта не облагаются подоходным налогом. С 1992 г. правительство Кувейта проводит протекционистскую политику в сфере внешней торговли, тарифы могут составлять от 4 до 25%. К импортным товарам предъявляются завышенные требования, с тем чтобы не допустить вытеснения отечественных товаров. При организации тендеров правительство создает льготные условия для отечественных фирм.

В 2001 г. население Кувейта составляло около 2 млн. человек; его душевой ВНД по ППС был равен около 20 тыс. долл. По этому показателю Кувейт входил в группу развитых стран (для сравнения, испанский душевой ВНД был равен 19,86 тыс. долл., а французский – 24,08 тыс. долл.). Кувейтский ВВП рос со средним темпом 1,3% в 1980–1990 гг., при этом рост промышленности составил всего 1% в год, зато опережающими темпами – 14,7% в год росло субсидируемое сельское хозяйство[8]. В 1990–2000 гг. темпы роста ВВП увеличились и составили 4,7% годовых, в 2000–2004 гг., когда выросли цены на нефть, ВВП Кувейта продолжал расти темпом 4,7% в год. В 2001 г. кувейтский Фонд будущих поколений составлял 65 млрд. долл.; кроме того, правительственные активы за границей оценивались в 35 млрд. долл. (ВВП Кувейта был равен 34,15 млрд. долл. в 2001 г.)[9]. Кувейтское правительство проводит активную социальную политику, в частности обеспечивает бесплатное медицинское обслуживание и бесплатное образование на всех уровнях.

Кувейт, кроме того, уникален по величине запасов нефти и газа на душу населения, по этому показателю его превосходит только Катар. Тем не менее Кувейт интересен как государство с относительно слабо развитой гражданской культурой, которое сумело использовать нефтяные доходы для достижения довольно высокого уровня благосостояния. Политика кувейтского правительства имеет существенные черты, общие для всех относительно успешных богатых нефтью стран: строгий государственный контроль над нефтяными доходами, их пере-

распределение, направленное на поддержание социального мира, активное стимулирование роста несырьевых отраслей, отсутствие геополитических целей.

Пример Кувейта показывает, что нефтяное богатство может и не быть проклятием. Это подтверждает и опыт развитых стран Запада – США, Великобритании, Норвегии. Однако остается открытым вопрос о том, какова оптимальная политика в экономике, где недостатки рынка не могут быть компенсированы сильными государственными институтами.

Некоторые недавние работы подвергают сомнению существование «проклятия» природных ресурсов[10]. Авторы отмечают, что доля экспорта природных ресурсов в ВВП, используемая в качестве меры ресурсного богатства, не вполне годится для этой роли, так как она отражает не столько наделенность природными ресурсами, сколько степень сырьевой зависимости экономики и технологического отставания обрабатывающих отраслей. Вместо этого авторы предлагают измерять ресурсное богатство такими показателями, как объемы выпуска или доказанные запасы ресурсов (на душу населения). При этом оказывается, что ни производство природных ресурсов, ни их запасы на душу населения не оказывают значимого влияния на рост[11], а на уровень подушевого выпуска влияют положительно[12].

Таким образом, если «ресурсное проклятие» и существует, то не вследствие изобилия природных ресурсов как такового, а скорее из-за неправильного использования доходов от их добычи[13]. Последнее может выражаться в низком качестве государственных институтов (в частности, в значительной коррупционной и лоббистской активности), недостаточном финансировании этими доходами инвестиций в капитал и технологии, менее эффективной макроэкономической политике. Страны, более успешные в развитии, стараются сдерживать рост своего ресурсного сектора, стимулируя тем самым развитие высокотехнологичных отраслей[14].

Даже если предположить, что существует корреляционная связь между сырьевой ориентацией экономики и бедностью стран, отсюда никаким логическим образом не следует, что обилие сырья является причиной их бедности. Наличие корреляции не устанавливает какой-либо причинной связи, как пытаются представить дело апологеты теории «ресурсного проклятия». Можно перечислить множество причин, не имеющих никакого отношения к наличию или отсутствию ресурсов, в ре-

зультате чего такая ложная корреляция могла возникнуть. Самое простое, но далеко не единственное объяснение состоит в том, что для эффективного использования любых ресурсов вообще – минеральных, географических, природных, человеческих, временных, географических, – то есть создания эффективной экономики, способной, в частности, разумно обходиться с данными природой богатствами, нужна определенная зрелость общества, некий достаточно высокий уровень его развития. Де-факто мы знаем, например, что развитые общества занимают сравнительно небольшую часть территории суши – не более 1/3. Поскольку природа распределяла ресурсы вне зависимости от развитости общества, вероятность того, что высококонцентрированные запасы, например, нефти, окажутся на территории, занятой обществами, не достигшими достаточного уровня развития, заведомо выше, чем вероятность того, что они окажутся в «нужном месте в нужное время» в руках у развитых народов, способных ими распорядиться так же эффективно, как ими распорядились США, Австралия и Норвегия.

Большой сектор добычи сосредоточенных природных ресурсов не только влияет на качество государственного управления, уровень коррупции, инвестиционный климат. Он существенно сказывается на структуре экономических институтов. В странах, богатых ресурсами, как правило, большую роль играет государственный сектор, серьезно модифицируется бюджетный процесс, большее значение приобретает государственная политика стимулирования роста, для реализации которой требуются свои институты.

Один из важных выводов, который можно сделать, состоит в том, что «ресурсное проклятие» не является неизбежным уделом всех стран, богатых природными ресурсами, а грозит лишь тем из них, где не проводится политика, позволяющая эффективно распорядиться доходами от производства ресурсов.

Можно выделить некоторые черты экономической политики и институтов, которые играют особенно важную роль для устойчивого роста экономики, богатой нефтяными ресурсами.

1. Устойчивость политической системы, поскольку переходные режимы плохо справляются с нефтяными шоками.

2. Налоговая система должна стимулировать вложение доходов от экспорта сырья в обрабатывающие отрасли.

3. Необходима активная политика стимулирования роста, предусматривающая перераспределение избыточных экспортных доходов. Для этого надо располагать развитой системой

институтов промышленной политики, обеспечивающей принятие решений в процессе взаимодействия государства, бизнеса и общества. Должен быть подготовлен достаточно большой набор эффективных инвестиционных проектов, которые могли бы быть инициированы при «избытке» денег. Важнейшее значение имеет заимствование более эффективных технологий, вложение инвестиций в перевооружение отраслей.

Подводя итоги, целесообразным было бы дать ответ на следующий вопрос: что арабские страны могут сделать, чтобы природные ресурсы оказались «благословением», а не «проклятием»? Некоторые ранее опробованные стратегии и институты оказались неудачными. К ним относятся, в частности, попытки искусственно подавить колебания цен на мировом рынке путем установления контроля над ценами, контроля над экспортом с помощью торговых советов и картелей.

Но некоторые страны преуспели, и их стратегии могут стать моделью для Ливии, Ирака и других стран. К ним относятся: страхование экспортной выручки – например, через нефтяной опционный рынок, как это делает Мексика; обеспечение антициклической налогово-бюджетной политики – например, через вариант чилийского правила структурного бюджета; передача управления суверенными (государственными инвестиционными) фондами профессиональным менеджерам, как это делает Фонд «Пула» (Pula Fund) Ботсваны.

Наконец, некоторые перспективные идеи практически никогда не испытывались: номинирование облигаций не в долларах, а в ценах на нефть для защиты от риска падения цен; использование планирования цен на сырье в качестве альтернативы планированию уровня инфляции или планированию валютного курса для обеспечения постоянства денежно-кредитной политики; распределение нефтяных доходов на общенациональной основе на душу населения, чтобы они не оказывались в конечном итоге на счетах элит в швейцарских банках.

Экспортеры нефти не обязательно должны стать «узниками проклятия», как это уже случилось с другими. Арабские страны могут использовать имеющиеся у них ресурсные богатства для долгосрочного экономического развития своих народов, а не только своих элит.

Можно рассматривать феномен «нефтяного проклятия» и в несколько другом ракурсе. Нефть составляет большую часть экспорта многих арабских государств (см. таблицу 2).

Таблица 2

Доля нефти и газа в экспорте государств ССАГПЗ в 2007 г.

Страна	Доля нефти и газа в экспорте товаров, %
Бахрейн	81
Катар	91
Кувейт	96
ОАЭ	65
Оман	89
Саудовская Аравия	90

Источник: World Data Bank (online)

С некоторой долей упрощения можно даже сказать, что нефть является основой их экономик. Тогда не представляется правомерным вообще говорить о наличии какого-либо негативного влияния ресурса на темпы развития стран. Кувейт, одно из ведущих государств-инвесторов, получающий ежегодную прибыль от вложений в иностранные ценные бумаги больше четверти своего ВВП, использовал в свое время именно избыточные нефтедоллары для своих первых инвестиций. Точно так же Саудовская Аравия в первые годы нефтяного изобилия использовала доходы от нефтяного экспорта, чтобы обеспечить свою продовольственную безопасность.

Если взглянуть на Ливию во время правления Муаммара Каддафи, то нефть фактически была основой ее существования. Без нефтедолларов страна попросту развалилась бы или умерла от голода, оставшись без средств, на которые велись закупки продовольствия (например, российской пшеницы).

Богатые нефтью арабские страны сейчас сталкиваются с фундаментальным противоречием. Для обеспечения быстрого экономического роста арабский мир должен интенсивно заимствовать знания и технологии и одновременно совершенствовать институты управления. В последние 50 лет мировые цены диктуют международное разделение труда, при котором изобилие ресурсов и относительно дешевая рабочая сила заставляют арабские государства делать ставку на ресурсный сектор в ущерб развитию секторов с более сложной технологией, требующих человеческого капитала относительно высокого качества.

Это и есть технологическое «проклятие ресурсов». Для его преодоления необходимы эффективные институты промышленной политики. Однако обилие ресурсов закрепляет недо-

развитость институтов или даже ухудшает их. Институциональное «проклятие» падает и на политические институты, а тем самым будущее страны оказывается зависящим от личности победивших автократов. Благодаря сочетанию технологического и институционального «проклятий» страна оказывается в плену замедленного развития.

Чтобы противодействовать негативным тенденциям, богатые нефтяными ресурсами арабские страны стараются национализировать добывающие производства и делать ставку на активную промышленную политику. Здесь-то и проявляется фундаментальное противоречие. С одной стороны, ресурсоизбыточная экономика остро нуждается в эффективной социальной и промышленной политике. С другой стороны, «плохие» институты делают маловероятным ее эффективное использование. Эффективная промышленная и социальная политика может быть выработана лишь при тесном взаимодействии правительства, бизнеса и общества. Иными словами, требуется достаточно высокий уровень развития гражданского общества.

За последние 50 лет лишь трем из всех арабских стран-главных экспортеров нефти (Катару, ОАЭ и Кувейту) в той или иной степени удалось превратить изобилие ресурсов в «благословение» экономического роста. Наиболее богатые нефтеэкспортирующие монархии весьма преуспели на поприще инвестирования в западную экономику. От простого помещения капитала под проценты они перешли к целенаправленным вложениям, врастанию (благодаря приобретению значительных пакетов акций) в структуры транснациональных корпораций и крупных международных финансовых организаций (включая МБРР и МВФ), что предполагает и личное участие верхушки в управлении и принятии решений. Объем иностранных инвестиций Саудовской Аравии исчисляется уже сотнями миллиардов долларов, причем большая часть направляется в США. Кувейт является совладельцем десятков британских, канадских, американских, западноевропейских и японских компаний, включая такие, как British Petroleum, General Motors, IBM, Kodak, Total, Sony и др. Помимо трех НПЗ на своей территории, Кувейт владеет тремя европейскими заводами – в Дании, Нидерландах и Италии. В собственности Кувейта находятся тысячи АЗС в Дании, Швеции, Великобритании, Италии и Норвегии, десять авиазаправочных станций в крупных западноевропейских аэропортах. Обладая флотом из собственных танкеров, Кувейт,

по сути дела, имеет сегодня собственную сеть сбыта (весь цикл от добычи до продажи конечному потребителю) для значительной части добываемой нефти. Заграничные инвестиции Кувейта в развитых капиталистических странах составляют не менее 100 млрд. долл[15]. Прибыль от заграничных капиталовложений становится все более существенным источником валютных доходов.

Таким арабским государствам, как ОАЭ и Катар (а также в меньшей степени Кувейту), удалось выйти на высокий уровень потребления, став государствами-рантье. Это оказалось возможным благодаря исключительно высоким запасам нефти на душу населения этих стран. Рыночные силы препятствуют формированию и использованию экстерналий, способных обеспечить быстрый экономический рост. В периоды высоких экспортных цен рынок не стимулирует приток ресурсов в более высокотехнологичные (по сравнению с добывающими) отрасли. Это ведет к замедлению технического прогресса и недоразвитию человеческого капитала, низкой эффективности прямых иностранных инвестиций. Кроме того, в ресурсоизбыточных экономиках несовершенства рынка играют особенно пагубную роль, т.к. несовершенства институтов усугубляются.

Таким образом, в большинстве государств региона роль экспорта нефти, за счёт которого обеспечиваются почти полностью потребности национальных экономик, по-прежнему велика. В отдельных странах – в Алжире, Ливии, Ираке – многие годы нефтяной экспорт приносит до 90% всех валютных поступлений. Схожая ситуация наблюдается и в Саудовской Аравии, ОАЭ, Катаре, Кувейте, несмотря на все их попытки диверсифицировать экономику. Принимая во внимание тот факт, что арабские страны обладают почти 70% всех мировых запасов нефти, причем при нынешнем уровне добычи их хватит на 70–100 лет и более, этот ресурс развития, весьма вероятно, будет длительное время гарантированно играть ключевую роль в хозяйственной жизни как источник экономического развития и решения социальных задач. Нефть – основной и пока незаменимый полностью источник энергии, самый массовый товар в мировой торговле. Для арабских стран роль этого фактора исключительна и, судя по всему, останется таковой, как минимум, в течение 25–40 лет.

[1] Gelb A. and Associates (1988). Oil Windfalls: Blessing or Curse? New York: A World Bank Research Publication. С. 8.
[2] Auty Richard M. Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis. – London: Routledge, 1993.
[3] Gylfason T. Natural resources, education and economic development // CEPR Discussion Paper 2594, 2000.
[4] Шагаль В.Э. Арабский мир. Пути познания. – М., 2001. С. 46.
[5] По Сомали и Ираку исследования не проводились.
[6] Источник: http://hdr.undp.org/en/media/HDI_2008_EN_Complete.pdf
[7] По данным World Bank Report.
[8] По данным Kuwait Institute for Scientific Research Petroleum and Petrochemical Industries: Present Status and Future Outlook.
[9] По данным World Data Bank accessed online http://databank.worldbank.org/ddp/home.do
[10] Alexeev, Conrad, 2005; Stijns, 2005; Brunnschweiler, 2006.
[11] Stijns, 2005 Natural Resource Abundance and Economic Growth Revisited.
[12] Alexeev, Conrad, The Elusive Curse of Oil 2005.
[13] Leamer et al., 1998; Gylfason T. 2004; Stijns, 2005; Ahrend, 2006.
[14] Stijns, 2005 Natural Resource Abundance and Economic Growth Revisited.
[15] По данным UNCTAD World Investment Report 2011.

Владимир (Зеэв) Ханин*

ОБЩЕСТВЕННЫЙ АСПЕКТ РОССИЙСКО-ИЗРАИЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ВЗГЛЯД ИЗ ИЕРУСАЛИМА

Российско-израильские отношения всегда были предметом серьезного внимания академического, политического, информационного и дипломатического сообщества Израиля и его стратегических партнеров. Причем сегодня этот интерес после некоторого спада, имевшего место на протяжении большей части 90-х гг. прошлого века, переживает новый подъем в связи с «возвращением» России, начиная с ранних 2000-х гг., в качестве одного из основных игроков в регион Ближнего Востока, что непосредственно затрагивает интересы Израиля.

В публикациях последних лет дан достаточно многоплановый анализ стратегически, дипломатических и экономических отношений двух стран. Причем как в двустороннем плане, так и в контексте взаимоотношений России с ее ближневосточными союзниками, новыми и унаследованными с советских времен, а также присутствующими в регионе великими державами – США, ЕС и в последние годы Китаем.[1]

Намного меньше внимания в Израиле, однако, было уделено другому аспекту российско-израильских отношений – гуманитарному. Речь в данном случае идет не столько о влиянии на эти отношения культурных, семейных и эмоционально-исторических связей граждан двух стран или их вовлеченности в общее информационное пространство, хотя и о них тоже,

---

* Д-р Владимир (Зеэв) Ханин – Главный ученый Министерства абсорбции Израиля, преподаватель Отделения политических наук Университета Бар-Илан в Рамат-Гане, приглашенный профессор (Adjunct Professor) Отделения изучения израильского наследия Университета Ариэль в Самарии (Израиль).

сколько о факторе, который, среди прочего, является продуктом этих отношений. А именно – общественное мнение граждан этих стран в отношении друг друга, которое (хотя, наверное, и в разной степени) вынуждены учитывать их лидеры.

Данная статья является попыткой внести вклад в рассмотрение этой немаловажной темы.

Израильтяне и Россия: факторы формирования общественного мнения

Суммируя мнения, имеющиеся по этому поводу в научной и профессиональной литературе[2], помимо упомянутых выше межчеловеческих и культурных контактов, которые следует, разумеется, рассматривать особо, наибольшее воздействие на формирование общественного отношения к желательности и характеру сотрудничества (или его нежелательности) с той или иной страной имеют четыре важных обстоятельства. Во-первых, укорененная в массовом сознании населения (в данном случае Израиля) система представлений и ценностей в отношении конкретной страны, в данном случае России, проистекающая из исторического опыта и прочих культурно-психологических обстоятельств. Во-вторых, активность руководства страны на данном внешнеполитическом треке. В-третьих, мнение информационного и экспертного сообщества, точнее – объем информации по этим вопросам, поставляемой средствами массовой информации, и акценты, которые расставляют приглашаемые СМИ эксперты. Наконец, вне связи с двумя последними факторами, те аспекты деятельности противоположной стороны (России) в дипломатической, экономической и геополитической сферах, которые оказывают непосредственное влияние на мироощущение, жизненные планы, социально-экономическое положение и чувства социально-психологического комфорта населения Израиля.

Что касается первого обстоятельства, то тут ситуация достаточно очевидна. Россия как явление и символ занимает чрезвычайно важное место в общественном сознании израильтян. Исторически поколение отцов-основателей Государства Израиль происходило из черты еврейской оседлости Российской империи, поэтому элементы российской культуры, мировоззрения, образа жизни во многом стали частью того, что

принято называть израильским сионистским еврейским этносом. Хотя очень многие из потомков этого поколения основателей не догадываются или, по крайней мере, не обращают внимания на российское происхождение этих элементов – от сионистских песен на русские мелодии до влияния идеологических течений, которые были в царской России.

С другой стороны, Россия как наследница СССР, возглавлявшего в холодной войне антизападный лагерь, долгое время идентифицировалась израильским обществом с силой, фундаментальные интересы которой противоположны израильским. Причем остатки подобных представлений еще бытуют в определенной части израильской интеллектуальной и политической элиты, хотя их влияние постепенно идет на спад. При этом парадоксальным образом Россия на уровне общественного сознания никогда не считалась «коренным» врагом Израиля, даже во времена холодной войны. Результатом этой комбинации является исходный пункт доминирующего в израильском обществе понимания перспектив двухсторонних отношений. Каковым является представление, согласно которому российско-израильские отношения не вышли на уровень стратегического партнерства не из-за непреодолимых «цивилизационно-политических противоречий» (как с арабским миром), а просто потому, что израильские и российские интересы в нашем регионе далеко не всегда совпадают.

Если говорить об активности руководства Израиля, то четырехлетнее пребывание у власти второго кабинета Биньямина Нетаньяху, сформированного по итогам выборов в Кнессет в феврале 2009 года, ознаменовалось явной интенсификацией российского направления израильской внешней политики. Вступив в марте 2009 года в должность главы израильского МИДа, Авигдор Либерман назвал перевод израильско-российских отношений на уровень стратегического партнерства одним из своих главных приоритетов на этом посту. Свой вклад в этот процесс внесли не только министр абсорбции Софа Ландвер и министр туризма Стас Мисежников, коллеги Либермана по партии «Наш дом – Израиль» (НДИ), две трети избирателей которой являются выходцами из бывшего СССР. Аналогичные акценты в деятельности своих ведомств сделали и их коллеги по правительству и от других партий.

Значительные усилия по подъему межпарламентских контактов между двумя странами до степени, приближающейся к уровню сотрудничества Кнессета и Конгресса США (включая создание

Межпарламентского комитета по стратегической безопасности), предпринимали председатель Кнессета Руби Ривлин и оба сопредседателя израильско-российского межпарламентского союза, председатель правящей коалиции и фракции партии Ликуд Зеэв Элькин и глава парламентской фракции НДИ Роберт Илатов. В указанный период также резко активизировала работу Межправительственная комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству, в дополнение к которой был создан и активно действует Российско-Израильский деловой совет. В мае 2010 года государственный визит в Россию, который многими обозревателями был оценен как «прорыв в двухсторонних отношениях», совершил и президент Израиля Шимон Перес. Важность этого события может быть оценена в контексте того обстоятельства, что Шимон Перес по согласованию с премьер-министром (и вопреки израильской политической традиции, резервирующей за президентом сугубо парадно-представительские функции) фактически взял на себя выполнение наиболее деликатных дипломатических миссий, имеющих критическое значение для продвижения внешнеполитических интересов Израиля.

В этом смысле подход команды Нетаньяху-Либермана к российскому направлению радикально отличался от подходов прежних израильских правительств (включая первую каденцию самого Нетаньяху) и это несмотря на то, что с момента восстановления дипломатических отношений между двумя странами в 1991 году существовал политический диалог на самом высоком уровне. Прежний подход почти не выходил за рамки укрепления связей с российскими евреями и поощрения их репатриации в Израиль, импорта энергоносителей и действий (впрочем, достаточно вялых) по дипломатическому и правовому обеспечению активности израильских бизнесменов на российском рынке. Визиты высших израильских официальных лиц в Россию в прошлом носили весьма несистемный и спорадический характер. Они были призваны либо срочно погасить внезапно возникший кризис во взаимоотношениях (как, например, вояж Нетаньяху, который в 1997 году попробовал «наскоком» сорвать реализацию российско-иранского ядерного контракта), либо представить в Кремле уже согласованную с США, Евросоюзом и арабами очередную региональную инициативу. А то и просто **в погоне за голосами русскоязычных избирателей покрасоваться на принимаемых в Израиле российских телеканалах накануне очередных выборов.**

Справедливости ради отметим, что в контексте российских ближневосточных интересов израильский трек по сравнению с иранским, сирийским и даже североафриканским направлениями также долгое время был довольно периферийным. И это притом, что товарооборот и туристический поток между двумя странами постоянно рос (хотя и оставался несопоставимо ниже его потенциала), реализовывались успешные совместные (в том числе военно-технические) проекты, а упоминания о «миллионе живущих в Израиле соотечественников» носили едва ли не ритуальный характер. Не говоря уже о том, что в Кремле и на Смоленской площади, понимая, что политика России в регионе не будет эффективной, если она будет стоять там «на одной арабской ноге», пытались соблюсти, хотя бы внешне, принцип «баланса интересов».[3]Лишь в самое последнее время наметилось возрастание интереса российской стороны к осуществлению в Израиле проектов в сфере инвестиций, газовой энергетики, инфраструктуры и транспорта, а также сотрудничеству в сфере высоких (особенно военных, космических и нано-) технологий.

По мнению обозревателей, «новый тренд» на российско-израильском треке отношений был закреплен во время второго, в качестве президента Российской Федерации, визита Владимира Путина в мае 2012 года, организации которого израильские лидеры, насколько можно судить по данным местных СМИ, придавали беспрецедентно большое значение. Притом, что дальние последствия этого визита для отношений двух стран пока неочевидны, и в этой поездке, по словам российского политолога Федора Лукьянова, было «больше символизма, чем практики», сам этот символизм, по его мнению, довольно любопытен. «Удивительным образом впервые у России отношения с Израилем лучше, чем практически со всем арабским миром. За исключением иранского вопроса у нас с Тель-Авивом особых расхождений нет. А охлаждение с большинством арабских режимов связано с нашей поддержкой Сирии».[4]

Попытки простого объяснения столь бурной активности израильских лидеров на российском треке, как правило, сводятся к двум пунктам. Во-первых, к попытке найти новую точку опоры в контексте нынешнего состояния отношений еврейского государства с его стратегическим союзником – США после прихода к власти в январе 2009 г. администрации Барака Хусейна Обамы, развернувшей масштабное давление на Израиль в рамках

«нового прочтения» американских ближневосточных интересов. Во-вторых, к осознанию израильским политическим истеблишментом возрастающего веса России в непосредственно завязанных на израильские интересы политико- и экономико-стратегических процессах в регионе «малого» (зона арабо-израильского конфликта) и «Большого» (от Магриба до Центральной и Южной Азии) Ближнего Востока.

Роль экспертного сообщества

Эти соображения политического руководства, разумеется, не стали секретом для израильского общества, в коллективном внешнеполитическом сознании которого значимость российского трека стала заметно увеличиваться. О чем можно судить хотя бы по числу публикаций на эту тему в ведущих печатных и электронных СМИ и наметившейся тенденции к перелому (после десятилетнего спада) интереса к академическому изучению России и Евразии в израильских ВУЗах и исследовательских центрах. Параллельно возросло потребление израильским информационным рынком экспертно-аналитических обзоров и суждений, которые те же СМИ и профессиональные издания бесперебойно доводят до сведения общественности.

В общем виде можно отметить, что в этом сообществе сегодня присутствуют две основные фракции: так сказать, «кремлеоптимисты» и «кремлепессимисты», которые по-разному оценивают ближневосточное отражение "нового прочтения" российских геополитических и экономических интересов в первом десятилетии нового века.

Новая линия Москвы, особенно начиная со второго президентского срока В.В. Путина была, как известно, связана с попытками российского внешнеполитического истеблишмента вернуть своей стране как правопреемнику СССР статуса великой державы – пусть первоначально и на декларативном уровне. В региональном контексте эта линия означала, что Москва уже не готова удовлетвориться символическим присутствием на Ближнем Востоке, в том числе и в сфере непосредственных израильских интересов, где почти 10 лет ее роль ограничивалась статусом «коспонсора Ближневосточного мирного процесса». (Каковой, по ряду мнений, был такой же фикцией, как и сам мирный процесс).

По мнению ряда аналитиков, в свою вторую каденцию Владимир Путин перешел в дипломатическое наступление, нацеленное на сохранение отношений России с шиитским миром и одновременное привлечение суннитских правительств к созданию российско-арабского альянса.[5] В более практическом плане в последнее десятилетие российские интересы в регионе включают, по мнению экспертов, четыре основных сюжета[6].

Первый связан с попытками массированной интервенции российских компаний в сферу добычи и переработки нефти и газа, равно как и систему транспортировки углеводородов арабо-мусульманских стран. Второй сводится к расширению и диверсификации контрактов на поставки местным режимам российских вооружений (все это, среди прочего, должно было обеспечить ресурсы для российского ВПК и модернизации экономики). Третьей целью являются усилия по делигитимации в глазах «умеренного» исламского мира чеченских и дагестанских сепаратистов и минимизации их поддержки со стороны арабских стран.[7] Наконец, ближневосточный курс Кремля, по предположениям аналитического сообщества, в каком-то смысле обслуживает и антиамериканские настроения в российском общественном мнении. Подобная линия, в свою очередь, играет определенную роль в стабилизации внутриполитической обстановки и плавной «ротации власти» внутри президентского «ближнего круга». Все это означало практически полный разрыв с концепцией «равноудалённости», которая была господствующей во внешней политике России времен второй каденции Ельцина и первого срока президентства Путина. Этот же отход продолжался на протяжении всего четырёхлетия президентского срока Дмитрия Медведева и не претерпел фундаментальных изменений с избранием Владимира Путина на третий президентский срок.

Больше всего израильтян, понятно, волновало, как все эти процессы скажутся на российско-израильских отношениях (и опосредованно – на статусе и настроениях почти миллионной общины выходцев из бывшего СССР). Что касается «кремлепессимистов», то они продолжают подозревать, что нынешний курс Кремля де-факто усиливает проарабский и, следовательно (коль скоро с «равноудаленностью» покончено), антиизраильский крен в стратегии Москвы.

С точки зрения наиболее радикальных сторонников этой версии, Россия, пытающаяся вернуть себе статус великой ми-

ровой державы и вступающая в этом качестве во все более очевидную политическую конфронтацию с США и Западом в целом, рано или поздно скатится к глобально-политическим моделям и представлениям конца советской эпохи.[8] В региональном контексте это в конечном итоге будет означать видение Израиля как потенциального противника, учитывая его стратегическое партнерство с США.

В подтверждение этой версии обычно приводят четыре обстоятельства:

1. Россия активно содействует развитию ядерной программы Ирана, президент которого заявил о необходимости «стереть Израиль с политической карты».

2. Россия поставляет враждебным Израилю режимам новейшие виды обычных вооружений, меняющих стратегический баланс на Ближнем Востоке. Кроме того, часть этого оружия, вопреки всем договоренностям и многочисленным заверениям российской стороны, оказывается в руках ливанской «Хизбаллы» и других террористических организаций. Последний по времени пример такого рода – неудавшаяся попытка, если верить западной прессе, режима Башара Асада переправить своим союзникам из «Хизбаллы» недавно закупленные у России зенитно-ракетные комплексы SA-15, SA-17 и SA-22, а также противокорабельные ракеты «Яхонт» также российского производства. Причем Израиль не без оснований опасается, что часть вооружений из арсеналов Асада может попасть даже не к «Хизбалле», а к еще более радикальным группировкам, включая «Аль-Каиду».

3. В России на высоком уровне четырежды принимали делегацию ХАМАС, помогая тем самым этой террористической организации, ответственной за гибель сотен израильских граждан, противостоять международным усилиям по ее «нормализации».

4. В противовес позиции Израиля Россия провозглашает «стержневой характер палестино-израильского конфликта для всей ситуации на Ближнем Востоке» и его «ключевую роль в основных региональных кризисах, угрожающих безопасности и стабильности региона», и «усилиях по искоренению экстремизма и терроризма».

Вопреки опасениям «кремлепессимистов», их оппоненты, напротив, готовы принять объяснения российской стороны о том, что Россия возвращается на Ближний Восток не как носитель какой-то идеологии, а из чисто прагматических

соображений. В этой связи «кремлеоптимисты» также готовы поверить, что российские военные поставки Сирии и Ирану – «это бизнес в чистом виде» и изменение российской линии по отношению к этим режимам есть вопрос цены в самом простом и примитивном смысле этого слова. Иными словами, даже если глобальные геополитические интересы в принципе могут развести Израиль и Россию по разные стороны баррикады, проблема, если принять этот взгляд на вещи, состоит не в имманентном конфликте интересов двух стран, а «новом» контексте глобальных интересов России. Поэтому, по мнению «кремлеоптимистов», если изменится контекст (либо Израиль займет там иное место) – изменится и ситуация в российско-израильских отношениях[9].

Проверкой для обоих подходов во многом стали последние шаги российской дипломатии на палестино-израильском треке, в том числе связанные с реакцией на кампанию по одностороннему, вопреки прежним соглашениям с Израилем, признанию палестинского государства через ООН, которую лидеры ПНА/ООП ведут на протяжении последних трех лет.

В отличие от других стран СНГ и Балтии, для большинства из которых палестино-израильский конфликт носит скорее эмоционально-умозрительный характер, позиция России как правопреемницы СССР, одного из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН, участницы «ближневосточной четверки посредников» и в этом качестве – одного из официальных коспонсоров палестино-израильского «мирного процесса» в этом смысле является одной из ключевых. Факторы, влияющие сегодня на российский выбор, многообразны. Помимо стремления вернуть себе утерянный после распада СССР статус сверхдержавы, а также долгосрочных политико-стратегических и экономических интересов в арабо-мусульманском мире и стратегического сотрудничества с Ираном, они включают и «эмоционально-политический» момент давних связей СССР/России с лидерами ООП, эффект которых все еще дает себя знать на Смоленской площади. Поэтому не вызывает удивления, что РФ, несмотря на активное сотрудничество с Израилем, заявила о намерении поддержать односторонние требования Палестинской национальной администрации, что и было сделано в ноябре 2012 года.

Мнения «кремлеоптимистов» и «кремлепессимистов», а вслед за ними – и широкой публики разошлись в оценке этого

вопроса. Первые оказались готовы проявить несколько большее понимание новых обстоятельств, с которыми Россия столкнулась на Ближнем Востоке в связи с волной революционных потрясений, прокатившейся в течение последнего года по арабским странам региона, и связанной с ними серьезной инфляции стратегического потенциала, наработанного РФ в контексте реализации регионального аспекта «мюнхенской» внешнеполитической доктрины Владимира Путина. Среди наиболее болезненных аспектов этого процесса комментаторы упоминают состоявшееся, или ожидаемое исчезновение режимов ближайших арабских союзников России – главы Ливийской Джамахирии Муаммара Каддафи и президента Сирии Башара Асада.

Поэтому «оптимисты» в израильском экспертном сообществе пытаются убедить и израильскую публику, и израильский истеблишмент в том, что у Москвы почти нет других оптимальных способов несколько поправить свои пошатнувшиеся ближневосточные активы, кроме как поддержать заявки ПНА/ООП в Совете Безопасности и на Генеральной Ассамблее ООН, что следует, по мнению «оптимистов», вынести «за скобки отношений» в числе иных пунктов, по которым Израиль и Россия «договорились не договариваться». Тем более, что определенные круги в Москве, как полагают «оптимисты», начинают приходить к выводу о возможной непродуктивности однозначно антизападной, как она воспринимается в мире, линии на Ближнем Востоке, в перспективе способной привести к изоляции России на Ближнем Востоке, и предпринимают определенные усилия по ее некоторому дезавуированию. Например, и после несостоявшегося голосования в СБ ООН в сентябре 2011 года, и после голосования на ГА ООН в ноябре 2012 года, из источников, близких к Кремлю, по неформальным каналам активно распространялась информация, призванная создать у внешних наблюдателей ощущение что бескомпромиссная поддержка российской стороной односторонней заявки палестинских арабов в ООН якобы являлась «исключительной инициативой российского МИДа», предпринятой без прямого указания администрации президента Российской Федерации[10].

С этим подходом, однако, решительно не согласны «пессимисты» из числа израильских, американских и даже некоторых российских экспертов, которые настаивают на том, что именно дипломатический конфликт вокруг односторонней за-

явки ООП/ПНА в ООН создал дополнительную динамику возможного перехода американо-российской конкуренции на Ближнем Востоке на новый уровень. То есть из категории «разногласий между партнерами» она может постепенно сместиться в категорию «прямой конфронтации, оставляющей не слишком много места для компромисса».[11]

Так нужен ли Израиль россиянам, а Россия – «русским»?

Даже если учесть, что и с точки зрения российской внешнеполитической элиты, выбор в этом и иных подобных случаях приходится делать не между «хорошим и лучшим», а «плохим и очень плохим», подобный расклад отнюдь не усиливает в израильском обществе возможности сторонников решительного сближения с Россией противостоять аргументам «кремлепессимистов». И тем более подрывает позиции в израильском общественном мнении тех, кто все еще верит, что изменение роли «русского фактора» в нынешнем глобальном и региональном политическом раскладе теоретически может способствовать изменению внешнеполитической доктрины Израиля на российском направлении в сторону перевода отношений с этой страной на качественно новый уровень.

В итоге установившийся в последние полтора-два года неустойчивый баланс сил между «кремлеоптимистами» и «кремлепессимистами» находится сегодня перед нелегким вызовом. Нетрудно спрогнозировать, что сдвиг в ту или иную сторону зависит от многих обстоятельств и не в последнюю очередь – от общественного мнения двух стран, которое в разной степени вынуждены учитывать их лидеры.

Показательно, что в России в этом смысле, несмотря на отмеченный выше объективный и субъективный «крен» (во всяком случае, как он видится из Израиля) в сторону арабских позиций, ситуация на уровне общественного мнения не столь уж однозначна. И существенно отличается от преимущественно антиизраильского или «негативно-нейтрального» отношения к Израилю прошлых лет, пик которых, по данным Центра социологических исследований Левада-центр, пришелся на лето 2006 г. – время Второй ливанской войны. Так, в ходе проведенного пять лет спустя, в конце 2011 года нового ис-

следования того же Левада-центра, касавшегося разных аспектов отношения россиян к Израилю, 69% опрошенных россиян заявили о своем позитивном отношении к этой стране.

В Израиле же то или иное отношение к российскому треку внешней политики будет намного в большей степени, чем в России, зависеть не столько от внешних обстоятельств, сколько от внутриполитического расклада. Например, решение о введении безвизового режима с Россией (как и год спустя с Украиной) было принято израильским правительством в первую очередь по настоянию «израильской с русским акцентом» партии НДИ как одно из условий ее участия в тогдашней правящей коалиции. (Притом, что позитивные политико-дипломатические и экономические перспективы этого шага для большинства израильского руководства были тогда совсем не очевидны).

Насколько можно судить, в политической структуре страны сегодня имеются три потенциальные силы, которые заинтересованы в стратегическом партнерстве с Россией, в том числе и в плане внесения израильским правительством российскому руководству далеко идущих предложений. Первая представлена той частью израильского политического истеблишмента, который видит необходимым не ставить все израильские интересы «на кон» исключительных отношений с США, а расширять возможности еврейского государства на мировой и региональной арене посредством поиска новых стратегических партнеров. Вторая сила – это израильские деловые круги, проявляющие все больший интерес к внедрению на нестабильный, но столь перспективный российский рынок, и потому заинтересованные в наличии мощного политико-дипломатического и правового «зонтика» для этой активности. Третьей силой традиционно считается почти миллионная община выходцев из бывшего СССР и СНГ, составляющих 16% местного электората и в некотором смысле определяющих успехи и неудачи соискателей поста премьер-министра страны, равно как и большинства израильских партий на общенациональных выборах, что еще раз однозначно подтвердили состоявшиеся 22 января с.г. выборы в Кнессет 19-го созыва.

По устоявшемуся мнению большинства израильских политиков, «хорошие отношения с Россией» (или видимость таковых) есть в первую очередь залог «хороших отношений» с русскоязычными избирателями. Более скрупулезный анализ показы-

вает, однако, что проблема намного глубже. Недавний опрос института "Мутагим", проведенный по просьбе автора этих строк среди русскоязычных граждан Израиля, посвященный перспективам израильско-российского стратегического партнерства, показал, что данная тема действительно выглядит вполне актуальной для «русской» общины. Лишь десятая часть респондентов (11,5%) не выразила по этому вопросу никакого суждения. При этом лишь 4% опрошенных были настолько раздражены нынешней позицией США по отношению к Израилю либо вообще никогда не испытывали к ним доверия, что согласились с мнением о том, что «Израилю имеет смысл отказаться от односторонней ориентации на США и заняться поиском и других стратегических партнеров, включая Россию».

Учитывая, что доля сторонников этой точки зрения равна возможной статистической погрешности выборки, можно заключить, что столь радикальный подход вообще не имеет «рынка» на израильской русской улице. Всемеро большей (27,9%,) оказалась доля тех, кто придерживается прямо противоположной точки зрения. Если верить этим данным, то от четверти до трети русскоязычных израильтян сегодня готовы согласиться с утверждением «кремлепессимистов» о том, что «интересы России всегда будут лежать преимущественно в арабском мире, потому она никогда не будет надежным партнером Израиля». Участники опроса при этом вполне понимают, что Израиль, будучи технологической сверхдержавой и важнейшим фактором региональной и, отчасти, мировой политики, тем не менее в существующем глобальном политическом контексте не может себе позволить принципа «постоянного нейтралитета». («Изоляционистов», считающих, что «Израилю стоит придерживаться политики равной удалённости от различных глобальных центров силы», среди респондентов оказалось сравнительно немного – 13,2%).

Большинство выходцев из СССР и СНГ, тем не менее, не считает, что безусловное партнерство с США, как бы их лидеры себя ни вели и чего бы ни требовали от Израиля, является единственной реальной альтернативой израильской внешней политики. Напротив, наиболее популярным среди опрошенных (43,4%, то есть почти половина) оказалось суждение, что «Израилю имеет смысл укреплять и расширять отношения с РФ, хотя и не за счет сложившихся особых отношений с США». Таким образом, число русскоязычных израильтян, готовых взвесить

идеи «кремлеоптимистов», оказалось более чем в полтора раза больше тех, которые считают, что от России, при любом варианте развития событий, «следует держаться подальше».

Итак, общине выходцев из бывшего СССР отнюдь не свойственен т. н. «экспатриотизм политического сознания», т.е. ориентация на «страну исхода» и идентификация с ее политическими интересами (феномен, зафиксированный, например, в среде многих групп мусульманских иммигрантов в Европе). За 20 лет, прошедших с начала «большой алии», русскоязычные репатрианты вполне интегрировались в местное общество и господствующую в них систему представлений и политических (в том числе внешнеполитических) ценностей. В этом смысле «русские израильтяне» являются таковыми с ударением на втором слове и вряд ли подпадают под популярную среди некоторых израильских социологов (и столь востребованную частью «старых» израильских элит) характеристику «хомо пост-советикус».[12] Иными словами, они ни в коей мере не являются лоббистами израильско-российского сотрудничества «без всяких условий», но вполне готовы стать одним из основных мостов рационально выстроенного и взаимовыгодного сотрудничества. А это, понятно, требует уже не просто лозунгов, но взвешенных политических шагов с обеих сторон.

---

[1] Подробный аналитический обзор публикаций на эту тему см. в: Robert O. Freedman. Russia, Israel and the Arab-Israeli Conflict: The Putin Years // *Middle East Policy.* Vol. 13, № 3 (Fall 2010), с. 51–63. См. также: Алек Эпштейн, Станислав Кожеуров. *Россия и Израиль: трудный путь навстречу.* – М.-Иерусалим: Институт Ближнего Востока; Гешарим, 2011.

[2] См., например: Alfred Wittstock. *The World Facing Israel, Israel Facing the World: Images and Politics.* – Berlin: Frank and Timme, 2011.

[3] Robert O. Freedman. Russia and Israel under Yeltsin // *Israel Studies.* Vol. 3, № 1 (Spring 1998), с. 140–169.

[4] Цит. по: Виктор Савенков. Что вымолил Путин в Вифлееме // *Свободная пресса.* М., 27.06.2012.

[5] Ariel Cohen. Russia's New Middle Eastern Policy: Back to Bismarck? // *Jerusalem Issue Brief.* Vol. 6, № 25, 20 March 2007.

[6] Robert O. Freedman. Russia, Iran, and the Nuclear Question: The Putin Record // *Jerusalem Viewpoint*, № 544, 2 July 2006; Ilya

Bourtman. Putin and Russia's Middle Eastern Policy // *Middle Eastern Review of International Affairs*, Vol. 10, № 2 (June 2006).

[7] Robert O. Freedman. The Putin Visit to Saudi Arabia, Qatar and Jordan // Analytical report. March 2007.

[8] Eugene Rumer. *Dangerous Rift: Russia's Middle East Policy.* – Washington: The Washington Institute for Near Eastern Policy, 2011; George L. Simpson Jr. "Russian and Chinese Support for Tehran. Iranian Reform and Stagnation // *Middle East Quarterly*, Spring 2010, с. 63–72.

[9] Zvi Magen. Israel and Russian foreign policy // INSS Insight, № 132, 22.09.2009; Mark Katz. Putin's Pro-Israel Policy //Middle East Quarterly. Vol. 13, № 1 (Winter 2005), с. 51–59.

[10] Серия конфиденциальных интервью, ноябрь-декабрь 2011 и декабрь 2012 гг. Большинство собеседников автора, знакомых с процессом принятия политических решений в России, не находили убедительными многие из аргументов, поданных в пользу данной версии.

[11] Серия персональных интервью с экспертами и сотрудниками профильных израильских, американских и российских think-tanks (Тель-Авив, Герцлия, Иерусалим, Рамат-Ган, Вашингтон и Москва, сентябрь-ноябрь 2011 года). Автор выражает особую признательность Д. Маковскому (Washington Institute for Near East Policy), А. Коэну (Heritage Foundation, Washington), Д. Манкоффу (USA Center for Strategic and International Studies), Д. Стейнбергу (Jerusalem Center for Public Affairs), Б. Рубину (GLORIA Institute, Herzliya), Э. Инбару (Begin-Sadat Center for Strategic Studies, Ramat-Gan), Ц. Магену (Tel-Aviv Institute for National Strategy Studies), а также российским экспертам Е. Сатановскому, А. Шумилину и С. Маркедонову.

[12] См.: Владимир (Зеэв) Ханин. Эмигранты», «сепаратисты» и «почвенники»: к новому витку дискуссии о роли русско-еврейской общины в Израиле. – М.: *Институт Ближнего Востока*, 2010.

Владимир (Зеэв) Ханин

«ЭФИОПСКИЙ СКАНДАЛ» В ИЗРАИЛЕ: ОПЫТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В начале января 2012 г. информационное поле Израиля было «взорвано» очередным «этническим» скандалом, связанным с фактами якобы массовой дискриминации выходцев из Эфиопии в израильском обществе. О болезненности этой темы говорит хотя бы то, что ведущие израильские электронные и печатные СМИ уделяли ей почти столько же внимания и места, сколько проходившим в те же дни американо-израильским контактам по поводу иранской ядерной угрозы и праймериз в крупнейших партиях.

Суть дела

Всю эту «волну» подняло сообщение государственной радиостанции «Голос Израиля – Решет Бет» о случае, имевшем место в городке Кирьят-Малахи, расположенном примерно в 85 км к югу от Тель-Авива, основное население которого составляют выходцы из стран Магриба и Северного Кавказа. Согласно данному сообщению, одна из женщин-домовладельцев этого города отказалась сдать квартиру семье евреев-выходцев из Эфиопии, недвусмысленно дав понять, что именно их происхождение является причиной отказа. Параллельно Второй канал израильского ТВ сообщил, что за этим случаем стоит чуть ли не «заговор» домовладельцев, в результате чего репатрианты из Эфиопии не раз сталкивались с отказом при попытке купить или снять квартиру в этом городе.

Потом выяснилось, что инициативные группы жителей, уговаривавших владельцев квартир и домов не сдавать жилье членам эфиопской общины, поскольку их присутствие якобы ведет к снижению уровня жизни и падению стоимости

жилья, появились и в других городах. Например, это имело место как в сходном с Кирьят-Малахи по сравнительно невысоким социально-экономическим стандартам жизни городе Хадера, так и вполне благополучном городе Петах-Тиква в центре страны. (Этот город некоторые журналисты даже поспешили назвать чуть ли не «символом ненависти» к репатриантам из Эфиопии).

Естественно, не обошлось без ответных акций: на следующий день после нашумевшей информации ИТВ в Кирьят-Малахи собрались несколько тысяч выходцев из Эфиопии, чтобы выразить протест против «унизительного», как они выразились, отношения к представителям их общины. Неделю спустя аналогичная демонстрация была проведена возле здания Кнессета в Иерусалиме, в которой помимо репатриантов из Эфиопии приняли участие и сочувствующие им представители других общин, в том числе либерально настроенной ашкеназской (евреи европейского происхождения) молодежи. С резкой реакцией выступили мэр Кирьят-Малахи Моти Малка, который даже заявил, что городская администрация подаст судебный иск против членов районного комитета и всех жильцов, подписавших соглашение, дискриминирующее «эфиопов», и его коллеги из других городов. С немедленным и решительным осуждением произошедшего также выступили президент Израиля Шимон Перес и премьер-министр Биньямин Нетаньяху. Параллельно в дело вступил юридический советник правительства Йегуда Вайнштейн, который распорядился начать уголовное расследование по данным фактам; с аналогичным требованием выступила также министр культуры и спорта Лимор Ливнат.

Понятно, что «отметились» и политики разного толка, а также многочисленные представители разного рода правозащитных организаций. Именно в этот момент у ряда обозревателей стало складываться ощущение, что решение по существу данного конкретного, но постепенно теряющегося в потоке других новостей вопроса (чем должны были заняться и действительно занялись компетентные инстанции) не является первым приоритетом многих из этих лиц. Большинство из них, руководствуясь своей идеологической платформой или политическими приоритетами, предпочли приложить усилия к смещению акцента на обсуждение более широкой темы «расовой дискриминации» в израильском обществе. В итоге обсуждение специфического и, несомненно, достойного порицания случая

(или случаев) ксенофобии, которая, несмотря на все усилия, все еще имеет место в Израиле и иных местах (включая самые «политкорректные» западные общества), быстро «перетекло» в сугубо политическую плоскость.

Пикантности ситуации добавило то, что упомянутые в прессе факты дискриминации (в трактовке этих изданий) израильских «эфиопов» в большинстве случаев имели место в периферийных «городах развития» юга и Галилеи и экономически неблагополучных, по израильским понятиям, кварталах городских агломераций центра и севера страны. То есть в районах, преимущественно населенных представителями т.н. «второго Израиля» – потомками евреев-выходцев из мусульманских стран Северной Африки и Ближнего Востока, пик иммиграции которых пришелся на 1948–1951 гг., и лидеры которых представляют именно эти общины жертвами последовательной дискриминации со стороны «первого Израиля». (Речь идет о евреях ашкеназского, т.е. европейского и североамериканского происхождения, составляющих большинство израильского среднего класса и ядро культурного, политического и экономического истеблишмента страны).

Хотя с тех пор в положении «сефардов» (восточных евреев) произошли существенные изменения, и они уже четыре десятилетия широко представлены в Кнессете, госаппарате, партиях, деловых кругах, профсоюзах и других правящих структурах страны, число тех, кто именно продолжающейся дискриминацией склонны объяснять все социальные и экономические проблемы этой группы, не уменьшается. Правда, сторонников подобного понимания несколько обескуражил тот факт, что на этот раз «дискриминируемые» потомки репатриантов сами выступили в качестве инициаторов дискриминации других репатриантов. В первый момент им сложно было ответить на замечание депутата Кнессета Рони Бар-Она о том, что «против эфиопов оказались настроены не уроженцы страны, а те, кто сами когда-то пережили проблемы репатриации».

Эмоции и факты

Впрочем, выход из этого морального противоречия нашелся быстро: виновным во всем были объявлены не домовладельцы, а все тот же «жестоковыйный истеблишмент".

Следующий ход уже не стал сюрпризом: представители ряда групп политических (в основном леворадикальных и социально-популистских) интересов прямо обвинили руководство страны в стремлении «повесить» решение проблем «одной социально слабой группы» (выходцев из Эфиопии) на другой социально слабый слой (сефардов). Некоторые пошли еще дальше, утверждая, что «ашкеназские элиты» чуть ли не натравливают «эфиопов» и «марокканцев» друг на друга, тем самым увековечивая статус обеих групп в качестве «граждан второго сорта».

Подобные настроения достаточно четко сформулировал один из активистов организации социальной и правовой защиты выходцев из Эфиопии, заявивший, что у него «нет претензий к жертвам многолетней дискриминации, отказывающимся продавать или сдавать квартиры его сообщинникам, его претензии только к правительству страны». Надо сказать, что такую версию оказались готовы «купить» и многие оппозиционные политики, а также члены коалиционной партии сефардов-традиционалистов ШАС.

Пиком разгорающейся дискуссии стало прошедшее 11 января 2012 г. заседание комиссии по алии и абсорбции Кнессета, посвященное проблеме сегрегации эфиопских евреев. Ряду депутатов от оппозиционных партий (среди которых выделялся член парламентской фракции партии Кадима, сам выходец из Эфиопии Шломо Мула) и приглашенных на заседание представителей правозащитных организаций в какой-то мере в очередной раз удалось, по замечаниям наблюдателей, увести дебаты от обсуждения сути событий в Кирьят-Малахи. Вместо этого объектом критики вновь стало правительство, которое, по словам выступающих, якобы «поощряет патронажное и высокомерное отношение к репатриантам из Эфиопии» и «сознательно игнорирует их проблемы».

Правительство, в лице министра абсорбции Софы Ландвер, присутствовавшей на том же заседании и представлявшей «русскую с израильским акцентом» партию «Наш дом – Израиль», не осталось в долгу, отметив, что репатрианты из Эфиопии, при всех проблемах их интеграции, должны, тем не менее, испытывать благодарность Государству Израиль за все, что оно для них сделало. Причем в ходе начавшейся после этого заявления словесной перепалки Ландвер пояснила, что она имела в виду всех репатриантов, в том числе себя (репатрии-

ровавшуюся в Израиль в конце 70-х гг. из Ленинграда). Это заявление министра породило новую волну общественной дискуссии: часть из ее участников поспешила обвинить Софу Ландвер в «высокомерном отношении к эфиопским евреям», а другие активно поддержали ее позицию.

Так кто же прав: представители правительства, по мнению которых, государственные инстанции Израиля сделали для приема и интеграции выходцев из Эфиопии больше, чем для любой другой группы репатриантов за всю историю страны, или его критики, утверждающие обратное? Обратимся к фактам. По данным ЦСУ Израиля, в феврале 2012 г. в стране жили чуть более 81 тыс. лиц, родившихся в Эфиопии и покинувших эту страну после 1979 г., плюс около 39 тыс. детей, родившихся уже в Израиле в семьях, где глава (а в подавляющем большинстве случаев – оба родителя) являлся уроженцем Эфиопии. В 2000–2007 гг. среднее число репатриантов из Эфиопии составляло примерно 3000 человек в год. В последующие годы эмиграция из Эфиопии резко сократилась, упав до абсолютного минимума в 240 чел. в 2009 г., после чего вновь выросла до 1676 в 2010 и 2718 репатриантов в 2011 гг.

Все это сообщество выходцев из Эфиопии очевидным образом распадается на две этнокультурные группы. К первой, составлявшей абсолютное большинство в среде репатриантов 80-х – начала 90-х годов XX в., относятся эфиопские евреи-фалаши (т. н. "бета-Исраэль"), на которых в 1977 г., на основании галахического постановления, которое в 1973 г. вынес тогдашний главный сефардский раввин Израиля Овадия Йосеф, был распространен израильский «Закон о возвращении». (До этого момета израильский истеблишмент и большинство раввинов категорически возражали против предоставления бета-Исраэль права на репатриацию в Израиль, а отдельных представителей этой общины, прибывавших в Израиль, для получения статуса новых репатриантов вынуждали проходить гиюр). В ходе двух операций – «Моше» («Моисей», 1984–85) и «Шломо» («Соломон», 1991) община фалашей практически в полном составе была переправлена в Израиль.

Академические и прикладные исследования интеграции бета-Исраэль, проведенные с 80-х годов и по настоящее время, показали, что несмотря на существовавшие сомнения и распространенные в обществе стереотипы, община евреев-фалашей абсорбировалась в Израиле сравнительно хорошо. Так, из обоб-

щающего исследования, проведенного в 2010–2011 гг. авторитетным Институтом Брукдейл по заказу Министерства абсорбции, следует, что между евреями, которые прибыли в Израиль из Эфиопии в 1979–1991 гг. и коренными израильтянами тех же возрастов, все еще остается в ряде сфер значительный негативный разрыв. Несмотря на это, в других критически важных областях, в том числе профессиональной занятости и образовании, эти различия существенно меньше или вообще отсутствуют[1]. Хотя исследование зафиксировало сохранение немалых трудностей, с которыми по сей день сталкиваются выходцы из Эфиопии прежней волны, они демонстрируют высокий уровень социального оптимизма. Очевидно, что эта ситуация стала возможной вследствие программ массированной государственной поддержки интеграции эфиопских евреев в Израиле, которые, по мнению экспертов, доказали свою эффективность в плане сокращения социально-экономических различий между ними и коренным населением страны. Именно поэтому автоматическое зачисление всех давно живущих в стране репатриантов из Эфиопии (к которым явно принадлежит и тот глава семьи, кадровый военнослужащий ЦАХАЛа, с отказа в съеме квартиры которому в Кирьят-Малахи и началась вся эта история) в «социально слабые слои населения», по мнению экспертов, далеко не всегда является корректным.

Вторая группа выходцев из Эфиопии, прибывших после 1994 г., в огромном своем большинстве состоит из представителей племени (или социально-кастовой группы) фалашмура, заявляющих о своем родстве с теми "бета-Исраэль", которые были насильственно, по их утверждениям, обращены в христианство несколько поколений тому назад. В отличие от фалашей, фалашмура прибывают в Израиль не в качестве новых репатриантов, а в соответствии с «Законом о въезде», условием чего является их декларированная готовность немедленно по приезде начать курс облегченного гиюра (перехода в иудаизм). При этом проблема фалашмура, которых Израиль считает себя обязанным принимать по моральным и политическим причинам, остается до сих пор открытой.

В Эфиопии, как пишет исследователь этого вопроса этнограф и публицист Велвл Чернин, «остается неподдающееся точному определению число лиц, причисляющих себя к фалашмура и требующих, чтобы их пустили в Израиль. В адрес израильского правительства, которое недостаточно активно, по мнению акти-

вистов лобби в поддержку фалашмура, занимается перевозом в Израиль представителей этой группы, регулярно раздаются обвинения в расизме. И это несмотря на то, что против привоза в Израиль членов общины фалашмура, многие из которых, требуя права на въезд в Израиль, по-прежнему открыто исповедуют христианство, выступает значительная часть представителей общины бета-Исраэль»[2]. Остроту полемики по данному вопросу позволяет ощутить мнение израильского журналиста эфиопского происхождения Дани Абаба, опубликованное газетой «Едиот Ахронот» в 2007 г. По мнению журналиста, «история с фалашмура – это самая большая ложь в истории эфиопских евреев. Наша община стала заложницей благодаря американским евреям, которые хотят устроить «примирение» с черными афроамериканцами на фоне нанесенных им обид. Мы, эфиопские евреи, служим разменной картой в этой теме»[3].

Как бы то ни было, и правительство Израиля, и Еврейское Агентство неоднократно пытались поставить точку в этой истории, определив какое-то конечное число фалашмура, подлежащих иммиграции, и ликвидировать временные лагеря в Эфиопии, которые постоянно наполняются гражданами этой страны, требующими предоставить им возможность перебраться в Израиль. В соответствии с решением правительства Израиля от 14 ноября 2010 г., очередная группа в количестве 7846 лиц, находящихся в списке ожидающих репатриации в лагере Гундар в Эфиопии, должна быть переправлена в Израиль в течение трех лет, после чего предполагается «закрыть тему»[4]. В соответствии с этим решением с тех пор в Израиль из Эфиопии ежемесячно прибывает примерно 200–220 человек, что определяется лимитами возможностей абсорбирующих структур, прежде всего наличием мест в центах абсорбции Еврейского Агентства. Тем не менее на момент написания этих строк (сентябрь 2012 г.) в лагере Гундар все еще остается немногим менее 2000 потенциальных иммигрантов[5].

Что касается проживания фалашмура в самом Израиле, то в отличие от евреев-фалаша их интеграция на рынке труда, в системе образования Израиля и в ЦАХАЛе проходит с большими сложностями[6]. При этом специалисты полагают, что благодаря массированному вложению государством ресурсов в абсорбцию этой группы можно ожидать решения большинства проблем их адаптации в долгосрочной, а возможно, и среднесрочной перспективе. Для иллюстрации можно, например, упо-

мянуть почти поголовное обеспечение субсидированным (до 90% его стоимости) жильем семей новых репатриантов из Эфиопии, а также проект «Хомеш». В его рамках Минфин и Министерство абсорбции Израиля ежегодно выделяют многие десятки миллионов шекелей на работу в микрорайонах, содержание молодежных центров, оплату дополнительных школьных часов, гранты на обучение в ВУЗах, профессиональную подготовку и иные образовательные, социальные и культурологические программы для первого и второго поколения выходцев их Эфиопии. Причем это делается как напрямую, так и через многие десятки НПО, содействующие абсорбции эфиопских евреев в социальной, культурной, экономической и образовательной сферах[7]. К сказанному добавим, что т.н. программы «корректирующей дискриминации» (affirmative action) применяются в отношении общины выходцев из Эфиопии, пожалуй, в большей степени, чем к другим «слабым слоям» страны. Стандартным для израильтян критерием таких программ является уровень представительства тех или иных групп населения, нуждающихся в особой поддержке для их социального продвижения, в органах государственной власти – министерствах, ведомствах, госкорпорациях и иных бюджетных структурах. В этом смысле в положении эфиопских евреев в Израиле также происходят немалые позитивные изменения. Так, несмотря на то, что израильтяне эфиопского происхождения составляют менее полутора процента всех граждан страны и чуть более одного процента лиц трудоспособного возраста, доля представителей этой общины среди госслужащих выросла с 1,09% в 2007 г. до 1,34% в 2011 г.[8]

Таблица

Представительство выходцев из Эфиопии в составе государственной службы Израииля в 2011 году

Годы	Общее число госслужащих	Выходцы из Эфиопии	Женщины	Мужчины	Доля выходцев из Эфиопии среди госслужащих (%)
2007	57946	629	337	292	1,09
2008	59505	716	386	330	1,2
2009	61338*	782	410	372	1,27
2010	**64062	841	453	388	1,31
2011	64079	864	460	404	1,34

* По состоянию на 15.06.2010.

** По состоянию на 11.02.2011.

При этом доля новых сотрудников, ежегодно принимаемых на работу в различные государственные министерства и ведомства, в полтора-три раза превышала их долю на рынке труда: 1,46% в 2007, 2,8% в 2008, 1,42% в 2009, 1,56% в 2010 и 1,96% в 2011 годах. И это несмотря на то, что по такому критерию, как уровень образования, который обычно является едва ли не самым важным при рассмотрении соответствия кандидата его функциональным обязанностям при приеме на госслужбу, выходцы из Эфиопии и их потомки все еще сильно «не дотягивают» до средних цифр по государственным ведомствам.

В свете этих фактов трудно согласиться с утверждениями о том, что «эфиопская» община практически осталась один на один со своими многочисленными проблемами.

Так в чем же дело?

Дело в том, что община выходцев из Эфиопии с ее как реально имеющими место, так и надуманными трудностями является весьма востребованным товаром на израильском политическом рынке, причем сразу в нескольких планах. Во-первых, как удобный символ в борьбе различных групп политических интересов, причем в эту борьбу постепенно включается и выросшее в Израиле и усвоившее местные «правила игры» новое поколение «эфиопских» общинных элит. Заметим, что именно среди этих людей находятся наиболее горячие лоббисты новой массовой иммиграции из Эфиопии, которые хотя и осознают все моральные и общественные издержки этого процесса, тем не менее полагают, что этот шаг укрепит политико-демографический потенциал их общины. До сегодняшнего дня выходцам из Эфиопии не удавалось провести в Кнессет собственный партийный список – им элементарно не хватало «электоральных ресурсов». (Число «эфиопов» в возрасте 18 лет и старше в Израиле составляет примерно 75,5 тыс. человек, и потому даже если все члены общины проголосуют за такой список, не хватит примерно 7 тыс. голосов, чтобы он прошел электоральный барьер). Поэтому завершение процесса иммиграции упомянутых почти 8 тыс. фалашмура может решить данную проблему.

Но и вне контекста своего списка «эфиопы» интересны для любой из имеющихся в Израиле (возможно, кроме арабских)

политических партий как «идеальный», то есть сплоченный и организованный, но пока не имеющий своего уникального политического лица электорат. Об уровне представлений части израильских политических элит свидетельствует недавняя история с обсуждением в Кнессете нового учебника по обществоведению, выпущенного в августе 2011 г. и содержавшего резкие нападки на общину выходцев из бывшего СССР. Согласно сообщениям, опубликованным 4 апреля с.г. газетой «Маарив» и сайтами NRG и News1 со ссылкой на портал IzRus, тревогу забили в начале апреля русскоязычные преподаватели обществоведения, обратившие внимание Минпроса и СМИ на антирепатриантское содержание учебника.

В книге наряду с массой фактических ошибок и крайне тенденциозными, в духе идеологической программы израильских ультралевых постсионистских кругов, оценками израильского общества и его политической структуры (что стало предметом широкой дискуссии и часто уничтожающей критики в израильских СМИ)[9] содержатся и характерные для этих же кругов нападки на «русских израильтян». В частности, имеются утверждения о том, что «Большая алия», будучи нерелигиозной, является «несионистской», что причиной отъезда «эмигрантов» из СССР стало в основном бедственное экономическое положение. Более того, согласно этому учебному пособию, большинство «русских» являются христианами, чуть ли не повально носят нательные кресты и ищут свою «еврейскую самоидентификацию» в ненависти к арабам. Зато алия из Эфиопии, по мнению авторов учебника, в отличие от «русской» была обусловлена «связью с Израилем и иудаизмом».

Составители учебника также считают, что партии, созданные репатриантами из бывшего СССР, являются «этнически русскими», тогда как выходцы из Эфиопии якобы интегрируются в существующие политические структуры[10]. Собственно, обозреватели уже давно обращали внимание на то, что именно «удобного и благодарного «эфиопа»», а не «амбициозных и несговорчивых» выходцев из России или Франции ведущие израильские партии предпочитают иметь на местах, зарезервированных для новых репатриантов в их партийных списках на парламентских выборах. Что, в общем, вполне вписывается в отмеченную еще полтора десятилетия назад тенденцию различного, хотя и не всегда декларируемого, отношения традиционных израильских элит к, с одной стороны, вполне отве-

чающей их представлениям о месте репатриантов в обществе и потому «контролируемой» алии из Эфиопии и, с другой, к «полезной, но неудобной» алии из бывшего СССР[11].

Интересно, что первая история такого рода была также отчасти связана с нынешним министром абсорбции Софой Ландвер. Накануне выборов 1996 г. в список Партии труда (Авода) в качестве «представителя репатриантов» был приглашен не представитель тогда 500-тысячного «русского» электората, во многом благодаря которому эта партия пришла к власти в 1992 г., а представитель более чем вдесятеро меньшей общины выходцев из Эфиопии Адису Массала. На фоне разгорающегося возмущения новых репатриантов из стран СНГ подчеркнутым игнорированием их интересов со стороны партийного руководства в список Аводы по настоянию ее тогдашнего лидера, ныне президента страны Шимона Переса в «авральном порядке» была включена Софа Ландвер, с чего и началась ее политическая карьера. Перед следующими выборами Ландвер, уже с соблюдением всей процедуры, была введена на закрепленное за репатриантами 23-е место, что уже вызвало скандал, учиненный Адису Массала. Последний обвинил членов Центрального Комитета партии в расизме и в принесении интересов «эфиопской» общины в жертву «русской» Софы Ландвер. (Так что в нападках представителей нового поколения «эфиопских» политиков радикально-популистского толка на упомянутом заседании комиссии Кнессета по алии и абсорбции на министра было, судя по всему, очень много «личного»).

Наконец, общественная полемика вокруг темы интеграции эфиопских евреев в Израиле во многом является полем столкновения двух доминирующих в стране типов социально-политической культуры, для каждой из которых характерна своя модель «конкурентного участия» в распределении национального богатства. Несколько упрощая тему, можно сказать, что первый тип предполагает борьбу за статус «самого успешного и эффективного», второй, напротив, – «самого униженного и несчастного» и именно на этом основании имеющего право на повышенную долю «пирога» общественных благ. Считается, что носители первого – «креативно-конкурентного» социокультурного типа были всегда шире представлены в «первом Израиле», в то время как для «второго Израиля» более характерна вторая, «неактивистская» модель. Однако сегодня это уже не совсем так, и эти культурно-поведенческие модели форми-

руют границы не только между теми или иными общинами, но и нередко внутри них.

Так, участники т.н. «палаточного протеста», ставшего наиболее заметным символом протестного движения против повышения стоимости жизни летом 2011 г., являлись в массе своей представителями периферийных групп «первого Израиля» и с достаточной очевидностью продемонстрировали, что их политические и экономические интересы остаются тесно связанными с государственно-профсоюзным сектором народного хозяйства и другими элементами «распределительной экономики». И именно эти люди в наименьшей степени приветствуют курс нынешнего правительства (как и ряда предыдущих) на демонополизацию и либерализацию народного хозяйства.

В качестве другого примера возьмем высказывания двух видных представителей «второго Израиля». Один из них – небезызвестный бывший лидер «Черных пантер» (протестное движение сефардской молодежи в Израиле в 70-е гг. XX в.), символ борьбы «униженных восточных евреев» против «дискриминационной политики ашкеназских элит» а ныне модный адвокат и миллионер Чарли Биттон. (Он запомнился многим выходцам из бывшего СССР в качестве организатора демонстраций протеста 1990–91 гг., участники которых требовали «остановить алию из СССР до тех пор, пока правительство не решит проблемы ранее прибывших в страну репатриантов»). В одной из прошедших в том же январе 2012 г. радиодискуссий[12] Чарли Биттон в очередной раз обвинил «высокомерный истеблишмент» в нежелании решать с помощью бюджетных выплат проблемы малообеспеченных слоев населения – в первую очередь, как следовало из контекста, «неевропейского происхождения». (Заодно Биттон вновь выразил неудовольствие «русскими», которых «ашкеназский истеблишмент», по его убеждению, «подкупил удовлетворением всех их запросов», и потому не пожелавших «сплотиться со всеми угнетенными общинами» в борьбе против дискриминации).

Другую позицию, прямо противоположную подходу той части элит «второго Израиля», которые бесконечно лелеют чувства обиды и приниженности израильтян сефардского происхождения, и небезуспешно культивируют комплекс «обиженных и угнетенных» у новых поколений восточных евреев, озвучил главный экономист инвестиционного дома «Экселянс»

Моше Маоз. С одной стороны, Маоз, как и Биттон, резко (настолько, что после этого был уволен со своего поста в компании) высказался против «ашкеназских» элит, которые, как он полагает, оккупировали такие реальные институты власти, как Верховный суд и крупнейшие банки. Он также высказался против «белых» кибуцев и мошавов, по его сведениям, разграбивших общественные земли. Однако выводы из сказанного Маоз сделал принципиально другие, взяв за пример все тех же «русских». А они, по его мнению, стали быстро продвигаться в новой для них стране, полагаясь лишь на свои силы, а за ними стало подтягиваться молодое поколение «сефардов». Обе группы, полагает Маоз, «не стали играть по правилам старой элиты и оставили ее отпрысков позади». Именно в этом контексте Маоз прокомментировал социальные протесты минувшего лета, утверждая, что во главе «палаточников» стояли изнеженные дети старых элит, которые не хотят и не могут бороться за «место под солнцем» против тех репатриантов из бывшего СССР и сефардов, которые привыкли тяжело работать и поэтому добиваются успеха[13].

Понятно, что сторонники обеих социально-политических «школ» – и Биттона, и Маоза – стараются мобилизовать «эфиопскую» тему в свою пользу. Что же касается самих израильтян эфиопского происхождения, то вряд ли кто-то способен за них сделать этот выбор.

[1] Йудит Кинг, Ноа Фишман, Авраам Вальда-Цадик. Анализ положения давно живущих в Израиле выходцев из Эфиопии: Отчет о социологическом исследовании. – Иерусалим: Институт "Брукдейл", 30 ноября 2011 г. (На иврите)

[2] Велвл Чернин. Евреи-субботники в контексте проблемы «потерянных колен // *Studia Anthropologica*, 2010, с. 220–238.

[3] Дани Адино Абаба. Вся Эфиопия – фалашмура // ynet, 29.11.07, (на иврите) http://www.ynet.co.il/articles/0,7340,L-3476914,00.html

[4] Флора Кох-Давидович. Готовность правительственных и общественных структур для приема и интеграции представителей общины Фалаш-мура, в соответствии с решением правительства № 2434". – Иерусалим: Исследовательский центр Кнессета, 23 ноября 2010 г. http://www.knesset.gov.il/mmm/data/pdf/m02725.pdf (на иврите)

[5] Данные Отдела информационных систем Министерства абсорбции Израиля, июль 2012 г.

[6] См. Паула Коэн-Стребчински, Шарон Амиэль, Дганит Леви, Вячеслав Константинов. "Первое и второе поколение выходцев из Эфиопии и бывшего Советского Союза: общее и особенное. – Иерусалим: Институт "Брукдейл" и Министерство абсорбции Израиля, январь 2012 г. (на иврите)

[7] О пятилетней программе ("Хомеш") социальной интеграции "эфиопских" репатриантов в Израиле и роли в ней "третьего сектора", см., например: Обзор деятельности и финансирование "третьего сектора" среди общины выходцев из Эфиопии по состоянию на 2007 год. Первый отчет. – Иерусалим: Министерство абсорбции Израиля, проект "Хомеш" для улучшения абсорбции выходцев из Эфиопии, 2007. (На иврите)

[8] Гения Марковиц. Пропорциональное представительство членов общины выходцев из Эфиопии среди работников государственной службы Израиля (по состоянию на 2011 год). Отчет Управления гражданской службы Израиля. – Иерусалим, июнь 2012 (на иврите).

[9] См. например: Дрор Эйдар. Урок граждановедения // *Исраэль Ха-шавуа* [Израиль за неделю] – приложение к газете "Исраэль Хайом" [Израиль сегодня], 20 апреля 2012, с. 17 (на иврите).

[10] Александр Коган. Учебник Минпроса: "русские" эмигранты носят кресты и чужды сионизму // *Izrus,* 3 апреля 2012 http://izrus.co.il/obshina/article/2012-04-03/17511.html#ixzz1sW96zwP4

[11] Джозеф Шварцворд, Михаэль Тур Каспа. Латентная угроза и социальное превосходство как основной фактор негативных стереотипов в отношении репатриантов из России и Эфиопии в Израиле // *Магамот*, декабрь 1997, № 4, с. 504–527 (на иврите).

[12] Радио "Лев Ха-медина" (Ришон Лецион), 14 февраля 2012 г.

[13] Zvi Zrahiya. Gafni: Shlomo Maoz was right about 'Ashkenazi establishment' regime // *Haaretz*, 24.01.2012.

Владимир (Зеэв) Ханин

ТУРЕЦКО-ИЗРАИЛЬСКАЯ "РАЗРЯДКА"

Одним из наиболее значимых последствий визита президента США Барака Обамы в Израиль в марте 2013 года стало объявленное преодоление «острой фазы» конфликта в отношениях Израиля и Турции, который, как казалось еще недавно, практически поставил точку в истории многолетнего политического и военно-стратегического партнерства двух стран.

История вопроса

Формальной причиной, по которой отношения между двумя странами почти три года пребывали в практически «замороженном» состоянии, стала высадка в мае 2010 года израильского спецназа на турецком судне «Мави Мармара» – флагмане т.н. «флотилии мира», направлявшейся на прорыв блокады сектора Газа. Блокада сектора Израилем (а также де-факто и Египтом) была установлена после вооруженного захвата власти в Газе боевиками радикальной исламистской группировки ХАМАС, превратившей подконтрольную им территорию в плацдарм для регулярных террористических вылазок против Израиля, прежде всего спорадических ракетно-минометных обстрелов юга страны. Несмотря на это, режим блокады, установленный Израилем, был достаточно мягким и в каком-то смысле условным. Ибо, вопреки враждебным действиям исламских фундаменталистов, не желающих смириться с существованием Израиля ни в каком статусе и никаких границах, еврейское государство продолжало почти бесперебойно снабжать Газу водой, электроэнергией, денежной наличностью, лекарствами, стройматериалами и товарами гуманитарного назначения, а также оказывать жителям сектора медицинские услуги в клиниках страны.

Именно поэтому объявленная цель «флотилии» – доставка в Газу гуманитарной помощи – была не более чем прикрытием реальной цели организаторов (международных исламских группировок и ультралевых пропалестинских активистов из Европы) – осуществления резонансной антиизраильской провокации. Одним из множества подтверждений этой цели был решительный отказ организаторов «флотилии» от предложения израильской стороны разгрузиться в ближайшем к Газе израильском порту Ашдод, где после проведения досмотра на предмет отсутствия вооружений и комплектующих для производства оружия и боеприпасов весь груз, действительно соответствующий критериям «гуманитарной помощи» (на практике его было мизерное количество), будет переправлен в Газу.

В связи с тем, что капитан «Мави Мармара» в отличие от других отказался подчиниться требованиям израильских властей и изменить курс, был предпринят штурм. Высадившиеся на борт израильские военные были атакованы находившимися на судне вооруженными активистами турецкой исламистской организации IHH, которая в ряде стран Запада считается террористической. Согласно ставшей достоянием гласности информации, они изначально ориентировались исключительно на «силовой вариант». Боевики IHH ранили несколько израильских военнослужащих и попытались двоих взять в заложники. И только в этот момент бойцы ЦАХАЛА, которые были жестко инструктированы до порследней возможности избегать нанесения любого физического ущерба участникам «флотилии», были вынуждены открыть огонь на поражение, в результате чего девять человек были убиты. Израильская и международная комиссии, расследовавшие инцидент, сочли действия израильских военных правомерными (видеозаписи, сделанные во время операции на «Мави Мармара», подтвердили, что они действовали в пределах необходимой самообороны), а блокада сектора Газа, согласно заключению экспертов ООН, является легитимной. Эти выводы представили в весьма невыгодном свете премьер-министра Турции Реджепа Тайипа Эрдогана, который, согласно документам, обнаруженным на борту «Мави Мармара», оказал прямую поддержку организаторам этой провокации. Потому израильское руководство (в первую очередь премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху, глава МИД Авигдор Либерман и министр обороны Эхуд Барак) на протяжении всего прошедшего с этой истории времени категориче-

ски отказывалось принять не менее категорические требования Анкары о принесении официальных извинений Турции и снятии блокады с сектора Газа.

Единственное, что израильские лидеры в принципе были готовы сделать – это выразить «сожаление» о гибели турецких граждан (фактически возложив вину на организаторов данной провокации), а также выплатить компенсации семьям погибших, но не как признание своей вины, а в качестве «гуманитарного жеста» и, разумеется, не в затребованном турецкой стороной размере. В свою очередь, правительство Турции отозвало своего посла из Израиля, выслав, соответственно, израильского посла из Анкары, а «замороженные» дипотношения все это время поддерживались «представителями интересов» из дипломатов низкого ранга.

Понятно, что если бы все дело было в эпизоде с «Мави Мармара», Израиль и Турция, которые, как отмечалось, многие годы были политико-дипломатическими и военно-стратегическими партнерами в регионе Ближнего Востока, нашли бы способ достаточно быстро преодолеть возникшие противоречия. Корни постепенно набирающего темп конфликта между двумя государствами возникли в момент прихода к власти в Турции десять лет назад «умеренных исламистов» из Партии справедливости и развития Р.Т. Эрдогана, предложившего новую внешнеполитическую доктрину страны. Эта доктрина, автором которой считается нынешний министр иностранных дел Турции Ахмет Давутоглу, предполагала постепенный разрыв с восходящими к основателю современной турецкой государственности Кемалю Ататюрку традициями прозападного светского национализма и переход к доктрине «неоосманизма».

Эта доктрина рассматривает, вопреки кемалистской идеологии, Турцию не столько «интегральной частью Европы», сколько наследницей развалившейся в ходе Первой мировой войны Оттоманской империи, где религиозно-исламские элементы идентичности превалировали над этно-конфессиональными. Соответственно, новая внешнеполитическая концепция турецкого руководства содержала в себе заявку на политическое доминирование в зоне стран Средиземноморья, ранее находившихся под оттоманской властью, и в этом качестве – на статус одного из главных игроков в арабо-исламском мире и в глобальной политике в целом. А это, в свою очередь, требо-

вало сворачивания стратегического партнерства с Израилем, на что Эрдоган и Давутоглу пошли тем охотнее, что это соответствовало их личным достаточно радикальным исламистским и во многом антисемитским взглядам и острой неприязни к еврейскому государству.

Соответственно, как справедливо заметил в своей статье в газете «Гаарец» Амос Харель, «ухудшение отношений с Турцией началось задолго до того, как на горизонте показалась турецкая флотилия»[1]. С приходом Эрдогана в 2003 году на пост премьер-министра резко усилилась критика со стороны Турции всех действий израильского правительства по борьбе с террором и ужесточались пропалестинская и антисионистская риторика турецких лидеров, неоднократно пересекавших все мыслимые в международных отношениях «красные линии». (Как, например, демарш Эрдогана, демонстративно покинувшего в 2008 году Давосский форум, протестуя против присутствия на нем президента Израиля Шимона Переса, обилие антисемитских, откровенно подстрекательских сюжетов на поддерживаемых государством телеканалах и в иных турецких СМИ и т.д.). А ранее стержневое для двусторонних отношений военное сотрудничество между двумя государствами пошло на спад.

Критическая точка в развитии этих негативных для отношений двух стран тенденций и резкого роста геополитических амбиций правительства Эрдогана была пройдена примерно в 2009 году. Тому способствовали, на наш взгляд, четыре обстоятельства. Во-первых, солидный экономический рост и нехарактерная для страны политическая стабильность, что позволило Эрдогану сочетать относительно либеральную экономическую политику с консервативной линией в социальной и религиозной сфере. Во-вторых, разгром кемалистской оппозиции, в первую очередь в военном истеблишменте страны, ранее бывшей среди гарантов светского «европейского» выбора Турции. В-третьих, понимание турецким правительством, что вступление их страны в ЕС, энтузиазм лидеров ведущих стран которого в этом смысле уменьшается по мере укрепления исламистских тенденций в турецком руководстве, является малореальным не только в среднесрочной, но и в долгосрочной перспективе.

И наконец, объявленная президентом США Бараком Обамой концепция «перезагрузки отношений с исламским миром»,

впервые обнародованная в его знаменитой речи в Каире, которая включала, среди прочего, два базовых элемента. А именно: продвижение новой ближневосточной стратегии, которая предусматривала «прагматизацию» американо-израильских отношений, включая массированное давление на Израиль, которое должно было вынудить его пойти на кардинальные политические уступки в качестве необходимого условия для начала диалога США с Сирией и Ираном, и поддержку прозападными арабскими режимами американских планов стабилизации в регионе. Причем в дальнейшем Обама предполагал подключить к этой схеме идущих к власти в ряде арабских стран «умеренных» (на фоне их еще более радикальных салафитских конкурентов) «Братьев-мусульман».

Вторым элементом этой новой стратегии был отказ Белого Дома от прежней доктрины президента Дж. Буша-младшего, который вел наступательную борьбу с международным исламистским терроризмом и небезосновательно полагал, что корень экстремизма в мусульманских странах кроется в самой структуре местного общества. Из чего сторонники идеологической школы, к которой принадлежал и Дж. Буш, делали вывод о том, что фундаментальное решение проблемы возможно путем «модернизации» арабо-мусульманских обществ по моделям западной либеральной демократии. В отличие от своего предшественника Барак Обама предлагал этим обществам не западную, а намного более им подходящую, как он полагал, «турецкую» модель, позволяющую сочетать формальный демократический процесс и «исламские ценности» с возможностью включения в эту систему элементов «мягкого» авторитаризма и контролируемой рыночной экономики.

Все это настолько вписывалось в политическое, идеологическое и стратегическое видение режима Эрдогана, что не могло не восприниматься турецкими «умеренными исламистами» иначе, чем «подарок судьбы». Выслушав речь Барака Обамы в Каире и переговорив с его эмиссарами, турецкие лидеры пришли к выводу, что принести в жертву партнерство с Израилем ради перспективы лидерства в исламском мире выглядит не только возможным, но почти беспроигрышным ходом. Именно поэтому, начиная с 2009 года, турецкое руководство активизировало линию нагнетания конфликта в отношениях с Израилем, в том числе постаравшись отработать по максимуму пропагандистскую составляющую антиизраильской про-

вокации вокруг «Мави Мармара», к организации которой турки, как отмечалось, были напрямую причастны.

Со своей стороны, израильтяне неоднократно предлагали различные компромиссные варианты, призванные снизить накал страстей или, по крайней мере, сохранять конфликт на контролируемом уровне. При этом и с израильской стороны были установлены некие «красные линии», одной из которых был решительный отказ принести требуемые Анкарой официальные извинения за гибель активистов IHH. Доминирующей позицией израильского руководства было мнение о том, что «если бы мы извинились за "Мармару", турки бы нашли другой предлог с нами поссориться». В Израиле исходили из того, что даже если в какой-то момент в Анкаре придут к выводу, что поддерживать накал конфликта с Израилем на чересчур «высоком огне» является непродуктивным, и его острый период будет пройден, «неоосманский» и следовательно, антиизраильский выбор Эрдогана является его долгосрочной стратегией. Поэтому в израильском руководстве крепло убеждение в необходимости выстраивания новой региональной политики, которая, среди прочего, должна предполагать формирование новой модели коллективной безопасности, причем не просто альтернативной прежнему альянсу с Турцией, но и имеющей выраженную антитурецкую направленность.

Основу такого блока мог составить постепенно складывающийся союз Израиля с историческими соперниками Турции – Грецией и Кипром. За время, прошедшее после истории с «флотилией мира», премьер-министру Биньямину Нетаньяху, главе МИД Авигдору Либерману и министру обороны Эхуду Бараку удалось резко повысить уровень сотрудничества трех стран в сфере безопасности, дипломатии и туризма. Помимо оборонных целей, новый альянс, к которому проявляли интерес в перспективе присоединиться также Болгария и Румыния, имел и важную экономическую составляющую, в первую очередь в плане кооперации усилий в области разработки газовых месторождений Восточного Средиземноморья и транспортировки углеводородов в Европу – также в обход Турции. Но именно в тот момент, когда казалось, что израильско-турецкий конфликт прошел “точку невозврата” и устраивающего обе стороны решения нет, премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху 22 марта в присутствии президента США Б. Обамы позвонил турецкому премьер-министру Р.Т. Эрдогану и принес искомые

официальные извинения Турции в связи с инцидентом с «флотилией мира». Эрдоган принял эти извинения, о чем Обама и объявил накануне своего вылета из Израиля, а позднее соответствующую информацию опубликовали пресс-службы Белого дома и канцелярий двух премьер-министров. Представители израильского премьера подчеркнули, что «в ходе беседы было решено вернуться на путь нормализации, включая возвращение послов», а также утверждали, что Турция согласилась «прекратить любое юридическое преследование израильских военных, имеющих прямое или косвенное отношение к событиям мая 2010 года». Эрдоган в свою очередь сообщил, что будет содействовать быстрейшему преодолению двустороннего конфликта. Причем, как сразу же заметили комментаторы, его заявление хотя и было выдержано в «победных тонах», уже содержало кардинальную смену акцентов. Вопреки своей прежней «железобетонной» позиции, турки говорили о выплате компенсаций семьям погибших и снятии блокады с сектора Газа как о том, что должно последовать за нормализацией отношений с Израилем, а не как о предварительных условиях этой нормализации.

Попробуем разобраться в мотивах сторон, вовлеченных в этот процесс.

Зачем это нужно Обаме?

Вопрос о том, в какой степени давление Барака Обамы было причиной того, что именно Нетаньяху сделал «первый шаг», а Эрдоган резко «снизил профиль», не вполне ясен, но американский президент, который предпочитает отрицать, что он как-либо «давил» на стороны в этом вопросе, несомненно, находится среди главных выигравших от подобного развития событий.

Очевидно, что администрация Белого Дома сегодня озабочена поиском новой ближневосточной стратегии взамен вышеупомянутой концепции «перезагрузки отношений с исламским миром», с которой Обама начал свою первую каденцию и которая стала нерелевантной в свете тяжелых социальных и политических потрясений (т.н. «арабской весны»). А вместе с ней была сдана в архив и идея сближения не только с прозападными националистическими, но и «умеренно-исламистскими»

арабскими режимами за счет «охлаждения» (реального или символического) отношений с Израилем, включая стремление вынудить его оплатить своими активами «новое прочтение» американских интересов на Ближнем Востоке.

Но и осознание американцами концептуальной ошибочности этой линии и постепенный отход от нее к концу первой каденции Барака Обамы не снимали необходимости предложить альтернативные пути решения все тех же двух принципиально важных для Вашингтона связанных с Ближним Востоком проблем. А именно: следовало выработать эффективный механизм стабилизации в регионе и реализовать главное внешнеполитическое обещание Обамы – вывести американские войска из местных «горячих точек» без того, чтобы не оставить там хаос и вакуум, который немедленно начнет заполняться международными террористическими сетями (типа «Аль-Каиды») и режимами-спонсорами террора (такими, как Иран).

Некоторые параметры новой региональной доктрины США стали ясны в марте 2013 года из высказываний американского президента во время его первого в этой должности визита в Израиль (ставшего также его первым зарубежным турне после переизбрания на этот пост). Можно заключить, что эта доктрина предполагает минимизацию «наземного» присутствия войск США на территориях, попавших под контроль «деструктивных» (в первую очередь исламских фундаменталистских) режимов и террористических сетей. Взамен «иерусалимская доктрина» Обамы предлагает «дистанционное» уничтожение террористической инфраструктуры и оказание массированной дипломатической, политической и военно-технической поддержки соответствующим действиям ключевых союзников США в регионе – прежде всего Израиля и Турции. (Причем демократический Израиль как надежный, стабильный, эффективный и предсказуемый стратегический партнер США в регионе, в этом смысле имеет явный приоритет).

Нетрудно заметить, что данный подход имеет много общего с израильской политикой в отношении режима исламских фундаменталистов из движения ХАМАС в секторе Газа, сформулированной как «управление кризисом в секторе без управления Газой». Как нам не раз приходилось отмечать, данный подход предполагает сочетание методов экономического, политического и дипломатического давления на правительство

ХАМАСа в Газе с диспропорционально жесткой реакцией на любые вылазки террористов, включая проведение интенсивных ограниченных военных операций и точечных ликвидаций их лидеров. Эта политика позволяет не оккупировать вновь Газу, но и не вести с ХАМАСом прямых переговоров на его условиях, одновременно оставляя правительство ХАМАСа ответственным за ситуацию в секторе, делая его «легитимным объектом возмездия» в случае перехода террористами полуофициальной, но четко очерченной «красной черты».

Подобная схема была, например, реализована в ходе контртеррористической операции ЦАХАЛа «Облачный столп» в Газе. Помимо решения главной задачи – усиления сдерживающего потенциала ЦАХАЛа и обеспечения безопасности городов и поселков израильского юга, операция имела также ряд внешнеполитических целей. Первой такой целью было ликвидировать систему военного сотрудничества ХАМАСА с Ираном. Некоторые обозреватели даже назвали операцию ЦАХАЛа в Газе «антииранским переворотом», обращая внимание на то, что первыми же атаками израильских военных были уничтожены «начальник генштаба» ХАМАСа и главная креатура Тегерана в секторе Газа Ахмед Джабари и военизированные структуры, непосредственно подчиненные иранским «инструкторам». Следовало также «преподать наглядный урок» арабским союзникам Ирана, показав, что будет их ожидать в случае, если они подчинятся указаниям Тегерана атаковать Израиль, чтобы снизить международное давление на режим аятолл. (Наиболее актуальным «адресом» для такого послания является лидер ливанской «Хизбаллы» Хасан Насралла).

Что же касается долгосрочных итогов операции, то ими стало выстраивание системы непрямого «внешнего управления» Газой триумвиратом Израиль-США-Египет, с молчаливого согласия которых правительству ХАМАСа Исмаила Хании передаются функции внутреннего администрирования территорией сектора Газа, фактически отделенной от территорий, управляемых Палестинской национальной администрацией на Западном берегу р.Иордан и обладающих пониженным, по сравнению с первоначальным статусом ПНА, суверенитетом. (Показательно, что объединенные усилия США и Египта по пресечению контрабанды иранских вооружений в Газу через Синайский полуостров, как полагают эксперты, сегодня даже более эффективны, чем во времена Хосни Мубарака).

По замыслу американцев, та же схема может быть применима и ко второму анклаву фактически распавшихся палестинских территорий – «княжеству» главы ПНА Махмуда Аббаса на Западном берегу, а также урегулированию ситуации вокруг Сирии, как в случае ее сохранения в качестве единого государства, так и в случае ее распада на 3–5 различных этноконфессиональных анклавов. Причем, партнером США и Израиля в этих двух случаях должна стать Иордания, а в отношении Сирии – еще и Турция, которую Белый Дом заинтересован также привлечь к механизму «управления кризисом» в Газе.

По данным обычно неплохо информированного израильского портала «Дебка»[2], в Пентагоне уже разработан план противодействия использованию химического и бактериологического оружия как войсками, верными Асаду, так и террористическими группами в лагере сирийских «повстанцев», равно как и в случае его «расползания» по террористическим сетям в регионе и его окрестностям. С этой целью Вашингтон предлагает под эгидой США резко повысить координацию деятельности штабов Израиля, Иордании и Турции, созданных примерно полгода назад в этих странах для борьбы с использованием сирийских неконвенциональных вооружений. (Эту идею, по тем же данным, Обама обсуждал как с Нетаньяху, так и королем Иордании Абдаллой II во время своего визита на Ближний Восток, а госсекретарь США Джон Керри представил Эрдогану во время посещения Анкары).

Можно предположить, что американцы кровно заинтересованы в успехе этой модели еще и потому, что она в этом случае может быть использована и для решения наиболее сложной из всего набора ближневосточных проблем – военного компонента иранской ядерной программы. Как известно, именно по этому пункту между лидерами двух стран существуют серьезные разногласия.

США, не желая ввязываться в еще один, после Афганистана и Ирака, ближневосточный конфликт, решительно возражают против военной атаки на иранские ядерные объекты и настаивают на приоритете давления на Тегеран с помощью дипломатии и экономических санкций. В свою очередь в Израиле, находящемся перед лицом непосредственной угрозы со стороны ядерного Ирана (президент которого Махмуд Ахмадинежад не раз провозглашал своей целью «стереть еврейское государство с политической карты мира»), существует иное

видение ситуации. Там полагают, что никакие санкции не будут эффективными, если иранское руководство не будет чувствовать решимость цивилизованного мира в случае необходимости решить проблему силовым путем. Поэтому израильское руководство не раз говорило о том, что если Израиль останется один на один с ядерным Ираном, он будет вынужден обеспечить свою национальную безопасность самостоятельно. В Вашингтоне к такому варианту, насколько можно судить, относятся вполне серьезно. И потому Барак Обама в период своей первой каденции в качестве президента США и его госсекретарь Хилари Клинтон сделали многое, чтобы удержать Израиль от силовой опции, понимая, что в этом случае США также не смогут полностью остаться в стороне. По мнению некоторых комментаторов, сам визит Обамы в Израиль – первое его зарубежное турне после переизбрания на пост президента США – был, среди прочего, некой формой «благодарности» премьер-министру Нетаньяху за то, что он не предпринимал никаких «резких движений» в течение тех двух лет, пока Обама вел непростую избирательную кампанию, результаты которой были неочевидны до самого дня голосования.

Известно, что Белый Дом и Госдеп США не ограничивались призывами к правительству Израиля «дать шанс дипломатии», а предоставили определенные гарантии в «иранской теме», реализация которых, с точки зрения израильских лидеров, находится под большим вопросом. В частности, наблюдатели обратили внимание на то, что своим визитом в Израиль Обама одновременно пытался «подсластить пилюлю» глубокого разочарования израильского военно-политического руководства итогами состоявшегося в марте с.г. в Алматы очередного раунда переговоров «шестерки» (пять членов СБ ООН и Германия) и Ирана, с которым на Западе связывали надежды выйти на тот уровень договоренностей, которые сделают появление у Тегерана атомной бомбы немыслимым.

Вместо этого, несмотря на соответствующие обещания Израилю и решительные возражения последнего, Иран получил уступки по всем трем интересующим его пунктам. А именно: критически важное для развития иранской ядерной программы предприятие в Фордо остается открытым, великие державы согласились на продолжение обогащения иранцами урана до 20%, а пригодные для создания ядерных зарядов переработанные материалы не покинут страну.

Показательно, что именно в этот момент бывший глава израильской военной разведки АМАН Амос Ядлин заявил, что «[самостоятельный] эффективный воздушный удар ВВС Израиля по ядерным объектам Ирана не только возможен, но и будет операцией одной ночи»[3]. А полтора месяца спустя нечто подобное заявил уже начальник Генштаба Армии обороны Израиля Бени Ганц. В свою очередь, Комитет по иностранным делам Сената США в середине апреля с.г. принял резолюцию, согласно которой США берут на себя обязательства оказать Израилю всестороннюю помощь в случае военного вмешательства в Иран или же в случае агрессии с его стороны.

Понятно, что для Белого дома сегодня крайне важно добиться успеха своей новой ближневосточной стратегии – вначале в «пилотном варианте» на палестинском и сирийском направлениях, а затем и на иранском треке. Причем в устраивающем как США, так и Израиль контексте. Нетрудно, однако, предположить, что предложенные американцами схемы сотрудничества будут малоперспективными, если их два ключевых элемента – Израиль и Турция будут и дальше пребывать в состоянии конфликта. Поэтому Обама приложил немало усилий, чтобы приблизить двух своих союзников, с которыми Вашингтон сегодня связывает основные надежды на успех своей ближневосточной стратегии, хотя бы к состоянию «холодного мира» между собой.

Зачем это нужно Эрдогану?

Больше всех примирение с Израилем было нужно Эрдогану, и именно этим объясняется его «уступчивость», разумеется, «упакованная» в по-восточному цветистую фразеологию, призванную убедить как собственное население, так и тех, кто готов еще в это верить в арабском мире, в том, что он одержал над Израилем «моральную и политическую победу». Судя по всему, есть четыре главные конкретные причины, по которым Эрдоган ухватился за первую же возможность умерить свои амбиции.

Во-первых, очевидный кризис упомянутой выше политики «неоосманизма», причем сразу в обеих ее базовых составляющих. Достаточно скоро выяснилось, что заявка на статус Турции как государства, которое может без особых последст-

вий позволить себе войти в жесткую открытую конфронтацию с Израилем, сама по себе совершенно недостаточна для того, чтобы претендовать на лидерство в арабо-исламском мире. Антиизраильская риторика Эрдогана действительно сделала его героем «арабской улицы», но правящие элиты Ближнего Востока – монархические дома, «националистические» президентские кланы и приходящие к власти в результате «демократических» революций в ряде стран «Братья-мусульмане» и племенные вожди весьма нервно отнеслись к определению Анкарой ближневосточного региона как «естественной» сферы доминирования «наследников Оттоманской империи». (Громкий дипломатический скандал, демонстрации протеста и возмущенные реакции местных политиков, которые сопровождали официальный визит Эрдогана в Египет, где он неосмотрительно предложил арабам копировать «правильную турецкую модель исламской демократии», были лишь одним из многих тому примеров).

Другой ход турецкого руководства – демонстрация желания поддерживать отношения со странами Евросоюза и США и быть мостом в арабо-исламский мир, заявляя тем самым, что отношения с Израилем – сами по себе, а отношения с другими западными странами – сами по себе, также очень скоро исчерпал свои лимиты. Похоже, что Эрдоган и его советники сильно переоценили не только разногласия между США и Израилем, но и существенно более глубокие, на первый взгляд, расхождения между Израилем и ЕС, равно как и степень влияния исламского, леворадикального и других антиизраильских лобби в Европе на правительства своих стран. В итоге «неосманизм» вместо вывода Турции на новый уровень стратегического влияния спровоцировал тенденцию постепенной изоляции Турции, в первую очередь в региональной политике.

Выдвинутая Давутоглу (занимавшего в тот момент должность советника премьер-министра Эрдогана, а затем ставшего главой МИДа) в конце прошлого десятилетия концепция «нулевых конфликтов» с соседями уже несколько лет спустя обернулась прямой противоположностью: Турция через пару лет, в дополнение к «историческим» конфликтам с Грецией, Кипром, армянами и курдами, оказалась также в состоянии конфликта с Израилем, Россией, Сирией и Ираном. А грядущий возможный распад Сирии, включая уже состоявшееся образование курдской автономии на сирийских территориях, приле-

гающих к турецким границам, в дополнение к уже фактически независимому Иракскому Курдистану, создает перспективы возникновения конфедерации курдских автономий, формально находящихся в составе разных государств, которые выдвинут претензии на аналогичный статус курдских территорий в составе Турции. Подобный сценарий (особенно в случае сближения «курдского государства в пути» с формируемым под эгидой Израиля антитурецким балкано-восточносредиземноморским блоком) создаст для Турции тяжелейшую, если не вообще нерешаемую, геостратегическую проблему. В этих условиях новая ближневосточная концепция Обамы может стать для Эрдогана спасительным шансом выйти из внешнеполитического кризиса, в который завела Турцию политика «неоосманизма». Потому у Эрдогана сегодня не так много альтернатив помимо возможности, формально примирившись с Израилем, вернуться к старой концепции «Турции как моста между Западом и Востоком», пусть и на далеко не самых благоприятных для правительства Партии справедливости и развития условиях.

Во-вторых, инициированный Турцией конфликт с Израилем резко снизил оперативные и стратегические возможности вооруженных сил этой страны, которые фундаментально зависят от непрерывных поставок передовых израильских военных технологий. В частности, прекращение военного сотрудничества двух стран привело к острому дефициту БПЛА израильского производства, а также постепенному выходу из строя уже имеющихся в распоряжении Турции беспилотников вследствие недопоставок запчастей и комплектующих. (Нехватка этого оптимального для выполнения стоящих перед ВВС Турции задач вооружения, по мнению экспертов, была одним из важнейших факторов, подстегнувших Эрдогана пойти на подписание соглашения о прекращении огня с курдскими повстанцами, с перспективой предоставления культурной и административной автономии Турецкому Курдистану). Конфликт с Израилем также не дает возможности турецкой армии получить критически важные для безопасности этой страны (в свете набирающего темп противостояния с Ираном, готовым обзавестись собственным ядерным оружием) американские "Боинги", оборудованные системой раннего обнаружения AWACS, важнейшие компоненты которого разрабатываются израильтянами. По мнению военных экспертов, без системы AWACS (и израильских компонентов в них) расположенные на турецкой территории

продвинутые американские радары FBX не смогут полноценно выполнять возложенные на них функции. (В этом смысле, «подтолкнув» Эрдогана к примирению с Нетаньяху, Барак Обама, среди прочего, выступил в качестве «лоббиста» американского авиапроизводителя).

В-третих, парадоксальным образом Израиль сегодня стал основным каналом для вывоза турецких экспортных товаров в страны Персидского залива и другие страны Азии, куда, собственно, и идет наиболее весомая доля турецкого экспорта. Поскольку использовать прежний канал транспортировки через Сирию и далее через Иорданию и Саудовскую Аравию из-за гражданской войны и хаоса в Сирии стало невозможно, турецкие экспортеры сегодня могут полагаться почти исключительно на израильские порты в Хайфе и Ашдоде, откуда турецкие товары и вывозятся далее на восток. Эти же порты необходимы и для турецкого экспорта в США и Европу, поскольку ранее использовавшиеся для этой цели египетские порты в результате поразившего эту страну экономического и социального кризиса становятся все менее и менее функциональными. Этот аспект экономической деятельности является для Турции особенно важным в свете негативных тенденций, на которые эксперты обратили внимание еще два года назад. Так, в сентябре 2011 года в прессу попало заключение официальных лиц США, согласно которому внушительный 11-процентный рост турецкого ВВП стал результатом искусственного финансового «пузыря», взрыв которого может спровоцировать глубокий спад турецкой экономики. В документе подчеркивалось, что платежный дефицит Турции уже тогда достиг того же кризисного уровня, что и в Греции и Португалии, заставляя Анкару делать колоссальные усилия для того, чтобы избежать обвала национальной валюты[4]. Понятно, что в случае реализации этого негативного для турецкой экономики сценария никакая антиизраильская риторика не спасет режим Эрдогана.

Наконец, Эрдоган осознал и то, что многим в Турции было очевидно и ранее. Жесткое противодействие турецкого руководства, якобы действовавшего в «защиту прав» Ливана и непризнанной Турецкой Республики Северного Кипра израильским нефтегазовым разработкам и складывающемуся политико-энергетическому альянсу Израиля, Кипра и Греции, оказалось весьма непродуктивно. Попытка использовать в качестве одного из каналов давления ливанскую «Хизбаллу», на которую,

действуя через Дамаск в период «сирийско-турецкого медового месяца», Эрдоган пробовал распространить свой патронаж, сегодня, оказавшись «врагом № 1» клана Асадов, приносит ему больше неприятностей, чем пользы. Но еще важнее то, что Эрдоган, по-сути, как говорят на Ближнем Востоке, сам «выстрелил себе в ногу», обнаружив Турцию изолированной от возможностей производства, потребления и экспорта углеводородов из наиболее перспективного месторождения в мире. Как справедливо заметил израильский исследователь Барри Рубин, «в одно прекрасное утро Эрдоган проснулся с ощущением, что ему стоит поторопиться, пока активно поддерживаемый США израильский энергетический поезд еще не окончательно покинул последнюю станцию»[5].

Потому не вызывает удивления, что окончательная формула примирения оказалась существенно ближе к компромиссному варианту, еще три года назад представленному Израилем (и тогда отвергнутому Анкарой), чем к изначальной жесткой позиции турецкой стороны. Так, категорическое требование к Нетаньяху «покаяться» перед турками в прямом эфире мировых СМИ в конечном итоге свелось к личному телефонному разговору по защищенной линии, причем, согласно разъяснениям канцелярии израильского премьера, извинения были принесены не турецкому правительству, а «турецкому народу». Как не без иронии заметили израильские и некоторые зарубежные комментаторы, в переводе с дипломатического языка на обычный извинения Нетаньяху прозвучали так: «Если наши действия кого-то обидели, то мы об этом сожалеем».

Выраженная израильской стороной готовность выплатить компенсации семьям погибших турецких граждан означала не признание того, что целью израильских военных было непременно застрелить вооруженных активистов исламистской INN, и, следовательно, взять на себя юридическую ответственность за их гибель, а лишь желание сделать «жест доброй воли», предоставив гуманитарную помощь семям погибших. Наконец, Нетаньяху дал понять, что прежнее категорическое требование Анкары снять все без исключения пограничные и транспортные ограничения в отношении сектора Газа, не рассматривается. Как подчеркнул, комментируя слова премьер-министра, глава военно-политического штаба Министерства обороны Израиля Амос Гилад, «морская блокада направлена не против обычных

палестинцев, а против террористических группировок, которые контрабандой провозят в сектор Газа огромное количество оружия»[6]. С чем турки, судя по всему, были вынуждены молчаливо согласиться. Взамен Израиль проявил готовность «смягчить режим работы пограничных переходов», расширить ассортимент разрешенных к ввозу в Газу товаров «пропорционально готовности правительства ХАМАС Исмаила Хании соблюдать условия прекращения огня». Что, как несложно заметить, израильские власти всегда делали и так, вне контекста своих отношений с Турцией, США, Египтом, Евросоюзом или любой другой страной.

Все это было весьма мало похоже на «капитуляцию» Нетаньяху, как об этом было объявлено командой турецкого премьер-министра. Единственный успех Эдогана имел место в пропагандистской сфере, и он сделал максимум, чтобы отработать этот ресурс до конца. В последующие после «примирения» с Нетаньяху несколько недель Эрдоган сделал несколько резонансных заявлений разной степени убедительности. От утверждения, что Турция «не удовольствуется меньшим», чем полное снятие блокады с сектора Газа и «выплата миллионов долларов компенсации за каждого убитого турецкого шахида» (что, правда, сопровождалось куда менее впечатляющими призывами к правительству Израиля «проявить понимание и не торговаться из-за каждого доллара»). До полуанекдотичного заявления, что он «записал телефонные извинения Биньямина Нетаньяху» (надо полагать, с тем, чтобы при случае предъявить ему «политический счет»).

Показательно, что именно в этот момент израильские власти, в ответ на серию ракет, выпущенных из сектора Газа по территории Израиля на второй день визита туда президента США Барака Обамы, вполне ожидаемо для людей Хании закрыли на несколько дней пограничный терминал и отменили свое решение втрое расширить морскую зону, в которой судам из Газы разрешено действовать без досмотра израильских сил безопасности. Это, разумеется, не помешало лидерам ХАМАСа (которых в очередной раз просто поставили перед фактом, в данном случае – примирения их «самого большого друга» с их «самым большим врагом») выразить «глубокое удовлетворение и радость» по поводу того, что они назвали «победой Турции над Израилем» и наступлением «новой эры на Ближнем Востоке».

Зачем это нужно Нетаньху?

С точки зрения израильского руководства, речь в данном случае отнюдь не шла о «фундаментальной сдаче позиций», а о готовности – или отсутствии таковой – «занять низкий профиль» и дать возможность Эрдогану спасти свой лидерский и политический имидж. Учитывая важность этого фактора и для мировой, и, тем более, для ближневосточной дипломатии и политики, эта тема имела отнюдь не второстепенное значение. Неудивительно, что мнения по этому поводу в израильском обществе и его истеблишменте разделились.

Помимо «протурецкого лобби» в израильских деловых кругах (позицию которого многократно высказывали в СМИ деятели типа Алона Лиэля, бывшего посла Израиля в Турции, а ныне – совладельца ряда компаний, имеющих масштабные бизнес-интересы в этой стране), в израильском руководстве сторонниками идеи «пренебречь имиджевым ущербом ради практических выгод» были премьер-министр Биньямин Нетаньяху, новый министр обороны Моше (Буги) Яалон и часть военной элиты, включая начальника Генштаба ЦАХАЛа Бени Ганца. Один из приближенных к Нетаньяху политиков, Зеэв Элькин, недавно назначенный на пост заместителя министра иностранных дел (официальным главой МИД сегодня является сам премьер-министр), объясняя этот подход, заявил, что восстановление нормальных отношений с Турцией как страной, входящей в блок НАТО, на фоне возрастающей иранской угрозы и сложной ситуации в Сирии является одним из основных приоритетов израильского правительства[7].

Примерно тот же аргумент озвучил советник премьер-министра по национальной безопасности Яаков Амидрор, который подчеркнул, что решение Биньямина Нетаньяху принести извинения за инцидент на «Мави Мармара» является не просто «жестом доброй воли», а «реальным шагом к укреплению ситуации в регионе, особенно на фоне сирийского кризиса»[8]. Показательно, что еще чуть более полугода назад и Амидрор, и Элькин, являвшийся в тот момент председателем правящей парламентской коалиции, явно отражая и тогдашнее видение Нетаньяху, полагали, что его прежнее решение не приносить извинений Турции является «единственно правиль-

ным», ибо есть необходимость показать, что «ссориться с Израилем невыгодно, и резкие антиизраильские шаги будут иметь высокую цену и очень серьезные последствия». Таким образом, в представлениях этой части израильского политического руководства по данному вопросу за прошедший период произошли существенные подвижки.

Среди сторонников сохранения прежней жесткой линии в отношении Турции лидирует Авигдор Либерман – руководитель партии «Наш дом Израиль», входящей вместе с партией Ликуд во главе с Нетаньяху в победивший на прошедших выборах блок «Ликуд – НДИ». Либерман, бывший министр иностранных дел Израиля (намеренный вернуться на этот пост после завершения ряда судебно-юридических процедур), ныне возглавляющий комиссию Кнессета по иностранным делам и обороне, назвал извинения перед Турцией «грубейшей ошибкой, которая снижает мотивацию бойцов ЦАХАЛа и наносит огромный ущерб стратегическим интересам Израиля в регионе». В своей обширной статье, опубликованной популярной израильской газетой «Едиот Ахронот», Либерман утверждает, что «даже если в данный момент какое-то действие представляется как интерес, имеющий дипломатическое и политическое значение, но подрывает основополагающее ощущение справедливости избранного пути и моральное состояние нации, в долгосрочной перспективе нанесенный ущерб намного превосходит сиюминутную выгоду [создавая ложное ощущение], будто борьба с террористами лишена справедливости»[9].

Близкую позицию озвучил и лидер входящей в коалицию партии религиозных сионистов «Еврейский дом», министр экономики и торговли Нафтали Беннет, с точки зрения которого, «с момента опубликования официального извинения со стороны Израиля Эрдоган делает все возможное для того, чтобы наша страна пожалела о подобном решении, пока за счет взаимоотношений Израиля с Турцией он грубо сводит личные счеты». По мнению Беннета, Израиль должен дать понять всем, включая турецких лидеров, что «ни одна страна не оказывает Израилю услугу, возобновляя с нами отношения... и Эрдогану стоит понимать, что и в будущем в случае террористических действий, направленных на Израиль, мы отреагируем соответственно».

Важно заметить, что расхождения между позицией Нетаньяху, Яалона и Либермана-Беннета лишь в малой степени

связаны с различными пониманиями степени значимости для Израиля отношений конкретно с Турцией. Действительно, более предметный анализ показывает, что для Израиля нормализация отношений с Турцией важна и актуальна, но существенно менее критична, чем для турецкой стороны. Израиль, разумеется, заинтересован «погасить» один из очагов внешнеполитической напряженности (пусть не самый проблемный, но все же отвлекающий внимание и ресурсы) и наладить минимальное взаимопонимание с Турцией в контексте решения сирийской проблемы, рассеять беспокойство Азербайджана – своего нового важнейшего стратегического партнера в тюркском мире, с тревогой следившего за конфликтом Израиля и Турции. Равно как и вывести на прежний уровень товарооборот между Израилем и Турцией (который, впрочем, после падения в 2010 году в последующие два года демонстрировал стабильный и внушительный рост, несмотря на конфликт).

Но ни одна из этих проблем не носила фундаментальной угрозы израильской национальной безопасности. Поэтому реальные разногласия между сторонниками двух подходов лежат в сфере выбора внешнеполитической региональной стратегии Израиля в целом. Подход Нетаньяху и Яалона, насколько можно судить, исходит из необходимости восстановления, пусть и в «усеченном варианте», стратегического партнерства Израиля и Турции как стержня традиционной израильской концепции ориентирования на неарабских союзников в мусульманском мире. Эта концепция в свое время понесла тяжелый урон в связи с «выпадением из этой схемы» Ирана, в прошлом – близкого союзника Израиля, который перестал им быть после исламской революции в этой стране. Поэтому Нетаньяху и его сторонники считают критически важным сделать все, чтобы не допустить повторения этого сценария и в Турции. Они полагают, что «разрядка напряженности» и восстановление союза с Турцией, пусть и в «усеченном варианте», могут стать факторами победы «умеренной линии» в этой стране и является стратегическим интересом Израиля, тем более, что такое видение вписывается и в новую ближневосточную стратегию Обамы. Как заявил уже упомянутый Яаков Амидрор, «в течение 500 лет между еврейским и турецким народами существовали дружеские отношения, и нет никаких причин, по которым бы мы не должны были вернуться к отношениям хороших друзей и партнеров, чтобы достичь большей безопасности и стабильности на Ближнем Востоке»[11].

Авигдор Либерман имеет иное стратегическое видение, предлагая ориентацию на все «умеренные силы на Ближнем Востоке», даже если они находятся в противостоящих Турции лагерях. Речь в данном случае идет как об упомянутом антитурецком восточносредиземноморско-балканском союзе (Израиль, Греция и Кипр плюс, в перспективе, Болгария и Румыния), который, по мнению Либермана, сдедует всемерно укреплять, так и странах Персидского залива, курдах и умеренных светских элементах в самой Турции.

Именно эти разногласия по поводу оптимальной региональной стратегии Израиля объясняют позицию израильских политиков касательно «нормализации» отношений с Турцией в формате, позволившем Эрдогану «сохранить лицо». С точки зрения целей, определенных в концепции Нетаньяху, эта плата – разумная и умеренная, с точки зрения сторонников позиции Либермана, – чрезмерная и, в принципе, бессмысленная, лишь подрывающая стратегическое положение и интересы Израиля среди потенциальных союзников на Ближнем Востоке.

Итоги

Впрочем, и тем, и другим еще предстоит доказать свою правоту. Пока же израильский военный и политический истеблишмент един в мнении, что рассчитывать на то, что с Турцией будут налажены прежние теплые отношения, пока не следует. Не случайно, израильские лидеры полагают, что при любом варианте развития событий Восточное Средиземноморье нуждается в серьезной силе, которая сможет сбалансировать гегемонистские амбиции режима Эрдогана, и потому не торопятся замораживать деятельность складывающегося стратегического альянса с Грецией и Кипром. В чем Биньямин Нетаньяху и заверил своего греческого коллегу Антониса Самараса, подчеркнув в разговоре, состоявшемся сразу после телефонного разговора с Эрдоганом, что нормализация отношений с Турцией не будет осуществлена за счет отношений с Грецией, а Израиль, как пишет в газете «Маарив» ее обозреватель Амир Раппопорт, «не намерен спешить с поставками Турции новейшей военной технологии, которые были [окончательно] отменены в прошлом году».

Похоже, что до тех пор, пока у власти в Турции находится нынешнее правительство, максимум, на что можно рассчи-

тывать – это «холодный мир» по типу того, который существует между Израилем и арабскими странами – Иорданией и Египтом.

[1] "Хаарец", 29 марта 2013.
[2] См. "Turkey badly needed to end row with Israel", *DEBKAfile Exclusive Report*, 23 March 2013.
[3] Цит. по репортажу радиостанции "Решет Бет – Голос Израиля" с ежегодной конференции Института исследований национальной безопасности, 23.04.2013.
[4] Цит. по: "US sources: Turkey's anti-Israel vendetta hides economic slump", DEBKAfile's, 4.09.2011.
[5] Barry Rubin, "Did Israel `Apologize' to Turkey? Well, No, Not Exactly", GLORIA Center, March 23, 2013.
[6] Интервью Амоса Гилада радиостанции "Галей ЦАХАЛ", 25 марта 2013.
[7] Интервью радиостанции "Решет Бет", 2 апреля 2013 г. и Девятому каналу ИТВ, 12 апреля 2013 года.
[8] Цит. по: Barak Ravid, "Netanyahu reassures Greeks: Turkey reconciliation won't come between us", *Ha'aretz*, 25.03.2013.
[9] Авигдор Либерман, "Наше дело – правое", *Едиот Ахронот*, 26.03.2013 (на иврите).
[10] Цит. по: "Bennett to Erdogan: We'll respond severely to terrorism", *Ynet*, 27.03.2013.
[11] Barak Ravid, "Netanyahu reassures Greeks".

И.А.Церегородцева

ВНУТРИСУФИЙСКИЙ РАСКОЛ И СОЗДАНИЕ ПЕРВОЙ ПАРТИИ СУФИЕВ В ЕГИПТЕ

Процесс подъема политического самосознания египтян в ходе событий 2011–2012 гг. затронул достаточно широкие слои населения. Об этом можно судить, в том числе, по тому, насколько разнообразной является сегодня палитра политических партий и движений в этой стране. Наибольшее внимание, как правило, привлекают так называемые партии исламистов, в программах которых краеугольным камнем и одновременно решением всех насущных проблем объявляется ислам («Братья-мусульмане», «Ан-Нур» и другие). Однако религиозный спектр в египетской политике не ограничен только партиями исламистов. Одними из первых, кто заявил о создании своей партии, были суфии.

Суфизм в системе государственно-общественных отношений до 2011 г.

По разным оценкам, представители суфийских тарикатов в Египте составляют до 16% всего населения страны [5, с. 62]. Официально зарегистрированных тарикатов в АРЕ сегодня насчитывается около 70. Администрированием деятельности суфийских такрикатов в Египте занимается специальный орган под названием Высший совет суфийских орденов (М*аджлис ат-турук ас-суфиййа*). Совет также осуществляет регистрацию новых орденов и следит за тем, чтобы они соответствовали определенным параметрам и характеристикам. ВССО четко встроен в систему государственного управления: среди его членов есть ряд чиновников различного уровня, а глава Совета – верховный шейх (*шайх машаих ат-турук ас-суфиййа*) – назначается указом президента страны.

ВССО – один из институциональных религиозных центров в АРЕ наряду с Аль-Азхаром и Дар аль-ифта*. Поскольку центры институционального ислама в Египте напрямую подчиняются президенту и правительству, это в значительной степени сковывает их самостоятельность. В последние годы внутри них стали возникать оппозиционные группы. Например, уже несколько десятилетий функционирует так называемый Фронт богословов Аль-Азхара, который выступает за отделение этого института от государства (который, подобно ВССО, также имеет государственный статус). Неформальные, т.е. независимые от официальных административных центров институты существуют и среди коптов, которые также выражали недовольство слишком тесной, на их взгляд, кооперацией Коптской православной церкви с властью.

Ничего подобного среди тарикатов до последнего времени не наблюдалось. Напротив, суфии выступали в качестве одной из наиболее лояльных групп в отношении бывшего президента Хосни Мубарака, поскольку в годы его правления их положение заметно улучшилось. Если ранее тарикаты находились преимущественно на маргинальных позициях, то в последние годы суфии все чаще стали выдвигаться на руководящие должности (глава Аль-Азхара – Ахмад ат-Тайиб, главный муфтий страны – Али Гум'а), а ежегодные празднования *маулид*а при поддержке властей превратились в одни из самых красочных мероприятий едва ли не национального уровня.

Начало внутрисуфийского раскола

Однако незадолго до событий «арабской весны» отношения между властью и суфийскими центрами начали ухудшаться;

* Вызывает интерес то обстоятельство, что во главе этих институтов также находятся представители суфийских орденов, или, по крайней мере, люди, открыто сочувствующие суфизму. Так, глава аль-Азхара Ахмад ат-Тайиб является последователем тариката аль-Ахмадийа. Принадлежность Верховного муфтия АРЕ Али Гум'а к какому-либо из орденов не раскрывается, однако в египетских СМИ он нередко фигурирует как сторонник суфизма, к тому же в АРЕ пользуются достаточно широкой популярностью его лекции и книги о суфизме.

вмешательство государства во внутрисуфийские дела стало вызывать все большее недовольство среди суфиев. Первый серьезный конфликт, который стал причиной раскола суфиев на две группы – тех, кто поддерживает действия властей и не желает перемен, и тех, кто ратует за то, чтобы высший суфийский орган обрел самостоятельность – случился в 2008 г. после смерти бывшего главы ВССО шейха Ахмада Камила Йасина (тарикат ар-Рифаиййа). Согласно сложившейся практике, члены ВСС устроили голосование, в ходе которого был выявлен один фаворит – глава тариката аль-Касабиййа Абд аль-Хади аль-Касаби. Однако с таким решением были согласны не все. Один из членов Совета – глава тариката аль-Азамиййа Ала Мади Абу аль-Азаим – выразил свое несогласие с кандидатурой аль-Касаби. По его словам, лидер тариката аль-Касабиййа не мог претендовать на пост ВССО, поскольку этот суфийский орден не входил в число официально утвержденных в 1960-х гг. тарикатов. Аль-Азаиму, который также претендовал на пост шейха шейхов, удалось привлечь на свою сторону представителей нескольких тарикатов (в разных источниках их количество указывается от 11 до 20). Однако в 2010 г. президент своим указом все же утвердил аль-Касаби в качестве главы ВССО.

Конфликт между двумя конкурентами на пост главы высшего административного органа по делам суфизма в государстве стал приобретать черты политического противостояния двух соперничающих лагерей. Дело в том, что аль-Касаби был членом правящей Национально-демократической партии (до ее роспуска в начале 2011 г.), и выбор президентом его кандидатуры был расценен оппонентами как выбор властей в пользу «своих». Сплотившаяся вокруг аль-Азаима группа суфиев образовала так называемый Фронт за суфийскую реформу (*Джабхат ал-ислах ас-суфи*), которая поставила перед собой цель – добиться не только переизбрания аль-Касаби, но и сделать ВССО полностью независимым от власти институтом с правом самостоятельного выбора шейха шейхов.

Обострение ситуации внутри Совета и открытое выступление группы суфиев против зависимости этого органа от властей были в немалой степени связаны с общей внутриполитической обстановкой последних нескольких лет. Мубарак был уже немолод, и на смену ему вскоре должен был прийти новый правитель. Предощущение перемен наряду

с нараставшей потребностью в реформах активизировало политические настроения в стране. О будущем Египта и его судьбах заговорили, в том числе, и те группы, которые традиционно предпочитали молчать о политике. Эти настроения не обошли стороной и суфиев, из числа которых выделилась группа сторонников аль-Азаима. Видимо, предвосхищая потенциальный уход части суфиев из-под своего контроля, власть ужесточила политику в отношении тарикатов, и в 2010 г. был впервые введен официальный запрет суфиям на исполнение зикра в двух центральных каирских мечетях – якобы из соображений безопасности.

Создание первой суфийской партии

События «арабской весны» усугубили наметившийся в последние годы раскол тарикатов на два лагеря. После отставки президента Хосни Мубарака аль-Касаби выразил официальную поддержку Высшему военному совету и призвал мусульман сплотиться вокруг Аль-Азхара и его шейхов. Аль-Азаим и другие члены Фронта за суфийскую реформу хотя формально и не выражали своего неодобрения властью военных, но одновременно примкнули к революционным массам, а точнее, к либерально настроенным революционным группам молодежи.

В апреле 2011 г., когда стало понятно, что основными претендентами на лидерство в египетском парламенте являются исламисты, в том числе, и салафитские движения, было объявлено о создании первой суфийской партии. Формально Партия египетского освобождения (Х*изб ат-тахрир ал-мисри*) не позиционировала себя как религиозное движение, однако в силу того, что руководящее ядро партии составили в основном суфии из ФСР, египетские СМИ тут же окрестили ее «Партией суфийского освобождения» (Х*изб ат-тахрир ас-суфи*). Характер предвыборной программы ПЕО говорит в пользу того, что эта партия придерживается скорее светской идеологии, нежели религиозной. Руководство партии (ее лидером стал Ибрахим Захран из тариката аль-Азамиййа) постоянно акцентирует внимание на том, что она открыта для всех без исключения египтян, разделяющих следующие идеи и принципы. В целом программные установки Партии египетского освобождения можно свести к следующим ключевым моментам.

Политическая сфера:
- построение гражданского государства, в котором все будут равны перед законом и которое будет основано на уважении прав человека, плюрализма мнений и свобод;
- провозглашение шариата одним из источников законодательства* и духовных ценностей, но вместе с тем уважение законов о личном статусе представителей всех авраамических религий**;
- отрицание любых форм насилия, терроризма и идеологического экстремизма.

Социально-экономическая сфера:
- создание свободной социально-ориентированной рыночной экономики;
- охрана здоровья, гарантия права на образование, работу и собственное жилье;
- распространение культуры мира и уважения среди граждан Египта;
- противодействие любым актам вандализма в местах религиозного поклонения, в том числе в почитаемых суфиями местах и коптских церквях.

Внешняя политика:
- обеспечение национальной безопасности Египта путем укрепления его границ, а также Нила как одного из основных источников воды;
- всестороннее сотрудничество со всеми народами, гражданскими обществами и международными организациями;
- возрождение сильной египетской армии, способной защитить страну от любой агрессии, направленной на внутреннюю дестабилизацию [1].

Создание первой суфийской партии в АРЕ во многом стало ответом на усиление исламистских движений в ходе событий «арабской весны». В течение всего нескольких месяцев официальную регистрацию получило более 10 исламистских партий, которые в предыдущий период вынуждены были функционировать подпольно в силу действовавшего запрета на формирование партий на религиозной основе. Выход исламистов на открытую

* В конституции 1971 г. шариат был назван «основным источником законодательства».

** Иудаизм, христианство и ислам.

политическую арену, безусловно, стал одним из стимулов, подтолкнувших суфиев к созданию своей партии, и руководство ПЕО этого также не скрывает. По словам аль-Азаима, суфийская партия необходима, чтобы защищать интересы суфиев в противовес нападкам со стороны «Братьев-мусульман» и салафитов [6].

Вместе с тем говорить о том, что усиление салафитских и исламистских движений стало причиной политизации суфизма вообще, было бы не совсем верным. Во-первых, эта партия объединяет лишь небольшую часть официально зарегистрированных в АРЕ тарикатов, а у ее истоков стоит группа, настроенная против руководства ВССО. Аль-Касаби официально осудил создание ПЕО [3, с. 13]. Таким образом, большинство орденов предпочло остаться на позиции невмешательства в политические дела. Что касается группы поддержки аль-Азаима, то она находится в меньшинстве, и очевидно, что помимо защиты интересов суфиев перед лицом салафитов и исламистов, она пытается также реализовать и собственные политические амбиции. Во-вторых, исламисты, победившие в результате парламентских выборов в 2011 г., вовсе не спешат идти на открытый конфликт с суфиями и заявляют, что не имеют отношения к актам осквернения суфийских святынь в апреле 2011 г. [2] А один из лидеров «Братьев-мусульман» Гамаль Хишмат заявил, что его движение даже готово выступить в качестве посредника в переговорах между салафитами и суфиями [4]. По мнению руководства ВССО, для защиты интересов суфиев не обязательно создавать партию. Так, в ответ на антисуфийские погромы по инициативе Совета были созданы специальные группы по охране суфийских святынь.

На парламентских выборах 2011 г. ПЕО потерпела поражение: по итогам голосования ни один кандидат от партии не вошел в состав нового Народного собрания. Причины этой неудачи заключаются, на наш взгляд, в следующем.

1. Программные установки партии были достаточно размыты, при этом наиболее явственно в них просматривается лишь одна цель – защита суфийских культовых мест.

2. Партия фактически выразила свою поддержку армии, признав ее центральную роль в урегулировании внутреннего положения в Египте; в свете растущих антивоенных настроений в АРЕ это не могло способствовать широкой поддержке среди населения.

3. ПЕО привлекла в свои ряды немало бывших членов НДП; несмотря на общий реформистский уклон, партия не без

оснований воспринималась многими как часть еще прежней, старой системы.

* * *

Хотя ПЕО и потерпела поражение на выборах в Народное собрание АРЕ, политический потенциал египетского суфизма, скорее всего, не исчерпан. Во-первых, суфии – по крайней мере, некоторая их часть – демонстрируют готовность и способность входить в партийные альянсы с другими партиями и движениями. Способность образовывать политические блоки имеет большое значение, поскольку к подобной тактике прибегают и исламисты, которые отдельно друг от друга не смогли бы составить большинство в египетском парламенте. Во-вторых, ПЕО не исчезла сразу же после своего поражения, а руководящее ядро партии по-прежнему сохраняет свое единство и проводит активную общественно-политическую работу (конференции, встречи и т.д.). В-третьих, градус политической активности в Египте продолжает оставаться достаточно высоким, а исламисты укрепляют свои позиции. Представляется, что это будет и дальше стимулировать суфиев к активной общественно-политической деятельности. Будет ли она реализовываться в форме партии или какого-либо общественного движения, или альянса с другими движениями и партиями, – покажет время.

1. Al-Tahrir al-Masry (Egyptian Liberation Party) // Guide to Egypt's transition. Carnegie endowment for international peace. URL: [http://egyptelections.carnegieendowment.org/2011/09/21/al-tahrir-al-masry-egyptian-liberation-party].
2. Amani M. Salafists' wrath turns violent // Ahram Online. 6 April 2011. URL: [http://english.ahram.org.eg/News/9366.aspx].
3. Brown J. Salafis and Sufis in Egypt. Carnegie endowment for International peace // Middle East. December 2011, c. 21.
4. MB to sponsor reconciliation between Egypt's Salafis and Sufis // Ikhwanweb: The Muslim Brotherhood's official English web site. 10 April 2011. URL: [http://www.ikhwanweb.com/article.php?id=28372].
5. Popular movements and democratization in the Muslim World / Ed.: M. Kisaichi. Routledge, 2006, c. 196.
6. Sufis say Islamists in Egypt could squeeze out their traditions // Al Arabiya News. 17.06.2011. URL: [http://english.alarabiya.net/articles/2011/06/17/153668.html].

ПРИЛОЖЕНИЕ

Е.П.Литвина

НЕФТЕГАЗОВЫЙ КОМПЛЕКС АЛЖИРА

Запасы нефти и газа

Основа экономики Алжира – нефть и газ. Страна располагает значительными запасами углеводородов. По объему запасов нефти Алжир занимает 15-е место в мире и 3-е место в Африке, уступая лишь Нигерии и Ливии. Доказанные запасы нефти составляют 12,2 млрд. барр.[1] (0,8% от мировых запасов[2]). Это приблизительно в 20 раз меньше, чем запасы Саудовской Аравии, мирового лидера, и в 5 раз меньше, чем запасы России (7-е место в мире).

По объему запасов газа Алжир занимает 8-е место в мире и 2-е место в Африке после Нигерии. Объемы запасов газа составляют 4,5 трлн. куб. м^3 (2,2% от мировых запасов[4]). Это приблизительно в 10 раз меньше, чем запасы мирового лидера – России, в 6 раз меньше, чем запасы Ирана, в 5 раз меньше, чем запасы Катара.

Нефтегазовый сектор играет значительную роль в экономике страны: в 2010 г. он обеспечивал 36% ВВП, 60% поступлений в бюджет и 97% экспорта[5]. Алжир входит в Организацию стран-экспортеров нефти (ОПЕК) и Форум стран-экспортеров газа (РСЭГ), является крупным производителем нефти и природного газа.

Нефтяная отрасль

Основная часть нефтяных месторождений Алжира находится на востоке страны. Крупнейшее – Хасси Мессауд (60% доказанных запасов нефти Алжира).

За 2000–2011 гг. добыча нефти в Алжире выросла на 8% и достигла 550 млн. барр. В сутки добывается более

1,5 млн. барр., что в 1,5–2 раза превышает квоту ОПЕК. При этом потребление в сутки составляет лишь около 20% от добытого, что позволяет Алжиру активно экспортировать нефть[6]. Основные направления поставок экспорта – Западная Европа (Франция, Голландия, Италия, Германия), США, Канада. Алжир занимает 11-е место в мире по экспорту нефти.

Газовая отрасль

Крупнейшие газовые месторождения – Хасси-Рмель и Рурд-Нусс. За 2000–2011 гг. уровень добычи газа в стране практически не изменился, составив в 2011 г. почти 77 млрд. куб. м. По экспорту газа Алжир занимает 5-е место в мире (после России, Катара, Норвегии и Канады). Примерно 1/3 экспортных поставок осуществляется в виде СПГ, а 2/3 – по трубопроводам[7]. По экспорту СПГ Алжир занимает 7-е место в мире. Основное направление поставок СПГ – Западная Европа: Франция, Турция, Испания, Италия, Греция. По трубопроводам экспортные поставки осуществлялись преимущественно в Италию и Испанию.

В газовой отрасли Алжира, как и в нефтяной, доминируют государственная компания Sonatrach, которая осуществляет добычу и оптовую торговлю газом, и Sonelgaz, контролирующая розничные продажи.

Следует отметить, что в газовой отрасли присутствует значительное количество иностранных компаний. В частности, консорциум In Salah, куда вошли такие компании, как: Sonatrach, Statoil и BP.

Инфраструктура для внешней торговли

1) Нефтяная:

– 7 береговых терминалов: Алжир, Аннаба, Арзев (самый большой алжирский порт по экспорту нефти), Беджайя, Оран, Скикда (второй по величине порт), Ла Схира.

– В нефтеперерабатывающей отрасли работает единственная компания Naftec, дочернее предприятие Sonatrach, которая контролирует 4 нефтеперерабатывающих завода (НПЗ) страны.

– Несмотря на значительные мощности химической отрасли, уровень переработки сырья остается низким. В результате Алжир продолжает импортировать нефтепродукты с высокой степенью переработки. Для снижения импортной зависимости Sonatrach организует ряд проектов по строительству комплексов по производству метила и полиэстра.

2) Газовая (магистральные газопроводы по дну Средиземного моря и технологические линии по производству СПГ):
– TransMed (Алжир – Тунис – Италия)
– «Магриб – Европа» (Алжир – Марокко – Испания)
– Medgaz (Алжир – Испания)
– 4 завода СПГ (3 – в Арзеве и 1 – в Скикде)

История нефтегазового комплекса Алжира

Впервые промышленные запасы нефти были открыты в Алжире в 1956 году на месторождении Хасси Мессауд[8]. Разрабатывалась нефть в основном французскими нефтяными монополиями. Добытая нефть экспортировалась в сыром виде. С 1962 по 1965 гг. нефтедобычу по-прежнему вели зарубежные фирмы, забирая 5/6 дохода, хотя Алжир к тому времени уже был независимым. Страна только начинала борьбу за пересмотр правил деятельности иностранных нефтяных компаний на своей территории. Были созданы государственное общество Sonatrach и крупный нефтегазовый институт в Бумердесе, специализирующийся в области геологии, бурения и эксплуатации скважин. Решающий этап «борьбы за нефть» развернулся в 1969–1971 гг. По новым законам деятельность всех иностранных компаний была поставлена под контроль Sonatrach. Алжир объявил об увеличении до 51% доли своего участия в капитале иностранных фирм, о национализации нефтепроводов и месторождений газа. Таким образом, в «нефтяной битве» Алжир добился от нефтяных монополий признания за ним полного контроля над богатствами своих недр. Сегодня Sonatrach контролирует 80% добычи нефти и всю газовую и нефтеперерабатывающую промышленность.

В настоящее время Алжир в целях развития нефтяной промышленности через ассоциацию Sonatrach создает смешанные компании с иностранным капиталом при сохранении контрольного пакета акций за алжирским государством.

Компания Sonatrach

Ведущим производителем нефти и газа в Алжире является созданная в 1963 г. национальная компания Sonatrach, крупнейшая по обороту в Африке. Sonatrach – национальное общество по разведке, добыче, транспортировке и сбыту жидкого топлива. (Société Nationale de Transport et de Commercialisation des Hydrocarbures). Имеет статус закрытого акционерного общества, полный и исключительный владелец которого – алжирское государство. Компания и ее дочерние предприятия контролируют добычу, переработку и транспортировку углеводородов на всей территории страны, а также реализацию нефтепродуктов как в Алжире, так и за границей. Доходы Sonatrach – основной источник валютных поступлений в государственную казну (более 90% экспорта из Алжира – продукция нефтегазовой отрасли).

Масштабы деятельности компании возросли, и управление стало затруднительно. В 1980 и в 1998 гг. были проведены структурные реорганизации, в результате чего из подразделений Sonatrach были образованы новые национальные предприятия. В настоящее время на рынке работает 18 дочерних предприятий Sonatrach[9], среди которых наиболее известны:

– Naftal – по переработке и реализации нефтепродуктов, контролирует внутреннюю розничную сеть;
– Naftec – национальное предприятие по переработке углеводородов.

Каждое из предприятий является юридическим лицом, имеет собственный баланс, свои счета в различных алжирских банках, имеет право заключать соглашения и контракты с иностранными фирмами. Однако, несмотря на это, они подчинены Sonatrach, за которой полностью сохраняется роль координатора во всей деятельности, затрагивающей сектор углеводородов.

Наряду с алжирскими государственными компаниями в отрасли широко представлены и международные нефтяные игроки: Anadarko, BP, Gaz de France, Petro Canada, Роснефть, Shell, Statoil, Total и др. Иностранные компании имеют право работать на территории страны только на условиях заключения соглашения о разделе продукции (СРП) с Sonatrach. При-

чем государственной компании принадлежит более 50% в уставном капитале таких совместных предприятий[10].

Sonatrach активно участвует в зарубежных проектах. Ее интересы распространяются не только на страны Европы, но также на регион центральной Африки (Мали, Нигерия, Нигер), Египет, Перу, Корею и пр., где силами компании при участии местных операторов ведется разработка месторождений и строительство газопроводов.

Нефтегазовый сектор Алжира открыт для иностранных инвестиций. Правительство страны проводит активную политику по созданию благоприятных условий для работы нефтяных компаний. Более 40% добычи в Алжире осуществляют иностранные компании[11], для привлечения которых алжирские власти проводят аукционы, где выставляются участки для проведения геологической разведки.

Перспективные направления российско-алжирского сотрудничества

Со второй половины 60-х гг. получило широкое развитие экономическое и техническое сотрудничество между СССР и Алжиром, охватывающее помимо нефтегазовой промышленности целый ряд других отраслей и включающее поставки оборудования (в том числе бурового), проведение подрядных работ для Sonatrach, направление в Алжир советских специалистов и экспертов, а также иные формы экономических и научно-технических связей.

Наиболее активным на настоящий момент является сотрудничество в сфере энергетики, однако доля Алжира во внешнеторговом обороте России составляет всего 0,2%[12]. В стадии реализации находятся следующие крупные российско-алжирские проекты:

1. Завершена геодезическая разведка 3D на трех участках в районе Эль-Ассель на юго-востоке страны. Проводятся геологоразведочные работы (ОАО Газпром совместно с алжирской компанией Sonatrach).
2. Эксплуатация и уточнение запасов ранее разведанных нефтегазовых месторождений на блоке 245-юг Гара Тисселит (ОАО НК Роснефть, ОАО Стройтрансгаз и алжирская компания Sonatrach).
3. Активная реализация инвестиционных программ компаниями ОАО Газпром и ОАО НК Роснефть.

Из российских компаний наиболее широко на алжирском рынке представлены Роснефть и Стройтрансгаз, являющиеся партнерами Газпрома. Российскую сторону интересует область развития бизнеса по сжиженному газу.

На данный момент компания Sonatrach является крупным игроком на мировом рынке углеводородов. Будучи признанным авторитетом по СПГ, компания добивается укрепления своих позиций в Европе. Таким образом, положение Sonatrach на рынке представляется достаточно стабильным, и в дальнейшем можно предположить расширение контактов с зарубежными партнерами, в том числе с Российской Федерацией.

---

[1] OPEC Annual Statistical Bulletin 2012, с. 22. http://www.opec.org/opec_web/static_files_project/media/downloads/publications/ASB2012.pdf

[2] По данным OPEC, доказанные запасы нефти в мире на 2011 год составляют 1 481 526 млрд. барр.

[3] OPEC Annual Statistical Bulletin 2012, с. 23.

[4] По данным OPEC, доказанные запасы нефти в мире на 2011 год составляют 196 163 трлн. куб. м.

[5] Country analysis briefs: Algeria // Energy Information Administration. – http://www.eia.gov/EMEU/cabs/Algeria/pdf.pdf

[6] ТЭК Алжира // Российское энергетическое агентство, 31.08.2012. – http://rosenergo.gov.ru/upload/Algeria.pdf

[7] Там же.

[8] http://www.sonatrach.com/en/elements-histoire.html

[9] Будалия И. «СОНАТРАК» – национальная гордость Алжира // 19.04.2012, http://express-orient.com/sonatrak-%E2%80%93-nacionalnaya-gordost-alzhira

[10] Касаев Э.О. Анализ нефтегазового сектора экономики Алжира. – http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/20-06-09b.htm

[11] Там же.

[12] http://www.stroytransgaz.ru/press-center/smi/polpred/02_04_2012

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА*

1995 г.

1. **А.З.Егорин:** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко:** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития" (совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас):** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян:** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин:** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко:** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко:** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко:** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина:** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев:** "Объединенные Арабские Эмираты".

---

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.

17. **Н.М.Мамедова:** "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".

18. "Турция: современные проблемы экономики и политики". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".

20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко:** "Рынки Ближнего Востока".

21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов:** "Проблемы интеграции стран Магриба".

23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

24. **А.В.Федорченко:** "Экономика переселенческого общества (совместно с ИВ РАН)".

25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян:** "Военный и военно-экономи-ческий потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (информационно-аналитический справочник, совместно с ИВ РАН).

26. **Л.И.Данилов:** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".

27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.

28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.

29. **К.А.Капитонов:** "Ближний Восток в лицах".

30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.

31. **К.З.Хамзин:** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".

32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев:** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."

34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).

36. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 6.

37. **Г.И.Гучетль:** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии" (совместно с ИВ РАН).

38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Государство Катар: проблемы развития".

39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке". Материалы конференции. Москва, 04.02.99 г.

40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

41. **В.А.Ушаков:** "Иран и Мусульманский мир".

42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.

43. **Е.Я.Сатановский:** "Экономика Израиля в 90-е годы".

44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).

45. **Е.С.Мелкумян:** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".

46. **В.В.Кунаков:** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".

47. **А.И.Яковлев:** "Саудовская Аравия: пути эволюции" (совместно с ИВ РАН).

48. **М.А.Сапронова:** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999)" (совместно с ИВ РАН).

49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.

50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник (совместно с ИВ РАН).

52. **М.Р.Арунова:** "Афганская политика США в 1945–1999 гг." (совместно с ИВ РАН).

53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.

54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (совместно с РАЕН).

55. **С.Э.Бабкин:** "Движения политического ислама в Северной Африке" (совместно с ИВ РАН).

56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.

57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).

58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

59. **Аль-Харири Мухаммад:** "Налоговые системы Сирии и Египта".

60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко:** "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки" (совместно с Институтом Африки РАН).

61. **К.И.Поляков:** "Исламский фундаментализм в Судане".

62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей (Совместно с Иерусалимским университетом и Открытым университетом Израиля).

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

65. **Е.Я.Сатановский:** "Израиль в современной мировой политике".

66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Султанат Оман" (совместно с ИВ РАН).

67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.

68. **А.Г.Вирабов:** "Алжир: кризис власти" (Кризис общественного строя Алжира и перспективы его либерализации) (совместно с ИВ РАН).

69. **"**Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке". Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).

70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов:** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".

71. **К.И.Поляков:** "Арабские страны и ислам в России (90-е годы XX века)".

72. **Зеэв Гейзель:** "Политические структуры Государства Израиль"

73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.

74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.

75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.

76. **С.Э.Бабкин:** "Религиозный экстремизм в Алжире".

77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (совместно с ИВ РАН).

78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.

80. **Н.Ю.Ульченко:** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)" (совместно с ИВ РАН).

81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).

82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.

83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров:** "Египет в последней трети XX века (Опыт либерализации экономики и политической системы)" (совместно с ИСАА, МГУ).

85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.

86. **Р.Р.Сикоев:** "Талибы (религиозно-политический портрет)" (совместно с ИВ РАН).

87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.

88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.

89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.

90. **М.П.Гучанин:** "Турция и США: основные этапы торгово-экономического сотрудничества".

91. **С.М.Задонский:** "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".

92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.

2003 г.

93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко:** "Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX–XXI вв."

94. **Д.Полисар:** "Выбирая диктатуру. (Ясир Арафат и формирование органов власти палестинской администрации)". Перевод А.Д.Эпштейна.

95. "Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы". Сборник статей (совместно с ИВ РАН, ИСАА).

96. **Алек Д.Эпштейн:** "Бесконечное противостояние. (Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность)".

97. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Кувейт: Контуры экономических перемен" (совместно с ИВ РАН).

98. **О.В.Плешов:** "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане" (совместно с ИВ РАН).

99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.

100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.

101. **М.З.Ражбадинов:** "Радикальный исламизм в Египте" (совместно с ИВ РАН).

102. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст". Материалы "круглого стола" ИСАА. Апрель 2003 г.

103. "Иран и СНГ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

104. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 18.

105. "Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии" Сборник статей.

106. **Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян:** "Внешняя политика Саудовской Аравии". Приоритеты, направления, процесс принятия решения".

107. "Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (совместно с РАЕН).

108. **В.М. Ахмедов:** "Сирия на рубеже столетий. Власть и политика" (совместно с ИВ РАН).

109. **В.П.Юрченко:** "Египет: проблемы национальной безопасности".

110. "Востоковедный сборник". Выпуск пятый.

111. "Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы" (по материалам круглого стола).

112. "Ирак под американским управлением: демократизация или вьетнамизация» (по материалам круглого стола).

113. "Арабо-израильский конфликт: старые проблемы и новые планы". Сборник статей.

114 **Е.И.Уразова:** "Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ" (совместно с ИВ РАН).

115. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 19.

116. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 20.

117. **М.С.Сергеев:** "Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее"

118. **А.Р.Аганин, З.А.Соловьева:** "Современная Иордания".

2004 г.

119. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "«Русские» и власть в современном Израиле".

120. "Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе". Сборник статей и документов под редакцией **Алека Д.Эпштейна**.

121. **А.О.Филоник, А.И.Вавилов:** "Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии" (совместно с ИВ РАН).

122. **Е.И.Миронова:** "Алжир: смена приоритетов развития" (совместно с Институтом Африки).

123. "Иракский кризис". Аналитические записки.

124. "Терроризм". Сборник статей.

125. "Ислам на современном Востоке. Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

126. **И.А. Новиков:** "Оружие массового поражения на Ближнем Востоке" (совместно с информационно-аналитическим центром "Акцент").

127. "Иран и Россия". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

128. "Офицерский корпус ближневосточных государств". Сборник.

129 "Россия и США на Ближнем Востоке". Аналитические записки.

130. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 21.

131. "Армия, ВТС, ОМП на Ближнем Востоке". Аналитические записки.

132. "Проблемы Ближнего Востока. Аналитические записки".

133. "Курдский вопрос на рубеже тысячелетий" (круглый стол 19.02.2004).

134. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 22.

135. "Турция в новых геополитических условиях". Материалы круглого стола, март 2004 г. (совместно с ИВ РАН).

136. "Израиль и арабо-израильский конфликт. Аналитические записки".

137. "Иран. Аналитические записки".

138. **А.В.Федорченко, О.А.Зайцева, Д.А.Марьясис:** "Израиль в начале XXI века".

139. **И.А.Матвеев:** "Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке".

140. "Современный Исламский Восток и страны Запада". Сборник статей.

141 **А.В.Гасратян:** "Проблемы социально-экономического развития Ливана (1970–2000 гг.)".

142. **В.П.Юрченко:** "Сирия: проблемы национальной безопасности. (Военная политика и военное строительство в период правления ПАСВ 1963–2004 гг.)"

143. "Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии". (Сборник статей и документов) под редакцией **Алека Д. Эпштейна**.

144. «Афганистан в начале XXI века». Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

145. **М.З.Ражбадинов:** "Египетское движение «Братьев-мусульман»" (совместно с ИВ РАН).

146. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 23.

147. «Сирия. Проблемы внутриполитической стабильности и внешней безопасности» (материалы круглого стола, 21 сентября 2004 г.).

148. «Ирак: 100 дней переходного правительства».

149. "Востоковедный сборник". Выпуск шестой.

150. "Иран после парламентских выборов" (Круглый стол 27.04.2004 г.). Сборник статей.

151. **Б.В.Долгов:** "Исламистский вызов и алжирское общество" (совместно с ИВ РАН).

152. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 24.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА*

2005 г.

153. **М.К.Занбуа, А.О.Филоник:** "Формирование производственной инфраструктуры в Сирии (1946–2004)"

154. **Р.Г.Ланда:** "Политический ислам: предварительные итоги".

155. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика".

156. **О.В.Плешов:** "Ислам и политическая культура в Пакистане" (Совместно с ИВ РАН).

157. "Ислам и общественное развитие в начале XXI века" (Совместно с ИВ РАН).

158. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 25.

159. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 26.

160. **А.В.Рясов:** "«Левые» на Арабском Востоке: ливийский опыт".

161. **И.М.Мохова:** "Западное Средиземноморье: проблемы интеграции".

162. **Н.З.Мосаки:** "Курдистан: ресурсы и политика". Часть 1, Часть 2 (Совместно с ИВ РАН).

2006 г.

163. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль в эпоху «пост-сионизма»: наука, идеология и политика".

164. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Вокруг размежевания: общество и политика Израиля в 2005 году".

165. "Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

166. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 27.

167. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 28.

---

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

168. **Л.Н.Руденко:** "Проблемы привлечения иностранных инвестиций в арабские страны в условиях глобализации" (Совместно с ИВ РАН).

169. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Королевство Бахрейн" (Совместно с ИВ РАН).

170. "Востоковедный сборник". Выпуск седьмой.

171. **А.Г.Бакланов:** "Ближний Восток: «Дорожная карта» региональной безопасности".

172. **Алек Д. Эпштейн:** "Почему провалилась «Дорожная карта»?".

173. **Д.А.Нечитайло:** "Международный исламизм на Северном Кавказе".

174. **М.А.Сапронова:** "Иракская конституция в прошлом и настоящем" (Из истории конституционального развития Ирака).

175. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильская война против «Хезболлы» и формирование новых контуров ближневосточной политики".

176. "Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

177. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 29.

178. "Современная Турция: проблемы и решения". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

179. **С.Ю.Серёгичев:** "Судан: исламо-традиционализм и армия".

2007 г.

180. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 30.

181. "Государство Израиль: политика, экономика общества". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

182. "**К.В.Вертяев:** "Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI века)" (Совместно с ИВ РАН).

183. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 31.

184. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 32.

185. **М.Н.Гусев:** "Исламский фактор в Юго-Восточной Азии. Роль внешних сил".

186. "Востоковедный сборник". Выпуск восьмой.

187. **Г.Г.Косач:** "Саудовская Аравия: внутриполитические процессы «этапа реформ" (конец 1990–2006 гг.).

188. **Д.А.Марьясис:** "Израиль в системе международных экономических отношений (1985–2005 гг.)" (Совместно с ИВ РАН).

189. **Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева:** "Лига арабских государств и интеграционные процессы в арабском мире" (Совместно с ИВ РАН).

190. **Алек Д. Эпштейн:** "ХАМАС в региональной политике".

191. **С.Н.Саруханян:** "Ядерный фактор в российско-иранских отношениях".

192. **В.П.Юрченко:** "Военная политика и военное строительство в странах Арабского Востока (конец XX – начало XXI века)". Справочно-аналитическое издание. Часть 1 и часть 2.

193. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 33.

2008 г.

194. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 34 (Совместно с ИВ РАН).

195. **Г.А.Меламедов, Алек Д. Эпштейн:** "Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная история" (Совместно с МГУ, ИСАА, Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).

196. **В.В.Куделев:** " «Аль-Каида»: структуры, союзники и покровители".

197. **Г.Г.Косач:** "Саудовский дипломатический корпус: этапы эволюции и источники формирования".

198. **М.А.Сапронова:** "Правительство и парламент в арабских странах (правовой статус и политическая практика)".

199. **Е.С.Мелкумян:** "Регион залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество" (Совместно с ИВ РАН).

200. **Е.А.Кудров:** "Конфликт в Дарфуре: основные причины и тенденции".

201. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться" (Совместно с Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).

202. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 35 (Совместно с ИВ РАН).

203. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 36 (Совместно с ИВ РАН).

204. "Турция накануне и после парламентских и президентских выборов 2007 г." Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

205. **И.А.Свистунова:** "Иракский фактор во внешней политике турецкой республики (1990–2007 г.).

206. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 37 (Совместно с ИВ РАН).

2009 г.

207. **Алек Д. Эпштейн:** "Антитеррористический террор".

208. **В.В.Евсеев, В.И.Сажин:** "Иран, уран и ракеты".

209. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 38 (Совместно с ИВ РАН).

210. **А.Б.Подцероб:** "Ислам во внутренней и внешней политике стран Магриба".

211. **В.В.Куделев:** "Аль-Каида" и война в Ираке".

212. "Ближний Восток: вызовы XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

213. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильтяне и палестинцы: от конфронтации – к переговорам и обратно" (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).

214. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 39 (Совместно с ИВ РАН).

215. **В.И.Месамед:** "Иран-Израиль: от партнерства к конфликту".

216. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 40 (Совместно с ИВ РАН).

2010 г.

217. **Ю.С.Кудряшова:** "Турция и Европейский Союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия".

218. **И.И.Стародубцев:** "Топливно-энергетический комплекс Турции и энергетический фактор в российско-турецких отношениях". (Совместно с МГИМО)

219. "Турция в условиях новых внутренних реалий". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

220. **Ю.В.Зинькина:** "Коптская община современного Египта: Проблемы и перспективы".

221. **В.Чернин:** "Ближневосточный фронтир. Израильское поселенчество: история и современность". (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).

222. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 41 (Совместно с ИВ РАН).

223. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 42 (Совместно с ИВ РАН).

224. **В.И.Месамед:** "Иран в Центральной Азии: два десятилетия диалога"

2011 г.

225. "ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока (К 10-летию образования ШОС)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

226. **Алек Д. Эпштейн:** "Россия и Израиль: трудный путь навстречу" (Совместно с Центром содействия гуманитарному образованию общества «Право Мира»).

227. **Алек Д. Эпштейн:** "Генезис и закат "левого" Израиля".

228. **Д.О.Бирюков:** "Правовое регулирование рынка ценных бумаг государств Ближнего Востока".

229. **Н.А.Кожанов:** "Экономические санкции против Ирана: цели, масштабы, возможные последствия введения".

230. Турция после референдума 2010 года (Межвузовская студенческая конференция. Москва, 17 февраля 2011 г.) (Совместно с МГИМО).

231. **С.Ю.Серёгичев:** "Современный Судан: от единства к разделу" (Совместно с РГГУ).

232. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 43 (Совместно с ИВ РАН).

233. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 44 (Совместно с ИВ РАН).

234. "Современный Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН)

235. **Н.З. Мосаки:** "Курдистан и курдский вопрос политики запада и России (90-е годы XX века – начало XXI века)". (Совместно с ИВ РАН)

236. **И.И. Стародубцев:** "Трансформирующаяся Турция" (Совместно с МГИМО)

2012 г.

237. **Алек Д. Эпштейн:** "Государство Израиль перед вызовом исламизма: «арабская весна» и ее влияние на еврейское государство"

238. **С.В. Алейников:** "Политическая ситуация и проблемы национального применения в Сомали"

239. **А.В. Салийчук:** "Экономическая либерализация и макроэкономическая результативность Египта, Иордании и Туниса" (Совместно с ИВ РАН)

240. **Алек Д. Эпштейн, Евгений Варшавер:** "В диалоге с врагом (переговоры об освобождении израильских граждан, захваченных палестинскими и ливанскими боевыми организациями)".

241. «Ближний Восток и современность». Сборник статей, вып. 45 (совместно с ИВ РАН).

242. «Ближний Восток и современность». Сборник статей, вып. 46 (совместно с ИВ РАН).

243. **В.И.Месамед:** "Израиль в Центральной Азии: грезы и реальность".

244. "Турция в период правления Партии справедливости и развития" (совместно с ИВ РАН).

245. "Санкции и их влияние на Иран" (совместно с ИВ РАН).

246. **М.Р.Арунова:** "ШОС и афганская проблема" (совместно с ИВ РАН).

Адрес в Интернете: www.iimes.ru

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI

AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**

2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**

3. "The socio–economic and political development in the Arab World". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

4. "The Contemporary Middle East" (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**

6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**

7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**

8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf countries" by **L.Rudenko**

9. "Israel on the eve of the XXI-th century" by **A.Fedorchenko**

10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and A.Fedorchenko**

11. "Water resources in the South West and South East Asia" by **A.Filonik and N.Rogozhina**

12. "The Arab World in the end of the XX-th century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

13. "The Contemporary Middle East" № 2 (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**

15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

16. "The Contemporary Middle East" № 3 (collection of essays)

17. "Iran in the XX-th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**

18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

19. The Syrian Arab Republic"

20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**

21. "The Contemporary Middle East" № 4 (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**

23. "Countries of the Middle East" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**

25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**

27. "The Contemporary Middle East" № 5 (collection of essays)

28. "Actual Problems of the Middle East"

29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**

30. "The contemporary Saudi Arabia"

31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**

32. "Afghanistan: War and Problems of Peace" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**

34. "Iran: Evolution of Islamic Rule" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

36. "The Contemporary Middle East" № 6 (collection of essays)

37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**

38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**

39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

40. "The Environment and Development in the Arab World" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**

42. "The Contemporary Middle East" № 7 (collection of essays)

43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**

46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**

47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**

48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**

49. "The Contemporary Middle East" № 8 (collection of essays)

50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"

52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**

53. "Political Elite in the Middle East"

54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences

55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**

56. "The Contemporary Middle East" № 9 (collection of essays)

57. "The Arab World: Islam and Reforms" (collection of essays)

58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**

60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States" by **V.Azatian and A.Tkachenko**

61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**

62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

64. "Islam and Policy" (collection of essays)

65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**

66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**

67. "The Contemporary Middle East" № 10 (collection of essays)

68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**

69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays) In association with the Academy of Geopolicy and Security

70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation" by K.Polyakov and A.Hasyanov

71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**

72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**

73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)

74. "The Contemporary Middle East" № 11 (collection of essays)

75. "Russia in the Middle East" (conference papers)

76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**

77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

78. "The Contemporary Middle East" № 12 (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13 (collection of essays)

80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Ultchenko**

81. "Muslims in the West" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences

82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)

83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**

85. "The Contemporary Middle East" № 14 (collection of essays)

86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)

88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)

89. "The Contemporary Middle East" № 15 (collection of essays)

90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**

91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**

92. "The Contemporary Middle East" № 16 (collection of essays)

2003

93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries." by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**

94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed" by **D.Polisar**

95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa

96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy" by **A.D.Epstein**

97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by **A.Filonik and V.Isaev**

98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov.** In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa

99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" (collection of essays.

100. "The Contemporary Middle East" № 17 (collection of essays)

101. "Radical Islamism in Egypt" by **M.Rajbadinov**

102. "Crisis in Iraq. International and Regional Context"

103. "Iran and CIS" (collection of essays)

104. "The Contemporary Middle East" № 18 (collection of essays)

105. "Saudi Arabia: Evolution of Regime and Possible Limits in Political Development" (collection of essays)

106. "Saudi Arabia External Policy" by **G.Kosach and E.Melkumyan**

107. "Syria at the Turn of the Centuries. Power and Politics" by **V.Ahmedov**

108. " Afghanistan and Neighboring Countries" (collection of essays)

109. "Egypt: Problems of National Security (1952–2002.)" by **V.Yurchenko**

110. "Oriental Records" № 5 (collection of essays)

111. "Russian-Saudi Relations: Problems and Perspectives" (collection of essays)

112. "Iraq under the American Administration: democratization or «viet-namization»"

113. "Arab-Israeli Conflict: Old Problems and New Plans" (collection of essays)

114."The Economic Co-operation between Turkey and the Turkic States of the CIS" by **E.Urazova**

115. "The Contemporary Middle East" № 19 (collection of essays)

116. "The Contemporary Middle East" № 20 (collection of essays)

117. "Berbers of North Africa: Past and Present" by **M. Sergeev**

118. "Contemporary Jordan" by **A.Aganin and Z.Solovieva**

2004

119. "The «Russians» and Power in the State of Israel" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

120. "Peaceful Settlement of the Palestine–Israeli Conflict: Three Years after Camp David and Taba Talks"(essays and documents) Edited by **Alek D. Epstein**

121. " Saudi Arabia: Search for Inner Harmony" by **A.Filonik** and **A.Vavilov**

122. "Algeria: Change of Priorities in Development" by **E.Mironova**

123. Analytical records. "Iraqi Crisis"

124. Analytical records. "Terrorism"

125. "Islam in Contemporary Orient. Region of Middle and Near East, South and Central Asia". (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

126. "Weapon of Mass destruction in the Middle East" by **I.Novikov**

127. "Iran and Russia" (collections of essays)

128. "Officer Corps in the Middle Eastern States" (collections of essays)

129 Analytical records. "Russia and USA in the Middle East"

130. "The Contemporary Middle East" № 21 (collection of essays)

131. Analytical records. "Army, Weapon of Mass Destruction, Military and Technical Cooperation in the Middle East"

132. Analytical records. "Problems of the Middle East"

133. "Kurdish Question at the turn of the Millennia"

134. "The Contemporary Middle East" № 22 (collection of essays)

135. "Turkey in the New Geopolitical Conditions (documents of the Round Table, March 2004)

136. Analytical records. "Israel and Arab-Israeli Conflict"

137. Analytical records. "Iran"

138. "Israel in the beginning of the XXI-th Century" by **A.Fedorchenko, O.Zaitzeva, D.Mariyasis**

139. "Contemporary Islamic East and European Countries" (collection of essays)

140. "National and Pan-Arab Components of the Syrian Policy in the Middle East (1946–2003)" by **I.Matveev**

141. "Problems of Social-economic Development of Lebanon (1970–2000)" by **A.Gasratian**

142. "Syria: problems of national security" by **V.Yurchenko**

143. "Palestine-Israeli conflict in the mirror of public opinion and international diplomacy" (collection of essays) Edited by **Alek D. Epstein**

144. "Afghanistan in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays)

145. "Egyptian movement of «Muslim brothers»" by **M.Rajbadinov**

146. "The Contemporary Middle East" № 23 (collection of essays)

147. "Syria. Problems of Internal Political Stability and External Security" (documents of the Round Table, 21 September 2004)

148. "Iraq: 100 days of transition"

149. "Oriental Records" № 6 (collection of essays)

150. "Iran after Elections" (documents of the Round Table, April 2004)

151. "Islamic challenge and the Algerian society" by **B.Dolgov**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

152. "The Contemporary Middle East" № 24 (collection of essays)

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF MIDDLE EASTERN STUDIES

2005

153. "Creating of productional infrastructure in Syria" by **M.Zanbua and A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

154. "Political Islam: preliminary results" by **R.Landa**

155. "Israel and the problem of Palestinian refugees: history and policy" by **Alek D. Epstein**

156. "Islam and political culture in Pakistan" by **O.Pleshov**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

157. "Islam and social development in the beginning of XXI-th Century". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

158. "The Contemporary Middle East" № 25 (collection of essays)

159. "The Contemporary Middle East" № 26 (collection of essays)

160. "«Leftists» in the Middle East: Libyan experience" by **A.Rjasov**

161. "Western Mediterranean: problems of integration" by **I.Mokhova**

162. "Kurdistan: resources and policy" Part 1, Part 2 by **N.Mosaki.** In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2006

163. "Israel in the era of post-zionism: science, ideology and policy" by **Alek D. Epstein**

164. "On the situation with delimitation: society and policy in Israel in 2005" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

165. "Afghanistan, Iran, Pakistan: time of elections and changes" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

166. "The Contemporary Middle East" № 27 (collection of essays)

167. "The Contemporary Middle East" № 28 (collection of essays)

168. "Globalization and capital investments process in the Arab World" by **L.Rudenko**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

169. "Kingdom of Bahrain" by **V.Isaev**, **A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

170. "Oriental Records" № 7 (collection of essays)

171. "The Middle East: «The Road Map» and regional security" by **A.Baklanov**

172. "Why did «The Road Map» fail?" by **Alek D. Epstein**

173. "International Islamism in the Northern Caucasus" by **D.Nechitailo**

174. "The Iraqi Constitution in the past and in the present" by **M.Sapronova**

175. "The War of Israel against «Hesbollah» and creation of new contour of the Middle Eastern policy" by **Alek D. Epstein**

176. "The Kurdish problem in the Western Asia in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

177. "The Contemporary Middle East" № 29 (collection of essays)

178. "The Modern Turkey: problems and solutions" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

179. "The Sudan: the Islamic traditionalism and army" by **S.Seregichev**

2007

180. "The Contemporary Middle East" № 30 (collection of essays)

181. "The state of Israel: policy, economy, society" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

182. "The Kurdish problem in Turkish policy (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **K.Vertiaev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

183. "The Contemporary Middle East" № 31 (collection of essays)

184. "The Contemporary Middle East" № 32 (collection of essays)

187. "The Islamic factor in South-East Asia. The role of external forces" by **M.Gusev**

186. "Oriental Records" № 8 (collection of essays)

187. "Saudi Arabia: political processes and "Stages of Reform" (the end 1990–2006)" by **G.Kosach**

188. "Israel inside the world economic relations" by **D.Mariyasis**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

189 "The League of the Arab states and international process in the Arab world" by **L.Rudenko, Z.Solovieva**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

190. "HAMAS in the regional policy" by **Alek D. Epstein**

191. "The nuclear factor in Russian-Iranian relations" by **S.Sarukhanjan**

192. "The military policy and force development in the Middle East (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **V.Yurchenko**

193. "The Contemporary Middle East" № 33 (collection of essays)

2008

194. "The Contemporary Middle East" № 34 (collection of essays)

195. "The diplomatic battle for Jerusalem. Behind-the-scene story" by **G.Melamed and Alek D. Epstein**. In association with the Institute of Asian and African Studies, Moscow State University and Gishrey Tarbut Association

196. "Al-Qaeda: the structure, the allians and the sponsors" by **V.Kudelev**

197. "Saudi Arabian diplomatic corps: stages of evolution and sources of formation" by **G.Kosach**

198. "Government and parliament in the arab countries (legal status and political practice)" by **M.Sapronova**

199. "The Persian Region: conflicts, compromises, cooperation" by **E.Melkumyan**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

200. "The conflict in the Darfur Province: main reasons and tedencies" by **E.Kudrov**

201. "Israel and (un)controlled territories: to leave or stay" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association

202. "The Contemporary Middle East" № 35 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

203. "The Contemporary Middle East" № 36 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

204. "Turkey before and after 2007 parliamentary and presidential elections" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

205. "The Iraqi Factor in the foreign policy of the Republic of Turkey (1990–2007)" by **I.Svistunova**

206. "The Contemporary Middle East" № 37 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2009

207. "Antiterroristic terror" by **Alek D. Epstein**

208. "Iran, uranium and rockets" by **V.Evseev**, **V.Sazhin**

209. "The Contemporary Middle East" № 38 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

210. "Islam in internal and external policy of Magrib" by **A.Podcerob**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

211. "Al-Qaeda and the war in Iraq" by **V.Kudelev**

212. "The Middle East: challenges of the XXI-st century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

213. "Israelites and Palestinians: from confrontation to negotiations and back to the point" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association

214. "The Contemporary Middle East" № 39 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

215. "Iran-Israel. From partnership to conflict" by **V.Mesamed**

216. "The Contemporary Middle East" № 40 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2010

217. "Turkey and EU: history, problems and prospects for cooperation" by **U.Kudrjashova**

218. "Turkey's fuel and energy complex and oil and gas industries in Russian-Turkish relations" by **I.Starodubtcev**

219. "Turkey in the context of new internal circumstances" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

220. "Coptic community in contemporary Egypt: problems and prospects" by **U.Zinkina**

221. "Middle Eastern frontier. Israeli settlement: history and modernity" by **V.Chernin**

222. "The Contemporary Middle East" № 41 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

223. "The Contemporary Middle East" № 42 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

224. "Iran in Central Asia: two decades of dialogue" by **V.Mesamed**

2011 г.

225. "SCO and The Middle Eastern Countries (ten years of activity)" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

226. "Russia and Israel: the hard road to each other" by **Alek D. Epstein**. In association with "The Law For Peace" Society

227. "The genesis and fall of «leftist» Israel" by **Alek D. Epstein**

228. "The legal regulation of the equity market in The Middle Eastern Countries" by **D.Birjukov**

229. "Economic sanctions against Iran: goals, scales, possible consequences of implication" by **N.Kozhanov**

230. "Turkey after the 2010 referendum" (Interacademic student conference. Moscow, February 17 2011). In association with the Moscow State Institute of Foreign Relations

231. "The Conteporary Sudan: from unity to division" by **S.Seregichev**. In association with the Russian State University for the Humanities

232. "The Contemporary Middle East" № 43 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

233. "The Contemporary Middle East" № 44 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

234. "The contemporary Afghanistan and neighboring countries" (collection of essays) In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

235. "Kurdistan and Kurdish question in Western and Russian policy (90s of the XXth century – the beginning of the XXIst century)" by **N.Z. Mosaki**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

236. "The transforming Turkey" by **I.I. Starodubtsev**. In association with the Moscow State Institute of Foreign Relations

2012 г.

237. "The State of Israel and the challenge Islamism: «the Arab spring» and its impact of the Jewish state" by **Alek D. Epstein**

238. "Political situation and problems of national reconciliation in Somalia" by **S.Aleinikov**

239. "Economic liberalization and macroeconomic efficiency of Egypt, Jordan and Tunisia" by **A.Saliychuk**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

240. "To Free the Hostages by Any Means Necessary: Israel's Negotiations with Palestinian and Lebanese Guerrilla Organizations" by **Alek D. Epstein and Evgeni Varshaver**

241. "The Contemporary Middle East" № 45 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

242. "The Contemporary Middle East" № 46 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

243. "Israel in Central Asia: dreams and reality" by **V.Mesamed**

244. "Turkey under the rule of The Justice And Development Party". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

245. "Sanctions and their impact on Iran". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

246. "SCO and Afghan problem" by **M.Arunova**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Internet: www.iimes.ru

Научное издание

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

ВЫПУСК СОРОК СЕДЬМОЙ

Подписано в печать 01.07.2013 г.
Формат 60x90/16. Печать офсетная
Бумага офсетная №1 Объем 21,25 уч. изд. л.
Тираж 200 экз. Тип. Зак. № 421

Типография «Вишневый пирог»
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., 12